Перевод Елены Токаревой

кори доктороу

От автора
бестселлеров
«Младший брат»
и «Родная страна»

площадь атаки

18+

Площадь атаки
Кори Доктороу

Аннотация
Кори Доктороу. Площадь атаки
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Эпилог
Послесловие
Послесловие
Примечания автора
Об авторе

Аннотация

Ты помогаешь системе. Ты борешься с системой. Вопрос в том, кто первым нажмет DELETE.

Маша Максимоу всегда знала, что делает. Она работала на элитную киберразведку в Ираке, Мексике, Словстакии – среди политических интриг и теневых операций. Создавала алгоритмы тотального контроля, делая систему всевидящей. Она верила, что сможет играть по своим правилам и оставаться на шаг впереди, но ошибалась. Все меняется: под прицелом оказываются те, кто ей дорог. Свободы больше нет: каждый звонок, сообщение, движение уже записаны. Сопротивление – это прямая дорога в тюрьму. Маша возвращается в Сан-Франциско, чтобы помочь друзьям. Перед ней выбор: снова служить системе – только так можно спасти тех, кого она любит, – или рискнуть всем, не предав себя… Если когда-то ты продал свою душу, можно ли ее выкупить обратно?

Тебя читают. Тебя вычисляют. Ты уже в их базе.

Кори Доктороу
Площадь атаки

Вам, разоблачители, тем, кто прислушивается к голосу совести и говорит правду. Дэниел Элсберг, Томас Дрейк, Челси Мэннинг, Билл Бинни, Эдвард Сноуден, Александр Никитин, аноним из «Панамского архива», многие другие – общество в неоплатном долгу перед вами. Вы рисковали свободой, судьбой, даже самой жизнью, чтобы донести до нас истину. А также репортерам, которые помогали им раскрыть правду, особенно Дафне Каруане Галиции, убитой за то, что она выполняла свою работу. Светлая память.

Может быть, ваш пример вдохновит нас, и мы наберемся смелости разоблачать коррупцию везде, где увидим ее. Моя единственная цель – рассказать людям о том, что делается от их имени, и о том, что делается против них.

Эдвард Сноуден

Text copyright © Cory Doctorow, 2020
Cover design copyright © Richard Wilkinson, 2025
© Елена Токарева, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025. Popcorn Books®

Глава 1

Вот за что я люблю технологии — если использовать их правильно, они дают вам силу и преподносят как на ладони все чужие тайны. Я уже шестнадцатый час подряд сидела в телекоммуникационном дата-центре в Блтце, столице Словстакии. Разумеется, оба названия вымышлены. В отличие от многих моих знакомых, я умею хранить тайны.

Шестнадцать часов, затраченных на работу, которую, по заверениям моей начальницы нашему клиенту — словстакийскому министерству внутренних дел, — можно проделать часа за три. Она прекрасно умеет вести себя как сволочь там, где этого требует ситуация, иначе не поднялась бы на такую высоту в системе штази.

Однако было бы неплохо, если бы перед отправкой на задание она дала бы мне провести разведку в дата-центре. Беда в том, что вся телекоммуникационная инфраструк- тура Словстакии была выстроена задолго до падения Берлинской стены и состояла в основном из медных проводов, обернутых в газету и обмакнутых в гуттаперчу. После

падения стены все системы связи были переданы в любящие руки Антона Ткачи, который когда-то возглавлял контрразведку Советской Словстакии. На протяжении многих десятилетий все понимали, что нельзя отдавать телекоммуникации во власть некомпетентного, жадного клептократа, но 1990-е годы были не самым подходящим временем для проведения нормальной модернизации систем связи. Потому что интернет. [1][2]

После устранения Ткачи — в 2005 году он был брошен за решетку, в 2006-м госпитализирован с «душевным расстройством», а в 2007-м погиб — словстакийское министерство связи сменило одного за другим сразу нескольких мобильных операторов: «Свисском», «Т-Моб», «Водафон», «Оранж» (помоги бог им всем), каждый из которых за немаленькие деньги поставил в страну свое самое раздолбанное оборудование, что-то вроде трижды заваренных чайных пакетиков, железки, побывавшие даже в зоне военных действий, и оставил свои системы плохо налаженными, слабо защищенными и почти не

[1] Примечания: 1

9 ноября 1989 года.

[2] Примечания: 2

Гуттаперча — природный эластичный материал, использовавшийся для изоляции проводов и кабелей в XIX–XX веках.

документированными.

Интернет в Словстакии работал через пень-колоду.

Короче говоря, моя начальница Ильза, Волчица СС, пообещала министру внутренних дел, что я управлюсь с работой за три часа, и министр внутренних дел позвонил министру связи и отдал приказ быть любезными с «американской леди», которая придет к ним с совершенно секретным заданием, и предоставить ей все необходимое. Могу сказать, что они восприняли поручение серьезнейшим образом: когда я пришла в главный дата-центр этой страны — огромное сооружение в бруталистском стиле, которое я не смогла не сфотографировать для своей коллекции «советских бруталистских зданий, за фотосъемку вас могут пристрелить» (хештег специально для лузеров, они добровольно подписываются на длиннющие заголовки), — охранник за стойкой сразу же направил меня к директору по защите систем связи.

Его звали Литвинчук, и нервы у него были натянуты до предела. Почему я так решила? Да потому что он окружил себя собственным отрядом телекоммуникационной полиции, одетой как робокопы. Они стояли на карауле возле его

двери, держа наготове ружья аж длиннее ног, и невыносимо воняли чесночной колбасой и потом, скопившимся под тысячью слоев кевлара. Литвинчук радушно встретил меня, произнес длиннющую речугу о том, как он рад видеть (опять) в своем дата-центре новых заграничных консультантов, особенно из такой дорогущей компании, как «КЗОФ Интеллидженс».[3]

— Нет, слово неправильное, — произнес он с густым акцентом в стиле Якова Смирнова (вообще-то господин директор получил степень магистра в Лондонской школе экономики; однажды я видела его выступление на конференции TEDx — он говорил как диктор Всемирной службы Би-Би-Си). — Эксклюзивной? Прославленной? — Он не сводил глаз с меня, а в особенности с моей груди, куда обычно адресовали свои слова все встреченные мной чиновники Словстакии. Я не стала скрещивать руки на груди.

— Бесславной, — подсказала я.

Он ухмыльнулся.

— Не сомневаюсь. Мисс Максимовв, — он произнес окончание моей фамилии очень твердо,

[3] Примечания: 3

Кевлар — сверхпрочный синтетический материал на основе арамидных волокон. Используется в бронежилетах, шлемах, авиации и других областях, требующих высокой прочности и защиты.

как делали все к востоку от Франции, — нам всем очень радостно видеть вас в наших пенатах. Однако, я уверен, вы понимаете, что мы должны тщательно регистрировать информацию о контрагентах, выполняющих работы на наших засекреченных системах. — Он придвинул ко мне бланк на нескольких страницах, соединенных скрепкой. Я досчитала до семи — это гораздо сподручнее, чем считать до десяти, и не менее эффективно — и взяла бумаги. Девять страниц, неаккуратно отксеренных, с вопросами типа «Список неправительственных и благотворительных организаций, куда вы делали взносы, прямо или косвенно».

— Нет, — ответила я.

Он продемонстрировал мне свою лучшую козью морду, которая наверняка сильно впечатляла крестьянских ребят, косплеящих судью Дредда в коридоре. Но я привыкла выдерживать взгляды Ильзы, Волчицы и т. д. и т. п., поэтому давно перестала реагировать на самые грозные движения глазных яблок.

— Вынужден настаивать, — сказал он.

— Я не заполняю анкеты такого рода, — заявила я. — Политика компании. «КЗОФ» получил от министерства внутренних дел всеобъемлю-

щее разрешение на допуск в ваши служебные помещения для всех сотрудников. — Так оно и было. Я терпеть не могу всякие бумаги, а особенно вот такие — с вопросами, на которые ты не можешь полностью или честно ответить, так что если ты вдруг перейдешь дорогу кому не надо, то у них будет готовый повод обвинить тебя в должностном преступлении. К счастью для меня, политика «КЗОФ» безо всяких исключений запрещала техникам заполнять любые официальные документы, предложенные клиентами. Да, я буду делать заметки о своей собственной работе, но они попадут прямиком к моей начальнице — Ильзе, Волчице и т. д., — а та очистит их от всего лишнего и передаст обратно в министерство внутренних дел, опустив ключевые детали, так что в будущем мы спокойно сможем выставить им счет за дальнейшее техническое обслуживание.

Я напустила на себя самый скучающий вид — это было нетрудно, мне и так было скучно до головной боли — и уставилась на этого постсоветского телефонного комиссара.

— Я заполню анкету за вас, — сказал он.

Я пожала плечами.

Работал он быстро, ручка так и плясала по бу-

маге. Ему это явно было не впервой. Он передал мне анкету.

— Подпишите. — И улыбнулся. Совсем не по-доброму.

Я опустила глаза. Весь текст был на кириллице.

— Не буду, — ответила я.

Его улыбка погасла.

— Мадам. — Прозвучало это скорее как «дамочка». Мне стало ясно, что мы вряд ли поладим. — Вы не войдете в мой дата-центр, пока мы не получим основную информацию. Таков наш протокол.

Он глядел на меня, скорчив козью морду еще страшнее, и откровенно ждал, что я потеряю терпение. Но я научилась справляться с подобными ситуациями задолго до того, как Ильза начала усиленно тренировать мой стоицизм. Вы не сильно продвинетесь в ДВБ, если не знаете, как обращаться с бюрократами. Я подпустила в свой взгляд еще немного скуки. Постаралась создать впечатление, что у меня гораздо больше свободного времени, чем у него, и я охотно потрачу его впустую.

Он протянул руку. Я думала, она будет вульгарная, короткопалая, но у него оказались пальцы как у пианиста и элегантнейший маникюр,

такой, что мне невольно стало стыдно за свою вопиющую неженственность.

— Ваше удостоверение.

Для походов на клиентские территории «КЗОФ» выдает нам навороченные карточки с радиометками, голограммами, сапфировым покрытием на смарт-чипах — яркие игрушки, чтобы поразить простолюдинов. Такую я могу сварганить за полдня. Я отстегнула свою от ремешка и протянула ему.

Ручка заплясала снова в самом низу бланка, и через минуту он повернул бумагу ко мне. На строчке для подписи он добавил: «Подписано от имени Маши Максимоу». Молодец, борис. Хорошая шутка. Ну и мерзавец.

— Мы закончили?

Он тщательно отксерил бланки на настольном принтере-сканере-копире — таком, к которому я знала пять разных эксплойтов и при желании могла бы через него завладеть всей их сетью, — и протянул мне:

— Для вашей отчетности.

Я свернула листки вчетверо и сунула в задний карман.

— Куда идти?

Он сказал что-то по-русски, и один из штурмо-

виков, изнемогавший под тяжестью доспехов, повел меня в дата-центр. Я окинула взглядом бесконечные стеллажи с оборудованием, застегнула флиску, поежившись под ледяным ветром из кондиционеров, и принялась за работу. Три часа обещали быть долгими.

* * *

Покончив наконец с работой, я продрогла до костей и ругалась на чем свет стоит. Моя худи совершенно не подходила для такого климата, и я подозревала, что мой хамоватый друг с длинными пальцами нарочно приказал одному из своих бронированных борисов выставить термостат на субарктический уровень.

Но дело было сделано, тестовые сценарии проведены, и я встала со складного кресла, которое неизменно таскала с собой по коридорам дата-центра, перемещаясь от стеллажа к стеллажу, отслеживая провода, распутывая клубки и косяки, оставшиеся после криворуких подрядчиков.

Окинув взглядом свою работу, я испытала глубокое чувство… Честно говоря, глубокое чувство бессмысленности. Я ковырялась шестнадцать часов — ну, пятнадцать, если вычесть перерывы на еду и туалет, — для установки секретной сетевой

аппаратуры «КЗОФ», и единственным видимым результатом моих трудов была непримечательная черная серверная коробочка высотой в один блок, установленная на нижнюю полку самого дальнего стеллажа. Такова была политика «КЗОФ» — ставить наше оборудование в самых неприметных местах, на случай если орды варваров свергнут нашего клиента-диктатора и возьмут штурмом дворец, ища телегеничные доказательства сотрудничества с коварными агентами вражеской разведки (то есть со мной).

Но сейчас надо отпраздновать. Я бросила взгляд через плечо. Робокопы взяли манеру стоять у меня за спиной, любуясь на задницу, пока я таскалась с креслом туда-сюда. Убедившись, что никого нет, наклонилась к мыскам, подметая пол волосами и с наслаждением чувствуя, как разминаются затекшие связки, как оживают плечи и шея. Встала, хрустнула пальцами, присоединила ноутбук к телефону и отыскала в сети роутер, который оставила утром в номере отеля, предварительно зарядив и успешно подключившись к гостиничному вайфаю, который (смотри выше) никуда не годился. Запустила на ноутбуке виртуальную машину, выбрала полностью заштопанную версию последней бесплатной

«винды» и из ее браузера вышла в фейсбук[4].

Словстакийские повстанцы еще не поняли одну простую вещь: во время революции единственная реальная польза от фейсбука — служить площадкой, на которой людям объясняют, как пользоваться другими ресурсами, более защищенными, чем фейсбук. Все их общение происходило в паре групп, куда они попадали через скрытый сервис фейсбука в Tor — старый добрый https://facebookcorewwwi.onion, что было сравнительно неплохой оперативной маскировкой (только, чур, я вам этого не говорила).

Но главная беда в том, что противник был намного, очень намного сильнее их. В данный момент ребятам приходилось бороться против лучших решений, какие мог предложить «КЗОФ» (по крайней мере, в ценовом сегменте немного выше среднего). И для отважных демонстрантов из Словстакии дела складывались хуже некуда.

Виртуальная «винда» на моей виртуальной машине вышла через гостиничную сеть в Tor — луковый роутер, систему, которая беспрерывно перескакивает с одного сетевого соединения на

[4] Примечания: 4

Здесь и далее упоминается Фейсбук (Facebook) — название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

другое по всему миру, шифруя каждый прыжок отдельно, поэтому пакеты, передаваемые пользователями, очень трудно отследить, перехватить или изменить. Оттуда я перешла в скрытую службу фейсбука, даркнетовский сайт, базирующийся в хорошем — куда лучше этого — дата-центре, расположенном где-то в далеком уголке Орегона, где круглый год держится замечательно низкая температура (при проектировании здания, где будет работать множество перегретых компьютеров, естественное охлаждение помогает сэкономить немалые деньги).

Коснувшись альт-таба, я переключилась на свой монитор и через нетуннелированный интерфейс на телефоне, соединенном с местной сетью, вызвала ту самую непримечательную коробочку. Этот сервер мог одновременно обрабатывать десять миллионов соединений, прочесывая все их потоковые пакеты с помощью машинно-обучаемых моделей, первоначально разработанных для распознавания раковых клеток на микрофотографиях (забавный факт). Разумеется, блок зарегистрировал существование ноутбука на стоковой «винде», стоящего в «Софитель Блтц» и работающего через Tor. Он составил профиль машины по отпечаткам ее

пакетов, провел быстрый поиск по клиентским базам программных интерфейсов «КЗОФ», нашел подходящий эксплойт для этой конфигурации и установил переадресацию на виртуальную машину моего ноута. Я закрепила окно монитора в верхней части десктопа и снова переключилась на виртуальную машину, глядя, как в поисковой строке браузера мигает безобидное на вид сообщение об ошибке. Перейдя в диагностический вид виртуальной машины, стала наблюдать, как внедренный пакет принимается за работу.

В нем использовалась уязвимость нулевого дня для Tor-браузера — всегда основанного на чуть-чуть устаревшей версии «Файерфокса» и потому беззащитного против вчерашних эксплойтов. Через эту прореху мой пакет вырвался из песочницы браузера на просторы операционной системы. Там он выпустил эксплойт более высокого уровня, тот атаковал «винду» и внедрил весьма устойчивый код, который мог обходить загрузочную проверку целостности, цепляясь к модулю, который загружается позже. Не прошло и пяти секунд, как дело было сделано: виртуальная машина полностью скомпрометирована и уже пытается вцепиться в мою веб-камеру и микрофон, прочесывает жесткий диск в поис-

ках интересных файлов, выуживает из браузера сохраненные пароли и загружает свой клавиатурный перехватчик. Но поскольку это происходило на виртуальной машине — не на настоящем «железе», а всего лишь в программе, притворяющейся компьютером, — то, к счастью, всего этого на самом деле не случилось.

Теперь пришло время настоящей проверки. У секретного блока был режим, позволяющий просеивать весь исходящий и входящий сетевой трафик, выискивая заданные электронные адреса и имена пользователей, чтобы обнаружить требуемых людей. Я задала ему электронный адрес Литвинчука и стала ждать, пока его компьютер проявит себя. Это заняло меньше минуты — его комп обращался к министерскому почтовому серверу каждые шестьдесят секунд. Через две минуты я уже взяла под управление его компьютер, изучала его порнографические пристрастия и скачивала историю поиска. Для этого у меня был полезный скрипт — он обнаруживал в целевом компьютере все, что упоминало меня, потому что я любопытная стерва, а они пусть держат ушки на макушке.

Литвинчук, что предсказуемо, увлекался всякими гадостями — ну почему им всем нравится,

когда на них писают? — и очень много гуглил про меня. А еще он подослал тайного агента обыскать мою комнату; а еще они пытались отслеживать местонахождение моего телефона, установив какую-то дурацкую сетевую приспособу, которую я уже обнаружила в ходе своей эпической отладочной сессии в дата-центре. Я могла бы скормить этой приспособе ложные данные, но предпочла просто выключить ее, ибо пошли они к черту. Скачала полгигабайта видео Литвинчука с ног до головы в плотном латексе, блестящем от мочи, потом встала, опять потянулась и захлопнула крышку.

* * *

Мои приключения начались накануне в четыре часа вечера. Сейчас было восемь утра, а значит, число демонстрантов на главной площади сократилось до минимума. Все самое интересное происходило по ночам, когда под покровом темноты строились баррикады и поднимало голову вселенское зло. В те же часы на улицах появлялись провокаторы и неофашисты — часто в одном лице, — и самым настойчивым манифестантам приходилось работать с удвоенной силой.

На обратном пути я позвонила в «Софитель»

и заказала еду в номер. У них были только завтраки, а я хотела поужинать, поэтому заказала тройную порцию и долго объясняла, почему мне нужен только один комплект столовых приборов.

Я прибыла к дверям номера одновременно с растерянным посыльным. Помахала ему, отперла дверь карточкой, вошла вслед за ним и его тележкой. Он был типичным мальчиком на побегушках, каких полным-полно в любом отеле. Раньше, видимо, работал в грубой силе советских времен — тяжелой промышленности, но, когда все производства переехали в Китай, скатился до перевозчика тележек с едой. Такие типы обычно не говорят по-английски, в отличие от своих сыновей, прекрасно освоивших международный геймерский язык, язык летсплеев и имиджбордов.

— Добре, — сказала я. — Паджалста. — Взяла у него счет и добавила десять евро чаевых. В «Софителе» все цены были указаны в евро — с тех пор, как рухнула местная валюта. В этой командировке я даже не заморачивалась с обменом наличных, однако приобрела банкноту в 10 000 000 000 динаров у шустрого уличного торговца, специализировавшегося на туристах. Мне

понравилась изображение оперного театра на обороте, однако на передней стороне красовался стереотипный борис со сросшимися бровями и толстыми пальцами. Все время забывала поискать его в интернете, однако не сомневалась, что его превозносят за какие-нибудь ужасные деяния, например истребление армян или сотрудничество со Сталиным.

Четыре часа спустя зазвонил будильник. Я отыскала купальник, водостойкий MP3-плеер и гостиничный халат, убедилась, что все мои гаджеты выключены и их USB-разъемы закрыты заглушками, и направилась в бассейн.

Плавание, даже под громкую музыку, всегда взбаламучивает мне подсознание, и от скуки оно начинает заглядывать в давно заброшенные уголки. Так что примерно на пятидесятом круге (бассейн был маленький) я вспомнила о событии, которое должно было происходить как раз сегодня. Мысленно подсчитала разницу во времени и поняла, что еще успею что-нибудь предпринять. Черт бы их всех побрал. Я вылезла из воды и побрела к полотенцу.

Оставляя мокрые следы, я вернулась в номер, уселась за стол и включила телефон, чтобы взглянуть на фотографии шурупных головок ноута.

Я покрыла все шурупы глиттерным лаком для ногтей и сфотографировала каждый крупным планом, снабдив небольшими ярлычками, так что теперь я могла легко проверить, не развинчивал ли кто-нибудь мой ноутбук, чтобы поставить внутрь что-нибудь ненужное, например клавиатурный перехватчик или кусок пластиковой взрывчатки с пакетиком гвоздей. Для верификации двух шурупов из семи я использовала общедоступную астрономическую программу, предназначенную для сравнения снимков с картой звездного неба. Глиттерные узоры уже давно накрепко врезались мне в память, потому что я проверяла их каждый раз, когда хоть ненадолго оставляла компьютер вне поля зрения.

Я включила комп, намотала полотенце на голову (чтобы обмануть скрытые камеры) и ввела пароль, негромко мыча про себя, чтобы никто не смог разгадать пароль по звуку пальцев на клавишах. Для самых чувствительных вещей в «КЗОФ» была специальная комната с воздушным зазором, экранированная решеткой Фарадея. Там стояли компьютеры, купленные законспирированными техниками компании по особой методике: они заходили в первый попавшийся магазин бытовой электроники, покупали компьютеры из налич-

ного запаса и больше ни на миг не выпускали их из вида. Потом в «КЗОФ» машину прошивали собственной версией Tails на основе дистрибутива «параноид-линукс», клещами вырывали вайфай-карту и блютус-передатчик, затыкали USB-порты отпечатанными на 3D-принтере пломбами, которые невозможно вытащить, не сломав. Ты приносишь свои зашифрованные данные на флешке, арендуешь машину, взламываешь пломбу, вставляешь свою флешку и считываешь данные, потом передаешь машину техникам, они ее заново прошивают и запечатывают. По сравнению с этой процедурой я совсем даже не параноик.

Литвинчук времени даром не терял: мой компьютер загрузил и рассортировал его собственные перехваченные приказы, отданные, когда он решил обкатать новое оборудование. Я вчиталась в список — тьфу ты! Многие имена были мне знакомы. Это те самые люди, с кем мне предстоит встретиться через несколько часов. Я быстренько пробежалась по своим слайдам по криптографии.

Приближалось время то ли для позднего ланча, то ли для раннего обеда — не знаю, как лучше назвать перекус в три часа пополудни. Только

собралась позвонить и заказать еду, как вдруг телефон зажужжал. Это случалось нечасто, потому что я отключила все уведомления.

Этот трезвон меня дико перепугал.

«Свадьба Маркуса Яллоу и Энджи Карвелли» — высветилось на экране. И короткий URL. Потому что потоковое вещание. Потому что Маркус. Потому что выпендрежник на грани эксгибиционизма. Потому что болван.

Черт, он меня с ума сводил. Я включила потоковое видео. Они велели всем своим близким прилететь на свадьбу в Бостон, потому что у девчонки в магистратуре строгое расписание, и наводнили свадебный зал роботами, позаимствованными в медиалаборатории Массачусетского технологического института. Невеста, разумеется, оделась не в белое. Ее платье было увито электролюминесцентной проволокой, которая мерцала в такт музыке. Костюм Маркуса, черный, как у битлов, с узким галстуком и брюками-дудочками, в которых его ноги казались еще худее, тоже был украшен ЭЛ-проволокой, но она мерцала, только когда они соприкасались, разгоняя световые полосы от точки контакта по всей поверхности.

Да, это было круто.

Вместо священника их сочетала браком знаменитая кембриджская хакерша, одна из тех, кого они нашли во времена охоты на Челси Мэннинг. Тогда она была еще подростком, но сейчас стала выглядеть старше, ##### ####– ## ## #### # ####### ## ####### ## #####. Голову она увенчала дуршлагом, потому что относила себя к церкви летающего макаронного монстра, — на мой взгляд, это уж чересчур.

Маркус и его девчонка обменялись клятвами. Маркус пообещал варить ей кофе, массировать ноги (фи), проверять ее программы и всегда просить прощения только искренне. Она пообещала отступать, когда неправа, прощать, когда он извиняется, и любить его, «пока не слетит с катушек» (дважды фи). Они поцеловались и получили заслуженные аплодисменты. Я выждала три минуты, убедилась, что церемония окончательно завершилась и вот-вот начнется прием. Я же не зверь.

У Кембриджа есть своя фишка: там распространена доставка дронами. За дополнительную плату можно задать время доставки с точностью до минуты. Я сверилась с часами в уголке экрана. За спиной у регистраторши виднелось большое окно, из которого открывался вид на реку Чарльз

и белый снег со следами студенческих ботинок. Я снова поглядела на часы.

Дрон подлетел прямо к окну и вежливо постучался. У него были четыре больших пропеллера и сенсорный блок, который передавал мне подробную телеметрию обо всех устройствах в зале, от логинов в блютусе до высвеченных лазерным локатором силуэтов каждого из присутствующих. Свадебное видео показывало стучащийся дрон с точки зрения жениха и невесты (в зале было установлено штук десять камер, и трансляция переключалась с одной на другую в зависимости от того, где было интереснее). Потоковое видео с дрона демонстрировало противоположную точку зрения: Маркус, его невеста и все их яйцеголовые друзья и родственники, разинув рты, дружно глазели в широкоугольный объектив.

Немую сцену прервал Маркус. Дрон изящно впорхнул в зал и опустил свою ношу в руки жениху. Тот вскрыл пластиковую упаковку и обнаружил шкатулку в подарочной бумаге. Невеста достала из конверта открытку и прочитала. Признаюсь, я вздрогнула, услышав свое имя из ее уст.

Когда Маркус тоже услышал, на его лице мелькнуло какое-то странное выражение. От этого я

опять вздрогнула, но уже по другой причине. История наших отношений была непростой. Я потерла пальцы — те самые, которые он сломал, когда мне было всего шестнадцать. Он сделал это, чтобы выкрасть мой телефон, потому что в нем было видео, способное отвести от него обвинение в терроризме. Сложно все это. До сих пор, как подумаю о нем, пальцы болят.

Он поглядел на сенсорный экран дрона:

— Спасибо, Маша. Где бы ты ни была.

Обычное предназначение этого экрана — записывать видео, которое можно посмотреть позже, но если вы маньяк- преследователь (кх-гм), то можете видеть все в реальном времени. Я отправила дрону эмодзи, он вежливо поклонился и дал мне пять секунд на размышление: если я заплачу еще пятьдесят долларов, он задержится здесь еще на пять минут, а если нет — полетит дальше, у него еще много заказов на сегодня. Я отпустила дрон, и его трансляция оборвалась.

В потоковой трансляции я смотрела, как они распаковывают мой подарок. Я хотела было послать им мешок копи-лювака, сорта кофе, зерна которого сначала скармливают циветтам, потом извлекают из их помета и обжаривают, но вовремя прочитала статью зоозащитников о жестоком

обращении с циветтами. Так что подарила им Raspi Altair 8080, «персональный компьютер» 1974 года, который управлялся тумблерами на передней панели и выдавал информацию миганием крохотных лампочек. Этот древний агрегат прошел кропотливую модернизацию: внутрь был установлен общедоступный процессор Raspberry Pi, увеличивший его вычислительную мощность примерно в восемь базиллионов раз. В результате внутри осталось много свободного места, и мастерица, продавшая мне этот аппарат, заполнила пространство резными деревянными рычагами и шестеренками, которые со скрипом крутились, когда компьютер действовал. Чтобы увидеть работу механизма, надо было заменить стандартный корпус на прилагаемый прозрачный.

Маркус прекрасно знал, что это за штука (я нашла ее описание в его твиттере) и сколько она стоит (он жаловался, что никогда, даже через миллион лет, не сможет ее себе позволить). Так что сейчас у него на лице было написано глубочайшее потрясение. Он стал рассказывать о ней своей девчонке, брызжа слюной в своей гиперактивной манере, в которую соскальзывал, когда был очень, очень взволнован. Еще больше меня порадовало выражение ее лица — ревность

пополам с признательностью. Глядя на нее, я упивалась счастьем.

Я чувствовала себя злой и гадкой феей, которая наложила проклятие на Спящую красавицу за то, что ее не пригласили на крестины. Только это были не крестины, а свадьба. И конечно, меня пригласили.

Но у меня была срочная работа. И я послала им тщательно продуманный подарок, который затмил всю их дурацкую шикарную заумную церемонию. Если не хотите, чтобы вас затмевали, придумайте церемонию еще заумнее.

Съев всю принесенную еду, я так и не насытилась. Пришло время выходить на площадь. Кормежка в «Софителе» никуда не годится. Куплю себе донер-кебаб. Нет, куплю целую сумку кебабов и возьму с собой.

* * *

Веганское кафе, где собирались мои ручные революционеры, называлось «Дунайский бар-ресто», и накануне ночных событий их всегда можно было найти там, ибо кому она нужна, эта оперативная маскировка, почему бы не облегчить жизнь тайной полиции, пусть повяжут вас всех где-нибудь в укромном уголке. Ну что с

ними делать?

Кристина была уже на месте, пережевывала какую-то еду, которая никогда не дышала, не жила, не бегала и не прыгала. Я приоткрыла верхний край пакета с кебабами и дала ей понюхать мясной аромат:

— Оставь немножко места.

Она рассмеялась, закашлявшись, и с набитым ртом показала мне большой палец. Я села рядом с ней. В маленькой ячейке Кристины было восемь человек — пара графических дизайнеров, два веб-разработчика, поэт (серьезно!), а остальные даже не пытались делать вид, будто у них есть работа. В Словстакии мало у кого моложе тридцати она была.

— Хочешь пить? — Оксана, как всегда, не жалела денег. Сначала я приняла ее за осведомительницу, но потом выяснилось, что просто она неплохо зарабатывает в юридической фирме, которая ведет дела с западными партнерами # ## ##### ###### ###### ######### в должности ассистентки. Убедившись, что она не упоминается ни в одном из списков агентуры Литвинчука, я стала относиться к ней гораздо лучше. Оксана напоминала мне женщин, с которыми я познакомилась на Ближнем Востоке, отважных амазонок

с бесстрашным сердцем, бьющимся под хиджабом; они умудрялись выглядеть на миллион баксов, даже когда у них на глазах враг ровнял с землей их родные города, и блистать красотой сквозь грязь и кровь.

— Еще как. — Скорее всего это будет апельсиновый сок с мякотью манго, но туда наверняка подмешают ростки пшеницы, живых микробов и какие-нибудь прутики. Владелец этого заведения обожал поговорить о том, как хлорофилл «насыщает кислородом» вашу кровь, совершенно упуская из виду, что хлорофилл производит кислород только под действием солнечного света, а если вам в кишечник проникает солнышко, значит, ваши дела плохи. И если даже с помощью травы вам удастся наполнить прямую кишку кислородом, все равно ваш задний проход не сможет его абсорбировать. Лично я предпочитаю получать кислород старым добрым способом — дышать.

— Сегодня вечером… — начала Кристина.

— Батарейки или чехлы, — перебила я. Ребята смущенно переглянулись. Те, у кого в телефонах были съемные аккумуляторы, извлекли их. Остальные упаковали гаджеты в чехлы Фарадея, которые я раздала этим дилетантам сразу же,

когда только начала встречаться с ними.

— Прежде чем обсуждать сегодняшний вечер, хочу познакомить вас с новыми методами предосторожности. — Они застонали. Ну и зануда же я. — Во-первых, пользоваться «параноид-андроидом» теперь опасно. Вы должны каждый вечер загружать новейшую сборку и проверять сигнатуры. Каждый раз! — Стоны стали громче. — Ребята, я серьезно. Министерство внутренних дел поставило сетевое устройство, которое трижды в сутки получает свежую порцию эксплойтов. Если не будете обновляться, вам крышка. Во-вторых, следите за актуальностью своих средств борьбы с IMSI-перехватчиками. Наши противники только что приобрели пакет обновлений для своих ложных вышек сотовой связи и будут получать уникальные идентификаторы всех телефонов, которые откликнутся на их сигнал. Если приложение, которым вы отличаете ложные вышки от настоящих, стоит у вас больше недели, оно бесполезно. Обновляться и обновляться. И проверять сигнатуры. В-третьих, следите за вашими умными датчиками. Убедитесь, что они не передают информацию о вас. После Минска министерство внутренних дел ищет удобного случая еще раз провернуть подобный трюк: в середине февраля

выключить отопление у тех, кого подозревают в протестных действиях. И наконец, всем без исключения носить зеркальный грим.

Под новую порцию стонов я достала и раздала тюбики. Зеркальный грим обладал высокой отражающей способностью в обычном свете и инфракрасном излучении, и, если кто-то пытался сфотографировать человека в таком гриме, перегруженные сенсоры камер фиксировали только помехи и пятна. Этот грим был разработан для знаменитостей, чтобы спасти их от папарацци. Однако он обладал неприятным запахом и ощущался на коже как липкий слой жира, к тому же молва приписывала ему сильные канцерогенные свойства, поэтому он обрел популярность только среди подростков, норовивших испортить фотографию класса, да параноиков, помешанных на слежке.

Я взяла протянутый Оксаной стакан зеленого напитка, отхлебнула и с приятным удивлением ощутила явственный привкус текилы. Оксана подмигнула. Молодец, Оксана, ты настоящий друг.

— Действуйте, — сказала я. — Перед выходом обновитесь. Помните, оперативная маскировка — дело общее. Своей ошибкой вы подставите

друзей.

Все взялись за дело. Мы с Кристиной и Оксаной проверили работу каждого, потом проверили друг друга. Друзья не допустят утечки данных у своих друзей. Мы вымазали друг друга зеркальным гримом, и они стали перешучиваться на борисовском насчет запаха. Я понимала почти все их слова, хотя говорила по-борисовски гораздо хуже, чем они по-английски.

— Сегодня выйдут нацисты, — сказала Кристина, заглянув в телефон. Она знала тех, кто знает нужных людей, потому что в маленькой Словстакии каждый друг другу родня. Едва какой-нибудь дурень-скинхед с приятелями, поднабравшись, начинал кидать зигу и экипироваться по полной, приобретя телескопическую стальную дубинку (наимоднейший в этом сезоне неонацистский аксессуар), об этом сразу узнавала половина страны. Неонацисты — это чьи-то полезные идиоты, они выходят на демонстрации, кричат о свержении правительства, приветствуют друг друга своими однорукими салютами и идут в атаку на полицейский строй.

И дело не в том, что они кривят душой, — они искренне ненавидят иммигрантов, особенно беженцев, особенно темнокожих, а также русских,

евреев, мусульман, ####, веганов, Европарламент и лично всех до единого депутатов национального конгресса. Да, не исключаю, что они пришли к этим взглядам естественным путем, в силу собственной тупоголовой обиды на весь белый свет. Но у этих типов имелись деньги, было помещение для встреч, они откуда-то добывали эти свои телескопические дубинки, и ведь кто-то обучал их способам изготовления наиболее эффективных коктейлей Молотова — без таких уроков они бы давно уже самоустранились из генофонда.

Я торчала в сети у Литвинчука уже целый месяц, с тех пор как прибыла в страну. Меня направили помогать команде поставщиков, которая уже работала с ним. Я передавала им URL облачных хранилищ, куда хакеры складывали чувствительные данные, извлеченные из его дата-центров. Мы потихоньку сливали эти данные его политическим соперникам, благодаря чему он выглядел в их глазах все хуже и хуже, а долларовые суммы, передаваемые нам, росли все выше и выше.

Я знала его мнение о скинхедах: во всем виноват Кремль. Он обвинял Кремль вообще во всех смертных грехах. Стратегия была неплохая — Москва действительно любила вмешиваться

в дела своих бывших союзников. Но я сумела вычислить личные аккаунты руководителей Литвинчука, покопалась там немного и пришла к выводу: возможно, скинхеды — это всего лишь ничего не подозревающие винтики в громадном механизме государственной империи, в строительстве которых давно поднаторели борисы. Это не означает, что Кремль тут вообще ни при чем; может быть, они поддерживают кого-нибудь из подчиненных Литвинчука в надежде раскачать обстановку и заменить осторожного противника на другого, поглупее и посговорчивее.

— Что нам теперь с этим делать?

Кристина и ее соратники переглянулись, потом приглушенно заговорили на борисовском — я ничего не понимала. Разговор перешел в спор, и по мере того как страсти накалялись, голоса звучали не громче, а, наоборот, тише, постепенно понизившись до шепота, который, однако, воспринимался гораздо внимательнее, чем любые попытки перекричать друг друга. К счастью для них, среди посетителей «Дунайского бара-ресто» не было шпионов (я в этом уверена).

— Павел говорит, при их появлении нам надо отступить. А Оксана считает, что мы должны перейти на другую сторону площади и двигаться,

если они направятся к нам.

— А ты как считаешь?

Кристина нахмурилась:

— Я слышала, сегодня они намерены действовать жестко. Может быть, напролом. Это плохо. Если мы окажемся на заднем плане, когда они пойдут на баррикады…

Я кивнула:

— Не хватало только, чтобы вас мысленно связывали с бандитами, которые дерутся с полицией.

— Да, но при этом мы не хотим сидеть сложа руки и сдаваться на милость копов, доказывая, что мы не такие.

— Разумно.

Оксана покачала головой:

— Мы должны защищаться. Каски, маски.

— Масками пули не остановишь, — возразил Павел.

— Верно. Масками пули не остановишь. Если они начнут стрелять, прячьтесь или бегите. И никак иначе.

Он насупился.

Атмосфера сгустилась до осязаемости. На миловидном лице Кристины была написана печаль. Прежде чем стать «опасными радикалами», ее бо-

евые товарищи были просто добрыми друзьями. Передо мной эта проблема не стояла, потому что у меня не было друзей.

— Да, верно, под пулями вам в живых не остаться, и да, верно, это дурачье постарается спровоцировать полицию на что-нибудь ужасное. Но также верно, что копы на той стороне трясутся от страха и целый месяц сидят без зарплаты. Некоторые факторы вам подвластны, а некоторые нет. И сколько бы вы ни мечтали о переменах, просто так ничего не изменится. Самым правильным было бы сейчас разойтись по домам и продолжить в другой раз. Может быть, копы и нацисты поубивают друг друга.

Все дружно покачали головами и начали говорить. Шум стоял такой, что на него обернулись даже окрестные веганы. Кристина покраснела и взмахнула руками, как дирижер, успокаивая друзей. Они притихли. Веганы сделали вид, будто перестали глазеть.

— Может быть, мы сумеем склонить их на нашу сторону, — тихо молвила Кристина. Все застонали. Это была навязчивая фантазия Кристины. В 1991 году, когда в Москву въехали танки, чтобы опрокинуть разношерстную команду радикалов Ельцина, никого из нас еще не было на свете,

однако все мы слышали истории о том, как его молодые, идеалистически настроенные сторонники разговаривали с солдатами, убеждали их в правоте своего дела, и танкисты отказывались стрелять в революционеров. Потом были борщ и водка для всех борисов, и самый большой из них, Борис Ельцин, привел СССР к мирному переходу власти.

Напряжение рассеял Павел:

— Сначала попробуй сама.

Мы все рассмеялись.

Я знала, что сказать дальше:

— Считаю за честь работать с вами. Завтра выпьем вместе, здесь или в Валгалле. — Миф совершенно неверный, но не родился еще борис, который смог бы устоять перед добрым викинговским благословением.

Мы расплатились, я проглотила свою «Маргариту» с ростками пшеницы, Оксана взяла меня под руку, и мы вышли из «Бара-ресто». Кристина опытной рукой освободила меня от пакета кебабов и раздала друзьям. Мы стали жевать на ходу. На красном светофоре я достала телефон, наугад заглянула в ленту соцсетей и увидела Маркуса с его девчонкой. Лучезарно улыбаясь, они уселись на велосипед-тандем и покатили навстречу

своему медовому месяцу, и вид у них был такой слащавый, что я чуть не отшвырнула кебаб.

Кристина прочитала что-то у меня на лице и осторожно прикоснулась к руке. Улыбнулась мне нежно, по-сестрински, и я ответила ей тем же. Когда-то у меня были подружки, они поддержали меня, когда один глупый парень сделал одну глупую вещь. И хотя все это осталось в прошлом, Кристина все-таки помогала мне создать иллюзию дружбы.

Приближаясь к главной площади, мы встречали группки, идущие в ту же сторону. Месяц назад ночные демонстрации были исключительной прерогативой закаленных уличных бойцов в балаклавах в стиле «черного блока» и Pussy Riot. Но после первых же ударов дубинками по головам, ненадолго попавших в поле зрения публики за пределами этого медвежьего угла, полиция дала задний ход, и в рядах манифестантов выросло число бабушек и семей с детьми. Проводились даже тематические ночи типа «ужин в складчину», когда каждый приносил какое-нибудь блюдо под крышкой и угощал других демонстрантов, а иногда даже полицейских и солдат.

Потом в полицейский строй вломились неонацисты, и копы перестали принимать дармовое

угощение от таких, как мы. Теперь ночные выступления обычно заканчивались перестрелками, и семьи все чаще оставались дома. Но нынешняя ночь выдалась довольно теплой, такой, что можно было пройти без перчаток пару сотен метров, и детишек было больше, чем в другие дни на этой неделе. Те, что постарше, скакали вприпрыжку рядом с родителями, малыши сидели на руках, дремали или смотрели видео на телефонах. Разумеется, идентификационные номера этих телефонов были мгновенно считаны ложными сотовыми вышками, расставленными по периметру вокруг беззащитных устройств.

В воздухе над площадью звенела позитивная энергия. Бабушки с кастрюлями и деревянными ложками выстроились шеренгой и звонко стучали, распевая на борисовском какую-то песню, известную всем. Кристина попыталась переводить, но сюжет был завязан на древнем сказании про Бабу Ягу, которое каждый словстакийский ребенок впитывает с материнским рецептом борща.

Мы остановились у пылающей бочки и раздали последние кебабы. Из толпы вынырнула девчонка, которую я уже встречала. Она отвела Кристину в сторонку и вполголоса завела какой-то жаркий

спор. Я уголком глаза следила за их жестами, пытаясь понять. Видимо, кто-то из друзей Кристины имел знакомых в неонацистском лагере, и, судя по ее реакции, новости были плохие.

— Что? — спросила я. — Что случилось?

— В десять вечера, — ответила она, — они пойдут в атаку. Вероятно, кто-то из копов переметнется на их сторону. Их подкупили.

Вот в чем беда: если держать полицию на половинном жаловании, найдется тот, кто заплатит им вторую половину. Прекрасно развитое чутье помогало словстакийским стражам порядка держаться на шаг впереди любых чисток и реорганизаций, а те, кто не развил такой навык, в итоге оказывались за решетками собственных тюрем, а то и погибали от рук своих же коллег.

— Сколько?

Все борисы, даже такие прелестные феи, как Кристина, виртуозно умеют пожимать плечами. С ними не сравнится никто на свете. Если в английском языке есть двести слов для понятия «пассивная агрессия», а в языке эскимосов — двести слов для описания снега, то борисы могут пожатием плеч передать двести разных оттенков эмоций. Ее жест я прочитала как «Немало, достаточно, слишком много — нам крышка».

— Кристина, не надо изображать мучеников. Если дело настолько плохо, вернемся в другой раз.

— Если дело настолько плохо, другого раза может и не быть.

Ох уж этот фатализм.

— Ладно, — сказала я. — Надо что-то делать.

— Например?

— Например, ты найдешь, где мне присесть, и попросишь всех остальных оставить меня в покое на часок.

Баррикады вокруг площади уже давно были накрыты брезентовыми навесами и превращены в убежища, где демонстранты могли при необходимости отвлечься и отдохнуть. Через несколько минут Кристина вернулась и отвела меня в свободный уголок одной из таких нор. Это место пахло немытым телом и полупереваренной капустой, зато было укрыто от ветра и посторонних глаз. Я подогнула для тепла полы длинного пальто, уселась, скрестив ноги, и раскрыла ноутбук. Через несколько минут у меня перед глазами развернулась вся электронная переписка Литвинчука. Я заранее установила на его компьютер удаленный рабочий стол и могла бы войти через его собственный веб-интерфейс, но для быстроты

напрямую проникла в его почтовый сервер. К счастью, он, вступив в должность, первым же указом велел перевести всех сотрудников с гугл-почты Gmail, надежно защищенной могучими хакерами, которым я в подметки не гожусь, на местный почтовый сервер, расположенный в том самом дата-центре, где я провела шестнадцать часов. Его защита держалась на благих намерениях, жвачке и слюнях. Это означало, что если госдепартамент США захочет выяснить, чем занимается словстакийское правительство, то им не придется иметь дело с въедливыми юристами корпорации «Гугл», надо всего лишь взломать этот сервер.

Главный принцип борисовской политики гласит: не доверяй никому. А значит, им приходится все делать своими руками.

Все данные с развернутых Литвинчуком ложных сетевых узлов стекались в большую аналитическую систему, которая строила социальные графы и составляла досье. Он велел полицейскому и военному начальству собрать в единую базу идентификаторы всего персонала и внести их в белый список системы — ведь нельзя же ставить под подозрение каждого копа просто на том основании, что он присутствовал на беспорядках.

Этот файл находился в его сохраненной почте.

Я переключилась на другой интерфейс, вошла в гаджет, оставленный «КЗОФом» на самой дальней полке. Он быстренько переварил файл и выдал все эсэмэски, переданные или полученные всеми без исключения копами с момента включения. Я подозвала Кристину. Она присела рядом со мной, сунула мне где-то раздобытый термос. Кофе был ужасный, и я невольно вспомнила Маркуса, ярого обожателя этого напитка. В настоящем радикальном восстании он бы не продержался и десяти часов, потому что в гуще схватки не сумел бы найти гурманскую кофейную жаровню.

— Кристина, помоги мне найти строчки о том, что нацистов приказано пропустить за линию оцепления.

Она поглядела на экран, где прокручивался длинный список сообщений с полицейских телефонов.

— Что это?

— Что видишь. Все сообщения, переданные или полученные полицейскими телефонами за последние десять часов. Я не могу их прочитать, поэтому нужна твоя помощь.

Она отпрянула. Торчащие скулы, раскосые глаза, чувственные губы. Потом схватила мышку

и стала прокручивать ленту вверх и вниз, читая про себя.

— Черт возьми, — буркнула она по-словстакийски — это была одна из немногих фраз, которые я понимала. Потом, к ее чести, сумела справиться с удивлением и стала вникать в смысл сообщений. — Как вести поиск?

— Вот. — Я открыла диалоговое окно. — Скажи, если нужна будет помощь с подстановочными символами.

Кристина была далека от хакерства, но для прошлых проектов я немного научила ее обращаться с регулярными выражениями. Это один из видов секретного оружия хакеров — компактная цепочка символов, с помощью которой можно прочесывать огромные файлы и быстро находить соответствия. Если ничего не испортите — а это со многими случается.

Кристина осторожно попробовала вести поиск.

— Что мне искать? Имена? Пароли?

— То, чем можно напугать министерство внутренних дел. Мы перешлем им порцию этих сообщений.

Она замерла и уставилась на меня, хлопая ресницами:

— Шутишь, что ли?

— Они не догадаются, что это исходит от нас. Будет выглядеть так, будто источник находится внутри министерства.

Кристина не сдвинулась с места, в ее глазах бегали в своих колесах хомячки.

— Маша, как ты это делаешь?

— Помнишь, мы договорились. Я тебе помогаю, а ты не задаешь вопросов.

Мы с ней заключили этот договор после нашей первой ночи на баррикадах, когда я научила ее прошивать телефон с помощью «параноид-андроид», и мы шли по площади и любовались, как бессильно отскакивают от нас сигналы телефонных перехватчиков. Кристина «знала», что я занимаюсь какой-то работой для американского подрядчика в сфере безопасности, и, покопавшись в интернете, вычислила мою связь с M1k3y, которого она, разумеется, боготворила. Я читала ее сообщения в чате их революционной ячейки — она горой стояла за меня, доказывая, что я заслуживаю полного доверия, потому что работаю вместе с их «американским героем». Кое-кто из ее соратников вполне разумно (и почти угадав) допускал, что я при этом стучу в полицию. Похоже, Кристина была готова пожалеть, что не послушала их.

Я выжидала. Заговорить первой значило бы уступить инициативу и выглядеть слабой.

— Если тебе нельзя доверять, значит, нам крышка, — наконец заключила она.

— Верно. К счастью, мне можно доверять. Ищи.

Мы вместе обработали несколько запросов, и я показала ей, как пользоваться подстановочными символами, чтобы расширить зону поиска и при этом не перелопачивать весь массив сообщений. Дело пошло бы быстрее, если бы я понимала кириллицу, но в этом приходилось полагаться только на Кристину.

Набрав довольно репрезентативную подборку — штук сто запросов, достаточно, чтобы выглядеть убедительно, и не слишком много, чтобы Литвинчук сумел их переварить, — я составила для него письмо на английском. Замысел был не такой дурацкий, как может показаться, ведь он набирал ведущих сотрудников по всей Европе и даже пригласил пару человек из Южной Африки, и все они общались между собой на ломаном английском, то и дело вставляя большие куски из гугл-переводчика, потому что надо ведь соблюдать оперативную маскировку, верно?

Подделать ломаный английский гораздо проще, чем речь человека, для которого этот язык

родной. Но даже при этом я не собиралась пускать дело на самотек. Отсеяла пару сотен писем одного из бюрократов среднего уровня, под которого намеревалась мимикрировать, и закинула их в облачную машину, где у меня лежала версия Anonymouth, детектора плагиата, который на основе стилометрии составлял профиль заданного текста по грамматике, синтаксису и словарю, а потом оценивал новые тексты и выдавал вердикт, принадлежат ли они одному и тому же автору. Я заложила в свой Anonymouth несколько тысяч индивидуальных профилей, от журналистов и блогеров до каждого своего босса, и это часто помогало понять, пишут ли они сами или поручили дело литературным рабам, а может, передоверили подчиненным. Но чаще всего я им пользовалась, чтобы выдавать себя за других.

Не сомневаюсь, мысль об использовании стилометрии для тонкой настройки перевоплощений приходила в голову многим, однако мне не удалось найти ни одного реального человека, который бы на деле пользовался этим. Мне не составило труда извлечь из Anonymouth лист предложений о том, как сделать мою фальшивку менее заметной для самого Anonymouth: укоротить вот эту фразу, подобрать синоним этому

слову, добавить пару запятых. Через несколько раундов мои фальшивки стали способны надежно обманывать и людей, и роботов.

У меня был на примете кандидат на роль информатора — один из тех южноафриканцев, Николас Ван Дейк. Я видела этого парня в деле — он часто ругался со своими словстакийскими коллегами и поэтому вполне убедительно смотрелся бы в роли стукача. Я еще немного сгустила краски, вложив в уста Николаса легкое сожаление о том, сколько бабла загребают его враги за свое предательство, и намекая на небольшой процент за собственную неподкупность и добродетельность. Получилось весьма правдоподобно. Литвинчук, естественно, взбеленится, узнав, что среди его подчиненных полным-полно предателей, но даже он заподозрит неладное, если такой ушлепок, как Ван Дейк, вдруг решит сдать своих товарищей, не выторговав малую толику для себя.

Еще пара проходов через Anonymouth, и у меня появился вполне пригодный текст, а также URL облачного хранилища, куда я сложила все эсэмэски. В министерстве внутренних дел никто не шифровал письма по протоколу PGP, потому что зачем нормальным людям вся эта ерунда, поэтому было проще простого заложить в ящик

к Литвинчуку письмо, неотличимое от настоящего. Я даже подделала шапку документа — по той же причине, по какой создатель кукольных домиков рисует крохотные названия на корешках книг в гостиной. Пускай этого никто не увидит, все равно профессиональная гордость требует соблюдать точность даже в мельчайших деталях.

К тому же у меня был скрипт, способный сделать это.

— Что дальше? — Кристина восхитила меня своим встревоженным видом. Словно боялась, что я вдруг выпущу клыки и разорву ей горло.

— Дальше мы дадим Литвинчуку пятнадцать минут на прочтение этого письма. Если он не заглянет в почту, напишем ему с телефона Ван Дейка. Кстати. — Альт-таб, альт-таб, вставить номер, три клика, и я отсоединила от сети настоящий телефон Ван Дейка, сделав его недоступным на случай, если Литвинчук вздумает позвонить ему.

Уже совсем стемнело, стало холодно, и без перчаток пальцы жгло как огнем. Закончив работать на клавиатуре, я натянула перчатки и включила встроенные обогреватели. Я заряжала их весь день, чтобы хватило на целую ночь на баррикадах. Перчатки Кристины пестрели про-

жженными дырками от сигареты, и ей, наверно, было в них холодно. Гадкая привычка. Так ей и надо.

Народу на площади прибавилось. Полыхали костры в бочках, в их мерцающем свете и в последних багровых отблесках заката я разглядела на многих демонстрантах хлипкие самодельные бронежилеты.

— Ребят, плохи ваши дела.

— Почему?

Я показала на парня, который раздавал малярные респираторы.

— Потому что эти маски бесполезны против слезоточивого газа или перечного спрея.

— Знаю. — Ее фатализм был непробиваем.

— И что?

Она пожала плечами в типичной борисовской манере:

— Зато они чувствуют, что делают нечто полезное.

— Чувствовать — это мало, — ответила я. — Может быть, когда-то, во времена Вацлава Гавела, в этом был какой-то смысл. У вас тогда правили бестолковые борисы, державшие тайную полицию на водке и чистках. Уверенные в собственном инженерном таланте, они сооружали огромные,

величиной с холодильник, подслушивающие устройства, нуждавшиеся в ежечасном ремонте и смене масла. А сейчас контрразведчики вроде Литвинчука могут каждые пару лет летать в Вашингтон на специальную ярмарку, где богатейшие компании предлагают всем желающим свое великолепное шпионское оборудование. Естественно, за всеми этими компаниями стоят либо русские, либо китайцы, либо американцы, но все равно их техника в миллион раз лучше, чем все то, что сможет самостоятельно произвести Словстакия. И они снимут с вас шкуру, как с апельсина. И дело не только в слежке. Почитай брошюры о современном нелетальном оружии. Болевые лучи, от которых плавится лицо, аэростаты с перечным спреем и нервно-паралитическим газом, звуковые пушки, от которых ты наложишь в штаны…[5]

— Знаю, знаю. Ты об этом давно твердишь. И чего ты от меня хочешь? Я стараюсь быть умнее, учу своих друзей быть умнее, но что мне делать

---

[5] Примечания: 5

Вацлав Гавел (1936–2011) — чешский писатель, драматург и диссидент, последний президент Чехословакии и первый президент Чехии. Один из лидеров бархатной революции 1989 года, положившей конец коммунистическому правлению. Автор манифеста «Хартия 77» и эссе «Сила бессильных», сыгравших важную роль в борьбе за демократию в Восточной Европе.

со всеми этими людьми…

Меня охватил жар.

— Если у тебя нет решения, это не значит, что его не надо искать. И не значит, что решение нельзя найти. Ты и твои семеро друзей ничего не измените, вам нужна помощь всех, кто сюда пришел. Вы знаете то, чего не знают они, и, пока они этого не узнают, их будут бить. — У меня дрожали руки. Я сунула их в карманы. Покачала головой, пытаясь отогнать звеневшие в ушах людские крики, крики, услышанные в другом месте и в другое время. — Вам нужно стать лучше, потому что дело очень серьезное и иначе вы погибнете. Можете бежать от этих клоунов, прятаться за «параноид-андроид» и чехлами Фарадея, но рано или поздно вы непременно допустите ошибку, и их компьютеры выловят эту ошибку, и тогда…

В этот миг донер-кебаб встал у меня поперек живота, и я больше не могла говорить — то ли рыгну, то ли разрыдаюсь, уж не знаю, что хуже. Я не идиотка — скорее, говорила это себе, чем Кристине. Если днем на работе ты помогаешь репрессивным режимам следить за своими диссидентами, а потом в качестве хобби помогаешь этим диссидентам уходить от слежки… Прямой путь к саморазрушению.

Я это понимаю.

Но попробуйте мне сказать, что сами вы никогда и ни в чем не противоречили себе. Скажите, что никогда не замечали в себе раздвоения, не совершали поступков, зная, что впоследствии пожалеете о них, зная, что это неправильно, и все равно совершали. Как будто смотрели на себя со стороны.

Просто у меня это происходит более драматично.

Кристина, должно быть, что-то прочитала на моем лице. Только этого не хватало. Не ее дело знать, что творится у меня в душе или в голове.

Но она крепко обняла меня — в этом борисы тоже большие мастера. Жест был добрым. Я втянула носом сопли, загнала обратно слезы и обняла ее в ответ. Под бесчисленными слоями одежды она была совсем крохотная.

— Ничего, — сказала она. — Мы понимаем, ты просто хочешь нас уберечь. Мы постараемся.

«Сколько ни старайтесь, этого будет недостаточно», — подумала я, но не сказала. И пожала ей руку.

— Пойдем.

Толпа демонстрантов разрослась, кое-где слышались народные песни — низкие голоса

чередовались с высокими, нежными.

Кристина тоже запела вполголоса. Песня взлетела над площадью и задала ночи другой ритм — люди притопывали в такт, поднимали головы, глядя на полицейский строй. Кое-кто из полицейских кивал вместе с поющими. Мне стало интересно — может быть, это те же самые ребята, которые согласились пропустить неофашистов через свой строй и обрушить парламент.

— О чем эта песня?

Кристина обернулась ко мне, и ее глаза потеплели.

— В основном чушь всякая. «Словстакия, наша мать, мы вскормлены на твоей груди». Но есть и хорошие части: «Все вместе, хоть мы такие разные, будем всегда действовать вместе, наша сила в понимании, мы непобедимы, пока не забудем, кто мы, и не пойдет брат войной на брата…»

— Не может быть.

— Серьезно. Слова были написаны в семнадцатом веке после ужасной гражданской войны. В переводе я немного осовременила, но… — Она пожала плечами. — Эти внутренние распри — наша давняя беда. Всегда есть тот, кто хочет построить себе маленькую империю, заиметь десять машин и пять особняков, и все остальные, те, кто выхо-

дит на площадь бороться с этим. Льется кровь. Но, судя по тому, о чем ты рассказала, возможно, на этот раз мы проиграем, несмотря на всю пролитую кровь.

Я посмотрела на полицейский строй, на бурлящую толпу. Уже полностью стемнело, и над площадью клубились большие облака дыма из горящих бочек. Белесую мглу пронизывали лучи светодиодных прожекторов, установленных за спинами полицейских — так, чтобы их лица оставались в темноте, а демонстранты представали в полной фотографической видимости. На опорных мачтах прожекторов блестели немигающие глаза видеокамер. Полицейские фургоны, окружившие площадь, щетинились целым лесом причудливых антенн, перехватывая все сообщения, невидимо летающие над площадью, со скоростью мысли обшаривая телефоны в поисках виртуальных удостоверений личности.

— Ребят, вам крышка, — сказала я.

— Ты говоришь как настоящая словстакийка, — усмехнулась Кристина.

— Ха-ха. Но беда в том, что защищаться гораздо труднее, чем атаковать. Если сделаете хоть одну ошибку, Литвинчук и его подручные доберутся до вас. Вы должны действовать безупречно. Они

поймают вас на малейшей оплошности.

— По твоим словам выходит, мы должны были атаковать.

Я остановилась будто споткнувшись. Да, конечно, именно этим нам и надо было заниматься. Не просто топтаться по краям, натравливая одного противника на другого с помощью фальшивых писем, а полноценно обрушить всю их сеть, заглушить их связь, когда они сильнее всего в ней нуждаются, заразить их телефоны и сервера, записывать все, что они сказали и сделали, сливать это на сайты утечек в даркнете, а потом, выбрав наихудший для них момент, обнародовать.

Я заглянула в телефон. Прошло почти пятнадцать минут.

— Наверное, да, — сказала я. — Но когда начнете атаку, игра пойдет совсем по-другому. Как только они узнают, что вы проникли в их сеть, у них останутся только два варианта действий: броситься наутек или раздавить вас, как букашек. И, думаю, они предпочтут второй вариант.

— Маша. — Мое имя в ее устах прозвучало странно и в то же время естественно. Имя было русское, и когда-то среди моих предков имелись борисы. Наш род уходил корнями в диаспору ашкенази, но в нем присутствовали не толь-

ко евреи. На одной из старых фотографий моя бабушка походила на казака, нарядившегося в женское платье. Острые скулы, глаза вразлет, как у толкиновского эльфа. Я обернулась к Кристине. — Маша, мы не внутри их сети. А ты — внутри.

Ого.

— Ого. — Да, конечно, это было так. Я их немного обучила («дайте человеку удочку…»), но, если я, как положено по графику, через две недели соберу чемоданы и умотаю, они станут легкой добычей.

— Буду поддерживать вас удаленно, — предложила я. — Будем шифровать нашу переписку, я пришлю вам лучшие программы.

Она покачала головой:

— Маша, ты не можешь стать нашей спасительницей. Мы должны сами себя спасти. Посмотри на них, — указала она.

По улице шли граффитчики, «цветные революционеры», черпавшие вдохновение на примере тех балбесов из Македонии, которые обливали памятники и правительственные здания яркими красками. Краски эти продержались еще долго после того, как «революционеров» разогнали или пересажали. Они вселили надежду во множество

сердец (и здорово обогатили китайских производителей моющих средств). По македонским законам вандализм считался правонарушением, и самое большее, что можно было за него получить, это штраф. Но словстакийский парламент без колебаний провозгласил вандализм тяжким преступлением. Депутаты не менее внимательно, чем граждане, следили за событиями в Македонии.

Словстакийские граффитчики довели цветную войну до совершенства. Они заряжали пращи дешевыми латексными шариками, наполненными очень стойкой краской, раскручивали над головами и отправляли в полет по широкой дуге к намеченной цели. Все равно что Джексон Поллок[6] против Голиафа.[7]

Подобно всем радикальным ячейкам, здешние колористы действовали самостоятельно и были никак не связаны с Кристиной и ее группой. Никто в точности не знал, где именно они появятся и

---

[6] Примечания: 6

Джексон Поллок (1912–1956) — американский художник-абстракционист, известный техникой хаотичного разбрызгивания краски (дриппинг).

[7] Примечания: 7

Голиаф — библейский великан, которого юный Давид победил метким броском из пращи. Сравнение подчеркивает, что протестующие использовали яркую, хаотичную тактику, сражаясь с куда более мощным противником.

что станут делать. У Литвинчука имелся длинный файл с именами известных и предполагаемых участников, и я, приехав в Словстакию, первое время размышляла, не присоединиться ли к ним, но потом решила, что для меня они слишком низкотехнологичны. Однако в эффективности им не откажешь: они методично двигались слева направо вдоль верхнего ряда окон, подначивая друг друга, демонстрировали потрясающую меткость, аккуратно укладывая снаряд за снарядом в самое яблочко. Выстроившиеся в шеренгу полицейские, укрытые за щитами и лицевыми забралами, испуганно зажмуривались всякий раз, когда над головами пролетал яркий шарик. Лучи прожекторов играли на разноцветных брызгах, разлетавшихся от лопнувших пузырей, и мне представилось, как мундиры полицейских окрашиваются радужными капельками оседающей краски и глиттера. Глиттер вообще стал у цветных революционеров чем-то вроде заразной болезни, неизбежно передаваясь при малейшем соприкосновении, и избавиться от него было невозможно.

Кстати. Полицейские. Я снова заглянула в телефон. С момента, когда я отправила письмо Литвинчуку, прошло уже шестнадцать минут, а

вокруг не было никаких признаков ожидаемого хаоса. Плохо.

— Надо найти местечко, где можно сесть и снова подключить мой ноутбук. — Я кивком указала на полицейских.

— Черт.

— Ага.

Мы огляделись по сторонам. Куда бы присесть? Когда-то, две администрации назад, на площади стояли скамейки. Потом началась первая волна протестов, пока еще довольно мягких, она заключалась в том, что тысячи человек тихо-мирно сидели на площади, заняв все скамейки, и ели мороженое. Ведь никакие законы не запрещают есть мороженое, и ты не слоняешься по улицам, а просто сидишь в зоне, предназначенной для сидения. Последним указом тогдашнего премьер-министра, незадолго до того, как ему вынесли вотум недоверия и он улетел на президентском самолете, нагруженном тюками бумажных евро — говорят, те, кто решил оценить их сумму, сожгли шесть счетчиков банкнот, потом, плюнув, стали просто взвешивать в тоннах, — так вот, своим последним указом он велел убрать все скамейки и заменить их несуразными привалинками высотой до талии с углом наклона

семьдесят градусов. Вот вам, злостные пожиратели мороженого!

Тем не менее присесть было некуда, и гнусный старый борис посмеялся-таки последним.

— Вот. — Кристина скинула пальто и осталась всего лишь в просторном свитере. В нем она казалась еще меньше, моложе, уязвимее. Свернула пальто и положила его на более-менее чистый клочок асфальта.

— Ну ты и мученица. — Я уселась на пальто и полезла в сумку за телефоном. — Спасибо. — Не успела я открыть крышку ноутбука, как в полицейских рядах началось шевеление. Из здания парламента вышел летучий отряд в защитных доспехах, как у Дарта Вейдера, с оружием наизготовку. Они выстроились за спинами у рядовых полицейских, хриплыми голосами отдавая приказы. — Черт бы их всех побрал. — Я отложила ноутбук, Кристина потянула меня за руку и подхватила с земли пальто. Вся толпа выставила телефоны и стала снимать происходящее. Самые предусмотрительные вооружились длинными раздвижными селфи-палками и подняли их над головами.

— Похоже, Литвинчук получил-таки письмо?

Вокруг нас людские потоки текли то туда, то

сюда, толкая со всех сторон. Дула автоматов, направленные только что вышедшими спецназовцами в спины их коллегам, смотрели также в толпу. И каждая пуля, пролетевшая мимо копов (или пронзившая одного из них), полетит прямо в нас. Толпа вокруг полицейской шеренги распалась в виде гигантской буквы V, демонстранты теснились по бокам, беспрерывно щелкая телефонами и селфи-палками.

Нас тоже зажало в толпе, потому что Кристина чуть ли не силой подняла меня на ноги и утащила с предполагаемой линии огня.

Противостояние было напряженное. Копы орали на спецназовцев, те на копов, сверкали оружейные стволы. В пустоту посреди буквы V вышла одна из «цветных революционерок», девчонка ростом футов пяти, не больше, еще не растерявшая подростковой угловатости, и вставила в пращу шарик с краской. Подняла, стала раскручивать. Люди затаили дыхание, потом один из демонстрантов истерическим, срывающимся голосом крикнул ей что-то — наверно, вроде как «Прекрати, дуреха». Но праща вертелась над головой со свистом, перекрывавшим даже гомон толпы. Девчонка сосредоточенно прищурилась, оскалила зубы, ухнула, как толкательница ядра, и

выпустила снаряд. Толпа развернулась, провожая глазами его полет. А шарик пролетел по широкой дуге сквозь холодный воздух, сквозь едкий свет прожекторов и плюхнулся точно в цель — прямо в зад одному из копов в защитных доспехах. Девчонка взметнула кулак и растворилась в толпе, а подстреленный коп вскрикнул, машинально потянулся к забрызганному заду, потом поднес руку к глазам и оторопело уставился на кевларовую перчатку, измазанную бананово-желтой блестящей краской. Спецназовцы за его спиной все как один прицелились в него, и, честное слово, я даже видела, как напряглись их пальцы на спусковых крючках, но, к счастью, никто из них не пальнул этому бестолковому борису в спину и не размазал его легкие по асфальту. А когда забрызганный коп потянулся к своему пистолету, у его товарища хватило соображения выбить оружие из его руки, и оно, медленно вертясь, заскользило по обледенелой площади по направлению к толпе.[8]

Наступило долгое растерянное молчание. Все — демонстранты, копы, элитный спецназ, не будем забывать и скинхедов-неонацистов — лихорадочно размышляли, что же делать дальше.

---

[8] Примечания: 8
Примерно полтора метра.

Первым очнулся командир отряда Литвинчука. Он выкрикнул какой-то приказ, и его солдаты снова направили дула на всю неровную шеренгу полицейских, а те торопливо перестроились лицом к ним. Командир спецназа стал называть имена — те самые, которые мы им послали, и его бойцы вытаскивали тех бедняг из строя одного за другим, заковывали в наручники и уводили.

Когда ушел первый, любопытство толпы, и без того зашкаливавшее, взлетело до небес. С каждой минутой шеренга копов редела все сильнее, и настойчивый гул голосов, пересказывавший все события на телефоны, достиг лихорадочного накала.

Когда действо закончилось, в строю осталось не больше половины полицейских. Несколько спецназовцев шагнули вперед и заполнили пустые промежутки, встав плечом к плечу с теми самими копами, в которых только что целились. Оставшиеся копы перетрусили куда сильнее, чем демонстранты. Я огляделась, ища глазами неонацистов. Они ребята приметные, ходят в скинхедовских униформах, всегда держатся вместе, всегда гневно сверкают глазами на каждого, кто рискнет взглянуть на них, всегда с банками пива в руках. Но их нигде не было видно. Ага, вот

и они, кучкуются в задних рядах, о чем-то горячо переговариваются, машут руками, даже толкают друг друга. Злятся, должно быть: собирались прорываться сквозь строй, готовились к серьезным неуправляемым потасовкам, а теперь не знают, куда девать накопленную психическую энергию. Одни, похоже, разглядывали поредевшие ряды полицейских и размышляли, не прорваться ли прямо сейчас, даже без поддержки «оборотней в погонах»; другие, кажется, хорошо помнили о чудовищной репутации личных отрядов Литвинчука, прославившихся на всю страну пытками и исчезновениями политических противников. Это было единственное силовое ведомство, которому ни разу не задерживали и не сокращали плату.

Алкоголь — жуткая дрянь. Какой-то болван вырвался из рук приятелей и потащился через всю площадь. Он был так пьян, что еле держался на ногах, однако клаксон у него работал на полную мощность, и из бестолковой глотки рвались наружу громкие вопли, которые не могла удержать в себе его пьяная душа. К его воинственным крикам прислушивалась вся площадь, а впереди расстилалось такое просторное, такое манящее V-образное пространство, и он ринулся напрямик, размахивая арматуриной, как крестьянин

вилами, шел прямо на стволы, обрамлявшие площадь.

Командир спецназа что-то приказал ему, всего один раз, крикнув погромче, чтобы быть услышанным даже сквозь пьяный лепет. Потом указал пальцем на одного из своих людей, тот вскинул автомат, прицелился и снес нацисту голову, разметав по асфальту осколки костей и клочья мозга.

Телефонные камеры тысячами глаз запечатлели это со всех возможных ракурсов.

Первый крик — парень, где-то позади меня — был быстро подхвачен. Меня толкнули, потом еще, потом так сильно, что я упала на колено. Кристина крохотными крепкими руками подняла меня на ноги.

— Спасибо, — еле выдавила я, и нас снова захлестнул ураган бегущих тел, и нам тоже пришлось бежать и толкаться, чтобы нас не затоптали.

Потом крики стали не слышны — они утонули в реве звуковых пушек, включенных копами. Это акустическое оружие сочетает очень громкие звуки с чрезвычайно низкими частотами, от которых все внутри перекручивается. Слух отказывает, и вы чувствуете, что вот-вот обдела-

етесь. Толпа застыла на месте, люди корчились и затыкали уши. Наконец, вдоволь поиздевавшись, пушки выключились, оставив после себя жалобные всхлипы и предсмертные судороги волосков внутреннего уха.

И копов я уже не видела — они затерялись среди толпы, аккуратная V утонула в людском водовороте, многие плакали, держались за грудь или за голову. Прозвучало громкое объявление — искаженное, не разобрать.

— Что он сказал? — спросила я у Кристины, повернувшись так, чтобы она видела мое лицо, смогла прочитать по губам.

— Хочет, чтобы мы ушли. — Ее голос доносился словно из глубокого колодца.

— И я хочу уйти, — подтвердила я.

Кристина кивнула. Мы огляделись, высматривая остальных из нашей группы, но это было безнадежно. Люди бесцельно кружили, плакали, искали своих близких. Я достала телефон. Сигнала нет. В подобных ситуациях полицейские всегда стараются соблюсти тонкий баланс между наличием интернета (чтобы следить за всеми подряд) и его отключением (чтобы никто не смог координировать действия). Сейчас, видимо, они решили, что набрали уже достаточно сведений

о демонстрантах, чтобы потом разыскать их, и пора всех разгонять. Но были такие, кто не мог уйти самостоятельно. Во время панического бегства многие получили травмы и остались лежать на холодной брусчатке, либо одни, либо, если повезет, у кого-то на руках. Мне вспомнились все увиденные здесь семьи, бесчисленная детвора.

Некоторые люди не могут справиться с подобными ситуациями, их накрывает. Я видела такое и прекрасно понимаю. Но я не из таких. Мы с моей лимбической системой, той самой, которая выдает реакцию «бей или беги», отлично подружились и пришли к соглашению: она не тревожит меня, а я не тревожу ее. Я видела необходимость как можно скорее уйти, но не ощущала страха. Я сочувствовала беднягам, лежащим на земле, но понимала, что от иностранки, не говорящей на их языке, толку очень мало. Гораздо полезнее будет человек, знающий, где находится больница, и способный поговорить с медиками, и я надеялась, что такой человек непременно появится.

Кристине, однако, было очень плохо. В лице ни кровинки, зубы выбивали дробь. Возможно, у нее небольшой шок, да к тому же температура на улице упала градусов на десять.

— Пойдем. — Я потянула ее к кольцевой дороге,

опоясывавшей площадь, потом к улице, которая, насколько помню, вела к моему отелю. Там нам ничто не будет грозить.

Несколько минут Кристина покорно шла за мной. Сначала вокруг нас скопилась большая группа рыдающих и перепуганных демонстрантов (бывших), постепенно она начала редеть и вскоре рассеялась. Мы приближались к деловому кварталу, где и располагался «Софитель».

Знаете, я люблю раскладывать все по полочкам. Это моя сверхспособность. На одной полочке я только что видела, как убили парня, вроде как отчасти из-за меня, и побывала в гуще толпы, охваченной паническим бегством. На другой полочке я понимала, что этой ночью пошла на безумный риск, из-за которого могу лишиться работы, а то и хуже. На третьей полочке, однако, лежала мысль о том, что я несу ответственность за эту малявку, то ли подружку, то ли сестричку, общение с которой начиналось просто от скуки, но постепенно переросло в моральный долг, и сейчас она взвинчена не меньше меня. Телефоны у нас обеих не работали и, если Литвинчук будет строго соблюдать протокол, останутся немыми еще несколько часов, а это значит, что в обозримое время никто не сможет пробиться к нам, да

и мы ни к кому. А значит, вытаскивать ее из этой переделки придется мне. У меня был отдельный номер в отеле, и при вечерней уборке горничная должна была принести шоколадки, которыми мы сможем восполнить уровень сахара в крови, как того и требует протокол первой медицинской помощи. То есть любой доктор посоветовал бы нам срочно вернуться в отель и больше не соваться в то пекло, куда она меня охотно затащила бы опять.

Мы свернули на улицу, ведущую к «Софителю». Я схватила Кристину за руку и почувствовала, как она дрожит. Понадеялась, что это от холода или от волнения, потому что с травмой я бы так легко не справилась. У подъезда дежурили два рослых бориса с полуавтоматами и в бронежилетах. Они устремили на нас свирепые взгляды. Я ответила тем же. Борисы не видят в суровых переглядках ничего личного, наоборот, улыбку они принимают за неискренность.

Я достала карту-ключ от своего номера. Один из них взял его, не сказав ни слова, и поднес к висящему на поясе NFC-считывателю. Тот мигнул зеленым.

— Добро пожаловать, — кивнул борис.

Я повела Кристину в дверь, но на пути вырос

борис номер два. Он положил руку ей на плечо и протянул руку — предположительно, за ключом, но, думаю, взятка сработала бы не хуже.

— Она со мной, — сказала я. Борис номер два сделал вид, будто не понял. Я взяла на себя смелость отстранить его руку — я, конечно, не черный пояс, но всегда считала, что джиу-джитсу расслабляет гораздо лучше йоги, — и потащила Кристину в отель. Мне было не до них. Охранник заорал на нас, вошел следом, размахивая пистолетом, и хотел схватить меня за руку. Но я же сказала, мне не до них. Через мгновение он растянулся на полу, и тут из-за стойки вышла секретарша. Мы с ней однажды уже поцапались, когда я заселялась; она не хотела выписывать счет за номер на адрес моей фирмы и требовала, чтобы я заплатила по кредитной карте. Я отказалась, поэтому просто откинула встроенное сиденье на своем чемодане, уселась, раскрыла ноутбук и стала просматривать электронную почту, старательно игнорируя эту даму, пока ее начальство говорило по телефону с моим начальством и улаживало конфликт. При виде меня, восседавшей на аккуратной чемоданной табуреточке вместо мягких диванов, все, кто входил в вестибюль, от удивления разевали рты. Именно такого эффекта я и добивалась, потому

что он здорово ускорял процесс улаживания.

Вот и сейчас барышня сразу узнала меня и наверняка поняла, что у меня на пути лучше не вставать.

— Моя подруга пойдет со мной.

— Ее необходимо записать в журнал регистрации.

— Нет, — отрезала я и потащила Кристину к лифтам.

Секретарша ринулась за нами по пятам:

— Простите, мадам, но все гости должны быть записаны в журнал, таковы правила.

— Я запишу ее позже, когда буду выезжать.

Она скользнула за нами в лифт:

— Мадам…

— В ваших правилах указано, когда именно гостей следует записывать в журнал?

— Мадам, наша политика…

— О политике побеседуем утром. Спокойной ночи.

Я потащила Кристину к своему номеру, чувствуя, как взгляд секретарши по ту сторону закрывающихся дверей лифта прожигает мне спину. Она не посмеет вышвырнуть меня среди ночи, тем более что все полицейские заняты совсем в другом месте. Вот если бы я была пар-

нем и поздней ночью завалилась в «Софитель» с парой малолетних шлюшек, никто бы и глазом не моргнул и не заикнулся о чрезвычайном положении. Но если женщина пытается проявить сестринское сочувствие, то это вдруг оборачивается нарушением всевозможных правил. Черт бы их всех побрал.

Кстати.

В номере, закрыв дверь, я скинула ботинки, запихнула в шкаф куртку, шапку и перчатки, стянула теплые леггинсы и осталась в обычных колготках. Кристина застыла у порога, прислонившись к двери. Глядела в пространство и дрожала. Состояние легкого шока. Я достала из мини-бара колу и вложила ей в руку.

— Выпей, потом сними теплые вещи. Ночь выдалась непростая. — Она сделала несколько больших глотков, я забрала у нее банку и помогла снять пальто. — Ботинки тоже, не заляпай мне ковер. — Она наклонилась, разулась, потому что мама воспитала ее правильно. Я усадила ее на край кровати и снова дала банку. — Давай-ка посмотрим, что там начудил Литвинчук.

Я достала ноутбук из сумки и села рядом с Кристиной, отвернувшись, пока набирала пароль. Литвинчук писал на английском пополам с бо-

рисовским, и я торопливо листала его письма, а Кристина читала их у меня через плечо. За решетку бросили сорок одного копа, после нашего ухода на площади арестовали больше пятидесяти демонстрантов. IMSI-перехватчики сотового сигнала провели учет всех телефонов, находившихся той ночью в округе, и на стороне сервера начали формировать запросы в министерство связи, собирая всю информацию о вызовах, чтобы затем построить социальный граф и провести анализ информационного каскада. Эта хитрая методика на основе машинного обучения позволяет выявлять лидеров, формальных или нет, выискивая людей, чьи звонки вызывали «каскад» активности: Алиса позвонила Бобу, тот затем связался с Кэрол, Дэном, Иви и Фейтом, так что, получается, Алиса здесь главная, а Боб — ее лейтенант и покорный раб.

Главная польза от этих информационных каскадов в том, что они дают ценную оперативную информацию — арестуйте всех этих Алис, и вы серьезно подорвете возможности противника. Эта Алиса может даже не догадываться, что она здесь главная, она, возможно, просто вдохновляет сторонников своими речами, не имея формальной власти, поэтому никто не сможет сказать, что вы

арестовали не того, кого надо. Отсюда следует, что в ваших руках оказался именно тот, кто надо, поэтому компании вроде «КЗОФ» всегда смогут продемонстрировать свою полезность для вашей авторитарной банановой республики.

Я поискала среди записей свой телефонный номер, потом Кристинин, потом номера всех ребят из ее радикальной ячейки. Наше защитное оборудование должно было обмануть IMSI-перехватчики, подсунув им случайные номера, способные пройти проверку на правильность контрольной суммы, так что их программы не смогут с ходу определить, что номер поддельный. Похоже, сработало: программа назначала случайный IMSI-номер любому устройству, которое покажется ей подозрительным, и при каждом взаимодействии генерировала новые случайные номера. Из десятков тысяч номеров, перехваченных копами за ночь, сотни будут фальшивыми.

Я быстро пролистала списки арестованных, позволив Кристине пробежать их глазами. Несколько раз она тихо вскрикивала, наткнувшись на знакомые имена; эти люди сейчас томятся в полицейских застенках, а может, их пытают электрошокерами — такова была излюбленная тактика Литвинчуковых специалистов по аген-

турной разведке. Здешний мир жесток, и чем скорее юная Кристина научится раскладывать все по полочкам, тем лучше.

Я решила немного потренировать ее.

Закрыла ноутбук, положила его на стол, повернулась к ней лицом:

— Кристина, сегодня ночью твои сторонники могли погибнуть. Ты это понимаешь?

Она отвела глаза.

— Погоди, детка, слушай меня. Могла произойти кровавая баня. Ты сама говорила — без меня ты не сможешь проникать в их сеть.

Она сверкнула глазами. Сердитый славянский эльф.

— Чего ты хочешь? Не могу же я за две недели стать суперхакером.

— Конечно, не можешь. Вот почему тебе и твоей компании надо прекратить работу.

— Что за чушь ты несешь? — Когда она злилась, ее акцент становился резче. «Чушь» прозвучала как «чушшж» с гортанным хрипом в конце.

— Взгляни правде в глаза. А правда — вот она: Литвинчук и его приятели опасно подошли к краю. С одной стороны, один хороший толчок может сбросить их в пропасть, как ты сегодня и видела. А с другой стороны, они понимают, что

близки к падению, и не станут шутить. Для борьбы вы не нужны. Найдите укромное место, чтобы залечь на дно, уезжайте в другую страну — куда угодно. Выждите полгода-год, и правительство рухнет само по себе.

Она мгновенно перескочила из замешательства в ярость. Ее затрясло сильнее, чем там, на холоде.

— И кто его столкнет?

— Кто-нибудь еще.

— И что с ними станет?

Я пожала плечами, ощущая себя борисом.

— Если повезет, останутся живы.

— Почему они, а не я?

— Потому что ты умнее.

Она опять сверкнула глазами, медленно, демонстративно встала и начала одеваться, натягивая на себя слой за слоем.

— Ты куда?

— Там мои друзья. Им нужна помощь. Если кому-то нужна помощь, я иду туда. Не убегаю.

«Ну и катись», — подумала я. Уговаривать не стану. Не моя это забота. Я убрала Кристину на полочку.

Дверь за ней закрылась.

Задребезжал гостиничный телефон.

Я выдернула его из розетки. Наверняка звонит секретарша из вестибюля, все еще злится из-за Кристины. Пошла она к черту.

Тогда зазвонил мой мобильник.

Он был в режиме «не беспокоить», но некоторым, очень немногим абонентам разрешалось его преодолевать. Одним из них, к моему стыду, был Маркус Яллоу. Но это, конечно, звонит не он. Он и номера-то этого не знает (но на случай, если когда-нибудь узнает, я заранее приняла меры, чтобы он смог дозвониться. Вот такая я дуреха).

— Маша, нам надо поговорить. В вестибюле через пять минут. Машина подъезжает.

Ильза, Волчица СС. Мановением руки умеет превращать воду в лед.

Я сунула махровую салфетку под кран, по методу француженок мгновенно протерла свои самые загрязненные места, вытащила ящик с одеждой, опрокинула его на кровать, отыскала белье, чистую футболку с технической конференции в Катаре, джинсы. Термолегинсы потеряли приличный вид, и я не стала возиться с ними: вряд ли придется много времени болтаться на улице.

Хоть я и раскладываю все по полочкам, но не думайте, что я не понимала очевидную вещь: вот-вот произойдет нечто ужасное. По правде

говоря, этого звонка я ожидала много месяцев, с того дня, когда впервые установила следящее оборудование, а потом сразу же подошла к первой попавшейся группе диссидентов и объяснила, как избавиться от слежки. При моем характере работы цитировать «1984» довольно нелепо, однако мне всегда западала в душу вот эта строчка Джорджа Оруэлла: «Уинстон, вы знаете, что делается в комнате сто один. Все знают, что делается в комнате сто один». Я с первого дня знала, что в конце пути встречусь с кем-нибудь вроде Ильзы, примерно при таких же обстоятельствах, как сейчас.[9]

Знаете, Оруэлл всегда называл вещи своими именами. Умирающий от туберкулеза, с горькой обидой на красных, предавших его товарищей в гражданской войне в Испании, раненный в горло, он влюбился в британскую шпионку намного моложе его и составил список людей, которые доверяют ему, но которым он не доверяет. Он от руки своим почерком написал его на листке бумаги и отдал своей возлюбленной. Насколько известно, она так и не дала хода этим сведениям.

---

[9] Примечания: 9

Роман Джорджа Оруэлла «1984». Комната 101 — место, где узников подвергают их худшему страху, чтобы сломить их волю и окончательно подчинить партии. Пер. В. П. Голышева.

По-моему, Оруэлл превосходно умел раскладывать все по полочкам.

* * *

В лифте я проверила телефон и ноутбук: оба гаджета выключены, зашифрованные диски отсоединены. Потом глянула в зеркало — видок такой, словно я напилась вдрызг, — и вспомнила, что не накрасила глаза. Ильза всегда выглядела словно только что из салона красоты и носила костюмы строжайшего покроя, будто сшитые в Восточной Германии и затем доработанные в Гонконге мастером-кутюрье. Мне нравилось быть ее полной противоположностью. Мои худи с логотипом сериала «Мистер Робот» и джинсы намекали: я вам не простая служащая, я талант, вам не удастся легко найти мне замену, поэтому имею право носить что хочу.

Ильза уже была в вестибюле, стояла у бара и смотрела в телефон. При виде меня убрала его в сумочку — чехол Фарадея, я пощупала, когда мы вместе проходили через рамки в аэропорту, — и застегнула на молнию.

— Мисс Максимоу.

— Мисс Нетцке. — Таково было ее настоящее (ну почти) имя — Герте Нетцке. По крайней мере,

оно значилось у нее в удостоверении личности.

— Пойдемте.

Перед входом ждала машина. Без шофера. Она сама села за руль. Так безопаснее — никто не подслушает разговор.

— Мисс Максимоу.

— Да.

Она тронулась с места. Мы отъехали всего на пару кварталов. На улице стоял лютый холод, в темноте мерцали причудливые световые пятна — с соседних улиц просачивались сквозь туман огни полицейских машин на блокпостах.

Ильза обернулась ко мне. Она никогда не пользовалась ботоксом, это я вам точно говорю. Долгие годы в прокуренной атмосфере советской эпохи наградили ее сеткой морщин, вырастающих одна из другой, как фракталы, и венчала это великолепие серо-стальная короткая стрижка, как у Джуди Денч в роли морского офицера. Типичный германский нос походил на лыжный трамплин, большие карие глаза широко расставлены, брови широкие и выразительные. По-старушечьи отвисшие мочки были проколоты, но я ни разу не видела у нее в ушах сережек.

У нее был кошмарный талант пронзать вас своим внимательным, как у кобры, взглядом,

пришпиливая к месту. Я ощущала этот взгляд даже при погашенном освещении в машине. Она ждала, что первой заговорю я. Но я не собиралась уступать. Игра в переглядки была несложной, я ее прекрасно освоила. Лучше, чем она.

— Ты поступила глупо.

В ее устах «глупо» было самым крепким выражением и приберегалось для монументальных провалов.

Я пожала плечами. Сердце бешено колотилось. Но на лице я постаралась ничего не отразить. Мне уже доводилось получать трепки и похуже этой, однако сейчас почему-то было гораздо страшнее. Может, потому что я знала, как много казней на ее счету, как много ночей она провела в бесчисленных тюремных камерах… Все негодяи, с которыми я раньше сталкивалась, были всего лишь мальчишками, изображавшими крутых коммандос, а она не изображала, она такой была. Насколько я могла сказать, в глубине души у Ильзы таилась всего лишь еще одна Ильза. Поразительно. Хотела бы я когда-нибудь стать такой же. По крайней мере, на одной из моих полочек. На другой я ненавидела и ее, и себя за это.

— Ты же понимаешь, что теперь доверие к тебе подорвано.

Я пожала плечами. «Подорвано» — всего на несколько букв отличается от «по полочкам».

— Вы преувеличиваете. Думаете, следующий автократ, которому захочется нанять «КЗОФ», обратится к Литвинчуку за рекомендациями?

— А почему бы и нет?

Об этом я, честно сказать, не задумывалась. Вряд ли существует социальная сеть, вроде LinkedIn для диктаторов, где они обмениваются впечатлениями о подрядчиках в кибервойне. Впрочем, кто их знает.

— Ну, во-первых, есть немалая вероятность, что его мертвое тело валяется где-нибудь в канаве.

Она подумала над этим с истинно тевтонским хладнокровием.

— Все равно. Проболтаться могут его же собственные люди, его сотрудники. Есть риск, что какой-нибудь репортер опубликует…

— Никакого риска. — В Словстакии уже лет восемь нет мало-мальски работающей прессы. Есть только занятый на полставки стрингер из RT, передающий репортажи из соседней банановой республики, есть диссидент, анонимно публикующийся на Global Voices, и единственный в Словстакии государственный телеканал под названием «Выбор». Борисам не чуждо чувство

юмора.

— Возможно. Но эта история касается не только нас. Если об этом кто-нибудь пронюхает, за такую новость ухватятся во многих странах. Везде, где работает «КЗОФ», и не только.

— Тогда постарайтесь, чтобы я ни о чем не рассказала.

Господи, ну и глупость я сморозила.

— Маша, ты уволена.

— Да ладно, я же просто…

— Сказанного не вернешь. На этой встрече я предполагала ограничиться дисциплинарным взысканием. Но теперь все кончено. Ты сама решила свою судьбу. — Оказывается, ей не чужда доброта.

— Простите. Мне жаль, что так получилось.

— Еще бы не жаль. Желаю тебе всего наилучшего в будущих начинаниях. Разумеется, никаких рекомендаций ты не получишь.

Мои дурацкие глаза наполнились дурацкими слезами. Я положила их на отдельную полочку, но они оттуда соскользнули.

— Герте…

В ее взгляде мелькнуло если не сочувствие, то по крайней мере очень хорошая имитация. Морщины помогали ей выразить любое чув-

ство. Думаю, она часто практиковалась перед зеркалом.

— Маша, я хорошо знаю тебя. Когда-то я и сама была такой же. Своими поступками ты пытаешься уничтожить саму себя. Дело не в том, что ты поставила под угрозу «КЗОФ»; угрозы показывают, как далеко ты зашла. Если намереваешься и дальше крушить все на своем пути, моя задача — позаботиться, чтобы ты творила это подальше от «КЗОФ» и от всех нас.

— Герте, клянусь, я просто сдуру ляпнула дерзость. Плохо выспалась. Давайте я немного посплю, пожелаем друг другу доброй ночи, а потом начнем заново?

— Неверие, отрицание, торг. Потом придут чувство вины и гнев. Затем — депрессия и надежда. Удачи тебе, Маша. — Она щелкнула замком.

Ловко у нее получалось. Я уже собиралась выйти из машины, как вдруг догадалась спросить:

— А как же уведомление? Выходное пособие?

— Характер нашей работы не требует соблюдения строгих правил. Кроме того, ты уволена по собственной вине. Можешь оставить себе свое оборудование, и мы оплатим сегодняшние сутки в отеле. Обратный билет на самолет у тебя есть.

Верно, есть. Транспортный агент «КЗОФ» всегда

бронировал билеты по полному или гибкому тарифу и имел с этого астрономическую выгоду — для подобных трюков надо как минимум быть членом IATA и знать обходной пароль от их системы. Черт, я, наверно, даже смогла бы загнать билет в аэропортовской кассе и получить наличные евро, доллары или швейцарские франки.

Машина Герте отъехала. Я осталась дрожать на улице.

Огляделась, пытаясь найти ориентиры, и глаз зацепился за знакомый церковный шпиль. Оттуда всего пара шагов до «Дунайского бара-ресто». Время близилось к половине третьего ночи, а значит, бар или только что закрылся, или вот-вот закроется.

Я поежилась, плотнее натянула капюшон. На лице еще оставался зеркальный грим, и от него кожа невыносимо чесалась, на губах ощущался его неприятный привкус. Я свернула за угол и замедлила шаг. В «Баре-ресто» еще горел свет, за толстыми стеклами бродили смутные силуэты. Хотела было рвануться туда, но что-то меня остановило, что — сама не знаю. Огляделась еще раз, осторожнее. Всю дорогу, пока шла сюда, на улицах витало ощущение угрозы, в тумане и на ночном небе мелькали отблески мигалок на

полицейских машинах и дорожных блокпостах, тревожная светомузыка не прекращалась ни на миг.

А теперь наступила тьма. Ни единого лучика света, если не считать окон «Бара-ресто». Сумрак вперемежку с чернотой, лишь в припаркованных вдоль улицы машинах движутся еле различимые тени.

Я развернулась и бросилась бежать. За спиной хлопали двери машин, слышались крики, топот бегущих ног, потом взвыла сирена, ночную тьму разорвали огни, которых мне до этого так не хватало. Я петляла и петляла, сворачивая то за один угол, то за другой, ошалев от шума, ожидая, что вот-вот в спину ударит полицейская дубинка или даже пуля.

Нырнув в крошечный, чуть шире моих плеч, переулок старого города, я резко притормозила. Осторожно перевела дух, осмотрелась, убедившись, что переулок не заканчивается тупиком, потом достала телефон и, глядя в его блестящий черный экран, как в зеркальце, выглянула из-за угла. Ни единого проблеска. Глубоко вздохнула еще пару раз и неторопливо вышла из переулка, настороженно прислушиваясь.

Издалека, со стороны «Бара-ресто», доноси-

лись крики и сирены. Из ближних окрестностей — ничего. Я сформулировала гипотезу: те люди в машинах — тайная полиция и спецназовцы — следили вовсе не за мной, а за «Баром-ресто». Литвинчук или кто-то еще на ступеньку ниже его решил, что после такой ночи надо навести порядок. Я вывернула куртку на белую сторону, отстегнула капюшон и целеустремленно зашагала в сторону «Бара-ресто», старательно изображая случайную прохожую, которая идет куда-то по своим собственным делам.

Звуки становились все громче. Крики, звон разбитого стекла. Я остановилась на последнем углу, сунула телефон в нагрудный карман куртки, выставив камеру наружу, включила запись. Вышла на тротуар, обернулась, открывая хороший обзор камере и всматриваясь сама.

Хаос, люди барахтаются, отбиваются от полицейских, окна в «Баре-ресто» разбиты вдребезги и щетинятся осколками. Иду через дорогу к противоположному углу, стараясь двигаться ровным шагом, я случайная прохожая, просто человек, который идет по своим делам, спрятавшись за щитом невидимости и респектабельности. На таком расстоянии, при такой скорости, в таком освещении не могу никого узнать. Но статисти-

чески среди этих несчастных, которых волокут в зияющие пасти белых фургонов со стальными скамьями и наручниками, наверняка есть кто-то из моих знакомых.

Я уже почти добралась до другой стороны улицы, как вдруг прогремел взрыв. Не успев даже ничего сообразить, я рухнула наземь и закрыла голову руками, чувствуя сквозь джинсы и под щекой ледяной холод мостовой. Ночь окрасилась белым, потом оранжевым, потом я всем телом ощутила грохот — тяжелый, давящий, он никогда не смягчается, сколько раз его ни услышь. Он захлестнул меня, стиснул со всех сторон, будто могучий кулак, выдавил всю кровь из туловища в голову и ударил болью, как при самом тяжелом синусите. Кажется, я потеряла сознание, и, возможно, даже не один раз. Страшный миг длился гораздо дольше, чем ему полагалось.

Я приподнялась на колени, и меня вырвало. Хотелось как можно скорее извергнуть из себя весь этот ужас. Огляделась — не идет ли кто-нибудь за мной, не пора ли вскочить и бежать от нового взрыва. «Бар-ресто» вместе с квартирами на верхних этажах превратился в груду обломков, над которой высился, словно архитектурный чертеж в разрезе, узкий фрагмент в три с полови-

ной этажа без передней стены: ванна, лестница, кухня. В темноте я не смогла разглядеть, был ли кто-нибудь там, наверху, или внизу, под грудами щебня.

Я встала. Голова шла кругом, меня опять вырвало. Я едва успела наклониться вперед и окатила лишь ботинки, а не всю себя сверху донизу. Сделала пару шагов к эпицентру взрыва, потом сквозь звон в ушах услышала сирены, поняла, что скачущие в тумане мигалки приближаются, и усилием воли заставила себя идти спокойно — иди, Маша, черт возьми, и не шатайся, как пьянчуга, двигай к отелю. Скорее всего, за мной лично пока что никто не гонится. Ильза не расскажет Литвинчуку, что меня уволили, так как пришлось бы объяснять причину. Все должно быть шито-крыто. Так всегда действует «КЗОФ». Осторожность превыше всего.

Странная штука — катастрофы. Стоило отойти от места взрыва на три квартала, и как будто ничего и не было. Во рту застрял железистый привкус, и я поняла, что из носа течет кровь. Вытерлась перчаткой. Шатаюсь? Да. Наверно, что-то с внутренним ухом. До свадьбы заживет.

Еще два квартала, и вдали показался «Софитель». У входа стояли охранники, и они меня не

забыли.

— Мадам…

— Я здесь живу.

— Да, но…

— Я остановилась в этом отеле.

— Мадам.

— Отойдите с дороги.

Он упорно смотрел на меня.

— Пожалуйста. Мне плохо, я должна пойти в свой номер и привести себя в порядок.

Никто лучше борисов не умеет делать каменное лицо.

— Я выезжаю, — крикнула я погромче, стараясь привлечь внимание дежурной за стойкой. Она сразу же нахмурилась, минуя стадию каменного лица. Однако сказала что-то в микрофон на отвороте, охранник прислушался к наушнику и пропустил меня.

Не удостоив ее даже взглядом, я зашагала через вестибюль, однако всю дорогу чувствовала, как ее глаза сверлят мне спину.

Зеркало в лифте наверняка врет. Не может человек выглядеть так кошмарно. Я расстегнула вшитый в куртку чехол Фарадея, достала ключ от номера, прикоснулась к замку, снова застегнула чехол и открыла дверь.

В ванне я чуть не упала. Надо бы побрить ноги и подмышки, но лезвия не было. Ну и ладно. Живя в Центральной Америке и работая на «ЗИЗ», я привыкла принимать душ с невероятной быстротой, но тогда у меня волосы были покороче. Надо будет подстричься, когда найду где остановиться.

* * *

«Софитель» не единственный отель в Блтце, но по качеству один из лучших. Все остальные — это либо расхваленные молодежные хостелы, либо ветхие остатки советской роскоши, где на каждом этаже у лифта сидит сердитый борис и демонстративно записывает всех входящих и выходящих.

Я выбрала среди них наименее отвратительный, под названием «Харьков». Когда дежурная на входе потребовала мой паспорт, я вкрадчиво поманила ее и сунула стодолларовую купюру. Так быстрей, чем спорить. Она окинула меня долгим оценивающим взглядом, потом сняла с доски за спиной ключ и дала мне.

Восьмой этаж был совершенно заброшенным, двери почти всех номеров навечно закрыты фанерными листами. У лифта, разумеется, сидел

«консьерж». Я прокатила мимо него чемодан на колесиках, помахала ключом, и он хищно ухмыльнулся. Номер 809 располагался между двумя заколоченными комнатами, и меня это вполне устраивало — чем меньше лишних ушей, тем лучше.

Войдя в номер, я выудила из чемодана шелковый спальный мешок, уселась за поцарапанный стол, распаковала ноутбук, телефоны и коллекцию сим-карт. Вставила предоплаченную симку от компании, продающей бизнес-путешественникам дешевый роуминг, проверила, подключается ли к ней ноутбук и можно ли запустить VPN.

Было уже семь часов утра. Я одновременно падала от усталости и металась, как в лихорадке, в голове проносились ночные события, и я не могла остановить этот поток, не могла притормозить крутящееся в мозгу беличье колесо, перескакивающее от моих сбережений (неимоверно больших) к шансам Кристины (прискорбно малым). Залезла в спальный мешок, прислушалась к шагам на верхнем этаже, к уличному шуму, проникавшему через щелястое окно и грязные шторы. Положила ноутбук и телефон в рюкзак, спустилась в гостиничный буфет, поела густой каши с маринованными овощами и соленым

мясом, потом вернулась в номер и опять легла, прислушиваясь к урчанию в животе. Кристину и ее друзей я положила на отдельную, специально построенную полочку.

Наконец я все-таки задремала и проснулась уже после полудня, с тяжестью во вздутом животе, с глубокой печалью и острым предчувствием опасности. Подключилась к VPN и, осторожно проверив, убедилась, что «КЗОФ», разумеется, удалил мой официальный доступ и в том числе несколько лазеек, которые я оставляла для себя. За мной явно следил кто-то стоявший выше в цепочке. Непереваренный завтрак в животе шевельнулся еще раз.

С другой стороны, если я не могу проникнуть в словстакийскую сеть, значит, мне нечего предложить Кристине и ее друзьям. Я помогала им чем могла и когда могла, а когда поняла, что больше не смогу оказывать им поддержку в прежних объемах, предупредила, что пора соскочить. Совет был дельным, однако они взрослые люди и способны сами принимать решения. Тот факт, что они, как и всякие диссиденты, скорее всего, рано или поздно закончат свой путь в застенках у костоломов, был горькой правдой, с которой им давно бы пора уже примириться.

По мере нарастания протестов «Аэрофлот» постепенно сокращал полетную программу в Блтц, потому что все большее число бизнес-путешественников отказывалось от своих планов. Остался только ежедневный перелет в Москву и дважды в неделю — в Берлин. Я могла бы успеть на берлинский рейс послезавтра, посетить офис моего швейцарского банка на Кудамм, сесть на скоростной поезд и отправиться на какой-нибудь роскошный курорт, отдохнуть там недельку-другую вдали от конфликтов и обязательств. А через неделю такого отдыха я уже буду в состоянии подумать о том, что делать дальше. В этом преимущество моего образа жизни: я могу сражаться в чужих боях на чьей-либо стороне — за деньги или по собственным соображениям, — но не обязана этого делать.

* * *

Я попыталась прошвырнуться по магазинам, бродила из одного усиленно охраняемого торгового центра в другой, упрямо веря, что где-нибудь, в каком-нибудь закутке найдется наконец та единственная шмотка, которую я добровольно надела бы. Довольно приятный в своей бессмысленности способ убить несколько часов. Потом

съела черствую пиццу в «Доминос» и поплелась обратно в отель. На площади намечалась еще одна демонстрация, и в нескольких местах полиция перекрыла улицы. Пришлось обходить. Меня это не пугало. Меньше всего хотелось опять ввязываться в какие-нибудь протесты. Через тридцать шесть часов я буду в Берлине. И пусть до тех пор ничего не случится.

В лифте вместе со мной на восьмой этаж поднимались проститутка и ее клиент, и все мы старательно отводили глаза друг от друга. Когда двери раскрылись, охранник за столом жестом велел нам выходить, потом потребовал мой ключ и записал номер. У меня сложилось впечатление, что в этой гостинице восьмой этаж предназначен для самых почетных гостей.

Я поставила сумку возле кровати, разделась, натянула теплые легинсы и джемпер — в номере стоял собачий холод, видимо, из расчета на то, что постояльцы а) задержатся ненадолго и б) будут заняты бурной физической деятельностью. Включила ноут заряжаться в настенную розетку, упаковала его в сумку, залезла в спальный мешок, закрыла глаза. И наконец-то мне удалось заснуть быстро.

* * *

Я проснулась. В номере темно, и кажется, меня разбудил какой-то громкий шум. Я подскочила, озираясь, схватилась за сумку, выбралась из спального мешка, на ходу вспоминая, где включается свет и где я оставила ботинки.

Потом с улицы донесся пронзительный крик, загудела машина, опять крики и ужасный, душераздирающий грохот. Я перестала шарить в поисках выключателя, подошла к окну, отодвинула край занавески и выглянула.

Страшная авария. «Файнкэб», малогабаритная машина городского автономного такси, врезалась в пустой уличный вазон, и я невольно хмыкнула: беспилотные машины были здесь странноватым поводом для национальной гордости, и если вы хоть что-то слышали о Словстакии, то наверняка скажете: «А, это та самая страна, у которой хватило глупости закупить автоматические такси первого поколения». Эти «файнкэбы» получили печальную известность за то, что постоянно попадали в мелкие ДТП, и стали символом того, с какой легкостью зарубежные компании продают правящим элитам технический мусор (см. также: «КЗОФ»).

Но эта катастрофа была не чета мелким комедийным авариям. Судя по крикам, доносившимся с дороги, кто-то сильно пострадал. Я заметила, как к машине поспешно направился какой-то человек в гостиничной ливрее, и решила, что меня это уже не касается. Сами разберутся. И легла спать.

Едва я сомкнула глаза, как где-то вдалеке снова послышался грохот, загудели сигналы, потом, практически сразу, громыхнуло опять, и крики не смолкали. Я выглянула и увидела, что в других окнах тоже появились люди, некоторые держали в руках телефоны, все орали друг на друга по-борисовски. Я вернулась к кровати, достала телефон, вышла в свободный мир и стала искать Словстакию в новостных лентах.

И хотя почти все было на кириллице, смысл ночных новостей был понятен по картинкам. Сначала массовые демонстрации на центральной площади, потом атака полицейских с дубинками, ответная атака, кровь и слезоточивый газ, густые клубы газа, перечный спрей, толпа распадается, люди спасаются бегством. Все это я уже видела. А вот то, что последовало дальше, выбило меня из колеи.

Поначалу попадались только фотографии

разбитых машин, в основном «файнкэбов», и множества пострадавших — судя по одежде, все они были демонстрантами. Мне стало не по себе. Листаю дальше. Все больше аварий, все больше жертв. Потом нечеткое видео, кадры мелькают, как на сломанном одометре: автономное такси на полной скорости мчится к протестной толпе, стоящей на углу улицы. Демонстранты замечают машину, когда она уже совсем рядом, рассыпаются, бегут — и она бросается в погоню за одной из них. Это девушка в дутой куртке и зимних ботинках, она убегает, ее друзья вопят от ужаса. Девушка прячется за угол. Картинка начинает дергаться — тот, кто снимает, бежит вдогонку, тоже сворачивает за угол, а машина уезжает прочь. Несчастная остается недвижимо лежать на мостовой.

Вам наверняка попадалось это видео, если вы вообще пытались что-то смотреть на эту тему. Но для меня самым страшным стало не оно. Тот ролик еще цветочки по сравнению с тем, какие ужасы довелось запечатлеть пассажирам, ехавшим в тех такси. Люди колотили по кнопкам аварийной остановки, но машины не реагировали, с разгона тараня одного демонстранта за другим. А сидевшие внутри люди видели, как

головы несчастных жертв разбиваются о лобовое стекло, оставляя на нем кровавые полосы и клочья волос. Это в тысячу раз страшнее.

Стало ясно, что мне уже не уснуть. Я зашла на сайт «Аэрофлота» и забронировала билет на ближайший утренний рейс до Москвы. Это, конечно, не Берлин, ну и ладно. До Берлина я сумею добраться и оттуда. И вообще смогу улететь куда угодно.

Куда же податься? Мне было одиноко и страшно — и стыдно за то, что меня уволили. К одиночеству я всегда относилась легко, а страх можно положить на предназначенную для него полочку.

Очевидно, я уже не та, какой была, работая на «КЗОФ». И не хотела больше такой становиться. Велика вероятность, что именно «КЗОФ» продала Литвинчуку и его команде эксплойты, позволившие захватить управление теми машинами. Мне, конечно, и раньше доводилось творить малоприглядные вещи, но что, если одна из этих малолитражек сшибла Кристину? Или размазала ее по стене? Или сбила с ног и переехала?

Я написала ей короткую шифровку, потом, готовясь к скорому отъезду, собрала вещи, перекачала

секретные файлы в зашифрованное облачное хранилище и для верности удалила их со своего ноута. Теперь, если кто-нибудь прикажет включить компьютер и ввести пароль от жесткого диска, я смогу подчиниться, не раскрывая самых важных данных.

За всеми этими хлопотами я перестала вспоминать Кристину, зато задумалась о том, чем я займусь, когда через несколько часов мой самолет приземлится в Москве. Машинально посмотрела на календарь, хотя почти все мероприятия в нем относились к работе, с которой меня только что вышвырнули. Но при этом вспомнила о дне рождения Таниши, который уже наступил в Европе и скоро наступит в Сан-Франциско. Умная напоминалка открыла мою адресную книгу на ее странице, а та, тоже умная, переадресовала меня на ее последний пост в соцсетях — селфи, на котором она, потряхивая на ветру пышной афропрической, улыбалась на фоне огромной толпы демонстрантов. Почти как здесь, но где-то в другом месте. Наверняка в Окленде.

Ее улыбка на экране моего ноута подстегнула мое одиночество, оно стало физически болезненным, уселось на грудь, как тяжелый слон, и я долго хватала ртом воздух, силясь восстановить

дыхание. Таниша была осколком моей прошлой жизни, у нее не было такого количества полочек и такой массы всяческих противоречий, которые надо по этим полочкам разложить. Наше постоянное общение прервалось несколько лет назад, но она до сих пор осталась одной из немногих, чей день рождения был указан в моем календаре, и я никогда не забывала поздравить ее.

> С днем рождения, Ниш! Как раз о тебе думала.

Это было довольно близко к правде — ближе, чем я хотела показать.

> надеюсь, день прошел на ура. Береги себя, сноси крышу, будь собой! Целую, Маша.

Вот и все. Сообщение, сам факт которого — думаю о тебе — нес гораздо больше смысла, чем все слова, из которого оно состоит. Я нажала «отправить» и снова стала просматривать стыковочные рейсы из Шереметьево.

И тут телефон зазвонил.

* * *

На экране высветилось ТАНИША и появилась довольно старая фотография, тех времен, когда мы виделись в прошлый раз, вместе ездили на фестиваль Burning Man. На ней был серебристый купальник, на голове бурно кучерявилось афро, она играла на контрабасе в джем-сейшне, на который мы случайно забрели.

Она звонила по моему старому номеру, который появился у меня лет в двенадцать. Оттуда ее переадресовали на облачный сервер, обвешанный тысячами правил, благодаря которым лишь очень немногим людям удавалось пробиться на тот телефон, который имелся у меня на данный момент. Я с религиозным усердием регулярно обновляла переадресацию, даже при том, что (или потому что) мама могла дозвониться до меня всегда, как только ей захочется, а это получалось чаще, чем мне хотелось говорить с ней, и реже, чем она могла бы, на мой взгляд, обо мне вспоминать.

— Йо.

— Маша?

— Привет, Ниш. Гм, с днем рождения.

— Он будет завтра.

— А здесь, у меня, уже сегодня.

— Ах да. Там, где ты есть, сейчас часа три утра?

— Два часа ночи. Не волнуйся, я не сплю.

— Маша, надеюсь, ты не на тусовке. Ты вроде уже не в том возрасте.

Я рассмеялась.

— Возраст самый подходящий, но да, я не на тусовке. — Я окинула взглядом кошмарный гостиничный номер советской эпохи. — Собираюсь улетать, складываю вещи. — И сразу пожалела о своих словах.

— Куда летишь?

Может быть, в глубине души мне хотелось обсудить с ней это. А иначе зачем я затеяла весь этот разговор?

— Еще не решила.

На другом конце линии наступило молчание.

— Гм, ладно. Ты, наверно, черт знает где, слышимость очень плохая.

— Да, я далековато, к тому же пропускаю вызов через шлюз. Чтобы труднее было отследить.

Она пропела несколько тактов из темы «Миссия невыполнима» — таким способом она обычно давала мне понять, что моя паранойя ее не впечатляет. Но быстро умолкла.

— Прости, я не в том положении, чтобы над

тобой смеяться.

Ого. Я старалась не уделять слишком много внимания американской политике — ведь как-никак я своими руками помогла изобрести многое из того, что мне не нравилось в сегодняшней Америке. Но, надо думать, Таниша внезапно позвонила мне потому, что ей нужен мой профессиональный совет, а не просто посплетничать.

— Ну-ка, рассказывай.

Долгое молчание было красноречивее всяких слов. Наверно, у нее в голове прокручивалось: «Можно ли доверять этому телефонному соединению?»

— Ниш, если ты хочешь поговорить так, чтобы никто не подслушал, я могу тебе перезвонить. У тебя еще стоит то приложение? — Обычно, когда я была в других странах, мы созванивались через «Сигнал», и Таниша говорила, что порекомендует это приложение своим друзьям, но я хорошо знала, что без активных напоминаний от модели рисков люди обычно быстро успокаиваются и переходят на привычный способ общения.

— Угу, — отозвалась Таниша.

— Так я и думала. Переустанови его, и я перезвоню через пять минут.

— Меня слышно? — Звонки через «Сигнал»

обычно проходят гораздо хуже, чем по обычной голосовой связи или даже «Скайпу», то и дело перебиваются помехами в инопланетянском стиле или гулким дребезжанием, но моя симка в роуминге работала неплохо, а Таниша нашла место с хорошим приемом, поэтому сейчас мы слышали друг друга почти как в нормальном телефонном разговоре.

— Слышу тебя. — Голос у нее был усталым, а ведь на Западном побережье еще даже не наступил вечер.

— Ниш, что случилось? — Мне подумалось — может быть, связь прервалась. — Ниш!

— Сейчас. Соберусь немного. Прости.

Непохоже на нее. Таниша была невероятно собранным человеком, прямо-таки железной леди.

— Короче, дело вот в чем. В Окленде проводились крупные собрания и митинги Альянса чернокожих и цветных, и я туда ходила. Мы принимали все меры предосторожности — блокировали телефоны, на месте переводили их в режим полета, отменяли разблокировку по отпечатку пальца, все карты держали в чехлах Фарадея. Разговаривали между собой только при выключенных телефонах, переписывались в зашифрованных чатах с исчезающими сообще-

ниями. Но я всегда помнила твои слова…

— О том, что между массовой слежкой и целенаправленным наблюдением огромная разница.

— Да. Так что была особенно осторожна. Пользовалась одноразовыми предоплаченными телефонами, носила зеркальный грим, следила за котлами и как можно скорее выбиралась, если они начинали образовываться. Но…

— Выкладывай.

— Ты решишь, что у меня паранойя.

— Ниш, поверь, мне и в голову не придет, что у тебя паранойя.

Я услышала ее вздох и стала ждать. Ниш всегда вздыхала по два раза подряд, и мы иногда поддразнивали друг друга. Я много лет об этом не вспоминала, но в подсознании засело крепко. Ага, вот и второй вздох.

— Это ведь ты рассказала мне о бинарной прозрачности?

— Да.

Бинарная прозрачность — отличная штука, но настолько сложная, что мало кто толком понимает ее. В первую очередь надо уяснить, что такое функция хэширования. Это криптографический алгоритм, который берет длинный файл (например, компьютерную программу, или электронное

письмо, или обновление приложения) и генерирует для него контрольную сумму, то есть число, которое человек может легко (до некоторой степени) прочитать вслух и сравнить с другими контрольными суммами. Если хэш-функция работает нормально, то намеренно создать два разных файла с одинаковыми контрольными суммами будет практически невозможно. Точно так же практически невозможно, глядя на контрольную сумму, догадаться, каким был исходный файл. (Для лучшего понимания, что такое «практически невозможно», представьте себе, что все атомы водорода во вселенной превратились в компьютеры и работают над разгадкой вплоть до тепловой смерти вселенной, и все равно им не хватает ни пространства, ни времени.)

Следующим этапом надо разобраться, что такое криптографические пары открытых и закрытых ключей. Краткое объяснение: файл, зашифрованный открытым ключом, можно расшифровать только с помощью закрытого ключа, и наоборот. Поэтому каждый человек старается как можно шире раздать свой открытый ключ и пуще глаза бережет закрытый.

• Если у вас появился файл, который вы смогли расшифровать моим открытым ключом, можете

быть уверены, что я его зашифровала своим закрытым ключом (и ничем иным).

• Если вы зашифровали что-то моим открытым ключом, расшифровать это сможет только тот, у кого есть мой закрытый ключ.

• Если вы хотите послать мне файл, который сможем прочитать только вы и я, то зашифруйте его своим закрытым ключом и моим открытым ключом. Я расшифрую его своим закрытым ключом и вашим открытым. Я буду уверена, что прочитать это могут только те, у кого есть мой закрытый ключ, а послать — только те, у кого есть ваш закрытый ключ.

• Затем соедините хэширование с системой двойных ключей, и результат будет потрясающим. Сначала вы хэшируете файл, потом шифруете хэш своим закрытым ключом, и я с помощью этого хэша смогу проверить, вы ли послали этот файл и не изменялся ли он на пути от вас ко мне.

Поняли? Нет? Вы не одиноки. Этого, к большому сожалению, не понимает почти никто. К сожалению — потому что мы уже готовы перейти к бинарной прозрачности, а это очень крутая штука.

Следите за руками. С помощью хэширования

вы создаете короткую контрольную сумму файла. Если у вас есть собственная копия файла, вы можете хэшировать его еще раз и убедиться, что контрольные суммы совпадают. Если они не совпали, значит, с момента последнего хэширования кто-то внес в файл изменения. А пары ключей позволяют вам зашифровать файл или контрольную сумму так, что у вас не останется сомнений, кто именно послал вам файл, не менялся ли он по дороге и не мог ли его прочитать кто-нибудь посторонний.

А теперь поговорим об обновлениях программ и о лазейках. Все программы, работающие на всех компьютерах, которые вы считаете вполне надежными, на самом деле, как бы это помягче выразиться, полная дрянь. Потому что люди несовершенны, им свойственно ошибаться, вот почему в каждой книге есть опечатки. Разница в том, что в случае с книгой вы даже с опечатками можете догадаться, о чем именно хотел рассказать писатель, тогда как мелкие ошибки в компьютерных программах ведут к сбоям, потере данных и, разумеется, к риску того, что другие программисты — назовем их хакерами — могут проникнуть в программу, захватить управление вашим компьютером и погубить вас.

Потому мы и говорим, что «безопасность — это не продукт, а процесс». Это значит, что мы всегда будем обнаруживать баги в ваших компьютерах, а обнаружив, постараемся их исправить. Вот почему каждый ваш компьютер постоянно требует установить обновления — именно таким способом его создатели ставят заплатки на проблемные места.

Но криптография — штука серьезная. Если программист хорошо знает свое дело и не насажал ошибок, сообщения, зашифрованные его программой, будут сопротивляться попыткам грубого взлома до самого конца пространства-времени (см. выше). И если правительство хочет добраться до чьих-либо секретов, ему приходится искать другие способы. Зачем растрачивать ресурсы и время, пытаясь пробиться в математически неуязвимую дверь? У правительства есть много других методов.

Например, они могут послать человека, который проникнет к вам в дом и установит крохотную, не больше булавочной головки, видеокамеру в таком месте, откуда хорошо виден ваш экран. Или дождутся, пока вы оставите свой ноутбук без присмотра в гостиничном номере, и пошлют другого человека, который

вскроет никуда не годные (наверняка!) дверные замки и пролезет в ваш компьютер с помощью перепрошитых USB-устройств, или установит клавиатурный перехватчик, или сделает еще что-нибудь. Но все эти механические методы отдают стариной, им не хватает истинной элегантности цифрового взлома.

И это возвращает нас к теме «безопасность — это процесс». Чтобы программа была защищенной, она должна регулярно получать обновления от своих создателей, потому что они постоянно находят какие-то ошибки и будут находить их всегда, поэтому безопасность — это процесс, а не продукт.

А если заставить компанию выпустить обновление, которое вместо исправления ошибок, наоборот, внедрит какой-нибудь баг? Компании не любят так поступать, но есть и другие способы — например, подкупить сотрудника низшего уровня. Или пусть главный прокурор надавит на главу компании, и тот под угрозой тюрьмы поручит своим шестеркам написать шпионскую программу и под видом обновления внедрить ее в компьютер к нужному человеку. Задача облегчается тем, что параноики, обеспокоенные слежкой со стороны правительства, обычно усерднее дру-

гих устанавливают обновления безопасности.

Тут-то в дело и вступает бинарная прозрачность. Даже если компания хочет под видом обновлений безопасности пропихнуть шпионскую программу, она вряд ли станет рассылать ее всем своим пользователям, в первую очередь потому, что чем шире вещь распространяется, тем больше вероятность, что кто-то заметит подмену и забьет тревогу. Лучший способ поставить целенаправленную лазейку — отправить ее целенаправленно: конкретному пользователю, в конкретный город, в регион или даже в страну, но в идеале не всем ее жителям, а выборочно, потому что среди этих «всех» может найтись скучающий, упертый студент-выпускник, который в поисках темы для дипломной работы распотрошит любое попавшееся ему обновление от любой компании.

А это наводит нас на хороший способ обнаружения червоточин: надо сравнить полученное вами обновление безопасности с обновлениями, которые получили все остальные. Вот она, бинарная прозрачность: программы, снабженные соответствующими модулями, будут автоматически вычислять контрольную сумму каждого прилетевшего обновления и отсылать ее на

проверочные сервера, желательно сопроводив контрольными суммами программы до и после установки обновления. Иногда программа имеет различные версии для разных языков, поэтому английская заплатка отличается от китайской — ведь сообщения об ошибках поступают на разных языках. Но если два китайских пользователя получают разные заплатки, это наводит на подозрения.

Бинарная прозрачность — инструмент эффективный и красивый. Она включается еще до того, как правительство вынудит компании шпионить за пользователями, а это значит, что, когда вам в дверь постучат агенты ФБР, инструмент уже работает. Если они заставят вас выпустить обновление со встроенными лазейками, бинарная прозрачность это обнаружит. Если вас заставят выпустить масштабное обновление, отключающее бинарную прозрачность, все это заметят и перестанут пользоваться вашей программой.

А это значит, что разумное правительственное агентство даже не станет заморачиваться с тайными лазейками, так как они все равно не сработают. Потому что бинарная прозрачность выложит на стол все ваши лазейки и даже разоблачит любые просьбы об их установке.

Это в теории. А на практике бинарная прозрачность выглядит далеко не так радужно. Во-первых, почти каждое предупреждение от бинарной прозрачности является ложной тревогой: может быть, компания рассылает разным клиентам разные обновления просто для того, чтобы протестировать экспериментальные функции. А может, в обновление или в его контрольную сумму внес мелкие изменения интернет-провайдер, затеявший глубокую проверку пакетов или еще какую-нибудь ерунду. Все эти вещи происходят не очень часто, однако все же гораздо чаще, чем вылавливается реальная лазейка (отчасти потому, что компании, пользующиеся бинарной прозрачностью, гораздо реже получают от шпионов просьбы об установке лазеек). Мало кто догадывается о существовании бинарной прозрачности, а те, кто что-то слышал о ней, уверены, что это такая штука, на которую вполне можно забить, потому что она только и делает, что подает ложные сигналы тревоги.

Дело было бы еще терпимо, будь правительственные агенты людьми разумными. Но шпионы по определению полные отморозки. Вспомните — в детстве среди ваших знакомых наверняка был мальчишка, мечтавший стать шпионом.

Напыщенность и авторитарность пополам с паранойей. В 1960-х годах ЦРУ пыталось хирургически вживить кошкам подслушивающие устройства и обучить их шпионажу за врагами Америки. (Не шучу. Поищите в интернете проект «Акустическая киса».) Вдумайтесь: в ЦРУ не только наплевали на мнение ветеринаров, утверждавших, что кошкам нельзя имплантировать тяжелые записывающие устройства с питанием от батарей, они к тому же всерьез полагали, что кошек можно чему-то научить. Потому что, если взять напыщенного авторитарного параноика, дать ему неограниченный бюджет и оставить без присмотра, он испортит все что угодно.

Если вам кажется, что шпионы никогда не попробуют взломать бинарную прозрачность, потому что это пустая трата их и вашего времени, то вы сильно недооцениваете их готовность впустую тратить и свое время, и ваше.

А это значит, что некоторые предупреждения от системы бинарной прозрачности не являются ложной тревогой. Это шпионы пытаются силой проломить себе путь сквозь глупую неотзывчивую реальность.

Бинарная прозрачность еще в ходу, она упоминается в инструкциях для компаний о том,

как избежать слежки, но на практике никто не обращает на нее внимания. Кроме Таниши.

— У меня «Хашаш» засбоил. Утром прилетело обновление, хотела уже запустить его и вдруг получила уведомление об ошибке бинарной прозрачности. Чуть было не нажала ОК, но потом вспомнила твои рассказы о том, что никто не обращает на это внимания и поэтому злоумышленники могут попытаться внедрить закладку в программу, где включена бинарная прозрачность. Но, сама понимаешь, у меня много дел, для которых не требуется больших технологических навыков, например бороться против превосходства белых, и…

— Ага. Вот и у всех так же происходит. Рентгенолог просвечивает твою опухоль, чтобы понять, нет ли у тебя рака, и если для этого требуется подключить сетевой кабель, который никто обычно не подключает, то рак побеждает на сто процентов.

— Да.

Где-то на моем этаже кто-то — возможно, комиссар возле лифта — громко, протяжно пукнул. Звук был слышен даже сквозь стену. Я фыркнула.

— Что это было?

— Ты слышала? — Очевидно, «Сигнал» значи-

тельно улучшил обработку звуков.

— Маша, ты чего, смеешься над собственным пуканьем?

— Нет, это кто-то здесь, в отеле.

— Здесь — это где?

— Блтц.

— А где это?

— В Словстакии.

— А где это?

— В бывшем СССР. Не советую приезжать сюда.

— Любишь ты шляться по модным курортам.

— Видела бы ты, в какой я тут помойке, перестала бы завидовать. Ну так расскажешь, что было дальше?

— Вот я и пытаюсь. Что, не терпится узнать? Ладно. В общем, это было неделю назад. Я стараюсь быть в курсе всего, что происходит в Альянсе чернокожих и цветных. В моей рабочей группе десять человек, все стояли у истоков организации. Мы нацелились против Оклендского информационного центра. Казалось бы, после той истории с утечками они станут легкой добычей, но не тут-то было. Они зубами и когтями борются за свою жизнь, потому что понимают — иначе им конец.

Я, конечно, слышала об Оклендском информационном центре. Пустая затея, возникшая на

волне борьбы с терроризмом. Он поглощал тонны центрального финансирования и занимался тем, что помогал местным полицейским координировать все свои шпионские уловки с самыми разными федералами, от Управления по борьбе с наркотиками до Агентства национальной безопасности. Я смутно помнила, что у них был какой-то скандал, связанный с утечками, но не смогла восстановить в памяти, в чем конкретно было дело.

— Напомни, пожалуйста.

Таниша вздохнула. Этот вздох перенес меня на много лет назад, он предназначался специально для белых, которые на словах принимают сторону чернокожих, но уделяют ноль внимания событиям, чрезвычайно важным для любого из их цветных знакомых.

— Это было месяц назад. Не слышала, что ли?

— Ниш, я была на другом континенте. Не суди меня строго. Много ли ты знаешь о народных волнениях в Словстакии?

— Погоди, это та самая Словстакия? Черт, так значит, ты там? Видела этого застреленного парня-нациста? Видела стычку с военными?

— Мне стыдно. Ты знаешь в подробностях, где и кто во всем мире сражается за справедливость,

а я не слыхала ни о чем, что не влияет лично на меня и на мой тесный привилегированный мирок. Ну так что, объяснишь? Или я пойду почитаю статью в Википедии и перезвоню минут через двадцать?

Таниша фыркнула:

— В Википедии? Там сплошное очковтирательство. Сторонники мужского превосходства и защитники полицейского произвола давно вычислили, что распространять свои идеи через Википедию гораздо выгоднее, чем через соцсети. Ведь именно там ленивые журналисты добывают справочную информацию. Короче говоря, кто-то взломал Информационный центр и слил материалы. Вину, конечно, возложили на пакистанцев, однако все говорят, что тут замешан кто-то внутри, потому что разоблачитель говорил: «Я пришел на эту работу, чтобы помогать людям, но обнаружил, что несу им только зло», в общем, бла-бла-бла, стандартная болтовня в стиле Сноудена. Короче говоря, утечка показала, что оклендская полиция погрязла по уши. Агенты из бюро по наркотикам занимались рэкетом и использовали данные Информационного центра для слежки за своими жертвами, а потом щедро делились друг с другом паролями и советами о

том, как подчистить свои следы в журналах. Еще один тип, сержант, был сутенером, поставлял клиентам несовершеннолетних девочек и через Информационный центр вычислял конкурентов и проверял, не являются ли они тайными агентами. Чем дальше, тем хуже: копы заводили интрижки друг с другом, обсуждали, как избавиться от жен и мужей, и не просто шутили, а составляли подробные планы их устранения.

— Да, дело серьезное.

— Еще какое. Поначалу все спускалось на тормозах, типа «мальчишки в синем — такие мальчишки», и вообще это же Оклендская полиция, все знают, какие они мерзавцы. Но по мере изучения материалов ужас нарастал, и в конце концов на сцену вышли федералы и взялись за аресты. Сказали, что Информационный центр будет закрыт, и все стали праздновать победу, ура-ура, зло побеждено, но я-то понимала, что радоваться рано, назревает что-то страшное. С анонимных аккаунтов я подписана на «федбиз» и на Федеральный реестр, слежу за контрактами и поставками, и наткнулась на планы, из которых следовало, что Информационный центр будет расширен раз в десять. Через Альянс чернокожих и цветных я передала это в рабочую группу, зани-

мающуюся свободой информации, и они подали множество запросов, которые были отклонены. Потом за дело взялось северно-калифорнийское отделение Союза борьбы за гражданские права. Затем произошла еще одна утечка, не такая большая, как первая, и в ней содержались тонны документов, которые они от нас скрывали, и тогда все увидели, что копы и подрядчики, строившие центр, считали его вопросом жизни и смерти, пан или пропал. Между собой они называли его Информационным суперцентром, и там целый отдел был посвящен взлому телефонов подозреваемых с целью добычи улик.

— Черт.

— Вот именно. — Наступило долгое молчание, какое бывает только в телефонных разговорах, когда цифровое сжатие отсекает тихие звуки вроде дыхания или легкого шевеления, оставляя только глухую непроницаемую тишину. — Маша, я никогда не расспрашивала тебя, чем ты занимаешься, ты ясно дала понять, что ответ мне не понравится, но в этих документах речь шла о том, что полиция может втайне включить камеры и микрофоны на всех телефонах в округе и слушать голос преступника или ловить ключевые слова.

— И что?

— Ну и мне казалось, что все это ерунда, научная фантастика, что какой-то поставщик дает заоблачные обещания, чтобы получить контракт. Но…

— Но, оказывается, это возможно, да?

— Да.

Я пожала плечами, хоть она и не могла меня видеть.

— Да, это возможно. Радиомодули, чипы, которые общаются с сотовыми вышками, это все чушь, тут нет никакой реальной безопасности, они могут перехватывать весь трафик, поступающий на телефон или идущий с него, и операционная система об этом даже не догадается. Если у тебя есть коллекция эксплойтов для Android или iOS, вполне возможно путем атак через радиомодуль подчинить себе все телефоны, соединенные с данной конкретной вышкой, однако такой эксплойт будет, вероятно, обнаружен очень скоро, и даже у федералов в конце концов иссякнут все уязвимости нулевого дня. Но если твоя задача — взломать бóльшую часть телефонов, те, на которых стоят устаревшие операционные системы, то да, это будет совсем несложно. Люди, правда, могут догадаться об этом, когда батареи начнут садиться на двадцать пять процентов быстрее,

но, черт, батареи все равно никуда не годятся…

— Маша, притормози.

— Прости, прости. Да, это возможно.

— Ты так и сказала.

— Да, я говорю серьезно.

— Тебе видней.

— Я серьезно.

— В общем, после этого все встали на уши, потребовали от городского руководства взяться наконец за дело, привлекли прессу. Это ведь ужасный ужас — мысль о том, что твой телефон за тобой следит, и каждый мог легко представить себе, что копы, едва услышав о такой возможности, сразу скажут — да-да, мы с большим удовольствием превратим каждый телефон к востоку от Залива в подслушивающее устройство. Когда эта тема начала раскручиваться, мы смогли организовать масштабные протесты, и не как обычно, когда в первый день приходит тысяча человек, во второй пятьсот, в третий пятьдесят, а потом всего пять несчастных бедолаг с рукописными плакатами. Это было почти как в свое время «Оккупай», разрасталось все шире и шире, люди приходили даже с детьми. Короче, оклендская полиция оказалась между молотом и наковальней, и все их попытки остановить протесты лишь

подтверждали нашу правоту, поэтому, казалось, мы вот-вот победим.[10]

Мне хотелось в туалет. Я отключила звук и села на унитаз. Легко догадаться, чем все это закончилось.

— Дальше все пошло вразлад. Электронная почта всегда была самым ненадежным каналом связи, но в те дни испортилась совсем. Казалось, письма, которые мы посылаем друг другу, исчезают гораздо чаще остальных. Многие, те, кто постарше, стали организовываться в фейсбуке, но потом фейсбук закрыл их группу за то, что они якобы нарушают «стандарты сообщества». Да, такое случалось и раньше, но больно уж странное совпадение по времени. Потом копы стали останавливать и проверять транспорт, у людей находили и изымали незначительные количества наркотиков, а уж если ты припоздниился с оплатой парковки или вовремя не сдал библиотечную книгу, непременно жди визита полиции. Мы вычислили, что они, как в свое время Койнтелпро 3.0, обращают особое внимание

[10] Примечания: 10

Отсылка к протестному движению Occupy Wall Street, начавшемуся в 2011 году в США и распространившемуся по миру. Участники занимали общественные пространства, выступая против экономического неравенства, корпоративного влияния и коррупции.

на лидеров, на организаторов. Мы резко усилили меры оперативной безопасности а заодно удостоверились, что мы чисты как стеклышки, все счета и штрафы оплачены, никто не выходит из дома без удостоверения личности и не совершает ничего предосудительного. Один из товарищей поехал на вечеринку к друзьям, и через пятнадцать минут в дом ворвалась полиция, арестовали сто человек. С тех пор мы перестали ходить в гости.[11][12]

— И теперь ты получила сигнал тревоги от бинарной прозрачности. Какая программа его прислала?

— Openstreetmaps.

Я плюхнулась обратно на диван. Openstreetmaps — это хиппово-травоядная, честная, справедливая версия гугл-карт, но у нее есть преимущество — она включает в себя статические карты, имеющие зеркала по всей сети, а это значит, что

---

[11] Примечания: 11

Койнтелпро 3.0 (Cointelpro 3.0, сокр. от Counter Intelligence Program) — секретная программа ФБР, действовавшая в США с 1956 по 1971 год. Ее целью были наблюдение, дискредитация и подавление политических организаций и активистов, которых ФБР считало угрозой — в том числе участников движения.

[12] Примечания: 12

Оперативная безопасность (или оперативная маскировка) — набор практик и методов, используемых для защиты конфиденциальной информации от утечек, слежки и взлома.

вы можете загрузить карту региона и перемещаться по ней, и ни телефонная компания, ни правительство, ни «Гугл» об этом не догадаются. Заразить карту, которую вы рассылаете участникам протестов, не так уж интересно — вы все равно не сможете заманить их пешком в океан, нарисовав несуществующую дорогу. Но у каждого из демонстрантов непременно будут стоять скачанные Openstreetmaps, и, значит, заразив карту, вы сможете проникнуть в их телефоны.

— Только ты? И больше никто из вашей тесной компании?

— Из моей рабочей группы, — поправила она. — Нет, только я. И сообщила им, прежде чем позвонить тебе.

— Угу.

— Маша!

— В общем, худший из возможных сценариев выглядит так. Они смотрят на зашифрованные сообщения внутри вашей рабочей группы, — я постаралась не изображать голосом пальцевых кавычек, но, кажется, получилось не очень, ведь я терпеть не могу вычурный жаргон, — и, хотя им не видно содержание каждого вашего письма, зато заметно, что твои друзья, получив сообщение от тебя, начинают беседовать или действовать…

— Это и есть информационный каскад, да?

— Гм… да.

— Ты мне сама объясняла. Правда, была пьяна как сапожник. Без конца твердила, что ты в нашей группе что-то вроде командного узла. Было очень мило.

В последние пару раз я видела Танишу на вечеринках или на фестивале Burning Man, то есть на больших пространствах, в плотной толпе, где можно было натанцеваться всласть и не слишком распространяться о том, чем я занимаюсь и на кого работаю. И вот, оказывается, я напилась так, что стала обсуждать с ней профессиональные вопросы, а потом все забыла. От этой мысли стало не по себе. Я привыкла считать себя более осторожной. Или, по крайней мере, умеющей раскладывать все по полочкам.

— Ага, наверно. Да, это и есть информационный каскад, и для тебя это худший вариант, потому что если они вычислят, что ты лидер, то постараются тебя уничтожить.

— Этого я и боялась. А каков же лучший сценарий?

— Лучший? Программная ошибка. И никто никого не взламывал. Но если допустить, что тебя все-таки атаковали, то лучшим сценари-

ем будет случайная, ни на кого не нацеленная атака: какие-нибудь хакеры взломали сервер Openstreetmaps и вставляют опасную закладку в каждую n-ую загрузку, просто чтобы посмотреть, что получилось. Иными словами, мелкое хулиганье, а не зловещие правительственные силы.

— Тогда давайте поаплодируем мелкому хулиганью.

— Ниш, не питай напрасных надежд. Считай это учениями с боевой стрельбой. Если окажется, что это сделало мелкое хулиганье, то тебе не придется стыдиться за то, что тебя взломали жалкие недоросли. А если окажется, что все-таки полиция, то не дай бог они тебя взломают, потому что через тебя они доберутся до всех, кто тебе близок и дорог.

— В том числе и до тебя, да? Ведь, может быть, я уже у них на крючке?

— Даже если и не на крючке, ты дозвонилась до меня по моему личному номеру, и не составит труда выяснить, кому он принадлежит. Но, с другой стороны, точно так же легко выяснить, что я твоя давняя подруга и мы с тобой перезваниваемся чуть ли не с пеленок, так что, может быть, машинно-обучаемая система, поглотившая все записи твоих разговоров, сбросит меня со счетов.

— Подумать страшно.

— Ты сама выбрала этот путь.

Напрасно я сказала это. Долгое молчание.

— Маша, не будь сволочью.

Я прекрасно понимала, о чем она говорит. Не она, а я выбрала такой путь, не она, а я пошла работать над строительством этих систем, не она, а я сделала эти системы смыслом своей жизни и посвящала им все свое время с утра до ночи. Выбрать путь активиста — не то же самое, что добровольно согласиться на слежку. Выбрать путь создания следящих систем — значит согласиться на слежку. Я прекрасно понимала, о чем она говорит, потому что мы уже не раз спорили об этом. Вот почему так приятно иметь дело со старыми друзьями — у нас общее прошлое, в базе данных хранится много давних бесед. Но в этом же кроется и беда — разговоры со старыми друзьями вытаскивают на свет множество деталей, которые были давным-давно разложены по полочкам, вдыхают в эти детали новую жизнь и без конца напоминают, что ты много раз огорчал сам себя и всех, чьим мнением ты дорожишь.

Кому-нибудь из нас пора было нарушить молчание. Таниша явно пыталась совладать с собой. А я собирала по щепкам свои разрушенные по-

лочки.

— Маша, на самом деле я не считаю тебя сволочью. — Таниша у нас девушка сентиментальная. Хорошая подруга. Всегда готова пойти на уступки. Хотела бы я быть как она.

— И ты меня прости, Ниш. Давай перезагрузимся. В нынешней ситуации твое положение не такое уж плохое. Если они пытаются тебя взломать, значит, еще не взломали. Плюс к тому, нет стопроцентной уверенности, что тебя ломают именно копы. Может, действует кто-то из подрядчиков, мечтающих отхватить жирный куш.

— И чем же это лучше?

— Тем, что у них нет ордера, поэтому они вынуждены действовать осторожнее, чтобы не попасться, а значит, будут менее агрессивны. По-моему, тебе надо поднять как можно больше шума. Другие варианты действий — либо игнорировать их и усилить меры безопасности, либо попытаться их перехитрить: впустить в свой гаджет, потом скормить им ложную информацию. Но, я думаю, на это у тебя не хватит хитрости.

— Ага, спасибо.

— Это комплимент. Хитрость не то же самое, что ум. Чтобы поддерживать игру, ты должна не сделать ни единой ошибки, а их задача —

поймать тебя хоть на одной ошибке. Но если ты выйдешь на публику и поднимешь шум, то люди, такие же, как ты, станут осторожнее в своих делах, и тебе это пойдет только на пользу. Потому что если они не смогут добраться до тебя, то следующим этапом начнут подкапываться к тем, с кем ты разговаривала, и перехватывать сообщения, которыми они обменивались с тобой.

— И что дальше?

— Что именно?

— Я подниму шум, и что случится потом?

— Потом, скорее всего, на тебя выйдут академические аналитики по информационной безопасности, и в этом нет ничего страшного. Если к тебе обратятся из Канадской исследовательской лаборатории, выложи им все, что знаешь, они там в Торонтском университете свое дело хорошо понимают. Тебя будут и дальше взламывать злоумышленники, от этого никуда не деться. Возможно, кто-то из взломщиков примет твои разоблачения на свой личный счет, но тебя это не должно волновать — какое тебе дело до душевных обид военных преступников? — Мне вспомнились некоторые из моих бывших коллег и все те пакости, на которые они были готовы пойти, если считали себя оскорбленными. — Ну

ладно, личные обиды могут немного усложнить ситуацию, но, Ниш, ты и так уже крепко завязла.

— Умеешь ты вселять энтузиазм.

— Мы теперь в одной лодке. Я завязла, ты завязла, все, кого мы знаем, тоже завязли. По крайней мере, мы знаем это и пытаемся повернуть нашу утлую лодчонку прочь от водопада.

— Ты что, пьяна?

Я прокрутила в памяти все, что наговорила. Мои полочки рушились одна за другой. Кажется, я здорово переутомилась и распсиховалась.

— Просто копаюсь в своих проблемах. Прости, Ниш, это было некрасиво. Не так уж ты сильно завязла, разве что одним коготком. И завязла ты только потому, что кто-то считает тебя угрозой и боится. Значит, ты поступаешь правильно? — Вопреки моей воле это прозвучало как вопрос, потому что в моей сфере деятельности это выглядело совсем иначе: если кто-то знает о тебе достаточно много, чтобы бояться тебя, значит, ты делаешь что-то не то и смертельно рискуешь. — Серьезно, прости меня.

— Да. И ты меня прости. Но я совсем не раскаиваюсь, что пытаюсь хоть как-то действовать. — Кажется, она хотела меня уколоть, потому что в последнее время я если и действовала, то явно не

так, как надо. Мне вспомнилась Кристина и ее дружная команда.

— Ниш, я рада, что ты действуешь. Может быть, приеду и присоединюсь.

Ее голос смягчился.

— Сама знаешь, я буду очень рада. Маша, я скучаю по тебе. Мы все скучаем.

Я положила это на полочку до лучших времен.

— Я тоже по вам всем скучаю. Знаешь, я собиралась в скором времени вернуться в США…

— Остановишься у меня.

— Это приглашение?

— Со мной тебе не нужны никакие приглашения. Не знаю, чем ты занимаешься там, но здесь ты бы нам очень пригодилась. — Она громко сглотнула подступивший к горлу комок — раз, другой. — Тут у нас становится все хуже. Не шучу. Каждый раз кажется, что напряжение доходит до такой точки, когда вот-вот все сломается, но оно не ломается, а растягивается, и нас всех еще немного пригибают. И если кто-то где-то затевает бой, то вскоре мы слышим, что этого человека арестовали за какую-нибудь ерунду, и тогда у всех остальных желание воевать чуть-чуть угасает. Никто не знает, где правда, где ложь, каждый может оказаться информатором или провокато-

ром. Ты знаешь, как все это устроено, и могла бы помочь нам разобраться.

Кристина и ее друзья. Мои полочки гнутся и хрустят.

— Ниш, знать — это недостаточно. Поверь. Дело в том, что они превосходят вас и по оснащению, и по охвату, и по ресурсам. И никакая волшебная интернет-пыльца, рассыпанная по вашему политическому движению, не изменит этой фундаментальной истины.

И опять эта напряженная, давящая тишина. Она затянулась так надолго, что я взглянула на экран телефона — не сорвался ли звонок.

— Алло!

— Маша, я здесь.

— Не хочу тебя расстраивать…

Она презрительно фыркнула, воскресив призрак прошлого из моих подростковых лет.

— Тогда что ты нам посоветуешь? Как организовать сопротивление? Работать на пишущих машинках и гонять туда-сюда курьеров?

— Не говори глупостей. Курьеров легко перехватить, а хорошая камера может с большого расстояния сфотографировать ваш печатный текст.

— Да, я и сама догадалась. Тогда что же нам

делать?

Вот на этом наш разговор всегда и заканчивался. Мы много лет повторяли его на разные лады и однажды разругались так сильно, что не общались целый год.

— Ниш, хоть я и не знаю, как решить твою проблему, зато могу сказать, что твое решение не принесет никакой пользы. Если я и не знаю, отчего у тебя болит голова, то все равно понимаю, что битье головой о стенку не вариант. — А про себя думала: мне только не хватало нянькаться с еще одной компанией идеалистов, стремящихся загубить собственную жизнь.

— Я уже слышала от тебя это и скажу, что думаю: все это чушь. Все перемены в мире были сделаны руками людей, старающихся что-то изменить. И даже безнадежные попытки иногда заканчивались успехом. Не знаю, каким образом наша маленькая рабочая группа и наши протесты смогут изменить мир в лучшую сторону, но понимаю: если ничего не делать, то ничего и не добьемся. Да, велик шанс, что мы проиграем, однако кто сказал, что мы не сможем победить?

У тех, кто хорошо научился раскладывать по полочкам, бывают мгновения, когда ты вроде как выходишь за пределы своего тела и смотришь,

как оно реагирует на происходящее. Словно издалека, я заметила, как при словах «велик шанс, что мы проиграем, однако кто сказал, что мы не сможем победить?» во мне вспыхнула надежда, захотелось скорее помчаться домой, к Танише, и взойти с ней на баррикады; в то же время руки зачесались встряхнуть ее за плечи и спросить: «Когда ты говоришь “велик шанс, что мы проиграем”, ты не думаешь о том, что тебя могут избить, бросить в тюрьму или даже убить?»

И эта вторая, опасливая моя сторона оказалась намного сильнее. Она выплеснула в кровь потоки адреналина, от которого затряслись руки. Мне представилось, как Танишу бьют по лицу баллоном слезоточивого газа и выбивают глаз, а я стою рядом с ней, поддерживаю ее обмякшее окровавленное тело, и из моих опухших век потоками струятся слезы. Словно издалека я услышала в обшарпанном гостиничном номере сдавленные хрипы и поняла, что это мое учащенное дыхание.

И точно так же, как я видела себя со стороны, откуда-то издалека за этим нашим разговором следил компьютер. Может быть, ни ее, ни меня еще не взломали и оператор этого компьютера видел лишь, что я разговариваю с Танишей, а

она со мной, две подруги, которых не связывает ничего, кроме нескольких лет вместе. А может, он получил полный доступ к каждому слову, каждому вздоху, скачивает информацию с наших камер и микрофонов, украдкой обшаривает наши файловые системы в поисках сохраненных персональных данных, логинов и паролей.

К этой мысли я давно привыкла, находясь по обе стороны невидимого фронта, и прекрасно знала: единственный способ не сойти с ума — жить так, словно ничего этого нет. Словно телефоны предназначены всего лишь для разговоров с друзьями, а не для того, чтобы неведомый незнакомец следил за каждым твоим шагом и словом. Надо жить в вечном притворстве, потому что иначе ты озлобишься, будешь терзаться паранойей и испортишь жизнь своим друзьям.

— Да, Ниш, ты права. — Голос нормального человека. Успокаивающий. — Я рада, что ты ведешь этот бой. Ты моя героиня. Я серьезно. — Нормальные, разумные слова. И, сказав их, я стала нормальным, хорошим человеком. — Возможно, я скоро приеду в Калифорнию. Буду рада встретиться с тобой. Береги себя, хорошо?

— Хорошо, Маша. И ты тоже. Мы тут все по-прежнему твои друзья. Мы тебя любим. И если у

тебя что-то случится, мы всегда поможем, только позови.

Однажды я уже проделала это — нагрузила их своими проблемами и бросила выпутываться в одиночку, а сама совершила глупость из серии «кто сказал, что мы не можем победить»: попыталась сбежать из шпионского триллера, прихватив с собой Маркуса Яллоу в качестве страховки (каковую задачу он провалил). Танише и Бекки в тот раз удалось выпутаться, но моей заслуги в этом нет. Чистое везение. Для них все могло бы кончиться гораздо хуже. И если бы компьютер, подслушивавший нас, знал об этом, он бы уделил нашему разговору гораздо больше внимания: прогулялся бы по нашим социальным графам, выискивая, кого добавить в список для «целенаправленной слежки». И тогда каждый байт, отправленный этими людьми, и зашифрованный, и открытый, тщательно перехватывался бы и уходил на вечное хранение. Открытый текст может использоваться как подсказка для шифровок, так как беседы по обе стороны черного ящика позволяют догадаться, что происходит внутри (я пишу вам письмо, спрашивая, нет ли у вас знакомого хорошего юриста, вы проводите с этим юристом надежно зашифрованные переговоры,

потом пишете мне ответ и предлагаете связаться с вашим другом юристом — легко догадаться, что в ящике лежат зашифрованные письма, в которых вы спрашиваете юриста, найдет ли он время для меня). Затем, велика вероятность, что в использованном нами шифре есть незамеченный изъян, рано или поздно этот изъян будет обнаружен, и крышка нашего черного ящика распахнется.

Я опять иду вразнос. Слишком глубоко погрузилась в свою паранойю.

— Спасибо, Таниша, — сказала я и вдруг выпалила: — Я тебя люблю. — Такие вещи я говорю совсем не часто и не собиралась произносить сейчас.

Механическая тишина стала невыносимой. Подмышки вдруг намокли.

— И я тебя, Маша. Мы все тебя любим.

— Пока. — А что еще тут скажешь?

— Пока.

Я еще долго прижимала к уху молчащий телефон, наслаждаясь теплом, которое он вырабатывал, шифруя и дешифруя наш разговор. В гостиничном номере вдруг повеяло холодом.

Я поймала себя на том, что сижу затаив дыхание. Глубоко вздохнула. Отложила телефон и

набрала полную грудь воздуха.

Дзынь.

Новое сообщение. От Ильзы.

> Береги себя.

Я выронила телефон. Сообщение не случайно пришло именно в этот самый миг. Ильза давала мне понять, что таинственные соглядатаи мне не померещились. Она знала о них из первых рук, а это означало, что либо «КЗОФ» следил за мной по своим собственным причинам (я могла нанести компании большой репутационный ущерб), либо их об этом кто-то попросил. Возможно, самому «КЗОФу» нет дела до моей болтовни, но кто-нибудь из клиентов решил убедиться, что я ничего не разболтаю о методах их слежки за своими диссидентами.

Опять дзынь. Я не хотела брать трубку, но невольно бросила взгляд на экран. Сообщение пришло в зашифрованный мессенджер, которым я пользовалась в «КЗОФе», с логином, не привязанным к моему телефонному номеру.

> Будь осторожна, и сможешь позаботиться о друзьях, не подставляя себя.

Знала ли Ильза, о чем мы говорили с Танишей? Пряталась внутри моего телефона? Или просто предупреждала наугад? А может быть, она быстро пробила Танишу по базам данных, поняла, в какой трясине та завязла, и вычислила, что Таниша обратилась ко мне за советом по оперативной маскировке? Подобный анализ — прикинуть, кому что известно, откуда они это знают и что еще сумеют выяснить в ближайшее время, — сделал меня звездой всех операций, проводимых Кэрри Джонстон. С тех пор я по привычке пользовалась этим методом, размышляя над перипетиями собственной жизни, и, если бы не моя привычка раскладывать все по полочкам, я бы не вылезала из мандража.[13]

Учитесь строить полочки!

Я не ответила Ильзе, но и блокировать ее не стала, потому что это хоть и принесло бы мне моральное удовлетворение, но не помогло бы вычислить ее следующий ход и придумать ответ. На самом деле Ильза не хотела мне ничего плохого, лишь стремилась гарантировать мое

---

[13] Примечания: 13

Кэрри Джонстон — высокопоставленный агент спецслужб из книг Кори Доктороу: «Младший брат» и «Родная страна». Отвечала за операции по кибербразведке, слежке и подавлению протестов, известна своей безжалостностью и методами тотального контроля.

молчание. Разумеется, она не станет покупать это молчание, потому что в таком случае пришлось бы наградить меня за мои выходки, а на это она не пойдет из принципа.

Ильза, вероятно, считает, что повела себя по-дружески и оказала мне услугу. Потому что вот такой уж она человек и такие у нее понятия об услугах. И у меня тоже.

Внезапно на меня навалилась усталость. В глаза словно насыпали песка. Я встала выпить воды — все стаканы в ванной были грязные, а вода еле текла, и я добрую минуту, не меньше, ополаскивала и наполняла его. Руки-ноги отозвались острой болью.

Надо выспаться. Перелет из Москвы в Сан-Франциско длится четырнадцать часов. Успею поужинать, посмотреть кино, поудобнее устроиться на раскладном сиденье, и останется еще целых девять часов.

Глава 2

Лаунж-зона «Аэрофлота» была временно закрыта, однако в зале ожидания нашелся буфет. Я купила чиабатту с твердой салями и кофе.

Но, даже приняв порцию белков, жира, углеводов и кофеина, я все равно чувствовала себя развалиной.

Я хорошо умею неподвижно сидеть и ждать. При моем характере работы это важный навык. Для разума губительно нетерпение, а не страх. Сначала я вычисляла в уме числа Фибоначчи, но в конце концов нашла способ погружаться в такое же бездумное состояние, не прибегая к бесполезной математике. Покачала головой из стороны в сторону, потом пошевелила бедрами, выискивая нейтральное положение, снимающее нагрузку с суставов, потом медленно и методично проверила каждую частичку своего тела, начиная с мыска большого пальца на правой ноге и медленно двигаясь вверх до самой макушки. Стараясь шевелиться как можно меньше, обследовала себя с предельным вниманием, пока наконец не убедилась, что отчетливо ощущаю

все, чем занята каждая моя клеточка.[14]

Прошлой ночью я набила немало шишек, но умудрялась не замечать их — ох уж это умение раскладывать все по полочкам, несовместимое с заботой о себе! — пока не провела этот сеанс самообследования. На локте и обоих коленях были синяки, лодыжка и обе ладони в ссадинах, болели мускулы в плечах и челюстях — должно быть, я их сутулила и стискивала (соответственно).

Открыв глаза, я остро ощутила каждую из этих болячек, зато обрела необходимое спокойствие. Этим могла похвастаться только я одна. Все остальные пассажиры, мои попутчики, были в тревожном напряжении, как будто ждали последний вертолет из Сайгона. Я старательно подавила вспыхнувшее было раздражение. Мне хорошо удается замечать в себе фундаментальную ошибку атрибуции: это когда вы полагаете, что ваши собственные глупые ошибки вызваны нормальными простительными причинами, потому что человеку вообще свойственно ошибаться, зато ошибки других людей — это результат серьезных

[14] Примечания: 14

Числа Фибоначчи представляют собой последовательность чисел, в которой каждое последующее число является суммой двух предыдущих. Они широко встречаются в природе, математике, искусстве и алгоритмах.

изъянов их характера. Примерно так: «Я забыл помыть посуду, потому что никто не совершенен. А ты забыл помыть посуду, потому что ты дрянной эгоист».[15]

Я повторила свой план действий на время пребывания в Москве. Когда я приземлюсь, банкоматы будут работать, и я смогу снять со своей швейцарской «Визы» доллары, которых хватит на несколько дней в Сан-Франциско. А в оставшееся время буду искать, нет ли у кого-нибудь для меня небольшой контрактной работы. Точно так же поступают все, кого вышвырнули с высокотехнологичной должности, с той лишь разницей, что я десантируюсь в самую гущу событий и устраняю неполадки в кибероружии. Все что угодно, лишь бы хорошо платили и не заставляли заниматься продажами, терпеть не могу реализаторов. Те, кто закрывает сделки по продаже шпионского оборудования, обычно оказываются такими же подлецами, как и любые их коллеги, только у них еще меньше совести. Если это вообще можно себе представить.

---

[15] Примечания: 15

Отсылка к событиям 30 апреля 1975 года, когда перед захватом Сайгона войсками Северного Вьетнама происходила срочная эвакуация американцев и южновьетнамцев. Последние вертолеты взлетали с крыши посольства США, став символом паники и хаоса.

Я рассекала по Москве на автопилоте. Если хорошо знаешь аэропорт, не надо даже думать, выбирая дорогу. Сняла наличку, в торговом автомате купила за евро сим-карту, нашла место в бизнес-зале «Аэрофлота» поближе к моему выходу.

Едва я взяла двумя пальцами утреннюю стопку водки, зазвонил «Сигнал». Симка была одноразовая, поэтому никто не мог позвонить мне на телефонный номер, но этот вызов пришел по аэропортовскому вайфаю через VPN, а значит, звонивший был в моем белом списке.

На экране высветилось имя ГЕРТЕ НЕТЦКЕ, а в качест- ве аватарки — мини-постер фильма «Ильза, волчица СС», Дайан Торн в галифе и высоких сапогах. К счастью, она никогда не звонила мне, находясь со мной в одной комнате. На мой взгляд, немцы не сильны в старых нацистских шутках.

— Алло.

— Маша.

— Алло.

Мимо спешили толпы деловых борисов. Остальные в зале ожидания залипали в телефонах или копались в своих вещах. Отчаянно хотелось выпить. Я отхлебнула половину водки.

— У тебя все хорошо?

— Какое там «хорошо» после вчерашней ночи.

Короткая пауза, потом:

— Новая тактика может показаться шокирующей, поэтому ее применение неизбежно вызывает непропорционально много шума. Атака террориста-смертника с самодельной бомбой привела бы к гораздо большему числу жертв, но не вселила бы тот же ужас, чем новый метод.

Вот так обычно разговаривала Ильза. Мне кажется, она позаимствовала эту манеру у Роммеля — холодным голосом теоретизировать о стратегии, пока все остальные разгоряченно спорят. Это прекрасно вписывалось в ее излюбленный образ Снежной королевы. Он ей не шел — такая напускная крутизна больше подошла бы стилю Кэрри Джонстон.

— Герте, не надо меня просвещать. — Что означает: не пытайся внушить мне, что раз никто из крутых ребят об этом не парится, то и мне не надо. — Исчезли мои друзья.

— Твоя юная Кристина. — Разумеется, она о ней знала.

— Что с ней?

— На месте атаки ее не было.

Даже после пары стопок водки я заметила, что она уходит от ответа.

— Я спросила не об этом.

— Когда началась атака, Кристина была в тюремной камере. Целью были фашисты, а не твои друзья, Маша. Литвинчук человек умный, он применяет разную тактику к разным фракциям. Такого рода атаки пугают нацистов до самой сердцевины их крохотных мозгов. А твои друзья мечтают стать мучениками, их этим не проймешь.

Я решительно отказывалась представлять себе Кристину в камере у Литвинчука. Словстакийское жаргонное слово для тюремщиков переводилось как «костолом». Сломанный палец, сросшийся под неестественным углом, был своеобразной визитной карточкой, аналогом тюремной татуировки для побывавших в застенках у костоломов, и неважно, кто ты — мошенник или диссидент.

— Она не пострадала? — До чего жалобно прозвучал мой голос, самой противно. Вряд ли найдется полочка, способная уместить все, что я чувствую. Слишком уж много. И выпивка не поможет. От нее никакого толку.

— Это внутреннее дело. — На миг мне почудилось, что Герте отпускает кошмарную шутку о пытках — мол, она пострадала, но только внутри.

Но потом до меня дошло: она просто хочет сказать, что все происходящее между костоломами и Кристиной ни в коей мере не касается компании «КЗОФ» и, следовательно, ее лично.

Я не стала считать до десяти, мне это никогда не помогало. Сказала себе: «Это одна из тех ситуаций, где надо считать до семи», а это иногда помогало.

— Герте, я не в состоянии выяснить что-либо о Кристине, и, хотя это не касается компании «КЗОФ», все же прошу вас о личной услуге: наведите справки. — Это был уклончивый язык полунамеков, которым мы пользовались в переписке, когда начинали задумываться о том, как будут восприниматься наши письма, если их перехватят, взломают или передадут в суд. Я научилась этому у самой Кэрри Джонстон.

В моих словах был скрыт зашифрованный посыл: «Я страшно зла и, если выскажу все, что думаю, наверняка ляпну такое, о чем потом мы обе пожалеем». Ильза прекрасно разбиралась в подобных грамматических тонкостях и наверняка сумеет разгадать истинный смысл моей просьбы: «Не вынуждай меня пускать в ход против Литвинчука все средства, какие у меня имеются, ибо они не отличаются тонкостью. Тебе не понравит-

ся то, на что я готова пойти ради воздействия на нашего общего друга. Кроме того, разреши напомнить, что я больше не работаю в «КЗОФ» и ты не в силах привлечь меня к ответственности, если решишь, что я вышла за рамки».

— Да, Маша, я, конечно, могу навести справки. Понимаю, что для тебя эта ситуация очень тяжела. — Расшифровка: «Я тебя услышала. Поспрашиваю. Не делай глупостей (а не то)». — Помни, журналисты, с которыми ты столкнешься за пределами Словстакии, настроены крайне враждебно к тамошнему режиму и пойдут на все, чтобы дискредитировать его. Всегда задавайся вопросом, что же осталось за кадром. — «Будет много вранья. Будь умнее, игнорируй его».

Дело в том, что она отчасти права. Пресса в США и ЕС действительно ненавидела Словстакию. Эта страна была из тех, чей диктатор-автократ нашел друзей на другой стороне и приобретал у них оружие и в то же время не имел ни природного газа, ни важных музеев, ни других полезных активов, на которые можно было бы приобрести расположение западных властителей. Местные олигархи покупали предметы роскоши в Китае и России, а не во Франции или в Америке. Надо бы посмотреть видео тех автомобильных войн;

возможно, я увижу одну и ту же атаку, снятую с разных ракурсов и смонтированную так, чтобы ее можно было выдать за два разных происшествия. Такое случалось не в первый раз. Словстакия была отсталой страной с диктаторским режимом, но враги охотно найдут способы выставить ее в еще худшем свете.

— Спасибо, Герте. Да, мне тяжело. Кристина для меня хорошая подруга, и она никакая не преступница. — Это было не совсем верно, но мы обе понимали, что я хочу сказать «не является преступницей с точки зрения неправительственных организаций по защите прав человека», а не «с точки зрения правоохранительной системы Словстакии». Строго говоря, с точки зрения их правоохранительной системы преступником в той или иной мере являлся каждый житель страны.

— Сделаю все, что в моих силах. — «Не натвори глупостей».

— Спасибо, Герте. — «Намек понят». Вот теперь Герте действовала в своем стиле: не угрожала, а тонко и осторожно налаживала контакты.

Дело в том, что Ильза действительно очень хорошо ко мне относится — по-своему, специфично, на немецкий манер. Эти коммунистические

шпионы весьма щедры на личные отношения, в отличие от моей прежней американской начальницы, которая проявляла благожелательность, только когда ей надо было что-то от тебя получить.

— Я видела, что ты улетела сегодня утром. Твоя окончательная плата переведена на твой личный счет.

— Спасибо.

— Маша, ты девушка очень талантливая, блестящая и необычайно глупая.

— Знаю, Герте. Я могу чем-нибудь вам помочь? — Во мне бурлила злость. Меня вышвырнули за дверь, а потом произошли чудовищные события. Я изо всех сил целенаправленно старалась о них не думать. А она заставила меня вспоминать, воскресила в памяти весь позор и унижение, какие испытываешь, понимая, что ты всего лишь расходный материал, что тебя выперли за участие в довольно безобидных проделках. От осознания того, что вся вина на сто процентов лежит на мне и что теперь я не смогу помочь друзьям, становилось еще на тысячу процентов тяжелее.

— Я хочу сказать, что, хотя ты больше не работаешь у меня, это не означает, что тебе запрещается

разговаривать со мной. Маша, я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. — Видите? Опять о долговременных отношениях. Она была бы такой же заботливой, даже сажая меня в секретную тюрьму. Даже деловые контакты требовали личной вовлеченности.

— Не беспокойтесь. Если я пойду ко дну, то не потяну за собой «КЗОФ».

Опять эта криптографическая непроницаемая тишина.

— Алло!

— Маша, то, что я сейчас скажу, продиктовано самыми лучшими намерениями. Ты не задумывалась о психотерапии? Я много раз видела, как люди в нашей отрасли доходили до саморазрушения. Сочетание секретности и власти и… некоторых других аспектов работы — человеческих аспектов — может довести умных, вдумчивых людей до срыва. Если хочешь, могу порекомендовать очень тактичных врачей.

— Не беспокойтесь, Герте, со мной все будет хорошо. Простите, те слова у меня просто случайно сорвались. — Я знала многих, кому очень пригодилась бы консультация или даже мощный курс антипсихотиков. Например, одной моей бывшей начальнице. А мне-то зачем?

— Знаешь, что происходит с теми, кто отказывается от консультирования при появлении тяги к саморазрушению? Маша, эти люди гибнут. Я это видела своими глазами. Ты, конечно, молода и считаешь, что с тобой этого не случится. Маша, я очень высокого мнения о тебе, о твоем разуме и силе, но видела, как люди гораздо умнее и сильнее тебя попадали в серьезную беду.

Я чуть было опять не ляпнула о том, что не потяну «КЗОФ» ко дну, но сумела уловить свой саморазрушительный порыв и обуздать его. Видите? Прогресс. И мне нет нужды идти к мозгоправу, особенно к тому, который пестует приятелей Ильзы из шпионской среды.

— Спасибо, Герте. Я подумаю.

Ильза поцокала языком. Она умела вкладывать в этот звук тысячи разных оттенков. На сей раз в нем слышалось нечто среднее между «дрянь» и «безнадежна», и, кажется, она поняла, что я норовлю от нее отделаться.

Она угадала.

* * *

Я пыталась работать, но разум, кажется, хотел только одного — перезагрузить электронную почту и посмотреть, нет ли чего-нибудь от Кри-

стины. Нет, конечно, она ничего не прислала, и это даже к лучшему, потому что Кристина живет на отдельной полочке, которую я сколотила крепко-накрепко.

Сидя в зале ожидания, я снова и снова прокручивала в голове свои ошибки, хотя изо всех сил старалась этого не делать. Видела, что стою на краю бесконечной унылой пропасти. Депрессия, конечно, врет, но врет очень убедительно, и я уже слышала над ухом ее навязчивый шепот, она внушала мне, что я все испортила, что я никогда не найду новую работу, что меня никто никогда не полюбит, что я закончу свои дни в изгнании, потому что в США кто-нибудь обвинит меня в причастности исчезновению его семьи. Это напомнило мне, что я понятия не имею, сколько народу исчезло по моей вине, но число это явно отличается от нуля.

Я скучала по США. Это случалось со мной нечасто, зато на полную катушку. Я выросла на берегах залива Сан-Франциско, и мои славные подростковые годы пришлись на промежуток между первым пузырем доткомов (торговля собачьим кормом по интернету) и вторым (соглашайся на эту временную работу, а не то мы сделаем из тебя собачий корм). В те времена арендная плата

была просто высокой, а не заоблачной. Район Кастро был всего лишь ##### ### #### и еще не превратился в мечту риэлторов, перепродающих красивые домики по прозвищу «раскрашенные леди» по три раза за три года, и каждый раз со стопроцентной маржой. Существовали подпольные танцевальные клубы, куда пускали всех, невзирая на возраст, и не проверяли удостоверения личности, и мы с подружками самозабвенно тусили там до двух часов ночи, потом выплясывали на улицах как прибабахнутые, то ли пьяные, то ли ошалевшие от избытка молодости, гормонов и похоти, влипали во всякие выверты. У меня был «Живой журнал». Я вела блог на «Блогере». Я написала вирус для MySpace. Вот какая я была.

В то время было полно людей, делавших странные вещи на грани и за гранью. Десять парней жили в громадном складе, называли себя художниками и строили в своем жилище огромные арт-кары для фестиваля Burning Man, при этом еще и работали почасовиками в Сан-Франциском университете, преподавая XML, или по средам проводили вечера в ночном клубе DNA Lounge, или играли в постфеминистской рок-группе, исполнявшей кавер-версии из аниме или оригинальные песни о патриархате. Половина

моих знакомых была «модераторами сообществ», а другая половина рыскала по барахолкам в поисках скидок, чтобы потом выставить находки на eBay (это было еще до того, как eBay завершил свой грандиозный проект по расчистке залежей во всех американских подвалах и на чердаках).

Я любила ранние игры в альтернативной реальности, те, для которых требовалось подключать к кнопочному телефону WAP-преобразователь, и мы с девчонками всегда выигрывали, потому что мы были умнее любого сочинителя головоломок. Некоторые деятели прятали свои подсказки на ресурсах, которые можно найти только на микрофишах, потому что они никогда не оцифровывались, и мы выискивали их с такой скоростью, словно они находились в первых строчках поисковой выдачи гугла.

В один отнюдь не прекрасный день, в день, ставший для нас судьбоносным, день, когда Маркус Яллоу превратился в M1k3y (боже, помоги нам всем), террористы взорвали мост Бэй-Бридж. Я сразу поняла — работы будет по горло. Дело в том, что я, пока росла, всей душой любила Сан-Франциско, считала этот город своим. Там я никогда ничего не боялась, могла без страха пойти куда угодно. Наркоманы, дерущиеся в Тендерлойне,

разбегались врассыпную с моего пути, а любого приставалу я вымораживала одним-единственным лазерным взглядом пылающих ненавистью глаз. От беготни вверх-вниз по холмам ноги стали крепкими, как древесные стволы, все тело было испещрено пирсингом, большей частью неудачным, потому что стоит только найти классного мастера, и ты с удовольствием позволяешь ему оттачивать на тебе свое искусство.

Так что, когда какие-то подонки взорвали мой мост и испоганили мой город, я восприняла это как личную обиду. Я послала сотни три электронных писем в Департамент внутренней безопасности, вызываясь делать для них все что угодно, лишь бы уберечь мой город. Разумеется, все эти письма до единого канули в черную дыру, ибо кто я такая? Всего лишь ребенок.

Но ребенком я была умным. И понимала: чтобы разобраться в происходящем, не обязательно прослушивать весь интернет. Если знать, на что обращать внимание, можно найти множество подсказок. Дети приходят в школу с пачками самопальных дисков и отксеренными инструкциями о том, как взломать свой бесплатный иксбокс, подключиться к «икснету» (такое название придумал M1k3y) и включиться в борьбу с

большим злым ДВБ.

Проникнуть в непроницаемый, криптографически защищенный икснет оказалось на удивление легко. Достаточно было всего лишь взять домой один из этих самодельных дисков, скопировать на домашний компьютер образ установщика и добавить лазейку, которая заставляет любую машину открывать обратную оболочку для компьютера, контролируемого мной (это был корпоративный веб-сервер компании по грумингу собак, расположенный в канадской провинции Манитоба, потому что ни в одном человеческом языке нет фразы «компетентен, как сетевая безопасность собачьего груминга»). Оттуда я могла выкачивать все: пароли, скриншоты, файлы. К тем временам восходит половина моей музыкальной коллекции, потому что я написала скрипт, отыскивающий всякого, у кого MP3-библиотека состоит из более чем трех песен, высоко оцененных мной на собственном плеере. Находя соответствие, этот скрипт копировал всю музыку жертвы. Музыкальное ограбление века.

Что гораздо важнее, я быстро проникла в дебри планирования всех «мероприятий» икснетовской армии, вплоть до подмены радиомаячков в общественных местах ради парадокса лож-

ноположительных результатов. Сначала я не докладывала об этом в ДВБ. Вместо этого кропотливо собирала досье, докапывалась, кто у них главный. Никто никогда не рассказывал мне об информационных каскадах, но я изобрела их независимо ни от кого и чертила организационные диаграммы, вычисляла идеальные узлы, чтобы остановить этих не в меру остроумных преступников.

Передо мной стояли две проблемы. Во-первых, не все эти ребята заслуживали наказания. Многие активно задавались вопросами, правильно ли они делают, намеренно создавая помехи для предпринимаемых ДВБ мер безопасности, и пытались взывать к разуму, даже когда их более бестолковые приятели требовали ВЗЛАМЫВАТЬ ВСЕ ПОДРЯД. А мои попытки обрушить гнев господень на головы этих хулиганов привели бы на скамью подсудимых всех без разбора.

Во-вторых, никто в ДВБ не желал слушать девчонку-подростка, даже суперпродвинутую, даже если она накопала тонны полезной информации об Каль-Каида, как называла себя банда ребятни, сумевшей одурачить всех профессиональных безопасников.

Однако моя изобретательность не знает гра-

ниц. Не надо недооценивать решимость детей, у которых мало денег и много свободного времени, как сказал однажды один глупый паренек. Из ДВБ утекало множество сигналов и агентурной развединформации — всевозможные профили на LinkedIn, старые онлайн-резюме, пресс-конференции, имена в нижних строчках закупочных заявок на федеральных сайтах. Медленно, капля за каплей, я составила отдельное досье на ДВБ, особенно на чиновников, курирующих работу сан-францисского контртеррористического подразделения. Если бы у икснетовцев мозгов было побольше, чем бравады, они бы и сами пришли к этой мысли — нацелившись на конкретных людей, разорвать цепочку командования. Именно так действуют партизаны. В отличие от бестолковых детишек.

И опять мне помог каскадный анализ. Когда вот этот человек отдает приказ, все остальные дружно берутся за дело. Основные высказывания вот этого человека через неделю повторяются вон тем. Мои аналитические схемы были испещрены стрелками, указывающими на другие стрелки, взад и вперед, отражая медленный процесс достижения бюрократического консенсуса, однако в схеме нашелся один узел, из которого исходило

больше стрелок, чем из всех остальных вместе взятых. И под этим узлом стояло имя: Кэрри Джонстон.

У Джонстон было все, чего не хватало мне. Прямая осанка, дерзкая короткая стрижка, словно сконструированная специально для нее армейским инженерным корпусом. Военнослужащая во втором поколении, капитанская дочка, с детства побывавшая чуть ли не во всех портах земного шара, диплом по политологии, проходила подготовку по программе спецназа, но вынуждена была уйти — сломала обе ноги, точь-в-точь как Сноуден, хотя решительно отвергала эту ироническую насмешку судьбы. Плюс к тому она блистала холодной красотой Снежной королевы, к ее голубым глазам очень хорошо подходил эпитет «пронзительные». Она любила старую кантри-музыку, обожала Мерла Хаггарда и Конвея Твитти, но терпеть не могла Вилли Нельсона, потому что сама не курила травку и не общалась с теми, кто курит.[16]

Обо всем этом я узнала, когда путем кропотливой работы выяснила ее ник на форумах —

---

[16] Примечания: 16

Эдвард Сноуден (род. 1983) — бывший аналитик АНБ, в 2013 году раскрыл данные о глобальной слежке США. Во время бегства из США сломал обе ноги, что стало ироничной деталью его истории.

Americhick1776 (фи!). Сначала я не была уверена, она это или нет, потому что она всегда вела себя осторожно. Но в сети есть открытая библиотека под названием Anonymouth, которая может провести «сравнительную стилометрию» любых текстов и сообщить, имеется ли между ними сходство в характерной пунктуации, словаре, структуре предложений, грамматических ошибках. Я обучила эту программу на публичных постах, сделанных Кэрри Джонстон под собственным именем, а потом скормила ей тексты, выложенные под никами Americhick1776, Thankgodimacountrygirl, USAOKBYME и Bornintheusa1979, и стиль Americhick1776 на 86 процентов совпадал со стилем Джонстон. Следующий, Bornintheusa1979, показал совпадение всего на 41 процент. После этого уже легко было отыскать все ее посты, установить оповещения на ее ник, пройтись по ее графам в неимоверно примитивных дофейсбучных соцсетях (ни одна из них не могла сравниться с фейсбуком по защищенности), собрать все публикации ее друзей и составить подробную картину того, куда она ходила, когда и с кем. Старый пост из доисторического «юзнета», оставленный еще в ранние студенческие годы, помог выяснить номер домашнего телефона ее

родителей, а поиск в системе обратной справки подбросил их адреса. Кредитные отчеты рассказали о состоянии их финансов, а также о том, услугами каких мобильных операторов они пользуются. Методы социальной инженерии помогли выцарапать у операторов номера мобильных телефонов родителей. Они, разумеется, ни разу не меняли выданные по умолчанию пароли к голосовой почте (в те времена этого не делал никто). Пара недель усердного прослушивания перехваченных звонков Джонстон, включая тот, где она оставила свой номер рабочего телефона (ее сотовый не работал в экранированном трейлере ДВБ). Я сверила все это с ее личной онлайн-активностью в рабочее время и вычислила, когда именно она вместо работы валяла дурака. Теперь у меня был мотив, средства и возможности.

Я надела худи и туфли на платформе, зашла в магазин 7-Eleven на Маркет-Стрит, купила одноразовый телефон, села в метро и поехала в Окленд. Там пошла в марину, где был хороший обзор во все стороны и не было камер, и позвонила. Сначала она не ответила, и меня перекинуло на голосовую почту. Я перепугалась, но потом повесила трубку, досчитала до тридцати и перезвонила.

— Кэрри Джонстон. — К этому времени я уже прекрасно знала ее голос, однако все равно занервничала. Раньше я слышала только, как она разговаривает с другими людьми. А на этот раз она обращалась ко мне. То были всего лишь репетиции, а сегодня состоится премьера.

— Мисс Джонстон, вы меня не знаете, но я патриотка, и у меня есть кое-какие сведения о так называемом икснете, которыми я хотела бы с вами поделиться.

Ее голос не дрогнул ни на миг.

— Погодите секунду. — Щелк. — Наш разговор записывается. Продолжайте.

У меня пересохло во рту. Безуспешно попыталась проглотить подступивший к горлу комок и угомонить колотящееся сердце.

— У меня есть организационная структура, логины, пароли и протоколы чатов. Я установила лазейки на компьютеры главных деятелей и держу их под непрерывным наблюдением. У меня есть информация об их ближайших планах.

— Понятно. — Она замолчала, и мне стало не по себе. Внезапно захотелось в туалет. — Чего вы хотите в обмен на это?

— Вы о деньгах? — выпалила я. О деньгах я даже не подумала. Мои родители были небогаты, но и

не бедны, и я работала по контрактам, как только доросла до собственного банковского счета.

— А что же еще?

— Работу? — опять выпалила я. Слово само собой сорвалось с губ. Но мысль была верная. Я повторила уже без вопросительной интонации: — Работу.

— Угу. — Это слово прозвучало по-доброму, как будто его произнесла учительница, приятно удивленная успехами ученика. — Тогда, полагаю, нам надо встретиться.

* * *

У меня было много знакомых в сфере информационной безопасности, но почти все они мне не доверяли, потому что я недостойна доверия. Кое-кто знал, что я и есть та стерва, которая слила Маркусу множество вкусных фактов, зато все слышали, что я работаю в «КЗОФ», а до этого сотрудничала с «КЗЕ», а еще раньше с ДВБ. Я не разоблачительница, я самое большее источник утечек.

Работать на государство было нелегко. Повсюду царила бюрократия, и в местах вроде «КЗОФа» и «КЗЕ» дело обстояло ненамного лучше, чем в правительственных агентствах, снабжавших

нас заказами, ведь, чтобы вести дела с ДВБ, надо было находиться с ними на одной волне, иметь параллельные бюрократические структуры. Приплюсуйте сюда тот факт, что многие сотрудники ДВБ пришли туда из «КЗОФа» и «КЗЕ», а многие сотрудники «КЗОФа» и «КЗЕ» пришли туда из ДВБ, и вы поймете: очень скоро вы будете переводить взгляд с фермеров на свиней и обратно и не замечать между ними разницы.

Но в работе на государство есть и плюсы: за нее очень хорошо платят. За годы в ДВБ я распробовала вкус денег, которые правительство отваливает сотрудникам самого непрозрачного агентства. Кэрри Джонстон убедила свое начальство, что она должна перетягивать на свою сторону технические таланты, отбивая их у коммерческих доткомов, и, если для этого надо переплюнуть Пало-Альто и Сому, избаловавших своих сотрудников утопическими льготными акциями и настольным футболом, — что ж, значит, переплюнем. Вот почему ей выделили собственный неподотчетный бюджет. Мне даже назначили пенсию — правда, небольшую, потому что я довольно быстро удалилась на вольные хлеба, однако она индексировалась на уровень инфляции и должна была перейти по наследству к моему

супругу, если я обзаведусь таковым к моменту, когда отброшу копыта.

Затем я вслед за моей заклятой подругой и наставницей Кэрри Джонстон перешла в частный сектор и там узнала, что такое настоящие деньги.

Наличности в карманах хватило бы на несколько недель, и еще больше было законсервировано в налоговых гаванях по всему свету. Я продержалась бы на плаву несколько лет. Мне платили жалованье, в конце каждого года выдавали бонусы, ежеквартально разрешали приобретать акции по льготным ценам, и за каждую работу, куда меня назначали «коммерческим инженером», выплачивали щедрые комиссионные. Плюс к тому я летала первым классом и накапливала мили за перелеты. Если бы мне не приходилось время от времени посещать захолустные страны, обслуживаемые только их собственными мутными авиаперевозчиками, я бы давно заработала золотые масонские карты 33-й степени от всех трех крупнейших авиакомпаний. Я останавливалась в пятизвездочных отелях с полным обслуживанием номеров и имела корпоративную карту для «представительских расходов». «КЗОФ» всегда выставлял заказчикам счета по си-

стеме «издержки плюс вознаграждение», то есть брал действительную «стоимость проделанной работы» (учитывая съеденные мной из мини-бара пакетики кешью по 8 долларов и бутылочки виски «Лагавулин» по 12 долларов), добавляли к ней 25 процентов и направляли счет правительству Словстакии, или в ДВБ, или чьи там еще заказы они выполняли в тот момент. Чем больше я тратила, тем больше они получали.

Хорошо, конечно, жить в берлинском бомжатнике, трахаться с юными идеалистами и добывать на помойках фриганскую еду в компании недоучек, отчисленных из Массачусетского технологического института и углубившихся в эксперименты с молекулярной гастрономией. Время от времени я так и делаю — в виде каникул. Но лучшие моменты таких каникул — заканчивать их в чудесном безымянном отеле, одинаковом на всех континентах, с бассейном на крыше, спа-массажем и уроками йоги. Обычно их ведут ольги — это такие борисы женского пола с фигурками как у куклы Барби и безупречной кожей.

У меня не было нужды напрашиваться в гости к моей давней подружке в Окленде. Я поехала к ней просто потому, что хотела этого.

* * *

Кэрри Джонстон не одобрила ни один из предложенных мной ресторанов, отвергла даже «Трейдер Викс» в Ист-Бэй, который я считала весьма утонченным местом. Следует учесть, что я была семнадцатилетней девчонкой и заказывала исключительно безалкогольные коктейли, начиная от «софт банана кау» и заканчивая «но тай май тай».

Как позже выяснилось, излюбленными местами Джонстон были стейкхаусы с отдельными кабинетами и винными картами толще, чем их фирменные стейки.

Дело в том, что после трех или четырех больших бокалов красного — обычно «бордо» середины 1980-х, оплата с ее правительственной карты AmEx — она начинала говорить чуть громче обычного и теряла осмотрительность, и благодаря отдельным кабинетам ей не приходилось к концу вечера направлять в заведение группу захвата, чтобы те швырнули в секретную тюрьму гостей за соседними столиками, случайно услышавших слишком много. Было и еще одно преимущество: когда я сидела в отдельном кабинете, никому не было дела до того, что мне

всего семнадцать, благодаря чему я стала чуть ли не единственной из сверстниц, имеющей собственное мнение о букете красного вина, выдержанного в дубовых бочках (на мой взгляд, оно не заслуживает звания премиального).

На первой встрече, когда она налила мне бокал, я подумала, что она меня проверяет, но позже поняла, что второй бокал появляется на столе тогда, когда ее слегка развозит и начинается обычная девчачья болтовня. Я говорила о Кэрри Джонстон с Маркусом и знаю, что он считает ее биороботом стофутового роста в женском обличье, с лазерными глазами, но на самом деле она такая издерганная просто потому, что внутри у нее скрыто много смутного и темного. В чем, надо сказать, она мало отличается от Маркуса. Или от меня. (Но у нее на удивление мало общего с Ильзой, Волчицей СС.)

Она была совершенно ошеломлена тем, что я рассказала ей за первым бокалом. Потом пошел второй бокал, и, когда он опустел на три четверти, мы переключились на ее хвастовство о том, чем она занимается, о том, как много народу докладывает ей о своих действиях, о ее новеньких роскошных следящих устройствах для сотовых телефонов, об анализе данных, полученных из би-

летной системы городского транспорта, о битвах, которые ей пришлось вести с «Гугл» и «Йаху», чтобы попасть в их дата-центры.

Не скрою, меня это впечатлило. Когда мне было тринадцать, я додумалась, как проникнуть в голосовую почту всех моих школьных друзей. Это было нетрудно: всего лишь скачать из интернета программу, подменяющую мой номер телефона. В те времена при звонках на голосовую почту не требовалось вводить пин-код; я звонила на номер голосовой почты операторов «Т-Мобайл» или «Спринт», выдавая номера моих друзей за собственные, и слушала все их сохраненные и новые сообщения.

Это, конечно, было нехорошо, но, боже мой, до чего же увлекательно. Никакого риска быть пойманной, даже если я расслаблюсь и забуду помечать их сообщения как непрослушанные. Когда вы в последний раз обращали внимание на флажки возле голосовой почты — новое или старое? У голосовых сообщений есть грязная тайна — их никто не любит, однако в те времена текстовая переписка еще не стала привычным способом избегать людей, продолжая с ними общаться, поэтому голосовая почта была кладезем секретной информации, сплетен и темных

тайн. Оказывается, голосовые сообщения — это замечательный способ выразить друзьям свое презрение и гнев, поругаться с бывшим по поводу безобразного расставания, а иногда, в парочке особенно запомнившихся случаев, высказать случайному знакомому, подцепленному на прошлой неделе, чтобы показал свое хозяйство доктору, пока не начал мочиться жидким пламенем.

Чувствую ваше неодобрение. Так держать. На самом деле вы никогда не занимались этой дрянью по одной-единственной причине — не додумались. Гарантирую на сто процентов — если начнете, то уже не сможете остановиться. Все мы пленники своих тел, нам не дано узнать, что же в действительности хочет или чувствует другой человек. Величайшая загадка человеческого существа — какого черта оно так старательно пытается выяснить, чем сейчас заняты другие люди. Прослушивая эти личные моменты, какими бы банальными или скучными они ни казались, я поняла о своей сути больше, чем смогла бы за десять лет психоанализа.

К этому добавляется упоение властью, сладкое понимание того, что ты знаешь об окружающих такие вещи, которых они даже сами о себе не знают. Вспомните, какие странные игры затеваются

в средней школе, как девчонки объединяются по трое, а потом начинают исключать из своей компании то одну, то другую, представьте себе, какие гадости они говорят, когда думают, что их никто не слышит. Думаете, вы в средней школе не захотели бы это подслушать? Врете.

Дело в том, что, когда Кэрри Джонстон начала рассказывать, какие фокусы она может вытворять с доступными источниками данных, я сразу распознала родственную душу. В конце концов я завязала с голосовой почтой, потому что у меня образовалась собственная небольшая компания друзей, и они были хорошие люди, я не могла заставить себя шпионить за ними, а потом и весь остальной шпионаж показался делом недостойным. Однако встреча с Джонстон показала: инстинкты у меня еще работают.

У Джонстон имелось то, чего не было у меня, — автоматизация. Она описывала наборы инструментов для множества разных дел: для автоматической классификации информационных каскадов, для комплектования перехваченных сведений в индексируемые базы, для поиска единственной чужеродной песчинки среди океана данных, и меня охватывало ни на что не похожее чувство. Наиболее близким эквивален-

том можно назвать возбуждение, но это чувство полностью концентрировалось выше пояса.

Слушая ее рассказ, я поймала себя на том, что прикидываю, как можно улучшить ее механизмы. Джонстон получала свои коды от подрядчиков из разведки, неолитических предков «КЗОФа», и они старались произвести впечатление на начальников Джонстон, тех, кто выписывает чеки по неконкурентным контрактам на поставки. Но на стадии закупок никто не советовался с людьми, которым предстояло непосредственно работать с этими программами, поэтому у разработчиков не возникало даже мысли оптимизировать свои коды под конечного пользователя.

На самом деле Джонстон понимала, что с ее инструментами что-то не так, но не могла объяснить, что же именно. Кроме того, дефекты в этих инструментах давали ей возможность скромно похвастаться, например: «Вы даже не представляете, как трудно было найти корреляцию данных о местоположении пары миллионов мобильников со списком друзей из MySpace». Слушая ее, я видела и даже чувствовала, что эти инструменты никуда не годятся и что я могла бы улучшить их.

— Кэрри! — Я прикончила свой бокал вина, а Кэрри уже перешла к третьему. После второго

бокала она велела называть ее просто Кэрри, и никаких «мисс Джонстон».

— Что, Маша? — Она с трудом сфокусировала взгляд на мне.

— Можно я скажу откровенно?

Она повертела головой, словно только что заметила, что я всего лишь отвязный подросток.

— Выкладывай.

— Вы никогда не задумывались о… — Из меня бурным потоком выплеснулись все сумасбродные идеи, какие я мечтала воплотить, когда намеревалась заполучить весь мир в «режиме бога», чтобы видеть все заключенные в нем данные и манипулировать ими. Начинала осторожно, вглядываясь в ее чуть поплывшее от выпивки непроницаемое лицо, но потом меня понесло. Посреди рассказа я налила себе еще один бокал вина, и под конец он опустел. Мне было жарко, но руки покрылись холодным потом.

— Гм. — Она долго глядела в потолок, потом вылила себе остатки вина и выпила. — Слышала выражение «Не учи батьку детей делать»?

Честно говоря, не слышала, потому что была обычным подростком из Сан-Франциско, а не отпетым сорванцом. Но позже докопалась до смысла этого выражения. Как я и думала, ничего

хорошего.

— Послушай, малышка, я занималась этой работой, еще когда ты была зародышем. И я в ней очень, очень хороша. А ты, наоборот, всего лишь дитя. Пойми меня правильно, сегодня ты мне здорово помогла, но не думай, что мы там впустую просиживаем штаны и только и ждем, когда придет вот такая умненькая козявка и научит нас уму-разуму.

Любители раскладывать все по полочкам умеют делать непроницаемые лица. Вот и я постаралась. Возможно, у меня даже получилось. Но в душе я словно получила пощечину. Джонстон умела в мгновение ока переходить от расслабленной дружеской болтовни к яростной злобе. Выглядело это пугающе, и она наверняка об этом знала. Больше всего на свете мне хотелось встать из-за стола, уйти из этого кабинета, из этого ресторана, но я не могла. Я сама загнала себя в этот угол. Гонялась за этой женщиной, искала встречи с ней. А теперь у меня сложилось впечатление, что стоит тебе попасть на радары к Кэрри Джонстон, и ты уже никуда не соскочишь.

Она продолжала:

— Я говорю потому, что тебе надо это знать. Ты довольно умна и обладаешь потенциалом разви-

тия. Я могла бы взять тебя на работу. Но все вы, технари, заражены одной и той же болезнью, она называется «солюционизм». В каждой проблеме вы видите математическую задачу, считаете, что каждая задача имеет решение и эти решения носят технологический характер. Вы гоняетесь за этими решениями и не даете себе труда остановиться и задуматься, а не возникнет ли другая, более сложная задача в тот самый миг, когда вы «решили» текущую. На самом деле эти новые задачи вас только радуют! Они из той серии, которую вы, солюционисты, называете «фича, а не баг», и поэтому вы, получив новую задачу, начинаете со свежими силами опять искать решение. Вам не приходит в голову притормозить и внимательно посмотреть на людей, на системы, на политику; вы признаёте только технологию, которая поможет приспособить все это под ваши нужды.[17]

В ее долгом взгляде горели тысяча суровых ватт неодобрения и нетерпения. Мне бы полагалось что-нибудь сказать, но я опьянела — наполовину от вина, наполовину от ужаса — и на ум не шли

[17] Примечания: 17

Солюционизм — вера в то, что любые социальные и политические проблемы можно решить с помощью технологий, игнорируя сложность человеческих и этических факторов.

никакие слова.

— Что, простите? — пискнула я тихо, как мышка.

— Что-что, ничего. Мне не нужны твои извинения, нужен твой ум. Подумай о том, что я сказала. Я сама выйду на связь. Теперь можешь идти.

Совершенно ошарашенная, я… встала и ушла. Она уже набирала что-то на своем КПК, огромном гаджете казенного образца с каучуковыми накладками и короткой толстой антенной. Это было еще до того, как в моду вошли смартфоны, и подобные карманные компьютеры вскоре перестали эволюционировать и превратились в вымерших родственников того многообразия, какое мы видим сегодня. А в те времена это был один из лучших образцов цифрового оружия, и я мечтала о нем с жаром, способным воспламенить тысячу солнц.

Очнулась я уже на улице в Файнэншл-дистрикте, в той его части, которая граничит с Тендерлойном, на равном расстоянии между дешевым пойлом и дорогим скотчем. Холодный, сырой ночной воздух отрезвил меня. Я попыталась понять, что же это было. Мне предложили работу? Угрожали? И то и другое?

На пороге мама сурово оглядела меня и сказала

по-русски:

— От тебя разит перегаром.

Я ответила невозмутимым взглядом:

— Тогда пойду почищу зубы.

И всю дорогу вверх по лестнице чувствовала, как ее глаза буравят мне спину.

* * *

Я распрощалась с работой в области информационной безопасности, но, не будь дурой, знала, что с самой отраслью я расставаться не собираюсь. Я обладала весьма специфичными навыками и понимала, что единственное их применение — шпионить за людьми или, возможно, наоборот, — помогать им избегать слежки. Когда я чувствовала себя безнадежно тупой — а за годы работы в «КЗОФ» это происходило регулярно, — я представляла себе, как переезжаю в Берлин, нахожу инвесторов и организую «социальное предприятие», снабжающее демонстрантов легкими в применении средствами оперативной маскировки. В моих мечтах это было что-то вроде покаяния, которое тем не менее хорошо оплачивалось, и я быстро богатела, спасая ни в чем не повинных Кристин со всего мира от всяких короткопалых борисов, норовящих потыкать

их электрошокерами в самые чувствительные места.

Я понимала, что мечта эта дурацкая. Никто на свете не собирается платить за защиту информации, пока не станет слишком поздно. Конфиденциальность — это вроде сигарет. Один-единственный вдох дыма не вызовет у вас рака, но выкурите много — и конец неминуем, а когда вы поймете, что болезнь уже засела внутри, будет поздно. Курение — это моментальное удовольствие и отсроченная боль, примерно как кусок торта или секс с красивыми, но сволочными парнями. Это подлянка самого гадкого сорта, потому что последствия наступают значительно позже самих действий и сильно удалены от них. Это все равно что учиться играть в бейсбол примерно таким образом: вы закрыли глаза, замахнулись, ушли домой и полгода ждете, пока кто-нибудь придет и скажет, попали вы по мячу или нет. Точно так же нельзя научиться отличать безвредные решения по защите информации от гибельных, если раскрыть свои данные миллион раз и подождать десять лет. Одна из утечек непременно погубит вас.

Индустрия закачивает конфиденциальные данные в свои облака примерно так же, как

углеводородные магнаты насыщают атмосферу углекислым газом. Подобно миллиардерам, сделавшим состояние на ископаемом топливе, магнаты экономики слежения кровно заинтересованы держать нас в неведении насчет того, когда и как это ударит по нам и ударит ли вообще. Когда изменения климата достигнут такой степени, что их нельзя будет отрицать, станет уже поздно: мы закачаем в атмосферу слишком много углекислого газа, и моря неизбежно поглотят сушу. Когда инфоапокалипсис станет очевиден даже тем, кто зарабатывает на его отрицании, будет уже поздно. Любые собранные вами данные, вероятно утекут. Любые данные, которые вы хотите сохранить, неизбежно утекут… А ведь мы наделяем способностью собирать данные даже простые электрические лампочки. Поздно уже декарбонизировать экономику, основанную на слежении.[18]

Мне срочно надо было поплакаться кому-нибудь в жилетку. Пока я работала в ДВБ, обычно все остальные плакались в жилетку мне. На

[18] Примечания: 18

Декарбонизация — сокращение выбросов CO_2 и отказ от ископаемого топлива. Здесь слово используется метафорически: экономика слежки настолько укоренилась, что избавиться от нее так же сложно, как от углерода в энергетике.

наших корпоративах кто-нибудь непременно отзывал меня в сторонку и тихо признавался, как ему стыдно за все, что мы делаем. Это было задолго до того, как мы услышали о Сноудене, однако он был не единственным среди шпионов, кто всегда носил при себе тексты первых десяти поправок к Конституции и президентского указа 12333 — секретной директивы рейгановской эпохи, с помощью которой начальство убеждало нас, что вся наша деятельность укладывается в рамки закона. Выслушивая чужие исповеди, я начинала думать, что нахожусь на стороне ангелов. Даже если не собираюсь ничего делать с услышанной информацией.

* * *

Работа в ДВБ вместе с Кэрри Джонстон чем-то напоминала мафию, с той лишь разницей, что нам не приходилось подкупать полицию, чтобы она нас прикрывала. Мы сами были полицией. Моим первым рабочим местом стал трейлер под названием «Сибирь», расположенный в дальнем конце огороженной площадки, на которой Джонстон приказала устроить свое подразделение. Я приходила туда после школы и по выходным, вместе с восемью другими младшими аналити-

ками обрабатывала «разведывательные отчеты», предоставленные радиоэлектронной разведкой. Занятие было до чертиков бесячее, так как я видела, что все данные испорчены Маркусом и его икснетовскими болванами, и это было очевидно не только по характеру самих данных, но и по их каналам связи, давно и хорошо мне известным.

Так что я старательно заполняла отчет за отчетом, неизменно указывая, что все эти сведения — полная чушь, что системы, которым положено вычислять, что же происходит в городе, поглощают испорченные входные данные и потому выдают лютый треш. Барахло ввели — барахло и получили.

После месяца такой работы я была готова уйти, но почему-то не ушла. Я пересекалась с Джонстон по меньшей мере один раз за смену, она сверлила меня взглядом и спрашивала, нравится ли мне работа. Я лучезарно улыбалась ей и говорила, что беспредельно счастлива и считаю за честь служить своей стране. Не хватало только радовать ее признанием, что в этом трейлере я тихо схожу с ума. В довершение картины остальные аналитики были ретивыми щенками из Вест-Пойнтской военной академии и относились к своей работе так серьезно, что произносили слова «родная

страна» без малейшего намека на иронию.

Как же они меня достали. Спасало меня только то, что эта патриотическая компашка не совпадала со мной по времени — я приходила в четыре часа дня после школы и работала до десяти вечера, а они обычно уходили ровно в пять, что давало мне целых пять часов тишины, когда никто из этих недоделанных вояк не пялился на мои сиськи.

Единственным недостатком было то, что иногда я начинала сходить с ума от одиночества. Меня снедала простая человеческая потребность поболтать о том о сем. Некоторые уборщицы были довольно приятными девушками, однако они не заходили в мой трейлер, пока я была внутри. Так что, если хотелось убить время, я шла погулять и якобы случайно натыкалась на них где-нибудь на территории.

Однажды вечером я вот так прогуливалась, любуясь на тонкий, как ноготь, полумесяц, окутанный извечной дымкой Залива, и вдруг уловила запах сигаретного дыма. Курение находилось под строгим запретом, вся территория была оклеена грозными вывесками, и военная полиция, поймав нарушителя, моментально накладывала штраф. Оглядевшись, я заметила,

как мелькнул и опустился огонек сигареты, подносимый невидимой рукой к невидимым губам. Я прищурилась.

— Для начальства делают исключение, — послышался усталый голос Кэрри Джонстон.

— У вас ничего не случилось? — Я сильно рисковала. Она была не из тех, кто любит слезливую девчачью болтовню.

Она впилась в меня своим фирменным вымораживающим взглядом. Я отложила его на полочку. Еще одна затяжка, в тумане поплыло облачко дыма.

Она вздохнула.

— Политика. — Еще затяжка. Ну и вонь. — Посмотри, все это… — Она повела рукой. — Имеет немалую цену. В деньгах, понятно. И требует вложения больших личных сил. Дело в том, что я трачу свой бюджет и на то, и на другое. — Она огляделась. — Все эти люди — они здесь, потому что здесь есть я. Без меня все рухнет. В столице на меня многие точат ножи, уж поверь на слово.

К этому времени я уже научилась держать язык за зубами.

Она затоптала окурок:

— Мне, пожалуй, надо немного поспать. Утром все будет выглядеть не так мрачно.

Я отважилась:

— Благодарю вас, Кэрри. На ваших плечах лежит огромный груз.

В первый миг мне показалось, что она оторвет мне голову. Я сжалась.

Но в ее глазах блеснули слезы. Она сморгнула их.

— Спасибо. — Голос звучал хрипло. Она пошла обратно в свой трейлер, а я в свой.

Весь остаток вечера я складывала в один файл всё, что знала о ребятах из икснета: имена, возможные действия, телефонные номера, адреса, диаграммы информационного каскада. Записала все это на флешку — в те времена мы еще не опасались перепрошитых USB-устройств, и флешки стали основным средством распространения вредоносных программ, уничтожающих сеть. И опять пошла к ее трейлеру. Постучалась в дверь, поглядела в камеру, установленную над считывателем ключей-карт, подождала. Даже на промозглом холоде почувствовала, как под мышками течет пот.

Она заставила меня ждать. Я уже начала подумывать, не уйти ли, как вдруг дверь распахнулась.

— Чего тебе?

Я протянула ей флешку.

— Что это?

— Независимый проект. — Я попыталась говорить как можно увереннее, но с губ сорвался какой-то кошачий писк. Джонстон умела превращать меня в испуганного младенца.

Она вгляделась в меня, подержала флешку в руке, будто взвешивая. Потом кивнула.

— Ладно. — Улыбнулась натянуто, одними губами. — Спасибо, малышка.

— Не за что. — На сей раз получилось лучше, более уверенно.

— Можешь идти.

Я поняла намек. Меня подвезли до Саут-Бич, там я успела на ночной автобус. Недавно я заказала на «Амазоне» целую пачку манги, радуясь, что размеры нового заработка позволяют их покупать, а долгая дорога до работы дает время почитать. С прежними подругами мы теперь почти не разговаривали, потому что свободные вечера выпадали мне не чаще раза в месяц, и за ланчем я засыпала на ходу. Но я изо всех сил старалась держаться в курсе их восторженных разговоров о «Ван-Пис» и «Баскетболе Куроко» и время от времени вставлять хоть пару осмысленных слов, даже если для этого придется

таскать в рюкзаке японско-английский словарь.

«Ван-Пис» унес меня в мир пиратских сокровищ и на-помнил о тех временах, когда мы с подружками носились по улицам Сан-Франциско, упоенно играя в «Харадзюку Фан Мэднесс». После теракта на Бэй-Бридж нас всех выбило из привычной колеи, каждую по-своему. Я, надо признаться, оказалась никуда не годной подругой. Но и они повели себя не лучше. Таниша и Бекки вдребезги разругались и перестали разговаривать, и, если кто-то из нас вскользь упоминал о другой, обиженно умолкали и под надуманным предлогом уходили. Люсия стала ужасно навязчивой, могла написать в три часа ночи и потребовать объяснений, что ты хотела сказать невзначай оброненной репликой три дня назад.

Мне надо было бы оставаться рядом с ними. Ведь это я познакомила их друг с другом, я была осью, вокруг которой вращалась наша дружеская компания. А я вместо этого охотилась за бестолковыми ребятишками, объявившими войну «войне против террора», и ничего не делала, глядя, как подруги отходят все дальше и дальше. Я отложила комикс, достала телефон и начала просматривать обрывки неоконченных бесед, каждая из которых ждала ответа от меня.

Набрала ответы каждой подруге, извинилась за свое исчезновение и спросила, как дела. Получилось как-то очень буднично. Шесть пропущенных звонков от мамы, которую я несколько недель назад поставила на беззвучный режим, иначе она по вечерам не давала бы мне работать. Она была уверена, что я связалась с каким-то парнем и ночами напролет кувыркаюсь с ним, и, честно говоря, проще было оставить ее в этой уверенности, чем объяснять про свои реальные занятия. Во-первых, в маминой голове прочно засела привитая в СССР боязнь всего, что связано со слежкой, а во-вторых, приятно было узнать, что она считает меня способной хоть на какие-то отношения с парнями, ведь она много лет внушала мне, что с такими толстыми бедрами я навеки останусь старой девой.

Мы с мамой были не в ладах с тех пор, как я еще подростком потребовала права ездить на метро по своему проездному куда хочу и с кем хочу. Мы с ней прошли через эпические битвы, когда она пыталась запирать меня дома и отбирать деньги. Она-то в свое время бродила по улицам Ленинграда в любое время дня и ночи, пока ее родители работали в каком-то унылом министерстве, и, на мой девчачий взгляд, не имела

никакого морального права твердить мне, что на улицах Сан-Франциско опасностей больше, чем на ее родине (или у меня ума меньше, чем было у нее). Вдобавок от меня ожидали помощи с готовкой и домашними хлопотами, потому что отца не стало, когда мне было восемь лет, и я заявила: если дома ко мне можно относиться как к маленькой взрослой, то и вне дома я имею право вести себя самостоятельно.

Размышления о маме снова напомнили мне о Кэрри Джонстон. От меня не ускользнул символизм этого. Ознакомилась ли Джонстон с данными, которые я ей передала? Собирается ли позвонить мне, пока я не приехала домой, и сказать, что теперь считает меня своей подружкой? Или просто бросит флешку в ящик стола и забудет о ней навсегда? А если завтра, когда я приду на работу, военная полиция преградит мне дорогу и вышвырнет за порог с такой же быстротой и секретностью, с какой приняла меня на работу?

Моя остановка. Пора идти домой.

* * *

Я собрала шмотки в коробку и перетащила в командный трейлер к Кэрри Джонстон. У пацанов из моего трейлера буквально отвисли

челюсти. Им не терпелось расспросить, каким женским колдовством я сумела выбить повышение (они были очень высокого мнения о своей работе на том основании, что без конца болтали о ней, и очень низкого — о моей, потому что я помалкивала). Может, я синхронизировала свои месячные с начальницей и тем самым внушила ей обманчиво высокие представления о своей компетентности?

Я с огромным удовольствием развеяла их домыслы.

Джонстон выждала два дня и наконец заговорила со мной о флешке. То ли у нее имелись более важные дела, то ли ей хотелось подержать меня в напряжении, не знаю. Скорее всего, второе, ибо к тому времени, когда она позвала меня, я уже подскакивала, как заяц, от каждого шороха и униженно радовалась, что на сей раз неприятности обошли меня стороной.

Моя новая должность называлась «ассистент по особым поручениям». Понятия не имею, что это означало.

— Ты ручаешься за эту схему? — Кэрри ткнула пальцем в экран — двадцатисемидюймовый электроннолучевой дисплей, занимавший практически весь стол. От нее пахло сигаретами, глаза

покраснели, но прическа была уложена волосок к волоску и благоухала какими-то дорогущими средствами.

На экране светился мой анализ информационного каскада. Мои бывшие коллеги вытянулись бы по стойке «смирно» и отчеканили: «О, да! Так точно!» Но я не такова. Внимательно вглядевшись в схему, указала на один узел:

— Вот эта линия толще, чем надо. Не уверена, что этот парень отдает приказы вон тем пяти; возможно, это просто совпадение. Или он чаще них читает новости. Но в любом случае его следует отметить пунктиром.

Она впилась в меня суровым взглядом:

— Люблю тщательный анализ.

Лишь позже я поняла истинный смысл ее слов: «Люблю, когда другие ведут себя осторожно, чтобы у меня была возможность совершать любые безрассудства».

Меня не удостоили стола рядом с ней, зато усадили в просторный закуток в задней части трейлера, и оттуда я слышала всех, кто входит и докладывает ей, слышала все ее телефонные разговоры. Она предпочитала делать самую грязную работу по телефону. И если я в электронном письме задавала сложный вопрос, она подзывала

меня к своему столу обсудить его. Ясное дело, есть темы, которые не следует излагать в письменном виде; она мне этого не объясняла, но я ведь и сама не дура.

M1k3y был, конечно, не Малкольм Икс и не Лев Троцкий, однако умел писать зажигательные посты, которые мгновенно разлетались по сети. Я с увлечением следила, как его сводки в икснете быстро становятся вирусными, и, наблюдая, кто и как ими делится, сумела разделить икснеттеров на группы по интересам: отрицатели всего на свете, латиноамериканцы, темнокожие ребята, воскресные бойцы, суперботаники, хвастуны, пересылатели. Написала для игры «Заводной грабеж» примитивный бот, который щедро прокачивал каждого встречного, а затем с помощью разных уловок пытался выспросить их настоящие имена и кто у них друзья. Разработала вирусные анкеты, предлагавшие ответить на длинный список вопросов, узнать, какой ты икснеттер, а потом перейти по ссылке на уникальный адрес и поделиться результатом с друзьями. Таким образом я узнавала, кто с кем дружит. Замысел работал как часы, и моя каскадная диаграмма обрастала подробностями.

Часто, но не каждый день Кэрри Джонстон

приходила в мой конец трейлера и смотрела мне через плечо. Я ежедневно посылала ей обновления и хранила результаты на расшаренном диске, но ей нравилось смотреть, как я работаю.

Через две недели начались аресты.

Это нельзя было назвать обезглавливающим ударом. Если перевести каскадные диаграммы в табличный вид и отсортировать по сфере влияния каждого имени, то будет видно, что те, кого Кэрри Джонстон отправила в полицию, составляют немалую часть средней трети — это люди, в «подчинении» у которых находятся четверо-пятеро, — и процентов десять главных авторитетов. На той неделе она редко показывалась в трейлере. Если и заходила, то всего на несколько минут, да и то лишь для напряженного разговора с кем-нибудь на базе. И даже когда работа затягивалась безумно надолго, Кэрри всегда выглядела свежей и бодрой, без единой морщинки, с идеальным макияжем и безупречной стрижкой. Непрерывный поток ассистентов постоянно приносил ей свежую одежду, еще запакованную в пакеты после химчистки, она переодевалась в туалетной кабинке и делала макияж при помощи вебкамеры. Эта способность краситься, глядя в вебкамеру, когда все ракурсы перевернуты,

пугала даже сильнее, чем привычка мгновенно переключаться из приветливой подружки в Снежную королеву. Кроме того, мне казалось, что она постоянно перезаписывает свое видео снова и снова.

У икснетовских ребят не было шансов на спасение. Они, конечно, насмехались над нашими детекторами радиомаячков, пользовались средствами анонимизации и защиты, перемешивали проездные на метро, чтобы запутать устройства на байесовом анализе, но все эти методы хороши лишь для борьбы с массовой слежкой. А если мы решали целенаправленно следить за кем-нибудь из этих щенят, ничего поделать они не могли. Мы рассылали им письма и сообщения со зловредными вложениями, которые брали под контроль их иксбоксы. Ребятки, хотите совет? Если все вы пользуетесь одной и той же версией «безопасной» операционной системы, которую поддерживает только горстка чокнутых энтузиастов в свободное время, то ваши враги отыщут в ней целую кучу уязвимостей и создадут эксплойты для каждого из вас. Со временем иксбоксы превратились в рассадники, постепенно заразившие все вокруг, от видеомагнитофонов до струйных принтеров.

Главной нашей проблемой было не раздобыть

данные, а разобраться в них. Эти умники были открыты нараспашку, мы перекачивали к себе все подробности их жизни, даже не успевая хорошенько приглядеться.

— Жесткие диски — штука дешевая. Сохраним все, что есть, проведем поиск по ключевым словам, а когда наткнемся на что-нибудь важное, вернемся и прошерстим то, что уже у нас имеется.

Кэрри Джонстон этот план не одобрила. Она явилась за несколько минут до полуночи, когда я уже собиралась уходить. В качестве одной из привилегий моей новой работы меня подвозили домой на шикарной машине за счет ДВБ. Мама еще не застукала ни одного из моих появлений на блестящей черной тачке, а когда застукает, сочиню ей что-нибудь. Может быть, даже расскажу правду.

— Разумеется, мы сохраним все эти данные, но, кроме того, надо их обрабатывать. Я не хочу после следующего теракта объяснять своему начальству, почему мы проморгали ранние предупреждающие знаки.

Я заговорила, тщательно подбирая слова. Она легко могла вспылить, даже (особенно) если считала тебя одной из своих любимых игрушек.

— Мы ищем иголки в стоге сена. Почти все, что мы выудим из стога, будет сеном. Простая математика: если мелкое дурачье по численности в тысячу раз превосходит террористов, то наши методы будут выявлять девятьсот девяносто девять безвредных болванов на каждого злоумышленника. Если мы сохраним все, то сможем вернуться к любому моменту прошедшего времени; обнаружив, что кто-то ведет себя гораздо хуже, чем предполагалось сначала, мы восстановим все его социальные связи, вычислим всех, с кем он говорил, и всех, с кем говорили они.

— Реагировать на события, которые уже произошли, это хорошо, но недостаточно. Надо действовать на упреждение. Пока я на страже, новых атак не будет. — Она была так холодна, что мне захотелось зябко поежиться.

— Мисс Джонстон, — выпалила я. — Послушайте, это же простая математика. С ней не поспоришь. Их тысячи, а нас всего десятки. Мы можем слышать, что они говорят, и смотреть, что они делают, но нам физически не хватит времени следить за каждым из них. Если мы будем автоматически помечать любого, кто может оказаться чудовищем, то в наши сети будут попадаться в основном болваны, и у нас не хватит людских

ресурсов рассортировать этот поток.

— Похоже, ты не доверяешь инструментам…

Еще бы, конечно, не доверяю. Вы когда-нибудь писали программы? Надежность — не главное их качество.

— Компьютеры — прекрасные измерительные приборы. Но я понятия не имею, как измерить степень угрозы, исходящей от человека, на основе собранных нами данных.

Она вскинула голову:

— Поставщик этого программного обеспечения разработал его специально для поиска злоумышленников. Программы способны проделать это или нет?

— Способны. — Я проглотила подступивший к горлу комок. — Если вас не напрягает, что при этом вы схватите множество добропорядочных граждан.

Другими словами: арестуйте весь город, и можете быть уверены, что поймали преступников.

— Это меня мало волнует.

— Но…

Она вскинула руку, пронзила меня воинственным взглядом, достойным Рэмбо на стимуляторах, и я быстро заткнулась. Сердце колотилось как сумасшедшее. Вот так она на меня действо-

вала — одними только жестами и пылающим взглядом могла рассечь меня пополам и извлечь внутренности наружу. Похоже, таким навыком владеют только лучшие представители шпионской братии, а может, он предшествует карьерному успеху в области шпионажа. Так умела делать Ильза — ей не надо было даже повышать голос, она вымораживала вас одними глазами. Я так и не смогла освоить это умение, зато научилась противостоять ему, что впоследствии помогло мне сохранить здоровую психику.

Я не знала, что сказать. Была готова пообещать ей все что угодно, лишь бы заслужить ее одобрение. Но при этом понимала, что придется выполнять любые свои обещания.

Она подождала, пока я подумаю над этим, потом повернулась ко мне спиной и шагнула к выходу из трейлера. В дверях обернулась:

— Я собираюсь назначить встречи кое с кем из стратегических партнеров. С представителями компаний, благодаря которым мы способны выполнить все, чего ожидает от нас страна. Я хочу, чтобы ты присутствовала на этих встречах.

Я понимала, что эти встречи будут происходить в дневное время и ради них мне придется прогуливать школу. А значит, учителя будут на-

званивать маме. Кэрри предлагала мне выбирать между ее гневом и маминым. При такой постановке вопроса выбор дался мне без труда.

Глава 3

Массовые аресты — дело хлопотное. Оперативники, заведовавшие тюрьмой Гуантанамо-в-Заливе, не испытывали нужды в деньгах, но не в их силах было заставить бетон твердеть быстрее, да и матрасы с кухонными плитами не могли появиться в Сан-Франциско по взмаху волшебной палочки. Мало того, для такой работы нельзя было нанимать кого попало, тут требовались люди с допуском, и почти все они служили в компаниях наподобие «КЗОФ», прекрасно понимавших, что строительство новых тюрем оплачивается на повременной основе, а значит, спешить некуда.

Многих арестованных предстояло посадить за решетку. Кэрри Джонстон приказала хватать всех подряд, не беспокоясь о ложноположительных результатах, поэтому пришлось сначала удвоить, потом утроить количество тюремных камер. Джонстон охотно продвигала по карьерной лестнице людей, умеющих решать проблемы. Например, повышение получил парень, который сумел по личной кредитной карте заказать пиццу со всего города, послал шестерок привезти

заказы, получил от правительства возмещение расходов, собрал на карте десятки тысяч бонусных миль за перелеты и помог нам выкрутиться с нехваткой кухонь — и все это за один раз. Парень он был неплохой, даже заказал половину пицц без пепперони, чтобы они были халяльными, и тем избавил немало народу от голода и от необходимости пересматривать догматы своей религии.

Но готовы не готовы, а арестанты продолжали прибывать. К счастью для нас, меры безопасности, принятые после теракта, отпугнули из Сан-Франциско туристов, и еще один умник додумался до гениальной идеи поискать что-нибудь полезное на аукционах обанкротившихся отелей. Мы мгновенно обзавелись огромным количеством матрасов.

Моя работа находилась в трех шагах от всего этого, но не думайте, что мои руки были чисты. Так устроена система: я вычислила возможные командные структуры и вручила их Кэрри Джонстон для «дальнейшего анализа» и «подтверждения», а она будет читать их электронную переписку и решать, верные ли догадки делают мои программы. Она нашла в Аризоне федерального судью, который подписал ордера на арест,

так что моя работа отчасти заключалась в том, чтобы установить, каким образом тот или иной подозреваемый связан с Аризоной — звонил ли он туда хоть раз в жизни? Получал ли оттуда спам? Если найти такую связь не удавалось, я откладывала подозреваемого в отдельный файл и Джонстон занималась ими сама, а у меня хватало ума не спрашивать, что она делает. Они тоже получали ордера на арест — это всплыло впоследствии на слушаниях. Но откуда поступили данные ордера, осталось покрыто тайной, никто не удосужился сообщить мне это, а у меня опять-таки хватало ума не спрашивать.

Как только подозреваемый оказывался за решеткой, Джонстон и ее специалисты по агентурной разведке приступали к допросам. У меня не было ни малейшего желания ввязываться в эту дрянь. Информация такого рода обеспечит мне кошмарные сны на много лет вперед. Я получала тщательно отцензурированные расшифровки, из которых была изъята вся секретная информация, и использовала их как основу для компьютерного анализа, который указывал на новых подозреваемых и приводил к новым арестам. Вспенить, ополоснуть, повторить.

Помогало ли это?

Нет.

Вот в чем загвоздка: могло бы помочь. Отчасти. Повторюсь: если не брать в голову ложноположительные результаты, то, арестовав всех жителей города, вы гарантированно посадите за решетку всех террористов. Террористы — это часть всех жителей города. Но мы арестовывали не всех подряд. Некоторые люди не вызывали никаких подозрений (то есть они были либо невиновны, либо хорошо знали свое дело), другие выглядели подозрительно, но имели связи среди прокуроров, адвокатов по гражданским правам, политиков. Или были богаты. Нельзя сказать, что им все сходило с рук: Джонстон хранила файл со списком таких полунеприкасаемых, и, как я узнала позже, многие из них под нажимом сотрудничали с нами, давая нам доступ в корпоративные дата-центры или почтовые сервера. Этим занимается агентурная разведка, а я тут совсем ни при чем.

Моей вотчиной была радиоэлектронная разведка, я писала и отлаживала программы для анализа данных, которые тем или иным путем передавала мне Джонстон. Подобной работой занималось множество народу. Уже тогда в «Гугле» и «Амазоне» трудились целые армии програм-

мистов, чья задача — улучшить эти сайты. Передвинуть кнопочку на десять пикселей влево или изменить синий цвет, которым подчеркивались ссылки, показать новую версию страницы миллиону пользователей, сравнить их действия с действиями миллиона пользователей, видевших старую версию, и внести изменения, которые подтолкнут людей к желательному результату.

Но между деятельностью этих легальных разработчиков и тем, чем занималась я, есть огромная разница. У них цель тестирования — понять, сбываются ли их предсказания. Если какой-нибудь программист с «Амазона» утверждает, что сдвинутая кнопка увеличит продажи, ему надо всего лишь сравнить объем продаж до и после изменений, и тогда он поймет, правильно ли угадал. Но я беспечно предсказывала, что одни люди террористы, а другие нет, и никогда не знала, так ли это оказалось. Вдумайтесь в ложноотрицательные посылы: почти никто не является террористом, и практически ни один террорист не занимается ничем противозаконным бóльшую часть своего времени. Если моя программа предсказывала, что реальный террорист — это совсем не террорист, то мне, скорее всего, никогда не удастся узнать о своей ошибке.

К ложноположительным результатам применима та же самая логика: поскольку даже самые настоящие террористы бóльшую часть времени не занимаются терроpом, то факт, что мы арестовали вас, но не смогли найти никаких доказательств террористической деятельности, еще не означает, что вы не террорист; он означает лишь, что в данный момент вы не совершаете преступления. Следовательно, арестовав невиновного, мы не знаем, виновен он или нет, поэтому на всякий случай будем держать всех под стражей.

Это похоже на разницу между колдовством и наукой. С помощью секретных методов я накладываю на людей проклятья, и никто не собирается изучать мои приемы и находить в них изъяны (а изъянов этих очень и очень много; например, я хорошо разбираюсь в программировании, однако опираюсь только на школьный курс статистики). Значит, я буду снова и снова совершать одни и те же ошибки. И чем дольше я занималась этим, тем яснее понимала, что главная цель — не поймать настоящих злоумышленников, а просто упрятать за решетку как можно больше народу. Я воплощала в жизнь официальный силлогизм любых служб безопасности: «Черт побери, кто-то

взорвал Бэй-Бридж! Надо что-то делать!».

Я что-то делала, но отнюдь не гордилась этим.

* * *

Вот что больше всего раздражало меня в Маркусе Яллоу: он давал людям надежду, когда эта надежда могла принести только вред. Говорил, что они могут улучшить свои компьютеры и свои сети, общаться без прослушки, организовывать сети взаимной поддержки и с их помощью свергать несправедливую власть. Но я побывала по другую сторону дата-центра. Видела, как тяжело бывает замести следы, полностью соблюдать правила оперативной маскировки, разбираться, кому и когда можно доверять, написать программу без малейшего изъяна.

В реальности дело обстоит так: в истории человечества был краткий аномальный период, когда небольшая часть рабочего сословия — в основном белые мужчины — получили хоть немного политической власти. Период этот длился меньше ста лет, и теперь человечество возвращается к исходному положению: всё или ничего. Крохотное сверхбогатое меньшинство управляет всем остальным и всеми остальными. Чем умнее ваше устройство, тем труднее его перехитрить.

Технологии не создали эту краткую демократическую аномалию и не погубили ее, но теперь, когда демократия погибла, технологии, уж будьте уверены, сделают так, чтобы тот период никогда не вернулся. Те времена прошли.

Можете сколько угодно выходить на улицы и бороться за мир своей мечты, где каждому воздается по заслугам, а незаслуженные привилегии сменяются равными возможностями. С тем же успехом вы можете воевать против гравитации. Чтобы справиться с вами, современным олигархам даже нет нужды бросать вас в тюрьму, достаточно всего лишь превратить все ваши гаджеты — телефон, автомобиль, телевизор, термостат — в виртуальные кандалы, которые будут докладывать о каждом вашем слове и шаге, помогут вычислить и выследить всех ваших друзей.

Что же делать? Не пытайтесь бороться с аристократией. Лучше найдите одного, не слишком кошмарного, того, кто держит в руках бразды правления, и подружитесь с ним. Станьте ему полезным. Феодальные отношения держались на простом бартерном обмене: лорд защищает своих подданных от налетчиков, посланных другими лордами. Те обладают колоссальными возможностями — например, превратить ваш

автомобиль в оружие казни. Так что вам нужна защита. Поверьте, она вам очень нужна.

Возьмите, например, «КЗОФ». Там мы создали продукт, который подбросит вирус в ваш телефон, просто послав зараженное сообщение по вотсапу[19]. И эта штуковина заражает не только телефоны. Попав в беспроводную сеть, она осторожно просканирует ее, отыщет другие устройства и попытается залогиниться в них с помощью стандартных комбинаций паролей, например админ-админ, админ-пароль или (мое любимое) админ — нет пароля. Вы не поверите, какое множество устройств, от умных лампочек до умных термостатов или умных секс-игрушек, поддадутся на такой логин. И почти все они управляются какой-либо встроенной версией линукса, например BusyBox, поэтому, проникнув в них, зловредные программы с помощью простейшего набора команд блокируют эти устройства, чтобы туда не могли проникнуть другие зловреды, и устанавливают на них копии самих себя. Этот метод распространен удивительно широко. Чисто статистически, если у

[19] Примечания: 19

Здесь и далее упоминается Вотсап (WhatsApp) — название мессенджера, принадлежащего Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

вас есть двадцать умных устройств, наверняка одно или два из них управляются со стороны. Чаще всего эти устройства просто используются для рассылки спама, хакерских DDoS-атак или майнинга криптовалют, но существует также целая вселенная программ для слежки, с помощью которых зараженные устройства шпионят за своими владельцами. Видеокамеры сливают все, что происходит у вас дома, на секретные сервера; роутеры записывают копии всего вашего трафика и передают злоумышленникам для последующих атак; ноутбуки фиксируют каждое нажатие клавиш. Зараженные устройства могут следить за вами круглые сутки со всех возможных ракурсов.

Маркус Яллоу подставляет под удар таких, как Таниша. Таниша слабо разбирается в компьютерах и потому представляет опасность для себя и для окружающих. Она уверена, что компьютеры помогут ей сорганизовать друзей, верит, что ей удастся избежать слежки.

Таниша считает, что сумеет победить. Черта с два. Программисты вроде меня не зря едят свой хлеб.

* * *

Тьфу ты. Это полочка, на которую я никогда не заглядываю. Там лежат мои бессвязные девчачьи оправдания за то, что я работаю на Кэрри Джонстон, на Ильзу — Волчицу СС, на «КЗОФ».

Я заказала в баре еще одну водку. Она стоила бешеных денег. Но я и зарабатываю бешеные деньги.

* * *

Когда калифорнийский дорожный патруль ворвался в Гуантанамо-в-Заливе и арестовал Кэрри Джонстон, меня там не было. Я болталась в Мексике с полными карманами денег, со сломанной рукой и с новым телефоном, потому что Маркус Яллоу сломал мне руку, спер мой телефон и оставил меня одну в кузове грузовика, мчащегося на юг.

По Нижней Калифорнии толпами разгуливали серферы и потягивающие «Корону» бездельники в сомбреро. Я легко вписалась в здешний ритм жизни — купила шляпу и бикини, днем сидела на пляже, по вечерам ходила в бары. Это развлекало меня в первые семьдесят два часа. Потом

мне захотелось подсыпать яду в их маргариту и запихать им в глотки их пляжные шорты. Я купила газовый баллончик и испытала его на следующих троих парнях, попытавшихся схватить меня за задницу, потом решила, что я слишком близко подошла к самоуничтожению и пора отклониться от маршрута. Сняла маленький белый домик в горах, для поездок в город купила старенький ржавый горный велосипед, хотя лишь через несколько недель сумела въехать на нем на самую вершину.

В «чистых комнатах» в Гуантанамо-в-Заливе, где нам не разрешалось пользоваться никакой электроникой, я приучилась размышлять над вопросами, на которые невозможно сразу найти ответ в интернете. Я мысленно складывала их в коробочку, нарисованную в уголке тетрадной страницы, чтобы поискать ответ потом, когда вернусь в инфосферу.

Та же самая привычка вернулась ко мне в домике в горах. Я задавалась вопросами, сколько граммов в унции (пробовала испечь оладьи по рецепту на пачке муки), как сказать по-испански «цепное масло», что же все-таки написано в президентском указе 12333, потом кратко записывала их и ждала следующей вылазки в город,

где мой одноразовый телефон поймает сотовый сигнал. Живя на такой информационной диете, я, естественно, начала задумываться, какую пищу я запихиваю себе в мозги. К тому времени, как я выбиралась в город и должна была решать — то ли копаться в интернете в поисках ответов, то ли просто побродить по улицам или присмотреть новый гамак, чтобы подвесить его на дереве перед моим белым домиком, половина этих дурацких вопросов теряла актуальность. А ответы на вторую половину приходилось записывать, иначе я их забывала, что, в свою очередь, навело на мысль, что на самом деле эти ответы мне совершенно неинтересны.

Потом наступил день, когда в очередную вылазку по магазинам я забыла телефон дома и заметила это, только возвращаясь к себе на гору. Всю дорогу я крутила педали окрепшими ногами и совершенно не вспотела. Вдруг до меня дошло, что за весь день я ни разу не полезла за телефоном и меня это абсолютно не напрягало. Вместо этого я прекрасно провела время: торговалась с продавцами авокадо и тамале, наблюдала, как проститутки пялятся на парней, а те на них, смотрела, как помощники инструкторов перетаскивают акваланги от одного дайвинг-центра

к другому согласно какому-то сложному графику, и мой натренированный на информационные каскады мозг очень хотел его распутать.

Эти шесть месяцев, проведенные в пустыне — ну, точнее, на горе, с которой видна пустыня и еще сотня баров и дайвинг-центров, — были удивительны, потрясающи и помогли мне стать лучше. Я даже научилась нырять и наладила дружбу организмами с голландским парнем, который начинал как дайвер-любитель, потом переквалифицировался в буфетчика и вылупился из скорлупы полновесным владельцем бара с собственным местом на пляже.

О полицейской операции в Гуантанамо-в-Заливе я узна-ла чисто случайно, только потому что разрешила Андерсу отвести меня на воскресный поздний завтрак в одно из модных заведений, и там на стойке лежал номер «Нью-Йорк таймс». Я окинула взглядом заголовки, тотчас же схватила телефон и ринулась в сеть. Той ночью я спала как никогда плохо. Не потому, что тревожилась за Кэрри Джонстон; я ее боготворила, но по жизни не испытывала к ней никакой симпатии. И не потому, что боялась за себя, опасалась, что всплывет мое имя, — в ДВБ я уже считалась неофициальной перебежчицей, внештатным

«консультантом», покинувшим страну при подозрительных обстоятельствах. Пожалуй, я бы даже радовалась, получив судебный ордер на свой арест; это было бы поводом посадить меня в уютную американскую тюрьму, а не отправлять куда-нибудь в Ливию.

Нет, я всю ночь ворочалась и металась, терзаемая досадным чувством, что где-то там происходят важные события, напрямую касающиеся меня, а я о них ничего не знаю. Хотелось узнать больше. Хотелось взять телефон, прочесать весь гугл сверху донизу, а дойдя до конца, начать сначала, проверить, не упустила ли я чего-то важного. Я жаждала информации, но никакие найденные сведения не утоляли эту жажду, наоборот, делали ее острее, словно сказочная волшебная еда, которая может заморить тебя голодом.

Телефон, поставленный заряжаться, лежал на тумбочке, но сети не было. Однако я все равно хватала его чуть ли не каждую минуту и даже чуть было не кинулась одеваться, чтобы поехать в город — это глухой-то ночью. Наконец, словно пьянчуга, ожидающий полудня, чтобы открыть свое первое пиво, я с первыми лучами солнца взгромоздилась на велосипед, сверху донизу об-

лепленный яркими огнями и светоотражателями — мексиканские водители, извилистые горные дороги и предрассветная мгла плохо монтируются с велосипедными прогулками.

В кафе у Розы я была первой посетительницей. Пришла еще до того, как из сетчатой двери поплыл запах утренних буррито. Дочери Розы хлопотали на кухне, а я пила ее кошмарный кофе и торопливо стучала по телефону. Через десять минут достала ноутбук и подключилась к местному вайфаю, потому что мне необходимо (!) было открыть несколько вкладок браузера и начать глубокий поиск.

Через неделю я уехала из Мексики.

Пока Кэрри Джонстон находилась под арестом, а калифорнийские власти переругивались с федеральными — доходило до того, что Калифорния грозила прекратить перечисление налогов в федеральный бюджет и запретить в штате работу Налоговой службы! — я решила, что у всех, кто точит на меня зуб, имеются более срочные дела, и что в старых добрых США я найду себе адвоката, одного из тех, в кого так верит Маркус Яллоу.

(Кроме того, мне хотелось найти Маркуса Яллоу, потому что я еще не поквиталась с ним за сломанную руку.)

(Кроме того, может быть, из-за пережитых стрессов он поссорится со своей девчонкой.)

До Кабо ехала тридцать часов на автобусе по извилистому горному серпантину. Если посмотреть вниз с самых крутых поворотов, можно разглядеть обломки автобусов, которые не вписались. Картину дополняли рыгающие дети и (не сочиняю!) на коротком отрезке — даже куры в клетке.

Обратно я летела на «Боинге-737» компании «Саутвест Эйр». Опрокидывала один джек дэниельс за другим, используя купоны, скачанные из интернета и распечатанные на внушительной стопке бумаги (тот же сайт любезно подсказал, где в Кабо найти бумагу), и стюардессы даже не спросили, сколько мне лет. Дама на иммиграционном контроле в аэропорту Сан-Франциско и глазом не моргнула, только перевела взгляд с моего паспорта на мои налитые кровью глаза и покачала головой, а потом выразительно отвернулась, чтобы не дышать моим перегаром.

Увидев меня в дверях, мама заплакала. Я выдержала ее объятия. Не так уж неприятно. Она отругала меня по-русски за то, что я напилась. По-моему, именно для этого и был изобретен русский язык. И только уже в своей комнате, на

своей кровати, я вспомнила, что не попрощалась с Андерсом.

* * *

Кэрри Джонстон не села в тюрьму. Вместо этого она отправилась в Ирак вместе с корпорацией «ЗИЗ», назначившей ее своим вице-президентом, а перед этим пришла вербовать меня.

Когда эта женщина появилась на пороге — идеальная прическа растрепана, вместо непременного костюма тренировочные штаны и свитер, — мама не знала, что и думать. Она видела Кэрри Джонстон в телерепортажах, которые смотрела не отрываясь, пока я была в Мексике, правильно догадавшись, что мое исчезновение как-то связано с ночными новостями.

— Могу я поговорить с Машей?

Я услышала ее голос с кухни, где поглощала замороженный рогалик с толстым слоем соевого сыра. Углеводы и съедобные жиры — идеально комфортное сочетание.

— Мам, иду. — Я догадалась, что мама колеблется: то ли предложить гостье кофе, то ли вышвырнуть ее пинком под зад. Воспользовавшись паузой, я сунула ноги в потрепанные теннисные туфли и накинула худи из груды барахла на лест-

ничных перилах. — Пойдемте выпьем кофе. — Я вышла и закрыла за нами дверь, стараясь не встречаться глазами с мамой.

Едва мы отошли подальше от дома, Джонстон сказала:

— Пойдем вон в тот парк, где гуляют с собаками. Когда я шла сюда, там никого не было. — Она достала из кармана вязаную шапку и натянула на голову. Я поняла, почему она такая растрепанная. Кэрри Джонстон раньше не носила головных уборов. Но в те времена ей не надо было волноваться, что ее узнают на публике.

— Как твои дела? — Этот вопрос удивил меня даже больше, чем ее прическа. С каких пор она обо мне беспокоится?

— Жива пока. — Жаль, что я не прихватила с собой рогалик. — А ваши?

— Мои? Великолепно. — Она произнесла это с таким жаром, что я не смогла понять — шутит она или свихнулась. Она впилась в меня горящими глазами: — Уезжаю. В Ирак.

— Вы вступили в армию?

Она презрительно фыркнула:

— Я? Вкалывать на правительство? Нет уж, хватит. Теперь я работаю в частном секторе. Помнишь тех бестолковых контрагентов, что сваяли

аналитическое приложение, которое ты для меня допиливала? Даже такие бестолочи могут выкачивать из дяди Сэма миллиарды, обещая очень много и делая очень мало. А представляешь, что будет, если на рынок выйдут люди компетентные, которые знают свое дело и готовы его выполнять?

— Прекрасная идея. — Я хотела произнести это совершенно нейтральным тоном, но чуть-чуть недотянула.

— Так и есть. Просто замечательная. — Она взяла меня за плечи, развернула к себе, заглянула в глаза. Сначала мне показалось, что у нее размазалась подводка для глаз, но потом я поняла, что у нее на лице остатки вчерашнего макияжа, въевшегося и несмытого. — Маша, тебе когда-нибудь хотелось одним рывком пробиться через всякую чушь и добраться до самой сути? Например, ты знаешь, как сделать свою работу, но не можешь совладать с людьми из твоей команды, которые стоят на пути?

Казалось, она на грани психического срыва. На таком близком расстоянии я отчетливо чувствовала ее запах, несвежий, затхлый, который ассоциировался у меня скорее с пленниками, которых я помогала допрашивать, чем с Кэрри

Джонстон и ее безукоризненной прической. Запах сам по себе не такой уж плохой, но, когда он исходил от нее, впечатление было зловещее.

— Ну что?

— Конечно, бывало иногда.

— Вот именно — иногда. Потому что от худших ситуаций тебя заслоняла я. Ты наверняка думала, что я, наоборот, стою у тебя на пути. Ты никогда не понимала, а я не смогла объяснить, что я тебя защищала. Если я иногда без видимой причины отказывала тебе в чем-то, то лишь потому, что уже успела одолеть тысячу разных препятствий, которые в тысячу раз хуже. Но знаешь, кому никогда не приходилось бороться со всей этой ерундой? Частным подрядчикам, которые поставляли нам всю ту дрянь, которую тебе приходилось разгребать. Они находятся вне вертикали подчинения, живут в блаженстве на стерильных недосягаемых вершинах и смеются над нами, простыми смертными. Маша, я отправляюсь на эти высоты. — Она стиснула мне ладони, заглянула в глаза. — И хочу забрать тебя с собой.

— Спасибо, мисс Джонстон…

— Маша, не надо давать немедленный ответ. Я уезжаю через неделю. Это тебе время на размыш-

ление. Стартовая зарплата старшего технолога разведки — двести пятьдесят тысяч долларов плюс бонусы. Жилье, еда, транспорт и разрешение носить походное и боевое снаряжение.

Ни за какие деньги на свете я не поеду в Ирак, никакое разрешение не поможет мне купить боевое снаряжение, с которым я буду чувствовать себя защищенной в этом кошмаре. А уж идея запереться в бронированной крепости на краю света вместе с раздавленной, слетевшей с катушек Кэрри Джонстон? Тьфу ты.

— Мисс Джонстон, это звучит невероятно…

— Я же сказала, не надо давать немедленный ответ. Подумай хорошенько. Мы сможем совершить такое, что не удавалось еще никому. Мы будем связующим звеном между правительственными ключевыми приоритетами национальной безопасности и бедолагами, которые пытаются воплотить их в реальность. Если за эту работу не возьмемся мы, ее сделает кто-нибудь другой, из тех мужланов, что вертели нас так и эдак, пока мы тут пытались навести порядок. Из тех барышников, которые подставляют людей под пули и потом спокойно уходят, сорвав немалый куш. За мной стоят серьезные люди, они требуют результатов и обеспечивают полный комплект

всего необходимого, от транспорта и питания до безопасности — когда от внешнего мира нас ограждает такое количество охраны и брони, мы защищены лучше, чем кто-либо в том регионе, включая вице-президента, если он соблаговолит нанести нам визит. График такой: шесть месяцев в поле, месяц на передовой базе обеспечения — обычно это курортные места высшего уровня, такие как Дубай или Сингапур, пятизвездочные отели со спа и массажем, яхты, пляжные мальчики. Ежегодный оплачиваемый месячный отпуск. Частная медицина по месту расположения. Лучшие повара и настоящая еда. — Деньги, конечно, не главное, но список впечатлил. — И конечно, пенсия. Возможность приобретения акций по льготной цене. Это стартап, каких и тут немало, но с контрактами на десятилетие вперед и инвестиционным заделом еще на десять лет. Они получают доходы, получают прибыль, хотя существуют всего два года. Растут и развиваются, поглотили уже множество конкурентов. Их тоже много кто из акул хотел бы поглотить, но им это неинтересно. Они хищники, а не добыча.

Она замолчала и впилась в меня долгим пристальным взглядом. От растерянности и отчаяния не осталось и следа. Сейчас она была в ударе.

— Компания называется «ЗИЗ». Поищи о них в интернете. Как я уже сказала, уезжаю через неделю и набираю себе команду. Хочу, чтобы ты была в ней. Если нет… — Она пожала плечами. — Без обид. — Но ей не удалось скрыть недовольства.

Вся эта катавасия маму совсем не обрадовала. Она не одобряла ни моей долгой работы на Острове Сокровищ, ни побега в Мексику, ни внезапного возвращения, когда я вдруг выросла на пороге, эмоционально разбитая и пропитанная запахом текилы и океанской соли. Мама всегда умела объяснить на двух языках, до чего ее все это достало, выразительно рассказать о жертвах, на которые ей пришлось пойти ради того, чтобы у меня были те блага, которых она была лишена, потому что пережила распад Советского Союза, покинула Россию одинокой матерью с младенцем (то есть мной) на руках, приехала в страну, языка которой не знала, трудилась на двух работах, чтобы обеспечить мне материальный уровень жизни, к которому я, избалованная девчонка, привыкла.

И так далее, и тому подобное.

Задолго до теракта на Бэй-Бридж и всего, что случилось потом, я привыкла полностью отключаться от нее и не поддавалась на провокации. Но раньше, однако, мы ругались до хрипоты. Уж

не знаю, нравилось ей это или нет, но для меня символом победы была разрядка напряженности, внезапная тишина, наступавшая, когда я прекращала бой. Я научилась успешно применять типично русскую тактику — молча отойти в сторону и сделать именно то, что намеревалась, хотя тебе это недвусмысленно запретили.

За месяцы работы у Кэрри Джонстон я отточила эту тактику до совершенства. Не отвечала на вопросы, где пропадаю вечерами, почему из школы стали все чаще сообщать о моих прогулах, то и дело роняла смутные намеки, из которых мама поняла, что я занимаюсь секретной государственной работой в сфере национальной безопасности. Русские прекрасно понимают, что такое секретная работа государственной важности. Мысль о том, что я тружусь в контрразведке, пугала ее до чертиков. Но — я уверена — она меня зауважала и перестала задавать ненужные вопросы с ненужными ответами. В первые пятнадцать минут после моего возвращения из Мексики она только обнимала меня и лопотала по-русски всякие нежности, давая понять, что, как бы то ни было, она моя мать, а я ее подросший младенец. А еще через пятнадцать минут мы вернулись в состояние разрядки. Я пошла к себе в комнату, закрыла дверь,

разобрала чемодан и стала копаться в ящиках, где хранилась одежда, о существовании которой я успела забыть. Потом крадучись проскользнула к холодильнику. Мама смотрела телевизор и сделала вид, что ничего не заметила.

А когда я вернулась после встречи с Кэрри Джонстон, мама вслед за мной поднялась ко мне в комнату.

— Маша!

— Что?

— Чего хотела эта женщина?

Вот тебе и ненужные вопросы с ненужными ответами.

— Ничего, мам.

Она прикусила губу и выглянула в окно.

— Маша. — Голос прозвучал сдавленно, будто это слово, как пробка, затыкало ей горло, чтобы оттуда не могло вырваться что-то совсем лишнее.

— Ничего, мам, правда. Хотела узнать мое мнение об открывшейся вакансии в новом стартапе. — Если бы я реально собиралась пойти на эту работу, то не сказала бы ей этого. Мама догадается: если я обронила намек, значит, этот намек совершенно не важен.

Она перевела взгляд с пейзажа за окном на

мое лицо:

— Маша, не исчезай больше так. Пообещай.

Мне захотелось влепить ей пощечину. Мы ведь договаривались: она не спрашивает, куда я хожу, а я не рассказываю. Она не стыдит меня за то, что заставляю ее тревожиться, а я не прошу ее тревожиться обо мне. От злости у меня потемнело в глазах, комната превратилась в туннель с жуткими черными краями. Одна из полочек рассыпалась. Я сглотнула подступивший к горлу комок, расслабила плечи и убрала с лица гримасу. Запихнула эмоции обратно на полочку и велела сидеть там и не высовываться.

— Мама, я больше так не исчезну. — Я не добавила, каким образом исчезну, но она, кажется, не заметила. Может быть, потому что я произнесла это по-английски и она не уловила нюансов. А может быть, просто предпочла не замечать.

— Я люблю тебя, Мария. — Никто никогда не называл меня Марией, и уж тем более мама. Это имя напоминало о русском православном отце, который оставался с ней ровно до тех пор, пока не убедился, что меня не назвали еврейским именем. Еще одно напоминание о том, что когда-то я была ее малышкой.

— И я люблю тебя, мам. — Потому что любые

другие слова не остались бы без внимания, и спор разгорелся бы с новой силой. А к этому я была не готова.

Когда дверь закрылась, я просидела на кровати ровно тридцать секунд и приняла решение: еду в Ирак.

Глава 4

Я летела в Ирак на пассажирском лайнере, бизнес-классом, с бесплатной выпивкой, теплыми орешками и полностью раскладными кроватями. На пересадке в Дубае сделала маникюр, педикюр и массаж. В Багдаде сопровождающий от «ЗИЗ» ждал меня чуть ли не у трапа, еще до того, как я прошла таможню. На вид он казался простым морпехом, однако снаряжение было в тысячу раз лучше, чем то, что давали в морской пехоте, а на пальце красовалось кольцо, каким щеголяли выпускники из «Цитадели», частной военной академии, куда шли те, кто не попал в Вест-Пойнт или академию ВВС и имел туго набитый кошелек.

Я даже не успела заметить, что он держит в руках табличку с моим именем. Увидев меня, он произнес:

— Мисс Максимоу?

— Да.

— Меня зовут Хайбери, — представился он и протянул руку с кольцом. Я пожала. — Добро пожаловать в Зеленую зону. Я помогу вам прой-

ти таможню. — Пока я разевала рот, он ловко подхватил мою сумку с ноутбуком и зашагал по отполированному бетонному полу. Подошвы его армейских ботинок ступали бесшумно, как мои кроссовки. Кондиционированный воздух был странно неравномерным, полосы ледяного ветра перемежались пространствами липкой влажности, пахнущей по́том и лимонными очистителями. Я шла за Хайбери, как утенок, к таможне и паспортному контролю. Длинный коридор с высокими потолками был битком набит самыми разными людьми. Уроженцы Ближнего Востока, Африки, Южной Азии стояли с несчастным видом и обмахивались иммиграционными документами. Почти все были мужчинами, почти все с любопытством взирали на нас.

Хайбери проворно свернул в сторону и пошел вдоль стены по узкому свободному пространству, словно за боковой линией спортивной площадки. Я плелась за ним, чувствуя, как взгляды прожигают мне спину. Впереди стоял охранник с небрежно висящим на груди автоматом, из-под берета торчали густые кустистые усы. Он внимательно всмотрелся в нас, и Хайбери протянул заламинированный пропуск, висевший на ленточке, как талисман. Охранник взял его, вни-

мательно рассмотрел, кивнул. Хайбери пожал ему руку, и я заметила, как из ладони в ладонь перешло немножко американских денег. Это произошло на глазах у всех бедолаг, целый день обливавшихся потом в длинной очереди. Нас пропустили, и мы направились в багажный зал. Лента транспортера застыла неподвижно, хромированные детали покрылись пылью, большие объявления на арабском и английском грозили страшными карами за контрабанду. Мы остановились и стали ждать. Бронированная дверь в стене распахнулась, впустив порыв раскаленного пыльного ветра, и вошел еще один усатый, на сей раз в потном комбинезоне. Он катил за собой мой чемодан. Хайбери жестом остановил его и попросил у меня багажную квитанцию. Вручил ее носильщику, тот сверил квитанцию с биркой и, кивнув, вернул. При рукопожатии от Хайбери к нему перешла еще одна зеленая купюра.

Таможенная «инспекция» свелась еще к одному золотому рукопожатию, и мы вышли в зону прилетов. Повсюду толпились пассажиры и вооруженные люди. К нам протолкались четверо более молодых и хуже экипированных клонов Хайбери и встали рядом — двое сзади, двое спереди. Хайбери, похоже, ждал именно

такого развития событий, поэтому я тоже хранила спокойствие. Позже я узнала, что часть этого спектакля имела целью произвести впечатление на меня, новенькую, а другая часть объяснялась просто тем, что Хайбери был большим мерзавцем и не упускал случая показать, как он крут.

Наша дружная когорта вышла на улицу, окунувшись в сухой знойный воздух, напитанный тысячами запахов, воем клаксонов и сирен, ревом коммерческих и военных самолетов над головой, и — ать-два! — погрузилась в поджидавший у обочины большой «хаммер» с бронированной обшивкой, которая, как я узнала позже, была предметом жгучей зависти американских военных, вынужденных обвешивать свои «хамви» чахлой самопальной броней. Водитель, еще один солдатик, без единого слова щелкнул замками и включил мотор. Кондиционер работал на полную мощность, и я тотчас же покрылась гусиной кожей. На меня дружно навалились все пересеченные часовые пояса, перед глазами все плыло, в ушах звенело. Я наблюдала, как вокруг нас снуют машины, как смотрят по сторонам наши охранники, как они незаметно делают друг другу знаки, если замечают что-нибудь подозрительное — постепенно я поняла, что настораживают

их в основном молодые парни арабской наружности. А таких было очень много. Охранникам приходилось не зевать.

— Добро пожаловать в Зеленую зону. — Хайбери был само спокойствие. Он достал несколько пластинок жевательной резинки и предложил мне, проигнорировав морпехов. Я покачала головой, и он сунул жвачку в карман. — Впервые?

Я кивнула:

— Первый раз выехала из Соединенных Штатов, если не считать экскурсии в Ванкувер. И жила в России, когда была маленькая.

Он улыбнулся и пожевал.

— Тебе тут понравится. Комфорт — как дома. И погода лучше некуда. Правда, когда покинешь Зеленую зону, станет немного неуютно, но потом доберешься до военной базы и снова попадешь в объятия роскоши. «Пицца Хат», «Старбакс», вайфай. Я слышал, тебя особенно интересует вайфай.

Он говорил монотонно, будто гид, старающийся не подать вида, что у него пересохло в горле. Я не видела причин отшивать его, но и друзьями становиться не хотелось, в том числе потому, что он оказывал мне слишком недвусмысленные знаки внимания. Я кивала, кивала,

а сама вглядывалась в картины, проплывавшие за окном. Сверкающий торговый центр с металлоискателями на входе, охранники с винтовками, пристегнутыми к поясу тяжелой цепью; разбомбленные кварталы; шеренги блестящих «мерседесов»; укрепленные здания — то ли больницы, то ли правительственные учреждения; жилые дома, окруженные стенами и мешками с песком; невысокие постройки за невысокими стенами с колючей проволокой по верху; чахлые деревья с бездомными попрошайками под ними; сторожевые вышки с автоматчиками; такси и туристические автобусы; «хаммеры» и противоминные бронеавтомобили; пальмы и семьи с детскими колясками.

— Блокпост. — Это было первое слово, сказанное водителем. Он остановился у обочины. Хайбери поменялся местами с одним из морпехов, опустил окно и, щурясь на солнце, поглядел на ожидавшего нас парнишку с автоматом. Тот, видимо, был местным — усы, оливковая кожа, — но говорил с техасским акцентом.

— Ваши документы, сэр! — Только сейчас я заметила, что у парнишки на военной форме американские знаки различия.

Хайбери хлопнул пузырем жвачки, с усмешкой

достал заламинированный пропуск на ленте и показал парнишке через окно:

— Жарковато сегодня для таких проверок.

Мальчишка утер прыщавый лоб:

— Тут каждый день так, сэр.

Я было приготовилась показывать документы вместе со всеми остальными, но парнишка пригляделся к пропуску Хайбери и протянул обратно:

— Все в порядке, дамы и господа, хорошего дня вам и берегите себя, хорошо?

— Хорошо, — отозвался Хайбери таким тоном, словно все и в самом деле было очень хорошо.

Парнишка скрылся за тонированным стеклом.

— Проверка была, гм, поверхностной. — Мне стало интересно, какая у этого парнишки модель рисков и знает ли он вообще, что такое модель рисков.

Водитель положил руку на переключатель скоростей, и вдруг снаружи постучали. За окном снова нарисовался тот самый парнишка. Хайбери опустил стекло.

— Сэр!

— Что? — Хайбери вгляделся в имя на бейджике. — Рамирес?

— Да, сэр. Я хотел спросить… — Он зарделся, и

прыщи стали еще заметнее. — Знаете, сэр, я хорошо говорю по-арабски, и меня часто принимают за местного. В Санта-Фе я был одним из лучших в классе. Я слышал, у вас иногда бывают контрактные заказы, внештатно, на время отпуска. Говорят, после этого вы даже можете предложить постоянную работу, когда у меня закончится срок службы.

Хайбери с улыбкой хлопнул себя по колену.

— Сынок, а ты инициативен. Да, работа у нас бывает. Кто-нибудь, дайте мне ручку. — Он протянул руку, и кто-то вложил в нее маркер. Хайбери снял колпачок, взял парнишку за руку и что-то написал на ладони. — Это моя электронная почта. Напиши мне, напомни, где я тебя видел, и мы что-нибудь придумаем. Идет?

— Да, сэр! — Рамирес был в восторге. Аж страшно.

Через открытое окно парень неуклюже и с жаром пожал Хайбери руку, тот помахал ему и поднял стекло. Кондиционер с новой силой принялся охлаждать воздух. Мы тронулись в путь.

— А пацан-то шустрый. — Хайбери глядел на дорогу, обрамленную взрывоустойчивыми тумбами, неизменными мешками с песком, бетонными заграждениями, мотками проволо-

ки. — Хотя всего лишь чахлый солдатенок цвета двухдневного дерьма.

Морпехи послушно захохотали. Работа в Гуантанамо-в-Заливе превратила меня в полноценного члена «белого привилегированного клуба», и я научилась делать вид, будто не слышу расистских шуток, когда над ними смеемся только мы, белые. Я не собиралась начинать свою жизнь в Ираке с роли бойца за социальную справедливость, не способного вынести дурацкую шутку, поэтому сделала непроницаемое лицо и стала тоже смотреть в окно.

Мы направлялись к открытому шоссе, вдоль которого на расстояние гранатометного выстрела не было оставлено ни единого укрытия. Кустарник, песок, мусор на ветру. Мимо нас промчался конвой — спереди и сзади бронеавтомобили, посередине пара больших фур. Все шоферы были военными. Американские ребята, которых, как и меня, занесло очень, очень далеко от дома.

— Посплю-ка я немного. — Хайбери достал из сумки под ногами стеганую маску для сна. — Дать тебе такую?

— Я лучше посмотрю по сторонам, — ответила я.

Он рассмеялся:

— Еще насмотришься. Нам ехать часов шестнадцать. Пару раз остановимся для естественных надобностей, а в остальном тут и смотреть больше не на что. Если только дела не пойдут совсем уж кисло.

— Ну и ладно.

— Все-таки возьми маску, потом пригодится. Поверь, через пару месяцев ты будешь сыта этим видом по горло. Никогда не упускай случая поспать, вот мой девиз. Меня научил дед, из морской пехоты. Мог спать стоя с открытыми глазами. Жизнь научит.

Один из морпехов расхохотался. Я улыбнулась, взяла маску и сунула в карман.

Он достал еще одну маску и натянул на глаза. Я старалась не встречаться взглядом с морпехами. Вид из окна тянулся, будто бесконечный фон из «Флинтстоунов», замкнутая петля, которая крутится на экране, чтобы Фреду и Барни было мимо чего идти.

Примерно через час, а то и больше, я надела маску и постаралась не думать о громилах, которые будут пялиться на меня, пока я сплю.

* * *

Первая санитарная остановка была сущим кошмаром. Я кожей чувствовала, как щекочет шею перекрестье снайперского прицела. Мы высадились на заброшенной стоянке для грузовиков. Там почти никого не было, лишь бродили несколько парней — по словам Хайбери, иракские военные, подрабатывающие в свободное от дежурства время. Они воняли застарелым потом и курили как паровозы. В женском туалете не было ни бумаги, ни мыла. Я опустила сиденье унитаза, и пластиковые петли протяжно скрипнули, жалуясь на небрежение.

В огромном мрачном зале люди Хайбери вскрыли походные рационы — энергетические батончики и растворимая лапша, которую они разогрели в грязной микроволновке. Я кое-как запихнула в себя кашицу из переваренной лапши в липком соленом бульоне и напомнила себе, что страдаю от смены часовых поясов и столкновения с новой культурой, поэтому не стоит доверять слезам, выступившим на глазах. Положи их на нужную полочку.

Запивали все это изотоническим напитком «гаторейд».

— Не забывай, надо выпить все сразу. — Хайбери опустошил свою порцию одним долгим залпом, рыгнул и выбросил пустую бутылку в переполненную урну. — Даже если мы ходим в туалет по плану, это не повод подвергать себя обезвоживанию. Лучше сходить в грязный унитаз, чем тебя будут откачивать внутривенными вливаниями.

Все кругом закивали, словно никогда не слышали столь разумных слов, хотя этой мудростью охотно делились друг с другом фестивальщики на Burning Man. Я молча выпила свой напиток. Мне достался желтый. Вкусно.

Вспенить, ополоснуть, повторить: «хаммер» наматывал на колеса милю за милей, мимо проплывал зацикленный флинтстоуновский пейзаж, мужчины портили воздух и грызли сухие пайки, мы останавливались заправиться и оправиться в местах, очень похожих на первое. Оказалось, двое моих спутников курят, чего в Сан-Франциско не наблюдалось ни за кем из моих знакомых. Видимо, сигареты можно было приобрести на некоторых остановках; один из морпехов отошел в сторонку, поторговался с кем-то из местных и вернулся с тремя блоками красного «Мальборо», предупреждения на которых были напечатаны

по-китайски. Здешний космополитический мир находился на пересечении всех дорог.

Я задремала. На рассвете, когда мы въехали на военную базу, Хайбери встряхнул меня за плечо. Я постаралась не подскочить, открыла глаза и увидела американского солдата, сильно пропыленного, гораздо старше и страшнее, чем малыш Рамирес. Он внимательно смотрел на меня.

— Ваши документы, мэм. — На его рукаве красовалась повязка «Военная полиция», и вид у него был как у типичного копа, словно мы находились на автобусной остановке в Мишене, а не — я протерла глаза и огляделась — возле сторожевой будки, озаренной рассветными лучами. Забор из проволочной сетки огораживал ничейную территорию вокруг высокого строения, защищенного мешками с песком, тумбами и шипами. Я вручила часовому калифорнийские водительские права, он поднес их к сканеру в своей будке. Неуверенно потыкал в толстую клавиатуру, потом вернул мне права. — Добро пожаловать на военную базу «Гризли».

Ворота распахнулись, и мы въехали. Миновали большое открытое поле, служившее, видимо, кладбищем изношенных броневиков, от «хаммеров» до фур и бензовозов, потом свернули на

улицу, вдоль которой выстроились приземистые здания, похожие на склады, и направились к плотнее застроенному центру, выглядевшему как типичная американская военная база: столовая, военный магазин, казармы, офицерские квартиры, неприметные офисные здания. Мимо шли солдаты в пустынном камуфляже, некоторые держали в руках стаканы с настоящим фраппучино из «Старбакса» или коробки из «Пицца Хат» (оба этих заведения будут виновны в том, что я наберу тут двадцать фунтов лишнего веса).

Мы въехали на парковку возле входа в сборное строение, составленное из готовых трейлеров. Один из ребят Хайбери открыл дверь машины, другой подхватил мои чемоданы, третий впустил нас в трейлер, приложив пропуск к беспроводному считывателю, пристегнутому хомутиком к глазку на дверной раме. Я вышла из кондиционированного «хаммера» в теплый, уже наливающийся жаром открытый воздух, потом вошла в кондиционированный трейлер, словно астронавт, перемещающийся из шаттла в космическую станцию. Дверь за мной закрылась, глухо щелкнув, и, когда глаза привыкли к полумраку неярких ламп, я разглядела стол секретарши, невысокие кабинки, длинный ряд дверей, веду-

щих в офисы и совещательные комнаты. Я словно снова очутилась на Острове Сокровищ, если не считать пыльного запаха нашей одежды и сырой, плесневелой затхлости, которую источала мебель, запертая в герметичной, вечно увлажняемой тьме.

— Вот мы и дома. — Хайбери постучал по пустому секретарскому столу. — Тебе тут понравится. Я же видел, как ты пялилась на коробки с пиццей. Погоди, на будущий год у нас откроют «Джамба Джус», и пей сколько хочешь витаминные коктейли с ростками пшеницы!

Я его едва слышала. Дверь открылась, и оттуда появилась Кэрри Джонстон собственной персоной. Прическа — волосок к волоску. Небрежно-деловой вид. Не военный мундир, но тем не менее униформа. Она приблизилась словно на роликовых коньках. Совершенство в каждой детали. В этом она вся.

— Рада тебя видеть. — Она пожала мне руку — сухие пальцы, легкое касание. Некий калифорнийский инстинкт потребовал обнять ее, но я удержалась. Здесь не место для обнимашек. Мы две женщины в карикатурно мужском мире, и малейший намек на женственную мягкость перед этими солдафонами непременно станет

пищей для шуток на лесбийскую тему, либо отпускаемых друг другу с глазу на глаз, либо выплеснувшихся в насмешливые записки, украдкой приклеенные к моей клавиатуре.

— Проходи в мой кабинет. — Она демонстративно закрыла дверь перед лицом Хайбери, указала мне на стул. — Кофе? Могу послать кого-нибудь в «Старбакс», — небрежно уронила она. Я видела, что она хочет произвести на меня впечатление: мол, у нас тут, в «Гризли», целый торговый центр.

— Нет, лучше не надо. Я в пути немного вздремнула и со всей этой сменой часовых поясов совсем сбила себе режим дня. Подожду, пока приду в норму.

— Правильно рассуждаешь. Но не погружайся слишком глубоко в здешний ритм жизни. Я еще не решила, буду ли нагружать тебя работой по вашингтонскому времени или по иракскому. Все зависит от того, насколько плотно ты будешь связана с Министерством обороны и часто ли тебе придется заниматься закулисными делами. — Она заметила на моем лице плохо скрытую вспышку удивления. — Не зазнавайся. Ты лучший аналитик, с каким мне доводилось работать, но эти способности уравновешиваются… гм…

проблемами личностного характера, которые могут поставить меня в неловкое положение, если я рискну доверить тебе работу с клиентами. — Все это время она непрерывно щелкала мышкой и стучала по клавишам, говорила больше сама с собой, нежели со мной.

Внезапное осознание того, что я нахожусь в тысячах миль от дома, в зоне военных действий, в полном распоряжении этой женщины, обрушилось на меня, будто тяжелый молот. Я постаралась не выказать этого. Она все равно уже не обращала на меня внимания.

Но потом обратила и окинула меня пылающим взглядом.

— Не волнуйся, это улажу я. Никто не совершенен, а здесь открыто много возможностей для роста. Думаю, я все равно для начала назначу тебя аналитиком. Переходи на местное время и знакомься со своими коллегами. — Она коротко улыбнулась. — С приездом, Маша! Тебе тут понравится.

* * *

Когда объявили посадку на мой рейс, меня охватило знакомое чувство возвращения в США. Я всегда возвращалась, как бы хреново мне ни

было, потому что Америка, чтоб ее, это молочные коктейли, гигантские кинотеатры, скоростные шоссе, барбекю и простая политика всего с двумя партиями, которые чаще всего приходят к согласию по всем важным вопросам, например вбомбить в каменный век кого угодно и где угодно. Я возвращалась домой, потому что Таниша ждет меня там, а не за решеткой, тогда как Кристина в Европе и в тюремной камере. Я могла бы очутиться у дверей словстакийской тюрьмы через три часа с высокого старта, и, попав туда, я бы ни черта не смогла сделать. Кристина была ошибкой, как и вся словстакийская затея. Я обманывала себя, считая, что могу сделать мир немного лучше в уплату за то, что сделала его хуже, а на самом деле делала его хуже с обеих сторон одновременно, вплоть до встречи посередине. Кристина не нуждалась в наставниках, а я не нуждалась в подопечных.

Всю мою жизнь рядом были женщины, которые учили меня азам, вводили в курс дела, помогали мне вырасти над собой. И не всегда эти женщины были хорошими. Ильза, Кэрри Джонстон, даже мама. И все они были людьми несостоявшимися. Из-за этого и я не могла состояться как человек. Почему они командовали мной? Почему я позво-

ляла собой командовать?

Если я хорошо умею раскладывать все по полочкам, это не значит, что я никогда не размышляла над подобными вопросами. Такие вопросы как раз и научили меня раскладывать по полочкам. В отличие от некоторых хорошо знакомых мне выпендрежников, таких как, гм, Маркус Яллоу, я достаточно хорошо разбиралась в себе, чтобы понимать, о какой именно пакости я не знаю и знать не хочу.

Давайте заглянем на одну из этих полочек. Скажем прямо, каждая девчонка-подросток долго пребывает в убеждении, что с ней что-то очень сильно не так. Я не исключение. Девчонок ненавидит весь мир, и эта ненависть не идет ни в какое сравнение даже с теми тоннами злости, какие выплескиваются на молодых ребят. Токсичная маскулинность начинается со слов «бросаешь мяч как девчонка», «ревешь как девчонка» или «малышка, какая ты хорошенькая». Снисходительный менторский тон, каким мужчины разговаривают с женщинами, будто со слабоумными. Придурки в метро, свист из проезжающих мимо машин. Я пропустила через себя полную меру всеобщей ненависти к девчонкам, терпеть не могла записанный звук собственного

голоса, свое лицо на фотографиях, свою фигуру в зеркале. Терпеть не могла свой почерк, пузатые буквы, которые выходили из-под пера, когда мы переехали в Америку и пришлось переучиваться с русской скорописи на непривычные английские значки, которые каждая умненькая девочка должна рисовать идеально.

Я терпеть не могла свои волосы, походку. Ненавидела свою грудь и лифчики. Ненавидела свою мать, а пуще всего — всех девчонок на свете. Даже сильнее, чем парней.

Вряд ли я в этом сильно отличалась от других. На свете полным-полно девчонок, которые не любят себя. Мы тайное большинство, которое молчит, стиснув зубы. Одни морят себя голодом. Другие режут вены. Третьи пытаются проложить дорогу к счастью через постель.

Лично я боготворила сильных, могущественных женщин, которые, похоже, сумели подняться над всех этой дрянью. И ничего, что они пьяницы, садистки или военные преступницы. Они сами пробили себе путь к вершинам, и все остальное не имеет значения. По сравнению с перспективой оказаться навеки запертой в детстве алкоголизм и военные преступления кажутся мелкими шалостями.

Чтобы догадаться об этом, не надо быть гением. Я многое поняла о себе после того первого ужина с Кэрри Джонстон, когда лежала без сна, дрожа всем телом, и снова и снова прокручивала в голове наш разговор. На меня накатывал то ужас, то смятение, то, чего уж там, благоговение. Женщины вроде Джонстон стали ярчайшими звездами на моем небе. Когда-то они были девчонками, а потом выросли в женщин, не подвластных никому. Я тоже хотела быть не подвластной никому.

Там, в Блтце, Кристина, с ямочками на щеках и храбро вздернутым подбородком, вела свой бой, а я летела в Америку, чтобы помочь своей подруге одолеть превосходящие силы ДВБ, АНБ, оклендской полиции и местных собаколовов. Не говоря уже обо всех, кто работает на «КЗОФ» и его конкурентов — более умных, жадных и лучше оплачиваемых, чем их клиенты из государственного сектора.

Я встрепенулась очень вовремя. Присмотритесь ко мне, и увидите зародыш будущей Кэрри Джонстон. Ярчайшая звезда на небе для молодых женщин нужного склада.

Как сказал Айс Ти, «Меня что, можно поставить

кому-то в пример?».[20]

У людей всегда есть проблемы. У тех, кто выберет меня своей путеводной звездой, проблем будет целых две.

Правду сказать, очень приятно, когда на тебя снизу вверх смотрит девушка вроде Кристины — бурлящая энергией и нераскрывшимся потенциалом. И правду сказать, мне было страшновато встречаться с Танишей и моими старыми друзьями — потому что они наполнили свою жизнь поступками, за которые не стыдно.

* * *

«ЗИЗ» оказывал американской армии множество разнообразных услуг. Мы продавали им смарт-карты и дата-центры, зашифрованные телефоны и устройства для получения «разведывательных данных с поля боя», призванные собирать информацию с датчиков, объединенных в огромные, тяжеленные блоки, которыми мы также снабжали пехоту. Они ломались гораздо чаще, чем можно было бы объяснить несовершенством конструкции, и ни для кого не

---

[20] Примечания: 20

Айс Ти (Ice-T) — американский рэпер и актер, один из основателей гангста-рэпа. Прославился в 1980-х, позже создал метал-группу Body Count.

было секретом, что пехотинцы нарочно ломали их, чтобы не таскать такую тяжесть.

Но в основном мы специализировались на разведывательных данных, полученных путем перехвата. Джихадисты и мятежники понятия не имели об оперативной маскировке, пользовались обычной коротковолновой радиосвязью или даже общались эсэмэсками, пересылая их через государственные компании сотовой связи. Стряпали никуда не годные шифры, используя книжный код, основанный — подумать только — на Коране, потому что никому в голову не придет, что фанатики, готовые защищать ислам ценой свой жизни, дадут себе труд выучить наизусть хотя бы один-два аята.[21]

«ЗИЗ» сотрудничал и с другими подрядчиками, в основном с подразделениями «Халлибертон», передавая весь этот трафик аналитикам вроде меня. В моем распоряжении была целая группа переводчиков — англо-арабских билингв, потому что некоторым кажется, что билингвы справятся лучше всего. Хуже всего справлялись подряд-

[21] Примечания: 21

Джихадисты — сторонники радикального ислама, оправдывающие насилие и терроризм под предлогом священной войны. В традиционном исламе джихад означает духовную или оборонительную борьбу, но экстремисты используют этот термин для вооруженной борьбы и пропаганды.

чики, привезенные из Америки, а вот иракцы, говорящие по-английски, были на вес золота. Вместе с ними я смогла заполучить немалую часть сообщений, текущих по местной сети.

Моим излюбленным методом было строить каскадный анализ на основе распространения бесполезных способов оперативной маскировки. Какому-нибудь умнику приходило в голову прицеплять к концу каждого электронного письма целую тонну мусорного текста, и с помощью этого нехитрого трюка я отслеживала, кто считает этого умника авторитетом, достойным подражания. Мало того, я научилась вычислять джихадистских властителей умов: следила, как подобный трюк медленно распространяется от человека к человеку, блуждая по социальному графу, потом, достигнув некоего ключевого узла, вдруг выстреливает, и с этого момента так уже делают все. И я говорю: вот он, вот он, тот, кого я искала.

Я передаю сведения о нем на ленты информационной войны и очень скоро увижу в потоке хитроумные фейки, больше того — замечаю, как кто-то неуклюже пересылает оскорбительные сообщения именно тем людям, в адрес которых высказываются обвинения. Эти ребята сами по себе не очень уравновешенные, поэтому неболь-

шие психологические операции часто приводят к жарким битвам, которые один из моих переводчиков британского происхождения назвал «чаепитиями». Эти битвы, как и всякие интернетовские флеймы, совершенно бесполезны, с той лишь разницей, что их ведут психически неустойчивые, невыспавшиеся и при этом вооруженные ребята, так что споры зачастую заканчиваются тем, что они врываются друг к другу в палатки и открывают огонь. Чудовищно, но впечатляюще.

Серьезно, психологические операции — моя любимая часть работы. С точки зрения составительницы информационных каскадов они чрезвычайно эффективны. Наши противники — войско повстанцев, удерживаемых вместе лишь радикальной идеологией, которая настолько подчинила их, что они готовы отказаться от всего на свете, выносят сами себе смертные приговоры и идут убивать. Многие происходят из далеких стран и, как я вижу из их переписки, получают бесконечный поток писем от своих безутешных родных, умоляющих их вернуться.

Сражаться с этими психами в пустыне — дело проигрышное. У них пояса смертников, у нас морпехи на «хаммерах». Морпехи, отыски-

вая шахидов с поясами, врываются в каждый дом, укладывают всех лицом вниз и с криками переворачивают все вверх дном. В результате множество обиженных подростков надевают пояса смертников. Но то, чем заняты мы — находим и используем трещины внутри их организаций, тонкими издевками доводим главарей до бешенства, — помогает нам уводить боевиков с поля битвы, стравливая их между собой. В результате они перестают доверять своим собратьям, обвиняют друг друга в предательстве, видят в каждом двойного агента или провокатора.

Если в этом гадюшнике и есть провокаторы, то уж точно не наши. Но совсем не трудно выставить какого-нибудь сумасброда двойным агентом, особенно если человек, которого вы хотите убедить, еще более сумасброден. Они там вообще люди неустойчивые. И их очень легко довести до великолепной истерики — хватит одного меткого броска бомбы (метафорической). Я отвечала за нахождение целей. И как только я указывала на жертву, другая группа специалистов — иногда они находились в ОАЭ, иногда в Болгарии — выстреливала. Я докладывала им о результатах, и они с удовольствием следили за своими успехами.

Кэрри Джонстон была в полном восторге от нашей работы. Еще никто в «ЗИЗ» не делал ничего подобного. До этого они в основном предоставляли низкосортные «прачечные» услуги на поле боя или нанимали отмороженных садистов для охраны конвоев. Она даже убедила главного босса, одиозного миллионера-плейбоя и военного преступника по имени Дик Кинг, разрешить ей разработку нового «продукта» для заказчиков из правительства, и наши труды были проверкой концепции, которую они будут продавать другим клиентам по всему миру.

Я работала в том же режиме, что и джихадисты, а мои заморские переводчики — в том же режиме, что и я. Мы с ними не очень подружились, но в разговорах иногда проскальзывали подробности их личной жизни: «Прости, отойду на минутку, ребенок плачет», «Чайник уже упакован, а без чая мне не думается», — так что эти невидимые фигуры обретали характер, о котором я старалась не думать.

Я вообще не хотела ни с кем дружить. Солдаты на базе в общении с нами, гражданскими, придерживались формальной вежливости, в которой сквозило больше презрения, чем в открытой враждебности. «Да, мэм» или «Нет, мэм» при со-

ответствующем тоне могут звучать обиднее, чем «Да пошла ты». Подрядчики из «ЗИЗ» были либо вышеупомянутыми отморозками, либо мачо-айтишниками с бесячей манерой приветствовать друг друга жестом «дай пять» и садистскими ухмылками. Правда, я мысленно «давала пять» самой себе всякий раз, когда мои предсказания сбывались. Остальные гражданские сотрудники — продавцы в «Пицца Хат» и «Старбаксе» — были филиппинцами и держались особняком, как и болгары.

Оставалась только Кэрри Джонстон.

Пару раз за день она подходила к моему столу, иногда приносила фраппучино или маффин, тихо рассказывала, что Дик Кинг высоко ценит мою блестящую работу, намекала на громадные бонусы, которые мы обе можем получить в конце года, перемывала косточки своим контактам в Пентагоне, да так подробно, что я знала, сколько звездочек на погонах у этих генералов, какие у них бюджеты и как они хвалят мою великолепную работу.

Джонстон была единственной на базе «Гризли», кого я могла бы, хоть и с натяжкой, назвать своей подругой, как бы жалко это ни звучало. Я по натуре брюзгливый отшельник, но даже мне после

долгого одиночества стало не хватать человеческого общения. Так что, когда Кэрри Джонстон пригласила меня после работы поужинать с ней («отпраздновать наш обоюдный успех» — да-да, именно так она и выразилась), я так обрадовалась, что самой стало стыдно.

Джонстон жила в собственном трейлере, предоставленном «ЗИЗ». Внутри стояла новехонькая мебель из «Икеи», еще источавшая запах свежего клея. В одном углу находилась встроенная кухня с мини-холодильником, полным деликатесов из магазина «Трейдер Джо», расположенного где-то на другом краю света. Она разложила по большим тарелкам жареные макароны с сыром, пирог с мясом, вымоченным в эле, в знак легкого презрения к вегетарианской кухне насыпала немного морковной соломки. Потом достала громадные винные бокалы величиной с детское пляжное ведерко. Наполнила их из бутыли с каким-то красным, резко пахнущим напитком.

— Твое здоровье. — Она ухитрилась поднять бокал одной рукой — впечатляющий подвиг. Я чокнулась с ней и из вежливости сделала вид, будто не заметила, что мясная начинка в пироге еще не растаяла. Но даже в замороженном виде она была вкуснее, чем еще одна «Пицца Хат»

с местного фудкорта. Однако Джонстон на такие мелочи не обращала внимания.

— Я уже говорила, что ты, Маша, превосходно работаешь?

«Да, всего лишь миллион раз».

— Говорили. Спасибо. Мне тут нравится. — Слова сами собой слетели у меня с языка, и я вдруг осознала, что говорю искренне. Жизнь на базе «Гризли» нравиться не могла никак, мне было одиноко, непривычно и иногда страшно — когда ребята с потерями возвращались с патрулирования или над головой пролетали тяжело нагруженные бомбардировщики. Но работа? Она была потрясающая, будто текстово-приключенческая игра в сочетании с логической головоломкой.

— Тебе что-нибудь нужно? Все, что хочешь, чтобы облегчить тебе жизнь. У «ЗИЗ» хватит ресурсов, только скажи.

Я пожала плечами:

— Иногда мне кажется, что я достигла пределов в своих компьютерных знаниях. Я имею дело с очень большими массивами данных, такими, с которыми я никогда не сталкивалась, и для их анализа пишу скрипты на «Перле» и «Питоне», но они запускаются очень долго. Я бы поручила

эту задачу компьютерам — может быть, у вас найдется парочка мощных «башен» с большой оперативной памятью. Но гораздо полезнее было бы иметь рядом опытного специалиста, который превратит мой самопальный код в нечто более эффективное. Честно сказать, его можно сделать гораздо эффективнее.

Она окинула меня долгим задумчивым взглядом:

— Знаешь, я много лет нанимаю людей на работу вроде твоей, и ты первая, кто признался в нехватке знаний о программировании.

Этим взглядом она хотела меня запугать. Я не поддалась:

— Они все были парнями?

— Мужчинами? Да.

— Тогда все ясно. По статистике всего десять процентов программистов находятся в высшей лиге, но парни все как один считают, что теория вероятности не про них, и относят себя к этой элитарной десятой доле. У меня есть неплохие идеи, но я не обманываюсь и не считаю себя крутейшим программистом. — Я отпила вино. — Однако я смогла бы прекрасно руководить программистами. Дайте мне инструмент, и работа будет сделана.

Она громко расхохоталась, отхлебнула вино и отставила бокал. В ее глазах сверкнул огонек.

— Я так и знала, что ты мне не зря понравилась. — Подняла бокал и чокнулась со мной.

— Взаимно. — И это было правдой. Там, в одиночестве среди пустыни, среди незнакомых людей, Кэрри Джонстон была буквально моей лучшей подругой на пять тысяч миль. Эта мысль не очень радовала, но уж лучше так, чем совсем не иметь друзей на пять тысяч миль.

— Завтра поговорю с кадровиком, начнем присылать тебе резюме. Хочешь собеседовать их?

— Обязательно. — Интересно, каких программистов мне пришлют, кто из них сумеет пройти все проверки безопасности. Сияющие улыбками выпускники из Цитадели? Вот будет прикольно помыкать одним из них.

* * *

Главное преимущество полетов первым классом — приоритет при высадке. Четырнадцать часов полета тянутся очень долго, и неважно, сумели ли вы (подобно мне) хоть немного вздремнуть или, подобно многим моим спутникам мужского пола в строгих костюмах, всю ночь смотрели видео, пили бесплатные смузи

и уплетали бесплатное мороженое. Все равно нет ничего хуже, чем стоять в проходе и ждать, пока три сотни пассажиров снимут с полок свою ручную кладь и выйдут наконец из самолета. Я вприпрыжку спустилась с трапа, вбежала в зал паспортного и таможенного контроля и направилась прямо к выходу, радуясь, что прилетела первым сегодняшним рейсом.

Багажа у меня не было; еще одно преимущество первого класса — никто и глазом не моргнет, если ты превысишь допустимые габариты ручной клади. Так что я полным ходом промчалась мимо таможенников и вышла в зал прилетов. По-моему, долгие перелеты должны проходить именно так и никак иначе, и теперь я ни за какие коврижки не вернусь в обычную скотовозку. Однако даже со всеми моими сбережениями от работы в «ЗИЗ» и «КЗОФ» я вряд ли смогу часто позволять себе эту роскошь. Не хочется платить из своего кармана, когда привыкаешь, что счет прилетает кому-то другому.

Было всего шесть часов утра, и аэропорт лишь начинал просыпаться. Я подумала, не сесть ли на метро, но потом решила: какого черта? Отдав больше пяти тысяч долларов за билет на самолет, экономить семьдесят пять баксов на такси?

— Окленд, — заявила я. — Адрес скажу, когда подъедем поближе.

Таксист кивнул и тронулся с места. Еще в полете я вставила в телефон американскую симку; у меня в календаре была забита напоминалка пополнять мои одноразовые симки, чтобы они не сгорели, и подробно расписан длинный перечень номеров предоплаченных кредитных карт. Мало ли, вдруг «КЗОФ» неожиданно пошлет меня туда, где телефон не будет работать. Я написала Танише.

> Доброе утро.

Долгая пауза. Медленно двигались в пробке.

> Который час там, где ты?

Ага, вот и она!

> Такой же, как и у тебя. Я на шоссе 280, только что выехала из Сан-Францисского аэропорта на такси

> Чтоб тебя, Маша, ты тут!

> Не возражаешь, если остановлюсь у тебя?

> Маша, тут Окленд. В моей квартирке

даже мышь плечи не расправит. Ляжешь на диване.

> Годится. Ниш, ты умница. Пришлешь адрес? Мы подъезжаем к Бэй-Бридж.

> Тогда тебе еще не меньше часа ехать. Закажу что-нибудь к завтраку. Чего ты хочешь?

> Я тебя куда-нибудь выведу. Угощаю.

> Ах ты, транжирка.

> Давай адрес.

Я подалась вперед и протянула адрес таксисту. Он, виляя по всей ширине дороги, стал вбивать его в допотопный смартфон, примагниченный к приборной панели. Мы подъехали к Бэй-Бридж, и нас встретило море красных задних огней. Дальше мы двигались по-черепашьи. Вокруг нас сквозь ветровые стекла виднелись другие водители — унылые, отрешенные лица, потухшие глаза. Дюйм, еще дюйм, еще. Плохо даже по меркам этого моста.

— Там что впереди, авария?

Таксист покачал головой:

— Блокпост. — И указал вперед.

Вдалеке мигали синие огни полицейских машин. Когда мы подъехали ближе, картина

прояснилась: высоко в небо вздымалась автовышка, на ней стоял полицейский и нацеливал на машины направленную антенну, а внизу участок одной из полос был отгорожен конусами и водяными тумбами, и регулировщик взмахом палки отправлял туда некоторые машины. Мы проехали мимо и увидели полицейских в полной броне и шлемах, с автоматическими винтовками и налобными дисплеями. Они копались в вещах выщепленных шоферов. Бедолаги, которым не повезло, смуглолицые, унылые, грустно взирали на это из-за боковых линий и отвечали на вопросы других копов.

Мы молча смотрели по сторонам. Мне стало интересно, какими датчиками пользуется тот, на автовышке. Наверно, IMSI-перехватчик сотовых сигналов, считыватель автомобильных номеров, может быть, какое-то устройство, идентифицирующее машины на основе уникальных радиосигналов, отправляемых датчиками давления в колесах.

Размышления о логистике помогли мне отвлечься от более глубокого смысла происходящих событий. Как вообще им удалось протащить это мимо Четвертой поправки к Конституции? Они что, объявляют все эти остановки добровольны-

ми, типа «вы можете уехать в любой момент, но такой поступок может стать причиной вашего ареста, обыска и задержания»? В Словстакии замечательная конституция (на бумаге), однако подобный фокус хорошо знаком всем здешним обитателям, и никто не воспринимает его всерьез. При всем том, чему я стала свидетелем в последние годы, мне все-таки казалось, что Америка способна действовать тоньше.

— Вот оно и свершилось, — сказала я, разрушив колдовские чары.

Со времен первой дальней командировки я возвращалась в Сан-Франциско всего несколько раз и невольно восхищалась новым мостом Бэй-Бридж, его дерзкими очертаниями и потрясающим освещением. Гордый и прекрасный, он был в сто миллионов раз красивее, чем новый Центр международной торговли. Он избежал превращения в памятник вечным войнам и стал символом возрождения, а не мести.

А теперь его усеивали блокпосты. Еще один поджидал нас на дальнем конце моста. А вытянув шею, возле пункта оплаты я разглядела третий.

На блокпостах дежурили оклендские полицейские в полном боевом снаряжении — такое я часто видела на военной базе «Гризли». В двух

местах у обочины стояли бронемашины — что-то вроде больших танков, только без пушки.

Вокруг них спешили по своим делам жители Окленда. Энергичные профессионалы, в основном белые, иногда темнокожие, ненадолго оторвались от своих загородных трудов, чтобы провести десять часов в высокотехнологичных соляных копях. У них лениво клянчили милостыню многочисленные бездомные, державшие в руках отпечатанные на принтере таблички с мемами или шутливыми слоганами, которые я обычно вылавливала из сети с помощью виральных ботов и доброжелательных старичков. Местные бездомные держались сплоченно, и я, разумеется, не ожидала иного от второго по значимости города Кремниевой долины. Все они по уши увязли в классической гонке техновооружений, цель которой — привлечь и удержать внимание. Эту битву неустанно ведут все до одного дезинформационные боты, мошенники, политические партии, маркетологи, рекламодатели, религиозные деятели, джихадисты, сочинители мемов, самодеятельные писатели и взломщики, охотящиеся за личными данными. Им всем нужны ваши глаза и уши, ваши такие сладкие, такие незащищенные секреты, желания и грешки.

В Окленде было очень много бездомных — слишком много для невоюющей страны. Здешняя обстановка давно выплеснулась за рамки пафосной гонки вооружений, типичной средневековой игры, участники которой старательно подчеркивали свое бедственное положение, стремясь убедить прохожих, что они честные бедняки, а не жалкие бездельники.

Эти бездомные ходили расправив плечи и держали в руках шутливые таблички с мемами, почерпнутыми из тех же самых имиджбордов и соцсетей, куда каждый день заглядывали люди, спешащие мимо. Они подчеркивали свою принадлежность к тому же людскому клубу, что и все остальные: «Дай денег, а то следующим станешь ты». И это выбивало из равновесия куда сильнее, чем обычные сборщики подаяний.

Я сверилась с телефоном. Мы приближались к дому Таниши. За пару кварталов до нее движение стало свободнее. И вот мы уже у ее дверей. Я отстегнула таксисту пять двадцаток, и при виде наличных он выгнул бровь, а потом спросил, не нужна ли мне квитанция. Я по привычке сказала «да», потому что уже лет десять получала возмещение расходов на такси, и он сразу приуныл. По неведомым причинам все таксисты в области

Залива делают вид, что заполнение квитанции — тяжелейший труд. Вспомнив, что я все равно выкину эту бумажку, я чуть было не сжалилась над ним, но потом во мне взяла верх садистская жилка, и я подсказала шоферу, какое сегодня число, и напомнила вписать в квитанцию номер машины. Когда он закончил, я взяла исписанный листочек и с величайшим тщанием убрала в кошелек. Понятия не имею, зачем я это сделала. Наверно, старалась показать, что я уже большая и, даже потеряв работу, все равно остаюсь взрослой.

Подняв глаза, я увидела Танишу. Она стояла передо мной на тротуаре, сложив руки на груди и насмешливо выгнув бровь.

Я виновато улыбнулась, пожала плечами, вышла из машины и забрала чемодан.

— Привет, Ниш.

— Ну что, обнимешь меня или мне самой подойти? — Через мгновение она стиснула меня так, что ни охнуть, ни вздохнуть. Аромат ее парфюма вернул меня на много лет назад, и на один головокружительный миг мое нынешнее «я» ушло в тень, уступив место той, какой я была раньше. Неприятное ощущение. Та моя личность, которую Таниша сжимала в объятиях сейчас, стала

с моральной точки зрения гораздо беззащитнее, чем я была при нашей последней встрече.

Внутри что-то затрепетало, и трепет грозил перерасти в открытую дрожь. Эта перспектива привела меня в ужас, зато помогла взять себя в руки. Я высвободилась:

— Пойдем в дом, пока нас тут не засекли.

Таниша дружески толкнула меня и подхватила мой чемодан:

— Идем.

Она повела меня по четырем пролетам истертой деревянной лестницы с темно-синими щербатыми перилами и витиеватыми столбиками на концах. Мы подошли к двери, и я с радостью подметила, что на ней хорошие замки. У Таниши было три разных ключа, в том числе один хитроумный, управлявший двумя толстыми язычками, уходившими по верху и низу в дверную раму из закаленной стали. Она отперла и снова выгнула бровь: видишь, мол, как я хорошо подкована.

Я постучала по стене рядом с дверью:

— Деревянные рейки и штукатурка. Какой смысл ставить хорошую дверь, если стену можно проломить ломом за пять секунд.

— Пошли. — Таниша провела меня внутрь. Квартира была небольшая, но уютная и чистая,

и здесь тоже царил привычный аромат, тот же самый, что и сто лет назад, когда я приходила в гости. На диване — знакомое одеяло из ее родительского дома, на стене репродукция «Герники», в ящике стола — предмет моей зависти, огромный Оксфордский словарь с маленькой лупой, в углу виолончель на подставке и рядом с ней небольшой усилитель. На меня снова накатило мое былое «я», да с такой силой, что я пошатнулась и ухватилась за стену. Таниша встревоженно заглянула мне в лицо.

— Что с тобой?

— Ничего, все нормально. Устала с дороги. Да еще смена часовых поясов.

Она не поверила. Положила руку мне на плечо и повела к дивану:

— Сядь. Принесу попить. На свете много всякого творится, и ты своими обмороками делу не поможешь.

Она нырнула в тесную кухоньку, взяла с посудной сушилки стакан, налила воды из кувшинного фильтра. Вложила мне в руку. Когда о тебе так заботятся, это приятно, но как-то унизительно. Я подавила гордость, особенно когда Таниша укутала меня одеялом. Я столько раз лежала под этим одеялом, мы с ней запоем смотрели сериа-

лы на DVD и украдкой потягивали спиртное из родительского домашнего бара.

Таниша протянула мне лоток с нарезанной клубникой, и я принялась за еду, засовывая в рот крохотные кусочки прошлого, и калифорнийские ягоды лопались между зубами и заливали мои вкусовые сосочки сладким соком. Я с наслаждением закрыла глаза и мигом провалилась в сон, буквально на секунду, потом резко проснулась и встретила усмешку Таниши.

К черту все это. Я выпуталась из одеяла и величественно встала:

— Пойдем завтракать.

Таниша открыла было рот, чтобы усадить меня обратно, но я перебила:

— Завтракать. Немедленно.

Будучи в Блтце, я иногда водила Кристину в нелепую до смешного «Американскую столовую». А сейчас я завтракала в Америке, в типичной калифорнийской столовой, где подают молоко трех сортов (и ни один из них не связан с животными), палеолитически копченый утиный бекон с оладьями из сладкого картофеля и пудинг из чиа с манго и фисташками. И мне даже не хотелось признавать, до чего это вкусно, и кофе там был такой, что у великого ценителя Маркуса Яллоу

случился бы гастрономический оргазм. В общем, неплохо.

Официант принес две тарелки с оладьями, и мы с Танишей долго подкалывали друг друга на тему исчезающей талии.

Таниша протянула палец и ткнула меня в плечо:

— Приехала-таки.

— Ну ты же меня позвала.

Она еще раз ткнула меня:

— Дурочка, я же тебе просто позвонила. И не просила лететь через полмира.

Я сменила тему:

— Как дела у Бекки?

— Давно с ней не виделась, но, насколько знаю, она все так же сует нос в чужие дела. Не женщина, а ходячая разведка. Как всегда.

— А почему ты с ней больше не разговариваешь?

Таниша покосилась на меня:

— С Бекки очень трудно дружить. С ней многие перестали общаться. Как и ты, например.

— Ну у меня работа такая. Я уже много друзей растеряла.

— Но меня-то не потеряла.

— Тебя — нет.

Она отодвинула недоеденные оладьи. Мне бы такое самообладание!

— Но ведь у тебя есть что-то на уме? Маша, расскажи, что случилось. Я твоя подруга, смогу помочь.

Я покачала головой:

— В Словстакии остались люди. Друзья. Очень хорошие.

Она тоже покачала головой:

— Парень, что ли?

— Нет, девушка.

— Все равно. Разбитое сердце — такая тоска.

— Ниш, тут другое. Она скорее… — Я подыскивала нужное слово. Протеже — нет, не то. — Как младшая сестренка.

— О да, с ними хлопот не оберешься. Если беспокоишься о ней, возьми и позвони.

— Не могу.

— Да ничего страшного. Разбудишь ее. Или подожди пару часов, пока там взойдет солнце.

— Дело не в этом, Ниш. Она в беде.

— В беде?

— В точно такой же, в какую опасаешься попасть ты. — Я остановила ее суровым взглядом: мол, больше ничего не спрашивай.

Она поглядела на меня, кивнула. Вздохнула.

И еще раз.

* * *

Они были у меня как на ладони. Все окрестные джихадисты. Они меняли симки, но оставляли прежние телефоны, и я легко сопоставляла IMSI-номера их гаджетов с новыми симками. Они меняли телефоны, но оставляли прежние симки, и я проделывала то же самое, только наоборот. Они меняли и то и другое — ведь они элита из элит, параноики из параноиков, — а я следила за характером их звонков и на следующий день идентифицировала их снова.

Я знала все их номера, а следовательно, и местоположение. Их социальные графы, информационные каскады. Знала их вкусы в порнографии. Читала их эсэмэски. Хотелось докопаться до их истории поисковых запросов, но это было нелегко, потому что «Гугл» наладил защиту куда лучше, чем любые другие посещаемые ими сервисы. После слэша стоят мощные SSL-сертификаты, так что со своего наблюдательного поста я видела только https://google.com/ — и больше ничего.

— Вот бы проникнуть за слэш, — однажды вечером пожаловалась я Кэрри Джонстон за громадным бокалом вина.

— За все слэши?

— Нет, только за некоторые, чтобы подтвердить мои теории.

— Какие теории?

— Понимаете, бóльшую часть времени эти болваны болтают об одном и том же. Жалуются на плохую еду, хвастаются своими боевыми подвигами, фантазируют о бабах или пишут домой, что их дело правое и что к Рамадану все закончится. Но иногда им в голову приходят какие-то бредовые идеи, и начинают расползаться слухи о том, что их всех заразили биологическим оружием, разработанным в секретных лабораториях ЦРУ, или что «Моссад» заминировал все их продовольственные запасы, всякое такое. Когда такие слухи начинают распространяться, я вижу всплески поисковой активности у некоторых из них, потом они поднимают те же самые темы в своих сообщениях, доказывая, что все это чушь и ерунда. У меня возникла теория: все эти ребята, у которых хватает ума искать разоблачительную информацию, то есть те, у которых в школе были приличные отметки по компьютерной грамотности или как у них тут это называлось…

Кэрри Джонстон отхлебнула вино и воздела руки:

— У них тут это называлось воспитываться в Ираке при Саддаме.[22]

— Пусть так. Вот что я заметила: когда я ввожу в поиск эти слухи, то обычно, но не всегда нахожу ту же самую разоблачительную информацию, которую они переставляют в свои сообщения. Мне вот что пришло в голову: если бы я видела, каким образом они добывают эти сведения, то мы могли бы менять получаемые ими отклики — подсовывать им дезинформацию, переводить им стрелки друг на друга, показывая разные результаты.

Она окинула меня оценивающим взглядом:

— Мне нравится ход твоей мысли. Погоди, я подумаю, посмотрим, что тут можно сделать.

Через три дня она выложила мне на стол целый ворох клейких листочков.

— Что это?

Она хищно ухмыльнулась:

— Я смогу провести тебя за слэш. Дай мне номер телефона, электронный адрес или макс-адрес…

— MAC-адрес, — машинально поправила я и прикусила язык.

Она поморщилась:

---

[22] Примечания: 22

Саддам Хусейн (1937–2006) — президент Ирака в 1979–2003 годах, лидер партии Баас. Свергнут в результате вторжения США, осужден за преступления против человечности и казнен.

— Ладно. Любое из этих сведений. Некоторые из тех, с кем мы работаем, хотели бы протестировать в реальных условиях кое-какие продвинутые инструменты.

— Я должна записать это на бумаге?

— Мы не хотим оставлять цифровых следов. — Она усмехнулась. — Забавно, правда? Раньше, если хотели сохранить что-то в тайне, не писали этого на бумаге. А теперь нельзя ничего писать на компьютере.

Когда она ушла, я прокрутила в голове наш разговор. Эти неизвестные помощники — АНБ? Конкуренты? — находились в нашей системе. У Кэрри Джонстон был другой канал связи с этими помощниками — АНБ? Конкурентами? И они могли что-то делать с компьютерами и телефонами, зная MAC-адрес, электронный адрес или телефонный номер. Это означает, что они находятся внутри одного из трех или четырех интернет-провайдеров и просочились туда либо через агента, либо подкупом, либо взломом, а может быть, захватили базовую станцию или спутниковую линию. Вариант вполне реальный: все иракские интернет-провайдеры были у нас на блюдечке, и ко мне на стол иногда попадали материалы, которые следовало переслать на

наземные станции спутниковой связи.

Но как же они собираются проникать за слэш? Может быть, у них на службе состоят математические гении, которым удалось взломать современную «непробиваемую» криптографию. Уже не в первый раз широко распространенная математическая достоверность на поверку оказывается всего лишь домыслами с натяжкой. Но я работала на «ЗИЗ» и считалась тут одной из самых толковых, и даже мне это было не под силу.

Разумеется, чтобы взломать шифр, не требуется менять математику. Криптография воплощена в коде, в программах, написанных огромными командами профессионалов не умнее меня, работающих в больших компаниях с менеджерами-социопатами и жесткими сроками. В этих программах неизбежно будут ошибки, а где ошибки — там и баги. Отправьте на устройство специфическую вредную инструкцию, и оно сложится, как шар-трансформер, давая атакующему полный доступ к своим таинственным внутренностям.

Компании находят и исправляют эти баги, но действуют медленно, и не каждый пользователь успевает обновить все свои устройства. Например, будь вы малообразованным параноидным

джихадистом, живущим в пещере, вы бы вряд ли стали расходовать свой драгоценный доступ к интернету на загрузку больших обновлений безопасности, которые на самом деле могут оказаться зараженными фальшивками, отдающими вас во власть хакеров.

И даже если вы не хотите полагаться на то, что ваша мишень не станет обновлять свои программы, есть способ лучше — нацеливаться на баги, о которых еще никто не знает. Для этих багов не существует обновлений. У них есть название — «день 0» (только чайники называют их «уязвимостями нулевого дня», и я сознательно произносила это именно так, просто чтобы позлить мальчишек-хакеров), так как «эта уязвимость была обнаружена производителем и пользователями всего ноль дней назад, поэтому мы ее не исправили, и все системы подвергаются угрозе атаки».

Некоторые компании платят хакерам вознаграждение за обнаруженные ошибки в программах, однако на этом рынке самые большие ставки предлагают не «Майкрософт», не «Эппл» и не «Адоб», а компании вроде «ЗИЗ». Разумеется, айти-гиганты пытаются противостоять этому, взывая к гражданской сознательности искателей,

например: «Вы обязаны рассказать нам о наших ошибках, чтобы мы смогли защитить общество от злых хакеров. Помните, вы и ваши близкие тоже пользуетесь этими программами». Поверить в такие призывы было бы гораздо легче, если бы сами эти компании активнее исправляли найденные ошибки. Представьте себе, что вы нашли какую-то критическую, убийственную уязвимость в Windows или iOS и решили поступить как честный гражданин: сообщить о ней продавцу, а не продавать «ЗИЗ» или кому-нибудь из наших конкурентов. Проходят дни, недели, месяцы.

Тогда вы снова обращаетесь в компанию с вопросом, когда они планируют что-то предпринять для исправления обнаруженной вами ошибки, и они сообщают, что не сочли ее слишком серьезной и не планируют выпускать внеочередную заплатку. Ошибка, мол, будет исправлена в следующей версии системы — но не раньше чем через год. Кстати, а как же подписанный вами договор об оплате за найденные ошибки? В нем есть пункт о неразглашении, поэтому любые попытки рассказать миру о том, что компания утаивает опасный баг, приведут к тому, что вы лишитесь заработка, дома и всех своих сбережений.

Внезапно слова «гражданская сознательность»

начинают казаться синонимом «легковерия». Если вы захотите продать найденную уязвимость нулевого дня в «ЗИЗ», вас, конечно, тоже заставят подписать договор о неразглашении, однако заплатят гораздо больше и не станут оскорблять, делая вид, будто намереваются как-то исправлять ошибку.

Оказывается, компании не способны нормально обращаться с известиями о недочетах своих продуктов, особенно накануне ежеквартальных конференций по финансовым вопросам. Кто бы мог подумать?

Обо всем этом я имела лишь абстрактное представление, однако полагала, что «ЗИЗ» распоряжается известными ему уязвимостями нулевого дня весьма осмотрительно, использует их лишь для поимки самых отпетых негодяев, генералов или шпионов Саддама. Но Кэрри Джонстон щедрой рукой выложила передо мной целый арсенал, для любой системы или платформы. Сколько еще подобного материала у нас хранится?

(Как выяснилось, много. Написать код без ошибок очень трудно, и так как большие технологические компании практически объявили войну исследователям безопасности и не любят сообщений о недостатках своих продуктов, то в

итоге каждый обнаруженный баг не лечится, а превращается в оружие. На рынке уже скопился переизбыток.)

Через неделю я сократила свой список мишеней до главных четырех и аккуратно выписала на бумагу все, что знаю о них, все номера и идентификаторы. С этим листком я подошла к столу Кэрри Джонстон и вложила его прямо ей в руки. Потом вернулась к своему столу, взяла чистый лист, лежавший в стопке следующим, — на нем сохранились вмятины от шариковой ручки, их было видно, если поднести бумагу к настольной лампе и наклонить под углом сорок пять градусов, — и засунула в измельчитель под столом.

При выборе мишеней мне полагалось ориентироваться на их способность поставлять разведывательные данные. Но вместо этого я выбирала тех, кто пользуется различными системами. Мне хотелось узнать, какие инструменты есть в распоряжении у «ЗИЗ». Со своей компанией я почти не взаимодействовала. Мы лежали на разных «полочках», и единственной, с кем я общалась ежедневно, была Кэрри Джонстон. Остальные сотрудники в корпусе, отведенном компании «ЗИЗ» на военной базе «Гризли», были всего лишь тенями, мелькавшими в кондици-

онированном сумраке разгороженных секций. Иногда мы встречались в столовой и перекидывались парой слов, но они были не одного со мной племени. Почти все они прежде служили в армии, не всегда в американской, и все были минимум на десять лет старше меня. Женщины окидывали меня подозрительными взглядами из тех, что взрослые консервативные тетеньки приберегают для молодых девчонок с непонятным пирсингом в ушах и ноздрях, а мужчины смотрели так, как старперы обычно смотрят на всех молодых женщин. Гадостно.

Вследствие этого я почти ничего не знала о «ЗИЗ». Знала только, что платят они очень хорошо и, кажется, полностью доверяют Кэрри Джонстон. Это, правда, показывает их не с лучшей стороны, но, поскольку я и сама ей полностью доверяю, то не могу сказать ничего против. У них наверняка был какой-то выгодный контракт с Пентагоном, но, на мой взгляд, это ни о чем не говорило, и уж тем более о том, что у них есть хоть капля компетентности. Хотелось понять, на кого я работаю. Кто они — всего лишь ворюги, умеющие красиво говорить на торговых совещаниях, или виртуозы тайных операций, взвалившие себе на плечи всю грязную работу?

(Возможно, конечно, они были виртуозами-ворюгами, которые умели и красиво говорить, и мастерски воевать, но, уверяю вас, это вещи несовместимые.)

И я вознамерилась найти ответ как можно скорее.

Глава 5

— Расскажи мне об этом вашем Альянсе чернокожих и цветных, — попросила я Танишу, откинувшись на спинку скамьи в столовой и медленно переваривая оладьи. Глаза то слипались, то раскрывались — кофе с переменным успехом соперничал со сменой часовых поясов.

— Мы выросли из BLM — «Жизни чернокожих имеют значение». Против BLM бросили все — шпионов, провокаторов, нас обвиняли в терроризме, в рэкете и коррупции, устраивали кампании по дезинформации. Но движение продолжало расти. В различных штатах один за другим принимались законы, позволяющие штрафовать группы активистов, призывавших к демонстрациям, если эти демонстрации нанесли кому-либо материальный ущерб — любой ущерб, в счет шла даже опрокинутая урна. BLM выплачивали штрафы из добровольных пожертвований и с каждым разом становились все сильнее. Их дело подхватили другие, и вскоре появилось движение «Жизни цветных имеют значение», выросшее из Совета по американо-исламским от-

ношениям, их лозунги были похожи на наши, но все же они вели дело по-своему. Затем возникли «Жизни латиноамериканцев имеют значение», они боролись против притеснения иммигрантов. И дело пошло: через некоторое время мы поняли, что сражаемся на одной стороне и нам нужно согласовать свои действия. Нашлись люди, охотно взявшие на себя роль мостика между различными группами. Они стали связующими звеньями, примерно как в старом добром Студенческом координационном комитете против насилия. Так родился Альянс чернокожих и цветных.[23]

— Кажется, вы делаете успехи.

Таниша наморщила лоб.

— Да, звучит, конечно, здорово. Мы стали самым страшным кошмаром для белых, исполненных чувства собственного превосходства. Только представь себе: вокруг, насколько хватает глаз, колышется целое море смуглых и черных лиц, чернокожие, арабы, мусульмане, иранцы, мексиканцы, выходцы из Сальвадора, Гондураса, Колумбии — все они поддерживают друг друга, выступают как единое целое. За что мы только не боролись: за повышение минимального уровня

[23] Примечания: 23

BLM (Black Lives Matter) — движение против расовой дискриминации и полицейского насилия, возникшее в США в 2013 году.

оплаты труда, за отказ от выплаты долгов, за амнистию для иммигрантов, планирование семьи, тюремные реформы, стратегию подавления избирателей, противодействие войне с наркотиками, за то, чтобы всех до единого банкиров и крупных бизнесменов, запятнавших себя коррупцией, бросили за решетку… — Она считала на пальцах. Потом сжала кулак. — Словом, сборная солянка, как выразились бы мои белые либеральные друзья.

Я вгляделась в Танишу, вгляделась по-настоящему, попыталась увидеть ее глазами человека, встретившего ее впервые. В ней всегда чувствовалась внутренняя сила, скрытая под легкомысленным образом миротворца, каким она была в нашей дружеской компании. Теперь эта сила засияла во всей своей красе. Даже не стремясь к этому, Таниша выглядела крутой. Казалось, если вы бросите на нее тень, она схватит ее, превратит в оружие и перережет вам горло. Она была в курсе всего, что происходит вокруг, и была всегда готова действовать, как дзюдоист, который обратит против вас же силу вашего удара, еле заметным движением подхватит вас и перебросит через плечо.

Она стала Чудо-женщиной политической борь-

бы.

Таниша отпила кофе и поковырялась в отодвинутой тарелке.

— Потом мы стали готовиться к выборам. Составили список кандидатов, написали программу из пятнадцати пунктов, охватывающую наши основные цели, собрали средства на выдвижение пятисот кандидатов на всех уровнях — и штатов, и местных, потом потратили еще больше денег на регистрацию избирателей и борьбу с подавлением избирателей на всех этапах гонки. Наши добрые друзья из Демократической партии, особенно представители корпоративных интересов, те, кого мы намеревались подвинуть, называли нас идеалистами. В первом же круге победителями стали триста семьдесят два наших кандидата, и тогда молот опустился. — Таниша вздохнула. — Ни с того ни с сего все наши митинги переросли в побоища. Ребята в масках из Черного блока начали бросать камни и махать кулаками. Никто не знал, кто эти люди, потому что в этом и состоит главная тактика Черного блока, однако ходили рассказы, что кое-кого из них полиция пропускает через свое оцепление и дает уйти. Потом появились видео, на которых эти типы бьют банковские витрины, поджигают

полицейские машины и спокойно уходят, а копы арестовывают кого угодно, только не их. В то же время в наших внутренних почтовых рассылках стала твориться какая-то ерунда. То и дело вспыхивали бурные ссоры, и когда, казалось, нам удавалось успокоить ситуацию, все разгоралось с новой силой, еще жарче, чем прежде. Наши самые неприятные моменты утекали в соцсети, просачивались в прессу, использовались для очернения наших кандидатов, выступавших за улучшение законов о труде, о жилище или об избирательном праве. Например: «Вы хотите слушать эту дуру? Смотрите, какие чокнутые у нее друзья. Разве она способна предложить толковый закон?»

Меня стало подташнивать. Я хорошо знала этот сценарий. Сама его сочинила.

— Мы понимали, что к нам внедрены провокаторы. Понимали, что нас взломали. Мы не глупы. Приняли меры. Новые устройства, новые мессенджеры, новые правила оперативной маскировки. Следовали найденным в сети советам от Комитета по защите журналистов, от Криптопартии, от Фонда электронных рубежей — они составили целое руководство по защите от слежки. Но что толку? В основном эти советы рассказывают, как

понять, что тебя взломали, а не как защититься от взлома. О бинарной прозрачности и тому подобных приемах. Мы обновлялись в тот же миг, как только выходила свежая версия, потому что хотели быть защищенными от новейших, самых страшных угроз. Стали обращать внимание на предупреждения бинарной прозрачности, даже если почти все они оказываются ложной тревогой.

— До поры до времени, — вставила я.

Она поглядела на меня и вздохнула. Я стала ждать второго вздоха.

— Да, до поры до времени. — Она достала из сумочки чехол Фарадея и протянула мне. — Это старый телефон. Я не включала его с тех пор, как получила предупреждение. Пользуюсь вот этим. — Она извлекла еще один телефон, с треснутым экраном и в потертом корпусе. — Старый, но я его подлатала. Вставила одноразовую симку. Но… — Она вздохнула. И еще раз. — Рано или поздно его тоже взломают. Что мне делать? Перестать обновляться? Перестать пользоваться телефоном? С тем же успехом можно вообще выйти из Альянса чернокожих и цветных.

— Совсем не обязательно. Надо просто поднять оперативную маскировку на следующий

уровень. Для этого загрузить на телефон операционную систему с открытым кодом, настроить ее, вручную проверить контрольную сумму и установить. Это дело муторное, но тебе с друзьями надо будет заниматься этим регулярно, иначе вас расколют как орех. Безопасность — дело общее, и твои данные защищены ровно настолько, насколько защищен самый слабый в вашей группе.

Как приятно было это говорить. И как противно. Работая на военной базе «Гризли», я атаковала противников высшего уровня, но при этом самых слабых. Пару раз мне попадались опытные люди, установившими надежнейшую оперативную маскировку, сквозь которую невозможно проникнуть, но при этом они слали сообщения болванам, которым лень было перепрошиваться, шифроваться, обновлять пароли… Не надо было даже проникать в гаджеты моей мишени — все сведения, которые этот виртуоз посылал своему клоуну-подчиненному, становились моими. Этот вопрос, кажущийся таким очевидным, является профессиональной тайной «ЗИЗ», «КЗОФ», АНБ, «Моссада», ГРУ и разведывательного крыла американских бойскаутов. Секрет известен всем, но никому не положено говорить о нем. «Не заикайся о войне».

Таниша прищурилась:

— Маша, по-моему, это невозможно. «Просто не совершать ошибок» — это не план, а пожелание. Кажется, ты сама мне об этом рассказывала.

— Вот поэтому вам нужен человек, который будет заниматься оперативной маскировкой в режиме полного рабочего дня.

— Только и всего-то? И как я сама не додумалась…

— Ниш, я серьезно. Индивидуальными тренировками и призывами быть начеку результата не добьешься. Вам нужен человек, чьей единственной заботой будет следить, что вы все делаете как надо, и это не должен быть случайный прохожий, который чему-то как-то вас обучает.

Таниша покачала головой. Этот ее жест был мне хорошо знаком — так делает человек, когда убеждает сам себя, что на самом деле все не так уж плохо.

— Маша, ты всю жизнь говорила мне, что для безопасности не обязательно быть крутым профессионалом, что обеспечить ее способен каждый, кто приложит хоть немного усилий. А теперь ты предлагаешь нам нанять полноценного сотрудника.

— Обеспечивать безопасность действительно

нетрудно, если опасаешься случайных ненаправленных атак от всяких бестолочей и мамкиных шпионов. Не надо бежать впереди паровоза, достаточно бежать быстрее других. Даже если твой противник — полицейский, который остановил тебя на дороге и пытается вскрыть твой телефон, меры защиты просты и однозначны, надо только принять их заранее: минимизировать данные в телефоне, минимизировать пароли, все шифровать, знать свои права, требовать адвоката, заткнуться и сидеть смирно. Но если на тебя нацеливается правительство, особенно американское, это уже совсем другая история. Ты уже не в любительской лиге. Это профессионалы. Звезды. Мы называем их «продвинутой устойчивой угрозой». Продвинутой — потому что они хорошо знают свое дело. Устойчивой — потому что они могут вести слежку 24/7, чтобы выловить малейшую ошибку и мгновенно подсунуть эксплойт. Вам нужна продвинутая устойчивая защита.

И опять она качает головой:

— У нас нет такого человека. А если бы и был… Мы же не армия. Я не могу приказать людям: поменяйте весь свой образ жизни, чтобы реагировать на любые шаги наших врагов. Наша цель — предложить позитивную повестку, а не давать

белым шовинистам власть над нами.

У меня на языке вертелись колкости о благих пожеланиях и о том, как хорошо не давать власти белым шовинистам, когда тебя и твоих друзей держат в Гуантанамо. Но я не дала им сорваться.

Потому что она была права.

— Ты права.

Она присмотрелась ко мне, ожидая подвоха, но не нашла.

— Продолжай.

Я покачала головой:

— Что тут скажешь, ты действительно права. Они хотят, чтобы вы поступали определенным образом. В лучшем случае — чтобы вы оставались дома и помалкивали. Если это не удастся, они просочатся в ваш круг, посеют недоверие друг к другу, и вы распадетесь. Если и это не получится, они заставят вас тратить все свои силы и энергию на попытки помешать им. Но если вы будете идти тем же курсом, что сейчас, вы расколетесь, развалитесь и исчезнете. Вам нужно улучшить безопасность и сделать это, оставаясь самими собой.

Она скосила глаза и высунула язык:

— Очевидно. Но как нам этого достичь?

Я уже пыталась обучать Кристину и ее дру-

зей. Особой пользы им это не принесло. Делать снова и снова одно и то же, надеясь на иной результат, — это еще не формальное определение безумия (см. «Руководство по диагностике и статистике душевных расстройств», 5-е издание), но и хорошей тактикой не назовешь.

— А если этим займусь я?

Она заморгала:

— Что?

— А если я стану вашим профессиональным сотрудником на полный рабочий день? Вы дадите мне свои гаджеты, я их перенастрою. Займусь вашими серверами, укреплю их защиту. Буду доступна круглые сутки, поддерживая ваши системы и отвечая на вопросы. Буду думать над тем, как вам воплотить свои замыслы, а не убеждать вас в их бессмысленности. И работать буду долго, пока не осточертею вам или пока вы не перестроите мир желаемым образом.

Эти слова колоколом звенели у меня в ушах. Я и сама не верила, что они слетели у меня с языка. Это было официальное заявление о преданности делу, о том, что я встала на их сторону, хотя всегда балансировала где-то посередине. Стоило произнести это, и мне стало необычайно хорошо, сердце забилось в груди, кровь запела в ушах. Я

готова посвятить себя великому делу и изменить мир к лучшему.

Так, наверное, чувствует себя Маркус Яллоу.

Прекрасный стимулятор.

Таниша вздохнула раз, другой:

— Нет.

Я затаила дыхание.

— Прости, нет. Маша, нам не нужен белый спаситель.

На миг я застыла, ничего не говоря и копаясь в своих чувствах. Справедливо ли это? Таниша — моя давняя подруга, но после семнадцатилетия мы с ней мало общались. Люди меняются. Неужели она стала сволочью? Или я? Одна из нас определенно сволочь.

— Справедливо. — В моем голосе почти не было трепета.

Я, кажется, сумела сохранить невозмутимый вид.

— Ну тогда ладно, — вздохнула Таниша. Отпила кофе. Еще один вздох.

Она выглянула в окно. Толпы людей, спешащих на работу и с работы, поредели, остались лишь стайки молодежи, мамы с колясками, бездомные, копы.

— Если решишь, что от меня может быть поль-

за, дай знать, — сказала я. А сама обдумывала бегство. Я же могу бросить Танишу, вернуться в Мексику, научиться серфингу. А почему бы и нет? Место хорошее. Какая разница, где ждать конца, каким бы он ни был.

— Прости. — Таниша все еще смотрела в окно. — Знаю, тебе кажется, что это несправедливо. Я и сама так считаю. Но все это несправедливо с самого начала. Несправедливо, что нам пришлось объединяться в Альянс чернокожих и цветных. Несправедливо, что правительство и полиция хотят с нами разделаться. Несправедливо, что телефоны и сети не дают нам безопасности. Несправедливо, что ты пролетела полмира, и мы не хотим принимать тебя в наши специалисты по техподдержке. Но я стараюсь сделать мир чуточку справедливее, и иногда для этого приходится принимать трудные решения. Я не обещала тебе работу в Альянсе чернокожих и цветных. Прости, но твой план нам не подходит. Может быть, мы — ты, я, мои товарищи — сможем придумать что-нибудь получше. А может быть, и нет. На трудные вопросы не всегда есть простые ответы.

«На трудные вопросы не всегда есть простые ответы». Эта ее фраза была отточена до совершенства, и я догадалась, что она уже не раз

произносила ее перед другими людьми. Мне захотелось обрушиться на эти слова и растерзать их в клочки, но я старалась быть такой, какой меня хотела видеть Кристина, положительной, как Таниша, доказать себе, что я повзрослела и не позволю обиде взять верх над здравым смыслом.

— Я тебя услышала. — Такой ответ показался уверенным и взрослым. Непроницаемое лицо. — Надеюсь, мы сможем что-нибудь придумать.

Я расплатилась за завтрак, напомнив Танише, что сама пригласила ее. Ни я, ни она не заикнулись, что я уже потратила пять тысяч на самолет, чтобы предложить ей помощь, о которой она не просила и в которой, оказывается, даже не нуждалась. Ну что ж, так тому и быть. Завтрак — это капля в море по сравнению с суммами, которые я загребала, распродавая свой талант.

«Полочки, Маша. Не забывай раскладывать все по полочкам».

Солнечный свет, полицейские, люди и запахи Окленда — все это внезапно обрушилось на мою голову, оглушительно напомнив о сбитом после перелета режиме дня. Мне надо или выпить бешеную тонну кофе или выспаться. В животе уже бурлил избыток кислоты, и по разным причинам мне все сильнее хотелось спрятаться с головой

под одеялом.

— Мне бы поспать подольше.

Таниша положила теплую руку мне на плечи:

— Вот и правильно. Ты, небось, как выжатый лимон. А мне все равно пора на работу.

— Где ты работаешь? — Вопрос напомнил мне, что я не знаю ответа, а это в свою очередь напомнило, что подруга из меня никудышная. Неудивительно, что Таниша отказалась от моей помощи. «Хватит себя жалеть. По полочкам. Спать».

— В поддержке клиентов в одной программистской компании. Сижу дома в наушниках и помогаю корпоративным бездельникам налаживать служебные мессенджеры. Работа постоянная.

На мой удивленный возглас она покачала головой.

— Наверно, думаешь, что я слишком слабо разбираюсь в технологиях, чтобы еще и помогать другим? Во-первых, я все-таки не настолько тупа, а во-вторых, и это важнее, я не из того типа людей, для кого технологии разрабатываются. Еще никто в истории не привлекал венчурный капитал рассказами о том, какой крупный куш он сорвал, впаривая свои инструменты ради-

кальным афроамериканкам. И с того дня, как я впервые включила компьютер, мне приходилось сражаться с кодом, заставляя его работать так, как надо мне. В отличие от этих типов, — она указала за окно, — мне никогда не попадались приложения, разработанные под мои нужды. Тот офисный планктон, который звонит мне, пользуется программами, которые разработал один из вот этих, купил еще один из вот этих, и разработчики считают этот планктон не за людей, а за центр затрат и источник проблем для техподдержки. С ними я и работаю, и у меня это получается хорошо. Лучше, чем у вон тех, с улицы.

Мимо нас по тротуару струились толпы технарей, спешили в метро или к арендованным машинам. Я и так падала с ног от усталости, а слова Таниши довели меня до полного изнеможения. От мыслей о том, можно ли считать меня продвинутым технарем, еще сильнее захотелось залезть под одеяло.

— Верю, — сказала я. — А теперь мне надо поспать.

Она всмотрелась в мое лицо, и увиденное ей не понравилось.

— Что верно, то верно, подруга. Поехали до-

мой.

* * *

За годы работы в технике я усвоила одну простую вещь: технологии — это в первую очередь продажи и лишь затем программирование. Некоторые компании создают «продукт», который еле пашет, но у них в отделах продаж работают ушлые братаны, которые могут за бешеные деньги загнать другим таким же братанам никому не нужный товар. Никому из этих покупателей не надо будет пользоваться приобретенным барахлом — сию почетную участь они перекладывают на мартышек, стоящих ниже на эволюционной лестнице: клиентскую службу, рядовых пользователей, продавцов из фастфуда, кассиров, регистраторов. Эти люди зарабатывают так мало, что бизнес легко оставляет их один на один с бесконечно зацикливающимися глюками, и пусть они беспомощно любуются, как по экрану медленно ползет полоса загрузки (а как же, ведь полоса загрузки сама за собой не проследит).

Впервые зарегистрировавшись во внутренней части шпионских программ «ЗИЗ», я сразу поняла, что пользуюсь кодом, который один братан когда-то загнал другому. Меню не имели смысла,

пользовательский интерфейс то и дело падал, сообщения об ошибках вышли из-под пера человека, для которого английский язык явно не был родным. Кто-то соорудил это для «ЗИЗ» и продал им, и теперь «ЗИЗ» с огромными накрутками выставлял счета американскому правительству за то, что я ковырялась в этом барахле и пыталась его запустить.

Когда я наконец разобралась, какие именно сочетания команд обрушивают систему вдребезги, какие просто подвешивают ее на несколько часов, а какие вроде бы работают, но на самом деле выдают обманный или неполный выход, у меня стало что-то получаться. Я воровала с целевых устройств фотографии, тексты, историю браузера.

Дела пошли еще быстрее, когда я взломала бездарную шифровку, стоявшую на базе данных приложения, и перекачала все сведения в MySQL — базу данных с открытым кодом, которой пользуется весь мир, кроме жадных подрядчиков, берущих надбавку за лицензии «Оракла», — и начала зондировать ее настоящими поисковыми запросами. После этого я стала понимать, много ли данных мы можем выкачать с гаджетов нашего противника. Ответ: все, какие есть. Так я и

назвала программу: ВКЕ. Все, какие есть.

Мы с головой окунались внутрь этих гаджетов, и я могла выкачивать сколько угодно данных, фиксировать местонахождение и статус хоть каждую минуту. И стало ясно: тот, кто состряпал эту программу, ни на миг не задумался, что их зловред будет перекрывать всю пропускную способность канала связи и мгновенно опустошать батарею, а это может вызвать подозрения. Я мысленно сделала себе пометку подумать, как исправить этот баг и оставаться в чужих гаджетах сколько угодно долго, не высаживая их.

Тем временем я исследовала все, что находилось по другую сторону слэша. Искала подтверждение своим догадкам о том, где эти ребята добывают информацию, какие почтовые сервисы и какие мессенджеры дают старт каскаду коммуникаций и действий. Сопоставляла их уровень активности с локациями, строила картину их жизненного ритма: часто ли они останавливаются заглянуть в телефон, можно ли по уровню заряда оценить доступность источников питания, с какой скоростью они перемещаются — идут пешком или едут на машине.

Потом я занялась фотографиями. Наши жертвы не пользовались сетевыми фотохостингами, но

мы знали, что они постят снимки своих трофеев на частных форумах, на которые мы смогли проникнуть, потому что эти болваны не обновляли пароли.

Но снимки, оставленные в их телефонах, были гораздо страшнее тех, какие они выкладывали, заманивая в Ирак других джихадистов и исламистов. На первом, какой мне попался, был ухмыляющийся солдат, совсем еще мальчишка, он держал дуло у виска пожилого человека с короткими седыми волосами. Старик стоял на коленях и плакал, а мальчишка лучезарно улыбался во весь рот. Следующий снимок: старик на земле, голова в луже крови, руки мальчишки по локоть в крови, а на лице в алых брызгах все та же улыбка.

Это был первый снимок казни, но далеко не последний. Наши враги не только сражались с нами, они убивали, убивали многих, но всегда лишь по несколько человек за раз. Вырезали целые семьи, оставляя их лежать в домах или хороня в неглубоких могилах на заднем дворе. И фиксировали все это на хилые камеры своих телефонов, запыленные и забрызганные.

Я листала эти снимки, размеренно щелкая мышкой, всматривалась в лица, подсознатель-

но размышляя о том, как их классифицировать и хранить, проверяла EXIF-метаданные и подмечала, кому из наших врагов не хватило ума отключить запись геолокации. Из таких снимков я автоматически извлекала координаты GPS и наносила на карту. Щелк, щелк, щелк. Среди убитых обязательно находился как минимум один человек в годах, непременно с военной выправкой, и щелк, щелк, щелк, до меня вдруг дошло, что все они сторонники «Баас», солдаты прежнего режима, казненные ополченцами, за которыми мы и охотимся. Я так и не смогла вс[24]помнить, к какому течению относятся баасисты — сунниты или шииты, но наши целевые объекты были шиитами, а те, кого они казнят, служили Саддаму, значит, они сунниты? Может быть.

Щелк, щелк. В полутемном кондиционированном трейлере «ЗИЗ» я задыхалась и обливалась по́том. Время остановилось. Я сидела далеко от окна, да и стекла все равно были густо тонированы, так что снаружи могло быть все что угодно — хоть полдень, хоть полночь. Иногда я засиживалась часами напролет, потому что рядом

[24] Примечания: 24

«Баас» — панарабская партия, правившая в Ираке при Саддаме Хусейне. Запрещена в Ираке после его свержения. В Российской Федерации движение признано экстремистским и запрещено.

не было друзей, и некому было отвлечь меня. Не было родителей, и никто ничего от меня не требовал.

Щелк. Мне впервые попалось фото изнасилованной жертвы. Добралась я до него далеко не сразу. В глубине души я была готова к такой картине, знала, что непременно на нее наткнусь. Совсем юная девочка. Моложе меня.

Не хочу писать о ней.

На следующем снимке она была уже мертва.

И она не последняя.

Щелк. Щелк. Щелк.

* * *

Когда мы наконец вернулись к Танише, я падала с ног от усталости. Не было сил даже найти зубную щетку и пижаму. Я скинула легинсы и футболку, нырнула в шелковый спальный мешок, мой неизменный спутник во всех путешествиях, рухнула на диван и подложила под голову диванную подушку. Уже засыпая, вдруг вспомнила, что не зарядила телефон и ноутбук. Через силу встала, доплелась до рюкзака, подключила шнур, нашла американский адаптер, выдернула из розетки ночник Таниши (керамическая пастушка с лампочкой, торчащей из головы, кропотливо пе-

рекрашенная в неоновые цвета), вставила на ее место блок питания, потом подключила к ноуту телефон и сунула его под подушку. Так и уснула, сжимая его рукой.

А когда проснулась, сердце бешено колотилось, и я никак не могла понять почему. Сквозь крепкий-крепкий сон меня что-то безумно напугало, да так сильно, что я даже не сразу вспомнила, где нахожусь. Шторы были задернуты, в комнате стоял полумрак, а из-за двери спальни Таниши доносилась приглушенная музыка. Пара глубоких вдохов, и я смогла сориентироваться: полный мочевой пузырь, темная комната, ноющие мышцы, песок в глазах, дрянной вкус во рту и…

Телефон в руке.

Он шумел, негромко, но не по-доброму. Этот звук я выбрала сама и назначила его для очень специфических обстоятельств. Закольцованная сирена европейской «скорой помощи», явно сгенерированная компьютером и обработанная так, что даже при небольшой громкости режет ухо. До этого телефон издавал этот звук всего трижды, и каждый раз это случалось, когда я слишком приближалась к оборудованию, которое сама установила, работая в «КЗОФ».

Строго говоря, звук шел не из телефона. Его

издавал телефонный чехол со встроенным аккумулятором, продлевавшим жизнь батарейки; он был снабжен собственным процессором и маленьким «хвостиком» в форме симки, вставлявшимся в соответствующее гнездо на телефоне. Настоящая же симка лежала в гнезде этого чехла и питалась от маленького программируемого контроллера, отслеживавшего все сигналы, исходившие из телефона и попадавшие на него.

Я слышала этот звук, если телефон был якобы выключен, но продолжал втайне отсылать данные. Но были и другие причины: чехол сообщал мне, когда телефон пытался соединиться с фальшивой сотовой вышкой — IMSI-перехватчиком. Обычные телефоны умеют подменять свои IMSI-номера, если считают, что вышка рядом с ними фальшивая, однако с этим чехлом я могла просто залогиниться и игнорировать все попытки фальшивой вышки познакомиться с моим телефоном. И наконец, чехол даст мне знать, если вышка, к которой он подключился, попытается заразить базовый радиомодуль, крошечный низкоэнергетический компьютер, через который шли все коммуникации между сотовым радио и операционной системой телефона. Защищенность радиомодуля была невелика, и тот, кто попробует

им завладеть, окажется в вечном слепом пятне, куда не сможет заглянуть ни операционная система, ни ее приложения.

На задней стороне чехла имелся дешевый OLED-дисплей, сильно поцарапанный после множества падений, но еще читаемый. Я подошла к окну, чуть-чуть раздвинула шторы, впустив на дисплей лучик дневного света, потом с помощью кнопок громкости на боку чехла стала листать журнал атак.

Еще не взглянув на журнал, я говорила себе: «Это всего лишь какая-то дурацкая ложная тревога. Интересно, что там стряслось». Таким методом я успокаиваю сердце, чтобы не колотилось в груди, и кровь — чтобы не стучала в ушах. Но стоило прочитать и перечитать отчеты об ошибках, и пульс опять взметнулся до небес. Пришлось усилием воли регулировать дыхание.

Кто-то обманом заставил мой телефон подключиться к фальшивой сотовой вышке. Нет, конечно, они не проникли ко мне в телефон, взломали лишь чехол, и тот осторожно отправил фальшивой вышке ложный отклик, чтобы посмотреть, что произойдет дальше. А то, что произошло дальше, было очень страшно: кто-то вознамерился атаковать и заразить мой телефон

через радиомодуль. Чехол перехватил атаку в специальную ловушку — симуляцию радиомодуля, которая отслеживала и записывала все происходящее. Вслед за вирусом фальшивая вышка направила целый пакет аккуратно упакованных вредоносных программ — приложений, которые будут работать на телефоне в фоновом режиме, отдавая злоумышленникам власть над всеми датчиками — камерами, микрофонами, GPS, акселерометрами, детекторами отпечатков пальца, а также над файловой системой. Обычная картина — ты носишь шпиона в собственном кармане.

Но дело в том, что в разговорах с IMSI-перехватчиком мой чехол всякий раз выдавал себя за различные модели телефона, а эта атака представляла собой набор вредоносных программ, специально заточенных под конкретную модель и прошивку. А это значило, что мой противник искал этот телефон, нашел его, прозондировал, подготовил оружие для атаки именно на этот гаджет и выстрелил. Другими словами, на том конце провода была не шайка придурков со скачанной из интернета игрушкой, не местные правоохранители со стандартными программами, купленными втридорога у прикормленного поставщика. Нет, это была развитая устойчивая

угроза, в игру вступило правительство или кто-то работающий на него, и они обладали серьезным оружием, по сравнению с которым программы, которые я тестировала на базе «Гризли», были дубинками пещерного человека.

Я схватила ноутбук, нашарила выключатель ночника. Нацепила наушники, врубила музыку, потом соединила телефонный чехол с ноутом и скачала журнал. У меня возникла идея.

Атака была нацелена на конкретную модель, поэтому я могу проанализировать журнал и понять, когда именно противник заметил мой телефон. Если зловред заточен под модель, которую мой чехол сымитировал в 10:28 утра, то, значит, именно тогда на меня и нацелились. Ага, вот оно: меня атаковали в 9:18, и, быстро пролистав телефон, я поняла, что в этот момент мы как раз входили в дом Таниши.

Черт возьми.

Я сунула ноутбук под мышку и тихонько повернула ручку двери спальни Таниши. Она сидела перед ноутбуком в беспроводных наушниках и спокойным голосом просила кого-то неведомого найти отчет об ошибках и прочитать ей первую строку. Увидев меня, подняла палец. Я покачала головой. Дело срочное. Она в ответ тоже покачала

головой и, ни на миг не сбившись, продолжила нежным голосом беседу с клиентом. Странно было слышать у нее такой мирный и терпеливый тон, словно у ребенка с плаката к Неделе сохранения душевного комфорта. Я нетерпеливо покрутила рукой — заканчивай, мол. Понимала, что раздражаю ее, но дело все-таки было важное.

Отключившись наконец, она набросилась на меня с холодной яростью:

— В чем дело?

— Дай твой телефон.

Она разозлилась еще сильнее.

— Ниш, я серьезно.

Она покачала головой, вздохнула. Вздохнула еще раз. Протянула мне телефон. Я достала из гнезда на боку своего чехла скрепку и извлекла ее симку. Потом выдернула из розетки роутер, стоявший позади компьютера. Без соединения с вайфаем и без мобильной сети гаджет уже не мог общаться с внешним миром. Нашла проводной порт, все еще закрытый пломбой изготовителя, вскрыла его ногтем, полезла в рюкзак за кабелем и шлюзом USG.

Подобно радиомодулю в телефоне, USB-порт ноутбука фактически представляет собой отдельный компьютер, причем не очень хороший.

Однокристальная система USB-порта управляется древней дырявой операционкой, и, переставляя флешку с одного устройства на другое, можно запросто подцепить вирус, который ваша операционная система даже не заметит, при этом он будет компрометировать все, что вы делаете на зараженном устройстве.

Я подключила к порту шлюз USG — небольшое устройство с открытым кодом, разработанное хакерами из Новой Зеландии специально для параноиков вроде меня, встревоженных тем, что же происходит с компьютером при подключении таких невинных с виду флешек. Производство этих шлюзов уже вышло на промышленный уровень. Это маленький ключик, у которого с одной стороны USB-разъем «мама», с другой стороны «папа», а внутри две однокристальные микросхемы, только они намного лучше, чем USB-контроллеры вашего ноутбука с открытыми прозрачными операционными системами. Одна из них контролирует вход, другая — выход, и они профильтровывают все инструкции, которыми USB-устройство обменивается с компьютером, отвергая все подозрительное, подобно аппаратному брандмауэру на незащищенном USB-порте.

Если ваша паранойя совсем слабенькая, мо-

жете купить шлюз USG у этих новозеландцев, вставить в ноутбук и приступить к работе. Если паранойя чуть-чуть посильнее, можете составить прошивку на основе исходного кода и сравнить контрольные суммы с той прошивкой, которая была на шлюзе после покупки. При более сильной паранойе напишите прошивку на основе исходного кода, который составили вы сами. А самые отпетые параноики могут купить все детали, взять паяльник, собрать USG-шлюз своими руками и написать к нему прошивку из исходного кода, чтобы любому злоумышленнику пришлось догадываться, какие электронные детали вы купили в магазине и как к ним подобраться.

Угадайте, как поступила я.

Я подключила телефон Таниши к своему кабелю, вставила кабель в шлюз USG, а шлюз в телефон. На своем телефоне быстро отыскала в интернете инструкции, как перезагрузить ее телефон в режим разработчика, чтобы напрямую проникнуть в ее прошивку со своего ноута, потом нажала нужные кнопки в нужном порядке, выдержала заданное время (получилось с четвертой попытки), и вуаля — теперь я могла безопасно зайти со своего ноута в программы на ее телефоне.

Первым делом я сняла контрольные суммы ее операционной системы и приложений и ввела их в гугл. Разумеется, почти все они соответствовали известным приложениям и модулям, но были и непонятные. И вот одно из них попало в цель: известный руткит для Android, который передает хакерам полную власть над вашим телефоном и всеми его действиями. Еще один запрос — теперь уже на сравнение с атакой, отраженной моим телефонным чехлом, — и стало ясно: это та самая атака, нацеленная конкретно на ее телефон.

— Думаю, тот, кто заражает телефоны, старается держаться поближе к тебе или, возможно, к твоему телефону, хотя более вероятно первое. Наверняка они уже взломали всех, кто был в ресторане, не говоря уже о соседях.

Таниша пару раз моргнула:

— Что все это значит?

— Кто-то — может быть, полиция Окленда, может, штата или даже федералы, а может, подрядчики, работающие на кого-то из них, — контролирует много сотовых вышек, настоящих или фальшивых, и способен идентифицировать все телефоны поблизости от твоего. Потом, найдя их, он проводит целенаправленные атаки, перехватывая управление этими телефонами.

— Что значит «перехватывая управление»? — Глаза Таниши постепенно наполнялись ужасом, и я поняла, что она уже знает ответ.

— Подчиняет себе камеры, микрофоны, детектор отпечатков пальца, считывает местоположение, сетевой трафик. Видит все фотографии и другие файлы на телефоне, получает доступ к данным, хранящимся в облаке: сообщения, календари, общие документы. Читает все твои зашифрованные чаты, потому что видит расшифрованный открытый текст на твоем телефоне. Кое-что из этого, а может быть, и все, уже просочилось в их базы данных, а остальное они смогут легко получить, когда твой телефон включен и соединен с какой-либо сетью.

Она побледнела, вцепилась пальцами в бедра, чтобы руки не дрожали. Признаюсь, я намеренно пугала ее.

— Что же нам делать?

— Нам?

Она покачала головой:

— Не вредничай. Понимаю, ты обиделась, потому что я не взяла тебя в специалисты по безопасности Альянса чернокожих и цветных, но, Маша, тут задеты мы обе.

— Да. — Я на миг задумалась. — Ниш, я пре-

красно понимаю твои возражения. Но здесь я в растерянности. Те, кто заразил тебя и покушался на меня, очень скоро догадаются, что я не заразилась. В нашем маленьком социальном графе я стою очень близко к твоему узлу, потому что мы перезваниваемся и все такое. К тому же для копа не составит труда вычислить, кто я такая и каким знаниями обладаю. Они будут снова и снова преследовать меня и подловят на любой малейшей ошибке. А я постараюсь ошибок не делать.

— Ты уверена, что тебя будут преследовать?

Я опять пожала плечами:

— Не знаю, но на данном этапе такое допущение кажется полезным. Они ненавидят тебя и постараются подсадить жучков ко всем, кто рядом.

Казалось, она вот-вот заплачет. Этот взгляд был мне знаком. Я видела его у Кристины, когда объясняла ей, что к чему в ее жизни.

Не люблю думать о Кристине.

— Да ладно тебе, Ниш, чем ты рискуешь? Ты и так уже ведешь войну против могущественных, прекрасно организованных противников — патриархата, превосходства белых, развитого капитализма, так почему бы не повоевать против компьютерных взломов?

Она нехотя рассмеялась.

— Ладно, уговорила. Но всех этих противников я понимаю и не нуждаюсь в них. А эти настырные игрушки, — она взвесила телефон в руке и, казалось, готова швырнуть его в стену — не самая плохая идея в нынешней ситуации, — они мне нужны, но я ничего в них не понимаю. В отличие от тебя. В отличие от них.

Я на миг задумалась:

— Хочу тебя утешить. В этих штуковинах практически никто ничего не понимает. И уж точно не понимают копы и их начальство. Они едва способны грамотно заполнить заказ на покупку кибероружия, которым тебя атаковали. И понятия не имеют, как оно работает.

* * *

Я не вносила встречу с Кэрри Джонстон в календарь. Какой-то инстинкт подсказывал не оставлять документальных следов. Я сфотографировала то, что видела на экране, на камеру телефона, потом распечатала снимки на маленькой струйном принтере, купленном за наличные в местном военном магазине. Откатила телефон к заводским настройкам и установила все заново. Подумывала, не разломать ли пополам материн-

скую плату принтера и не выкинуть сам принтер на помойку, но, если в вашей модели угроз присутствуют злоумышленники, способные заразить прошивку принтера, чтобы посмотреть, не подчищаете ли вы контрольные журналы на своем рабочем компе, вам все равно крышка, потому что те же самые злоумышленники наверняка давно уже окружили ваш компьютер скрытыми камерами и тому подобным.

Мне было известно, что Кэрри работает по вашингтонскому времени — приходит на работу в полтретьего пополудни, когда в Пентагоне семь часов утра, и в полночь удаляется к себе пить вино и ужинать низкоуглеводным сладким картофелем из сухих пайков за просмотром пиратских эпизодов «Клана Сопрано». Я прибыла через десять минут после нее, дав ей время привести себя в порядок и переодеться в домашнее — тренировочные штаны и просторную футболку. Специальный костюм для винопития.

Она открыла дверь, держа в руке большой бокал вина. Сердито оглядела меня сверху донизу и буркнула:

— Что-то ты поздновато.

— Знаю. — Не стала объяснять почему. Кэрри Джонстон прекрасно понимала, когда можно

обсудить цель нашей встречи, а когда лучше помолчать, пока дверь не закроется.

Она шагнула в сторону и взмахом бокала велела мне войти. Я скинула туфли и отдышалась.

— Вина?

— Да, с удовольствием. — Не потому, что мне хотелось выпить. Наоборот, я хотела сохранить ясную голову. Но пить вино — это в понимании Кэрри Джонстон был разговор «между нами, девочками». Мы сели с бокалами по разные концы прямоугольного дивана из «ИКЕИ», и она включила пару торшеров, чтобы лучше видеть выражение моего лица.

— Я узнала кое-что важное.

Она неубедительно улыбнулась:

— Мы любим важные открытия. Потому и платим тебе так хорошо. Расскажи же, Маша, что ты обнаружила. — Она была уже слегка навеселе.

Я сглотнула подступивший к горлу комок:

— Помните, на Балканах были такие… Этнические чистки.

— Милочка, это изобретено не на Балканах. — Похоже, она пьяна уже не слегка, а изрядно.

— А. Да. Конечно. — Я опять сглотнула. — Я уже проникла в телефоны наших заклятых друзей, добываю гораздо более точную информацию

об их действиях и перемещениях, и… Мы ведь должны уделять особое внимание их атакам на нас и на тех, кого мы поддерживаем, на Чалаби и его сторонников?

— Это разве под вопросом? — Она не собиралась облегчать мне жизнь.

Я посмотрела ей в глаза:

— Мы ведь сосредоточены именно на этом?

— Да.

— Но они сосредоточены совсем на другом. Эти джихадисты идут в бой с гранатами и самодельными бомбами не потому, что хотят нас выгнать. Еще больше, чем нас, они ненавидят старую гвардию Саддама, его сторонников-суннитов.

— Это верно.

— Дело в том, что у этой гвардии Саддама нет военных баз, поддержки с воздуха, бронеавтомобилей. Они сидят по своим дворам, прячутся, не высовываются, а джихадисты прекрасно знают, где их искать.

— Да, думаю, для них это не очень приятно. — Ее улыбка расползлась до ушей.

— Они ходят из дома в дом, уничтожают старых баасистов. И их семьи. Женщин. Детей. Женщины… — Я сглотнула в третий раз. Во рту пересохло. Отпила большой глоток вина.

Кэрри заговорила, заговорила вкрадчиво:

— Маша, кажется, тебе нужна психологическая помощь. В нашей работе есть моменты, с которыми трудно смириться, и «ЗИЗ» понимает это. У нас замечательные психологи, и не надо стесняться общения с ними. Если учесть, с чем тебе приходится сталкиваться в работе, трудно поверить, что у тебя не возникает потребности с кем-нибудь поговорить.

— Поговорить с психологом? Да, это было бы замечательно. — «Было бы замечательно, не будь у меня идеально выстроенной системы герметичных полочек». — Но я пришла не за этим.

Слова повисли в воздухе. Она отпила вино. Ее лицо оставалось непроницаемым. Может быть, она вообще ничего не чувствует.

— Я вот почему пришла. — В пересохшем рту стояла кислятина от последнего глотка вина. Жаль, что нет воды. — Потому что гибнет очень много людей, и я думаю, мы обязаны как-то на это отреагировать.

— С какой стати «ЗИЗ» обязан делать то, за что американские вооруженные силы нам не платят? — Нет, она не упрямилась и не строила из себя крутышку, она просто интересовалась вслух. Точно так же ребенок спрашивает: «Почему небо

голубое?»

— «ЗИЗ», может, и не обязан, а вооруженные силы обязаны. Мы разгромили эту страну, а значит, приобрели обязательства. Все эти убийства совершаются в нашей зоне ответственности.

— Маша, буду говорить с тобой честно. Не думаю, что американское правительство имеет хоть малейшие намерения рисковать американскими солдатами и американскими деньгами ради спасения людей Саддама от мстительных ополченцев. Гибнут, и черт с ними, верно?

— Они не ополченцы. Они террористы, те самые, против кого мы боремся. Мало того, они не просто убивают людей Саддама. Они убивают гражданских. Множество. Женщин. Детей. Девушек. А перед убийством… — Во рту словно наждачная бумага.

Мы смотрели друг другу в глаза. Я говорила: «Они насилуют женщин и девочек, режут и убивают, и это происходит в нашей зоне ответственности». А она отвечала: «Тебе за это не платят. Я уже решила, что это не нашего ума дело. Прекрати раздувать». Или, может быть: «Если немедленно заткнешься, сделаем вид, что ничего этого не было. А если будешь болтать и дальше, придется принимать меры, и эти меры могут тебе

не понравиться».

— Маша.

— Мисс Джонстон.

— Маша, технические средства, которые ты использовала для обнаружения этой информации, недоступны многим противникам Соединенных Штатов, и их существование не рекламируется. Любые действия, какие мы предпримем на их основе, поставят под угрозу наши государственные тайны и снизят результативность применения этих средств. Потенциальные тактические выгоды от компрометации персональных систем нашего противника имеют приоритет над ударами возмездия.

«Вы придумываете эти осторожные отговорки прямо на ходу или сочинили их заранее?» — Я отложила эту мысль на дальнюю полочку и запечатала.

Кэрри отставила винный бокал:

— Не хочу сказать, что эта информация, хоть и тревожная, не несет никакой пользы. Я бы хотела получить от тебя полный отчет и передать его нужным людям, которые учтут его в процессе принятия решений. Прослежу, чтобы эти сведения дошли до самого высокого уровня. Сразу скажу, что на основе твоих открытий малове-

роятно принятие каких-либо явных мер, но это не значит, что никакие меры не будут приняты совсем.

Перевод: «Это значит, что никаких мер не будет принято». На полочку. «Убитые дети и изнасилованные девочки не увеличат наши доходы и не помогут прибрать к рукам нефтяные месторождения». Туда же, на полочку. «Нам платят не за то, чтобы мы спасали суннитских женщин Северного Ирака от жестокого насилия». И это тоже на полочку.

В завершение этого разговора я должна была бы кивнуть, обозначая, что поняла раскладку, вернуться к себе и выпить чего-нибудь покрепче. Может быть, мне даже повысили бы жалованье.

Есть и другой путь — путь Маркуса Яллоу. Вставить в компьютер флешку, скопировать разоблачительные данные, послать их кому-нибудь, например хактивистам, которые мгновенно их опубликуют, или же отправить их журналистам. Но это большой риск: а вдруг они проигнорируют мои сведения? Вдруг сдадут меня полиции? Или у них плохая оперативная маскировка, и они потеряют контроль над этими данными, вручат их вместе со мной американскому правительству или какой-нибудь случайной шайке борцов с

хактивистами?

Существует и третий путь — найти телефон горячей линии анонимных разоблачителей, позвонить и наблюдать, как рушится моя карьера и репутация.

Ни один из этих вариантов мне не нравился. Объективно говоря, быть причастной к геноциду — это, пожалуй, наименьшее зло из всех творящихся на Земле, что не делает чести нашей цивилизации, однако я, соглашаясь на эту работу, понимала, что она будет грязной, разве не так?

Я заставила себя отпить несколько глотков теплого кислого вина. Оно было густым и не лезло в горло. Но я все же проглотила. И сказала:

— Ладно.

Кэрри Джонстон, кажется, на миг вспомнила, что она все-таки человек, и торопливо добавила:

— Маша, ты подумай насчет психологической помощи. Видеть все эти ужасы, понимая, что ты имеешь к ним отношение, пусть даже и косвенное, это может свести тебя с ума. Поговори с профессионалом, это не слабость. Тебе станет лучше.

Слова из старого панк-рока: «Поговори об этом, и тебе, наверно, станет легче, так почему же ты не хочешь говорить об этом?». С какой стати мне

вдруг вспомнился старый панк-рок? Потому что мои полочки вдруг стали рушиться. Я слышала эти слова от Ады, младшей сестры Труди Ду. А Труди Ду была панк-легендой Сан-Франциско, лидером группы «Спидхорс», но потом ударилась в шифропанк и стала управлять независимым интернет-провайдером под названием «Пигсплин», где можно было размещать любые материалы, не велось ни журналов, ни записей. Она отчаянно сопротивлялась любым требованиям правоохранителей. Маркус Яллоу ее боготворил. Маркус Яллоу выложил бы всю эту информацию и был бы полностью, благородно, самоубийственно убежден в своей правоте. Такую решимость могут ощущать только белые парни, уверенные, что их не бросят в тюрьму и не отправят в Сирию.

Мои полочки понемногу рушились. «Почему бы тебе не поговорить с кем-нибудь?» — сказала Кэрри Джонстон, имея в виду того, кто состоит на жалованье в «ЗИЗ». В Америке то, что вы сообщаете психологу, должно остаться строго между вами. Они не могут доложить о рассказанном вашему работодателю. Точно так же обязаны себя вести армейские капелланы. Но армейские подрядчики на военных базах передового развертывания, зарегистрированные в налоговых

гаванях проде Сен-Мартена или Гернси, подчинялись совсем иным правилам. Каким? Иракским законам? Если я по скайпу открою душу какому-нибудь психологу на службе у «ЗИЗ», придется ли мне предстать перед багдадским судом? На самом деле я нахожусь в полной власти Кэрри Джонстон и ее начальства. Они могут пристрелить меня, выкинуть за проволочный забор базы «Гризли», и им ничего за это не будет.

Хватило бы у Маркуса Яллоу глупости сдать секреты «ЗИЗ» в такой ситуации? Очень может быть, что хватило бы.

Ну и мерзавец же он.

Я поймала себя на том, что до сих пор пристально смотрю на Кэрри Джонстон, прокручивая в голове все эти мысли, раскладывая их по полочкам. Я бы на ее месте решила, что эта девчонка того и гляди все разболтает и пора всадить ей пулю в голову. Полный провал.

Я осторожно отвела глаза.

— Спасибо, Кэрри. Последую вашему совету. Приятно знать, что при необходимости мне есть с кем поговорить. Но пока, думаю, со мной все в порядке. В смысле, у вас будет возможность поговорить с вашим начальством и узнать, что, по их мнению, можно с этим поделать. Мы ведь

хорошие ребята, да? Они не допустят, чтобы эта фигня продолжалась вечно. — Она уже кивала. Кажется, мы приближаемся к финальной точке, где мы обе сможем сказать, что все было сделано правильно. — Как я понимаю, здесь, на региональном и национальном театре, сталкивается много различных приоритетов, не все из которых мне известны.

Кэрри кивнула.

— Маша, ты толковая девочка. — Она допила вино, отставила бокал, явно радуясь, что я не намерена портить всем праздник. — Ты творишь невероятное. С одним только этим инструментом ты добыла информации больше, чем можно представить. В твоих руках эта программа творит чудеса, о которых нам рассказывали ребята из отдела продаж, да только мы им не верили. И главный вывод, какой мы смогли понять из проделанной тобой работы, заключается вот в чем. Мы вступаем в новую эпоху военного дела, ту, где радиоэлектронные разведданные, которые ты добываешь и анализируешь, будут иметь большее значение, чем сапоги, которыми топчут землю американские солдаты.

Она отхлебнула вина и продолжила:

— Пентагон не в состоянии производить такие

средства самостоятельно. У него нет внутренних структур, способных поддержать исследования такого рода, и там работает слишком много больших шишек со звездами на плечах, чьи персональные империи базируются на нынешнем статус-кво. Они уничтожат любую подобную разработку еще на старте. Поверь, я знаю. Здесь-то и вступают в дело «ЗИЗ» и его конкуренты. Американские вооруженные силы не могут инициировать собственные изменения по той же самой причине, по какой ты не можешь поднять сама себя за волосы. Для этого нужна внешняя сила. И эта сила — «ЗИЗ». Ты можешь включиться в этот процесс, Маша, играть в нем главную роль. У тебя есть технические возможности, видение и порыв. Я это вижу.

От этих слов мне вроде бы должно было стать легче. Вроде как утешительный приз за мое согласие идти и дальше в одном строю. Мне и вправду стало легче, но чувство это было каким-то странным, далеким. Или, наоборот, это я была где-то далеко, в сотне футов над ситуацией, и следила за ней в миниатюре, понимала, что хорошее чувство прячется где-то там, но не ощущала его. Наверно, я стояла на вершине зиккурата, собранного из аккуратно сложенных полочек.

— Спасибо, Кэрри. — Мой далекий голос звучал убедительно.

— Тебе спасибо, Маша. В этой войне и в этом мире ты воплощаешь силу добра. Никогда об этом не забывай.

Шагнув к дверям, я отдала ей почти полный бокал вина и краем глаза заметила, как она отпивает из него. Потом дверь захлопнулась, и я осталась стоять на опустевшей базе холодной пустынной ночью под желтым светом наружного фонаря.

Я пошла к себе. Ну и бардак же тут. Как я вообще сумела накопить столько барахла? На автопилоте заходила в магазин, покупала все, на что упадет глаз. Я загребала такие бабки, причем свободные от налогов, что даже не отслеживала, сколько трачу.

А теперь, глядя на свое скопидомское гнездышко, вдруг осознала, что большей частью этого барахла ни разу не пользовалась. Иногда даже не вскрывала коробки. Косметика, маленький складной DVD-плеер, швейный набор, упаковки нижнего белья, снежный шар с пейзажем иракской войны, дорожная подушка со встроенным динамиком…

С чего вообще начать уборку? Обычно, когда

приходило время ехать домой (каким бы он ни был, этот дом), я просто сваливала часть этих залежей в чемодан, а остальное оставляла валяться на полу. Пусть другие разбираются. А я устала. Ох, как я устала.

Я выключила свет, легла, даже не удосужившись почистить зубы и умыться. Закрыла глаза. Перед мысленным взором проплывали разные картины. Очень плохие.

Встала, включила свет.

Через полчаса квартира сверкала чистотой. Я даже пропылесосила. За дверями стояли два огромных мусорных мешка. Утром отнесу их на помойку. А сейчас нет сил.

Но сон все равно не шел.

Вдруг вспомнила, что фотографии, которые я носила к Кэрри Джонстон, до сих пор лежат в кармане джинсов. Я их ей даже не показала. Она и не просила. Возле моего стола в офисе стоял мешок для ненужных бумаг, подлежащих уничтожению, но в квартире такого не было. Документы, которые положено складывать в такой пакет, ни в коем случае не должны покинуть пределы офиса и попасть ко мне домой. Я достала джинсы из пакета для стирки, вытащила снимки. Распечатки были сложены вчетверо, картинками внутрь, по-

этому, к счастью, я избавлена от необходимости на них смотреть. Я выложила сложенные листки на тумбочку и легла в постель. Они упрямо светились, как огни, перед закрытыми глазами.

Через пятнадцать минут я стояла в крохотной ванной, а снимки лежали в раковине. Я их подожгла. Сгорая, они скручивались, демонстрируя обрывки скрытых внутри изображений. Лицо. Рука. Торс. Я не могла оторвать взгляда.

Когда они почти превратились в пепел, сработала пожарная сигнализация. Звук был громким даже по стандартам военной базы, чтобы его нельзя было спутать, например, с гулом пролетающего над головой самолета. Я торопливо включила кран, смыла мокрый пепел, мимоходом заметив, что огонь повредил износостойкий пластик раковины. Попыталась выключить дымовую сигнализацию и чуть не сломала ногу, свалившись с офисного кресла на колесиках. Потом сирена умолкла сама.

Я ждала, что кто-нибудь придет проверить, почему сработала сирена, но так и не дождалась. Пожаротушение, наверно, было отдано другому подрядчику, и, если бы я сгорела насмерть, он просто получил бы еще сорок миллионов долларов на модернизацию гидрантов.

Уснуть мне бы явно не удалось. Я оделась, приняла душ и пошла к столу. Целый день, будто робот, механически выполняла положенную работу. И на следующий день тоже, и потом. А через три дня получила повышение по службе.

Когда я, закончив работу, уже собиралась домой, упаковывала записи в настольный сейф и выключала компьютер, у моего стола выросла Кэрри Джонстон. Долго смотрела, как я навожу порядок.

— Маша, у тебя есть минутка?

Я с деревянной спиной проследовала за ней в ее кабинет, подождала, пока она закроет дверь и усядется за стол, в ответ на приглашение села на кушетку.

— Маша, ты здесь показала себя с наилучшей стороны. Оправдала и превзошла все наши ожидания. — Сейчас меня уволят. — Думаю, ты и сама это знаешь, но не грех и повторить. Ты прекрасно работаешь. Честное слово, просто прекрасно. — Она явно была не в своей тарелке. Наверно, прикидывает, сколько отступных предложить мне в виде платы за молчание.

— Я буду по тебе очень скучать. — Ох. Я, конечно, этого ожидала, но все равно… ох. Казалось, голова стала пустой, как воздушный шарик, от-

делилась от туловища и плавает под потолком, глядя на эту сцену. Она усмехнулась — очень натянуто. — Но не могу возразить против логики такого решения. Понимаешь, Маша, начальник моего начальства, Дик Кинг, основатель «ЗИЗ», прочитал о том, как ты усовершенствовала программу «Все, какие есть», и был впечатлен.

Кажется, меня все-таки не увольняют.

— Для всех, кто занят в этой сфере, больше того — во всей отрасли, совершенно ясно, что наше будущее лежит здесь. Времена, когда ЦРУ наряжало агентов в тряпки а-ля Лоуренс Аравийский, лепило им искусственные носы и засылало в поля выяснять, что там происходит, давно миновали. Для агентов это, конечно, развлечение, но все, что они добывают, это не факты, а анекдоты. И с фактами они не имеют ничего общего. — Ее улыбка стала более искренней — видимо, она считала, что удачно пошутила. — А компьютерные данные не врут. Вот почему мы переходим в компьютерную область. Это новая нефть. Новое золото, Маша. Больше, чем золото. И ты в этом деле очень, очень хороша.

Меня не увольняют, меня повышают.

— В Мехико открывается наше новое отделение. Место замечательное, гораздо лучше, чем эта

дыра. Настоящая культура, настоящая еда, а если понадобится медицинская помощь — до Штатов всего лишь короткий перелет. В том регионе наши услуги очень востребованы. Мы направляем туда только лучших, самых толковых, и ты, Маша, станешь звездой.

Я растянула губы в улыбке:

— Это замечательно.

— Перед отъездом побудешь неделю в Зеленой зоне. Это благодарственный прощальный подарок от иракского отделения «ЗИЗ». Если хочешь, проведи это время в отеле за сериалами на «Нетфликсе», но я горячо рекомендую погулять и осмотреться. Зеленая зона — это новоорлеанский фестиваль пополам с Вегасом. Можешь найти там все что угодно, делать все что хочешь. Пойдешь на вечеринку у бассейна — и вдруг окажешься между сенатором и миллиардером. Такого больше нет нигде на Земле. И ты, Маша, это заслужила.

Я что-то пролепетала, и, наверно, слова были правильные, потому что после них Кэрри Джонстон предложила пойти выпить, отпраздновать, мы так и сделали и, наверно, о чем-то говорили, только я не помню — о чем. Помню только, что ввалилась в свою квартиру, после моих неудер-

жимых порывов ставшую чистой как стеклышко, осмотрелась и поняла, что здесь нет ни единой вещи, которую мне хотелось бы взять с собой. Собрала пару комплектов одежды, простейшие туалетные принадлежности, запихнула их в сумку через плечо, обвела взглядом все остальное и пожала плечами.

Через два дня я, зажатая между четырех вояк, в бронированном «хаммере» ехала в Зеленую зону, глядя, как за пыльным окном расстилается пустыня.

* * *

Не особо веря в успех, я все же взялась очистить телефон Таниши от червей. Где-то я слышала о том, что можно сбросить радиомодуль к заводским настройкам, закоротив пару контактов, поэтому встала к барной стойке, взяла фен и, осторожно орудуя медиатором для бас-гитары, стала плавить клей, скрепляющий корпус. Ниш залюбовалась моей работой, и я почувствовала себя виртуозом. Аккуратно вскрыла телефон, разложила детали на чистой футболке, прижатой по краям низкими стаканами из буфета.

Но когда я вскрыла телефон, нашла нужную пару контактов и осторожно закоротила их пин-

цетом, зловред никуда не делся. Я подключила телефон к компу, перевела в режим диагностики, просмотрела память, потом на всякий случай повторила — да, он там. Либо инструкции по переводу в режим заводских настроек оказались неверными, либо эта зараза вгрызлась так глубоко, что добралась аж до заводских настроек. Тонкая работа.

— Сожалею, но твоему телефону капут.

Таниша нахмурилась:

— Как же мне без него?

— Мы тебе новый достанем.

Она всерьез расстроилась:

— Не можешь же ты покупать нам всем телефоны.

Я окинула взглядом ее жилище:

— Считай, я его даю тебе напрокат.

— Мой договор не разрешает субаренды. — Но она еле заметно улыбнулась. Значит, я ее уговорила.

— Я знаю место в Сан-Франциско, где можно достать чехол вроде моего, поедем туда на электричке и…

— Ты называешь это электричкой? — ужаснулась Таниша то ли шутя, то ли всерьез.

— На метро. Черт, Таниша, я больше десяти лет

прожила за границей. Чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты не заставила меня краснеть перед друзьями.

Я не стала возиться со сборкой телефона, просто сложила в пакетик все детали, пленки, винтики и проводки и вручила владелице. Если Таниша все же поддастся соблазну кому-нибудь позвонить, пока я не куплю ей новый телефон, ей сначала придется собрать свой старый гаджет. Примерно так же мама замораживала кредитную карту в куске льда, чтобы доставать ее только в экстренных случаях и удержаться от импульсивных покупок.

Продавец в магазине, торговавшем защитными чехлами, с ног до головы был упакован в темно-синий дизайнерский деним из Японии, такой жесткий, что при ходьбе поскрипывал. Там принимали только наличные или криптовалюту, что было очень мило, но я расплатилась наличными. Никому из нас не хотелось создавать бумажный след, ведущий к владельцу чехла, способного обнаруживать правительственные вирусы, — я могла бы придумать сотню способов подпустить ему эксплойт.

Потом мы пошли в магазин «Т-Мобайл», и я за наличные купила одноразовый предоплачен-

ный телефон под размер нашего чехла, затем заглянули в занюханное кафе, где в кофемашине готовят эспрессо из капсул, и пили дрянной кофе. Тем временем я проверяла приложения, которые новый телефон начал переустанавливать, как только мы подключились к аккаунту Таниши. Некоторые из них восстановлению не подлежали, скажем, игры, которые для запуска требовали разрешений гораздо больше, чем им было нужно, например доступ к телефонному номеру и ко всему хранилищу. Их я сразу же забанила, потом прошлась по остальным приложениям и свела их разрешения к абсолютному минимуму, отбросив все, которые совали нос куда им не положено.

К концу моей работы Таниша извелась от скуки, раздражения и любопытства. Когда у нее возникали вопросы, я всегда прерывалась и объясняла ей свои действия. Ей это нравилось, однако сильно замедляло процесс. К тому же она страдала от телефонной абстиненции. Мне казалось, что, когда я закончу, мы сразу уйдем, но не тут-то было: ей, разумеется, сначала надо было просмотреть все приложения и ответить на срочные вызовы, которые пришли, пока я работала. Так что наступил мой черед скучать.

Я давно не заглядывала в электронную почту —

и хотела, и боялась посмотреть, нет ли новостей от Кристины. Изо всех сил гнала тревожные мысли — она сама захотела остаться в Словстакии, уже большая девочка, отвечает за свои решения.

(Даже если эти решения приведут ее в пыточную камеру.)

Но в почте меня ждал лишь обычный фоновый шум: спам, рекрутеры, предлагающие работу в компаниях, с моральной точки зрения еще более сомнительных, чем «КЗОФ» (в этой отрасли дела идут хорошо), оповещения о новостях, до которых мне нет дела. Ниш пребывала в своем собственном мире, поэтому я отложила телефон и занялась совершенно нехарактерным для себя делом: стала разглядывать сидящих вокруг людей из плоти и крови.

В первый миг я его не узнала. Зато узнала его девчонку, и меня молнией пронзила вспышка ревности, за которую стало стыдно даже прежде, чем она проникла в сознание. А рядом — даже сидя он возвышался над ней — был он.

Он отрастил дурацкую лохматую бороденку, отпустил волосы подлиннее и щеголял загаром медового месяца, но это несомненно был Маркус Яллоу. Разумеется, Маркус Яллоу даже под страхом смерти не стал бы пить дрянной кофе

из капсулы. Вместо этого он держал помятую, испещренную наклейками металлическую бутылочку для воды и прихлебывал из нее, уплетая овсяное печенье с изюмом.

Терпеть не могу изюм. Подслащенный заячий помет.

Я слишком долго пялилась на него. Он, конечно, почувствовал взгляд и обернулся в ответ. Его глаза сначала прищурились, потом распахнулись, потом он улыбнулся, узнав давнюю подругу, потом испугался, осознав, что это за подруга и рядом с кем сидит он сам. Наступила решающая четверть секунды, пока мы оба могли отвести глаза и благополучно сделать вид, будто не заметили друг друга, но она истекла, и мир снова завертелся вокруг своей оси.

Он помахал, его девчонка обернулась, узнала меня и тоже помахала, потому что она-то как-никак вышла за него замуж, а я ушла на другую сторону Международной линии перемены дезодорантов и стала шпионить за диссидентами, не уделявшими внимания оперативной маскировке. Ей ничто не грозило.

Потом Таниша, конечно, тоже узнала его.

Итак, мы все закружились в одном хороводе, и тогда они встали и подошли к нам. Я обнялась

сначала с ней, потом с ним, давая понять, что я уже большая девочка, признаю ее права и не держу зла. Последовали взаимные представления, и они, разумеется, сели с нами.

Маркус кивнул мне:

— Вернулась в Америку?

— Да. И ты тоже? Как прошел медовый месяц?

Они неловко хмыкнули, рассказали о выпускной церемонии Энджи, но не стали терзать нас показом слайд-шоу на своих телефонах; значит, понимают, что к чему. Энджи немного обгорела на пляже, и ей это очень шло. Рядом с нами, бледными ботаниками, да еще и подсвеченными синеватым светом экранов, она смотрелась великолепно.

— Почему ты вернулась?

Я хотела отделаться общими словами, но тут встряла Ниш:

— Меня взломали оклендские копы.

Она что, слегка гордится? Да, похоже. Словно награждена знаком почета. А еще она хорошо знает Маркуса. Это все равно что показать кусок мяса голодному псу. Или выпустить помятую мышку перед шустрым котом. Он вытянулся дюйма на два, распахнул глаза, подался вперед, словно хотел перескочить через стол.

— Что стряслось?

— Мы в точности не знаем. — Некрасиво было перебивать Танишу, но я не хотела, чтобы она дала исковерканное объяснение. Я обрисовала ему ситуацию: предупреждение бинарной прозрачности, атаки на радиомодуль, атаки на устройства, которые наверняка окажутся поблизости. Он заглотил наживку. Я следила за лицом его девчонки. Она не так хорошо разбиралась в технике, как он, — впрочем, и он разбирался не так хорошо, как ему казалось. Интересно, успевает ли она понять. Но девчонка явно держалась в курсе — пару раз просила объяснить подробнее. По-моему, Маркус и сам кое-чего не понимал, но ни в коем случае не признался бы, чтобы не выставить себя невеждой перед дамами.

— Теперь у меня вот это. — Таниша показала телефон в угловатом чехле, покрутила, нажала утопленную кнопку. На задней стороне высветился дисплей. По черному экрану заструились белые буквы, докладывая обо всех переговорах радиомодуля с вышкой. На таком расстоянии от Окленда и от Информационного суперцентра все шло нормально, лишь один раз оба наших телефона дружно чирикнули, докладывая, что мимо нас по Маркет-стрит едет фургон с сотовым

симулятором, на ходу записавшим идентификационные номера всех телефонов в кафе, на тротуаре и в соседних офисах.

У Маркуса загорелись глаза.

— Можно? — спросил он, и Таниша кивнула.

Он пролистал файл журнала на заднем экране и присвистнул:

— Классная штука. Я таких еще не видал. Все прочие были напечатаны на 3D-принтере и какие-то слишком пластмассовые.

Я не удержалась:

— Это делают ребята, раньше работавшие в «Палантире». Они скинулись и организовали мастерскую. Перемалывают алюминий и делают свои печатные платы. Друзья моих друзей. Раньше у них был лист ожидания, но сейчас они нарастили производство и успевают ответить на все запросы.

Когда я произнесла слово на букву П, он чуть не выронил телефон. Я сдержала улыбку.

— Ты им доверяешь?

То есть: «Доверяешь ли ты людям, которые зарабатывали на жизнь, шпионя за другими?»

Я вздохнула. «Знал бы ты, малыш».

Телефон взяла его девчонка, его жена, его Энджи.

— Что ты собираешься со всем этим делать?

Я выдала заготовленный монолог о том, чего я хочу от всех соратников Таниши, какие приложения они должны поставить, какими прокси и какими гаджетами пользоваться. Она выслушала меня и кивнула:

— Но что вообще ты собираешься с этим делать?

Я не понимала, о чем она говорит, но и не хотела выглядеть дурой. Так что обернулась к Ниш, словно спрашивая: «Эй, я тут всего лишь твоя помощница, как ты думаешь, что нам делать?»

Таниша, в отличие от меня, не боялась выглядеть дурой.

— Энджи, что ты хочешь сказать?

Энджи поглядела на Маркуса, будто говоря: «Чтоб вас с вашими дурацкими идеями».

— Вот что: собираетесь ли вы позвать юристов, чтобы предъявить обвинения оклендской полиции, федералам или кому-нибудь еще? Опубликуете ли технические характеристики вируса? Будете ли сражаться в ответ?

Ах, вот оно что.

Ниш улыбнулась.

— Я тебя поняла. Битва была бы хорошей, но мы, Альянс, и так ведем много разных войн. Против

превосходства белых. Против развитого капитализма. — Такая вот ироническая уклончивость — любимый конек Таниши. Ха-ха, только это не шутки. — Вряд ли мы в этот раз сумеем добиться правосудия для оклендской полиции, какие бы гадости они ни творили.

И эта девчонка Энджи задумалась над ее словами всерьез, надолго, а не просто размышляла над ответом. Мы внимательно вглядывались в нее.

— Насчет оклендской полиции — замечание верное. У меня на глазах они ударили парня баллоном слезоточивого газа, брызнули ему прямо в лицо, убили. Он тоже имел большой опыт политической борьбы. И никаких обвинений предъявлено не было. Так что да. Но как быть с людьми, за которыми они шпионят? С теми, кому не повезло идти мимо твоего дома или сидеть в одном кафе с тобой. Ты говорила, что они нацеливаются на каждого, кто находится рядом с твоей симкой, так?

Я кивнула.

— В общем, пострадало немало народу. И не все они отвязные радикалы, уж не обижайся. Вероятно, среди них много богатых белых, которые не обрадуются, узнав, что к ним в телефон подпустили жучка только потому, что их угораздило

купить латте в одном кафе с тобой. Если тебе удастся разозлить всех этих людей, то они сумеют попить кровушки у оклендской полиции и всех, кто за ней стоит.

Мы с Маркусом не сговариваясь устремили на нее одинаковый взгляд, в котором читалось: «Черт возьми, тут работы непочатый край, и я понятия не имею, как к ней подступиться». В смысле, я хорошо знаю, как защитить телефон от прослушки, но натравить разъяренных богачей на могущественную полицию? Это для меня вроде колдовства.

Энджи поймала наши взгляды, но ей не было дела до наших мыслей. Главной здесь была Таниша — это ее бенефис.

Ниш призадумалась:

— Мне не нравится сама идея — достичь справедливости только за счет того, что богатые белые воспротивятся полицейской слежке. Как это состыковывается с борьбой против превосходства белых?

Энджи не стала защищаться. Это было достойно величайшей похвалы, но тем не менее слегка раздражало.

— Отличный довод.

Таниша, видимо, тоже не ожидала, что Энджи

так легко откажется от своей идеи. Ниш углубилась в раздумья, а мы с Маркусом изо всех сил старались не провалиться в молчание. Маркус — просто потому что он Маркус, а у меня в тишине зарождались мысли о собственных демонах, и среди моих демонов была Кристина со своими попытками принести в Словстакию справедливость, свободу и все то, что, на ее взгляд, должно иметься у нас в Америке. Но я прикусила язык.

— Но ты права — этот шпионаж отвратителен. Те, кто за нами следит, не делают различий по цвету кожи, вот и мы не будем, — сказала наконец Таниша. — Что, если мы привлечем на нашу сторону юристов и получим судебное постановление, предписывающее прекратить слежку? А потом, например, кто-нибудь из тех могущественных богачей, за кем они следили, выкатит им нехилый иск? Будем добиваться, чтобы оклендская полиция выставила покупку нового шпионского оборудования на публичное обсуждение, и если они останутся без штанов…

Маркус лучезарно улыбнулся Энджи:

— Обожаю, когда ты выставляешь меня дураком.

Я не стала закатывать глаза.

Таниша быстро набирала что-то на телефоне.

— Поговорю об этом с юристами. Маша, ты смогла бы дать экспертное заключение о моем старом телефоне?

Я даже не вздохнула:

— Да, смогла бы.

Маркус подскакивал на стуле:

— Для этого ты должна суметь воспроизвести атаку. Таниша, можешь изменить телефонный номер на анонимный и дать мне свою симку? Добудем побольше дешевых телефонов и предоплаченных симок, разработаем демонстрационную версию. Я могу записать это и послать черным хакерам — это будет наповал. Маша, а может, ты сама хочешь это проделать?

Еще чего.

— Пусть вся слава достанется тебе.

Этого еще не хватало. Весь мир будет знать, что я тот самый человек, которого надо звать на помощь, если за тобой следят копы. Все равно что повесить себе на грудь гигантскую мишень.

Он не уловил сарказма. Энджи уловила, но пропустила мимо ушей. Они с Танишей погрузились в обсуждение юридической стратегии. И мы с Маркусом остались один на один.

— Твой свадебный подарок был эпическим.

— Рада, что тебе понравилось.

Он улыбнулся:

— На торжестве все только об этом и говорили. Жаль, что ты не смогла приехать.

— Я была далеко.

Он кивнул и из осторожности не стал спрашивать, где я была и что там делала.

— Очень рад, что ты вернулась и помогаешь этим ребятам. — Он кивком указал на Танишу. — Нам это очень нужно. Наступили темные времена. Даже не верится, как быстро и как глубоко мы скатились. Я много лет твердил всем, что интернет может стать самым могучим инструментом слежки, но даже я не ожидал, что это случится так скоро.

Я глубоко вздохнула и постаралась говорить ровным голосом:

— Маркус, это случилось не сейчас. Так было всегда. Ты прекрасно знаешь историю интернета, но слышал ли ты про закон о помощи телекоммуникационных компаний правоохранительным органам?

Он нахмурился и нехотя признался, что не слышал.

— Это закон о прослушивании, принятый в девяносто четвертом году. В нем говорится, что любая система голосовой связи должна предо-

ставлять возможности по скрытому перехвату сигналов. Чтобы полицейские могли незаметно прослушивать любые переговоры, не прибегая к помощи телефонных компаний. Это презентовалось как инструмент для прослушивания телефонных разговоров, а не слежки за интернетом. Но прошла всего пара лет, и мы стали пересылать по интернету голосовые сообщения. Тогда ФБР потребовало, чтобы такую возможность давало любое телекоммуникационное оборудование. Буквально с первых дней существования интернета копы размышляли о том, как шпионить за людьми через сеть.

Он открыл было рот, но я жестом остановила его:

— В том-то и дело, Маркус. Мы не можем вернуться в эпоху чистого интернета, свободного от слежки, потому что он таким никогда не был. Шпионаж в интернете процветает точно так же, как раньше, но стал еще шире. Ты бы и сам это заметил, если бы не увлекся своими хакерскими приключениями, ковыряясь в самодельных ноутбуках и изображая протестного Джеймса Бонда.

Он отпрянул, но быстро овладел собой:

— Я бы предпочел зваться Кибер-Че Геварой.

Две наши спутницы наблюдали за нашим раз-

говором, как за теннисным матчем. Игра шла ни шатко ни валко, и, хотя я побеждала по очкам на подаче, было ясно, что я проигрываю.

— Маркус, я хочу сказать, что, если ты мечтаешь защитить людей от слежки, надо защищать их от компьютеров, а не с помощью компьютеров.

Он поморщился:

— И как это будет выглядеть? Запретим людям пользоваться компьютерами?

Я хотела сказать сначала «да», потом «нет» и в итоге пожала плечами. Ужасная ситуация. Как я до такого докатилась — защищать слабых и беспомощных от сильных и могущественных? Именно этого я обычно всеми силами избегала. Зрители наблюдали, часы тикали, приближая миг, когда я сдамся на милость Маркуса Яллоу. И я поступила как должно.

— Какой лучший способ обезопасить подключенную к интернету видеокамеру в спальне?

— Шутишь, что ли? — фыркнул Маркус, раскрыл ноутбук и показал объектив, заклеенный эмблемой Фонда электронных рубежей.

— Есть старый анекдот о боевых искусствах. Ученик спрашивает учителя: «О сэнсэй, что делать, если я в два часа ночи иду по пустынному переулку, вокруг никого, фонари не горят и на

меня нападают трое вооруженных громил?» Учитель отвечает: «Не ходи в два часа ночи по пустынным переулкам, а если уж пошел, выбирай освещенные, где есть люди».

Энджи улыбнулась, а Маркус задумался. С каких пор он вообще начал задумываться? Женитьба явно пошла ему на пользу. Может, она вообще идет на пользу, иначе человечество давно забросило бы это занятие.

— Согласен, — сказал он. — Но обучение на основе полного отказа не вариант. Если вы посоветуете людям не пользоваться компьютерами, вас пошлют.

— Я говорю не о полном отказе. А о разумном использовании. Противоположность воздержанию — не беспорядочные связи, а секс с тем, кого вы выбрали, в ситуациях, над которыми вы подумали. — При упоминания секса он засмущался. Вот и хорошо. — На определенном уровне, если вопрос стоит «Почему мне больно делать это?», ответ на него таков: «Не делай этого».

В разговор вступила Таниша:

— Но, если вы прикажете людям не пользоваться фейсбуком, они просто начнут входить туда у вас за спиной. А об отказе от фейсбука и речи не будет.

— Вот поэтому на фейсбуке мы рассказываем людям о том, какие альтернативы есть для фейсбука. Пусть они переходят в повседневном общении на другие платформы, постепенно, шаг за шагом, пока фейсбук не зачахнет в одиночестве. Потому что если они на фейсбуке будут обсуждать, как переделать весь мир, то пусть будут готовы к тому, что рано или поздно мир заинтересуется ими и начнет копаться в их аккаунтах.

Таниша задумалась над этим. Маркус, похоже, хотел что-то добавить, но передумал. Умнеет постепенно. Потому-то мне так и не удалось возненавидеть его.

Таниша заговорила, подбирая слова:

— Давайте попробуем. Если мы засудим оклендскую полицию за взлом наших телефонов, то, может быть, удастся убедить людей перейти на технологическое веганство.

Я подняла большой палец:

— Хорошая аналогия. Пусть хотя бы перейдут на технологическое вегетарианство, это уже будет большой прогресс.

Вот к чему мы, компания то ли друзей, то ли нет, с двумя телефонами в кибердоспехах, пришли в дрянной кофейне на Маркет-Стрит: подать

в суд на оклендскую полицию и убедить Альянс чернокожих и цветных перейти на разумное использование технологий. Силенок у нас мало, зато есть план и решимость его воплощать в жизнь.

Напрасно я забыла, что в любом сражении в первую очередь погибает хорошо продуманный план атаки.

* * *

На обратном пути, прямо в метро, нас перехватили. Поезд отъехал от «Эмбаркадеро», нырнул в туннель — новенький, блестящий, ярко освещенный, назло террористам, взорвавшим первый вариант, — и вдруг остановился. Кондуктор подошел к микрофону внутренней связи и трескучим голосом объявил о короткой задержке.

В вагон вошли полицейские из оклендского отделения. Их пояса были увешаны травматическим оружием и сетевым снаряжением, лица скрыты под чем-то вроде снайперских очков с черными электронными прямоугольниками на висках — они все записывали.

Полицейские медленно пошли по вагону, рассматривая в свои очки каждого пассажира. Каждый раз в их технике что-то жужжало, докла-

дывая об успешном распознавании, и они шли дальше. Люди отвечали осторожными, подчеркнуто нейтральными взглядами. Все разговоры стихли.

Мы — Таниша, Маркус, Энджи и я — переглянулись. Копы приближались. Мы были под землей, под водой, в поезде, в туннеле. Никуда не деться. Если они ищут нас, нам крышка.

Они устремили взгляды на Маркуса. Короткая пауза. В их снайперских очках тоже были маленькие дисплеи. Эти типы были очковтирателями, носили ущербные тактические версии еще более ущербных и давно вышедших из применения очков «Гугл гласс». Потом переключились на Танишу. Коп сразу насторожился. Мы все это заметили. Он был белый, молодой, темноволосый, щекастый, как младенец. Его напарник из Южной Азии был постарше, худой, с короткими седыми волосами. Они встали около нас, преграждая дорогу.

— Мэм, — сказал белый Танише, — покажите ваши документы.

Таниша обвела взглядом вагон. Все смотрели на нас — осторожно, украдкой. Пара ребят — чернокожие, молодые — достали телефоны и записывали. Это было дерзко, но глупо. Я заме-

тила, что Маркусу тоже хочется достать телефон, лежавший в кармане джинсов.

— Я арестована? — Словно ожившая памятка для протестующих.

Маркус побледнел. Я знала его историю. Видимо, в этот миг в его памяти воскресли самые отвратительные страницы прошлого. И я догадывалась, какие именно.

— Пока нет. — Шутник этот белый. Его напарник этого не одобрял.

— Я задержана? — Следующий вопрос из памятки. После него идет «Я могу идти?», что в нашем местоположении звучало смешно.

— Мы хотим проверить ваши документы, мэм. Именем закона требуем удостоверить вашу личность. — Тот, что постарше, пытался сохранять видимость спокойствия. Чувствовал, как спину сверлят телефонные видеокамеры.

— По-моему, он хочет, чтобы ты показала документы, — сказала Энджи. Коп постарше натянуто улыбнулся ей.

Таниша медленно сунула руку за пазуху — оба копа насторожились, поэтому насторожились и мы, и все вокруг тоже насторожились, — двумя пальцами достала бумажник, открыла его и вытащила калифорнийскую идентификационную

карту без права вождения. Она была единственной среди нас, кто не желал научиться водить, и мы часто поддразнивали ее за это.

Молодой коп взял карточку, осмотрел с двух сторон, приложил к считывателю на поясе. Медленно ползли секунды. В системах у обоих копов зажужжало.

— Пожалуйста, пройдите с нами, — сказал тот, что постарше, спокойным, но убедительным тоном, обращаясь не только к Танише, но и ко всем видеокамерам.

— Я арестована? — Какая она спокойная. Спокойнее меня. Интересно, впервые ли с ней происходит такое. Даже в голову не приходило спросить раньше.

— Вы задержаны.

— Я имею право на адвоката. Я имею право хранить молчание. Я не даю согласия на обыск моих личных вещей. — Она произнесла эту мантру громко, отчетливо, будто манифест. Один из чернокожих парней, писавших видео, гикнул. Другой похлопал в ладоши. Ну и спектакль: подводный урок гражданских прав, проводимый в битком набитой консервной банке.

Полицейские кивнули, как будто уже слышали это. Да наверняка слышали много раз. Мы все

переглянулись, словно говоря: «И что, мы вот так просто дадим ее увести?»

— Я бы хотел пойти вместе с ней, — сказал Маркус.

— Покажите ваши документы.

Маркус запнулся. Этот спектакль мог повторяться снова и снова. Маркус умел играть на публику круглыми сутками.

Я жестом остановила его, достала собственные права, не столь медленно, как Таниша, но все же стараясь, чтобы меня не пристрелили на месте. Молодой коп взял их, покрутил, отсканировал. Уж не знаю, какие данные у него высветились, но они явно плохо умещались в его дурацком налобном дисплее. Он достал телефон, полистал, совещаясь с напарником.

Все взгляды устремились на меня. Все до единого. Видать, я важная шишка, раз копы перешептываются, не решаясь на следующий шаг.

— Вы останетесь здесь, — сказал молодой. Людские взгляды стали жестче. Наверно, я доносчица. Тайный агент. Дипломат. Очень важная персона. Племянница президента.

— Я пойду. — Во рту пересохло. — Пойду и буду либо следовать за вами, пока вы не закуете меня в наручники, либо тихонько побреду по пятам,

не попадаясь на глаза.

Молодой вздохнул.

— Вы арестованы за препятствование работе полиции. — И начал перечислять мне мои права. Как во сне, я протянула руки для наручников. Старший крутанул пальцем, я развернулась и сложила руки за спиной. Наручники были пластиковые, тугие, но не причиняли боли. Наверно, кто-то из моей компании что-то сказал. Я ничего не расслышала сквозь шум в ушах. Что за фигню я затеяла. Старший повел меня, молодой держал Танишу. Ее не заковали в наручники. Мы прошли через весь вагон, копы что-то сказали кондуктору, и тот потихоньку, с глазу на глаз велел пассажирам разойтись. Они отступили в дальний конец вагона. Поезд дернулся и поехал. На ходу я вспомнила, что еще не произнесла важные слова:

— Я имею право хранить молчание. Я имею право на адвоката. Я не даю согласия на обыск.

Таниша как-то странно посмотрела на меня, а молодой коп закатил глаза так, что они чуть не вывалились на грязный ковер вагона метро.

Наши друзья стояли перед толпой в дальнем конце вагона.

— Мы найдем вам юриста, — сказала нам вслед Энджи. Маркус лихорадочно набирал что-то в

телефоне. — Мы записали номера их значков! — Голос Энджи прекрасно слышался сквозь стук колес.

Полицейские развернули нас к выходу Поезд въехал на станцию, над платформой из громкоговорителя разнесся голос кондуктора, велевшего всем оставаться на своих местах — мол, идет важная полицейская операция. Это про нас. Копы подвели нас к лифту, коснулись своим телефоном кнопки аварийного вызова, и через мгновение лифт звякнул. Нас подняли на поверхность, где уже ждал фургон и целый отряд полиции. И только когда нас втолкнули в фургон, я огляделась и поняла, что чего-то не хватает. На улице стояла мертвенная тишина. А ведь здесь должно быть полно народу. Хотя я уже давно не бывала на Фрутвейле, но все-таки… Что-то было не так. Один из копов — я не разглядела который — положил руку мне на затылок и провел в глубину фургона. Вдоль боковых стенок тянулась пара скамеек, на них сейчас никого не было, однако виднелись рисунки, потертости, стояла спертая, жаркая, кислая вонь.

Танишу ввели следом за мной. Мы сели рядом. На задней стенке торчали два огромных пузыря видеокамер, окруженные инфракрасными свето-

диодами, чтобы вести съемку даже при слабом освещении. На видеозаписях, окрашенных в искусственные неоновые цвета, мы будем похожи на раскаленных призраков. Программы терпеливо ждали, когда придет время начинать съемку и транскрибировать наши слова в текст. Может быть, какая-нибудь техника ведет анализ эмоций, вылавливая первые признаки зарождающегося насилия или склонности к самоповреждению.

— Ну вот и случилось, — улыбнулась Таниша натянуто и храбро.

Я покачала головой:

— Прости.

Таниша отвела глаза. Два раза вздохнула:

— Я думала, тебе положено быть мудрой и спокойной, а ты вон какая сумасшедшая.

— Не дам своих друзей в обиду.

Опять та же натянутая улыбка.

— И все-таки ты чокнутая. Как ты думаешь, чего они прицепились?

— К тебе? Сама знаешь. Из-за того, что мы сегодня проделали. Того самого. Они установили за тобой слежку, а своим поступком ты дала им понять, что раскусила их игру. Раньше они считали, что ты, возможно, представляешь угрозу. А после этого уверились, что ты действительно

опасна. — Я пожала плечами. — Это я виновата.

Она рассмеялась, коротко, но искренне, и это было хорошо.

— Маша, я и правда опасна. Ты еще не поняла?

Ха-ха. Только это не шутки. Я всмотрелась в ее лицо. Мы знаем друг друга с детства, реально с самого детства — познакомились в третьем классе. Она была тихая и серьезная, с распрямленными волосами в бесчисленных заколках. Училась старательно, корила себя, если сдавала тесты не на отлично, водилась и с темнокожими детьми, и с белыми, и с латиноамериканцами, но ни с кем близко не дружила.

Все изменилось, когда мы поехали на экскурсию в Научно-космический центр Шабо. За обедом не всем хватило столов, мы устроились на полу подальше от остальных, и я подбила ее вместе ускользнуть в музей землетрясений. Мы в полном восторге бродили по музею, пока не наткнулись на охранника, после чего, выслушав от учительницы щедрую порцию брани, до конца дня сидели в вестибюле. С тех пор мы подружились и часто перезванивались по ночам. (Мы научились синхронизировать часы и отключать звонок на телефоне, потом в заданное время одна из нас набирала номер, а другая

брала трубку. Этот фокус придумала я. Уже тогда во мне проснулся специалист по оперативной маскировке.)

В школьные годы мы несколько раз ссорились, расставались и мирились и к старшим классам стали не разлей вода. Ниш по-прежнему с блеском сдавала все тесты и делала дополнительные задания, а я вычислила, какой минимальный объем работы требуется проделать, чтобы получить тройку с минусом, и делала в точности ровно столько, причем делала с таким блеском и совершенством, что учителя быстро раскусили мой маневр. Не знаю, почему во мне зародилось такое презрение к академической науке, только в конце концов я превратилась в едкую занозу, постоянно допытываясь у учителей, каким образом можно знать литературу или математику на 74 процента и в чем разница между 74 и 75 процентами. Наверно, на самом деле мне просто не нравилось торчать целыми днями в классе.

В конце концов я стала прогуливать уроки ради игр в альтернативной реальности. Затеяла все это я. Но именно Таниша добилась для нас разрешения сформировать школьную команду и уходить с уроков, чтобы поиграть. За это пришлось пообещать, что я подтяну оценки хо-

тя бы до четверки с минусом (что я и сделала с уже отработанной лазерной точностью). Очень скоро мы начали одерживать головокружительные победы и громили под орех все остальные команды в городе — все это благодаря нашему официальному разрешению на прогулы, к тому же Ниш с ее изощренным складом ума виртуозно разгадывала головоломки.

Именно тогда я начала понимать, каким потрясающим набором суперспособностей обладает моя безобидная на вид подруга. И что она нарочно развила в себе эти суперспособности, потому что никто не воспринимает маленьких черных девочек всерьез, даже в сверхлиберальном Сан-Франциско. Ей приходилось работать в десять раз лучше меня, чтобы получить хотя бы десять процентов тех плюшек, которые имела я. Уйдя вслед за Кэрри Джонстон, я всерьез подумывала позвать с собой Ниш. Если бы я привела такую умницу, как Таниша, Кэрри Джонстон заплатила бы мне фантастические бонусы. А я бы легко научила свою подругу программированию, и она в итоге достигла бы куда больших высот, чем я. Но я понимала — Таниша ни за что не станет работать на ДВБ.

Она никогда не опустится так низко.

Глава 6

Зеленая зона действительно походила на новоорлеанский фестиваль пополам с Вегасом под грохот самодельных бомб. Прощай, фраппучино с военной базы «Гризли», здравствуй, «манхэттен» в охлажденных широких бокалах, который подают накачанные ребята с восточноевропейским акцентом и острыми скулами. В «Хилтоне» возле аэропорта «ЗИЗ» снимал целый этаж, где у лифтов круглыми сутками дежурили двое наших ребят и с добродушными улыбками смотрели на нескончаемые вечеринки в коридорах, следя лишь, чтобы они не выплескивались за пределы нашего этажа. Едва я успела войти в номер и поставить чемоданы, как на пороге вырос приветственный комитет в составе троих моих коллег по «ЗИЗ», загорелых калифорнийцев в коротких маечках, с прекрасными фигурами и белозубыми улыбками. Фрида и Денвер числились в «логистической поддержке», а Марко считался «консультантом по материальному обеспечению», и лишь через целых пять минут до меня дошло, что настоящая их работа — пить и тусить с гостями из амери-

канского правительства и привилегированными подрядчиками.

Я сказала им, что у меня сейчас пауза между командировками и я только что закончила секретную работу на военной базе. Они не моргнув глазом сменили тему и стали расспрашивать, какие коктейли я предпочитаю.

Остаток недели прошел в пьяном угаре. Следуя совету Кэрри Джонстон, я сходила на три вечеринки у бассейна и пила в компании генерала и адмирала, миллиардера и руководителя администрации лидера сенатского большинства. Почти что правительственная работа. И все они, все до единого, норовили меня трахнуть. Руководителя администрации пришлось отшить ударом колена в пах. С первого раза промахнулась, попала по бедру, но быстро сориентировалась, опрокинула его и, пока лежал, пнула, потому что только так с ними и надо (спасибо урокам самообороны). Его лицо по сей день сохранилось у меня в памяти тремя яркими вспышками: искаженное от похоти, искаженное от злости и ошалевшее от боли.

К концу весело проведенной недели я уже мечтала уехать. Когда я в первый раз лечила похмелье «кровавой Мэри», это было здорово. На третий раз она показалась отравой. Потом Фрида

угостила меня провигилом, и с тех пор утренний распорядок был такой: я принимала две таблетки этого лекарства, запивая каждую порцией «кровавой Мэри», и сон снимало как рукой. В состоянии какого-то напряженного бодрствования я бродила по торговым центрам с новыми подружками или заваливалась куда-нибудь на тусовку, потом плотно обедала в вестибюле отеля, в некоем пятизвездочном заведении, аналог которого можно найти в двух кварталах от Юнион-сквер в Сан-Франциско.[25]

У меня было два коротких романчика, не запомнившихся в подробностях, и еще странный случай. Один из охранников у лифта воспылал ко мне щенячьей любовью, в каковой и объяснился, запинаясь, в мой последний день перед отъездом. Он был такой милашка и такой дурачок, что я даже не стала смеяться ему в лицо, лишь объяснила недвусмысленно, что не питаю интереса, попросила не искать меня после возвращения в США, пожелала ему беречь себя и наслаждаться жизнью, в которой не будет меня. Честное слово, я старалась как могла, но видела, что он этому

[25] Примечания: 25

Провигил (модафинил) — стимулятор бодрствования, применяемый при нарколепсии. В Российской Федерации внесен в список сильнодействующих веществ и запрещен к свободному обороту.

не рад. Ну и пусть. Мне платят не за то, чтобы я с моими мозгами нянчила хрупкое мужское эго.

Кроме того, я летела в Мехико.

Меня ждала двухчасовая пересадка в аэропорту Дубая, где я успела сходить на массаж и получить в фитобаре сомнительное травяное «лекарство от похмелья», потом четырнадцатичасовой перелет в Нью-Йорк первым классом, где я успешно перепробовала всю бесплатную выпивку и собрала коллекцию пустых бутылок, которой в более здравом состоянии застыдилась бы. На обоих рейсах я была единственной женщиной в первом классе.

Пограничница на паспортном контроле — усталая латиноамериканка средних лет с бруклинским акцентом — заметила, что я сильно навеселе, и, когда я сообщила ей, что работала по контракту на военной базе в Ираке, поблагодарила меня за службу и впустила. Я сдала багаж на рейс в Сан-Франциско, подкрепилась залежалым кренделем, потом провела еще шесть часов в первом классе — по уровню он был гораздо ниже, чем у «Этихада». Медленно трезвела, проваливаясь в тяжелое похмелье, осложненное сменой часовых поясов, в таком состоянии прибыла в Сан-Франциско, села в такси и поехала в «Ник-

ко». По условиям контракта с «ЗИЗ» я не должна была останавливаться у матери.

Девушка на стойке регистрации в «Никко» взяла у меня карточку в японской манере, двумя руками, и вернула точно так же, с небольшим поклоном. Она была такая же японка, как и я, и это напомнило мне о моих дурацких подростковых увлечениях японскими играми и аниме. Разница была в том, что я строила из себя японку по собственному желанию, а девушку, вероятно, уволят, если она не будет правильно исполнять эти мелкие ритуалы.

Я боялась, что не смогу уснуть, однако, войдя в свой номер, уже с трудом держала открытыми слипавшиеся глаза. Подумала, не включить ли будильник, и не стала.

Наутро позавтракала в японском стиле, словно наяву видя своих подруг Танишу и Бекки, вспоминая, как мы на сэкономленные деньги ходили в шикарный ресторан при «Никко» поесть водорослей, соленой лососины и даже, прости господи, натто.

Однако я не стала им звонить. Вместо этого написала маме, сообщила, что я в городе, и спросила, свободна ли она вечером. Она тотчас же перезвонила. Связь была плохая, я едва слышала

ее, однако все же на ломаном русском договорилась встретиться после работы в русском ресторане в Ричмонде, где в моем детстве мы с ней отмечали дни рождения и другие праздники. Прервала разговор, пока она не начала плакать, и все равно чувствовала себя последней дрянью.

Я уже была не той Машей, которую знала мама. Честно говоря, я перестала ею быть задолго до взрыва на мосту Бэй-Бридж. Я уже была не той, кого помнили Таниша и Бекки. А Маркус Яллоу вообще никогда меня толком не понимал, но ту, какой я стала, он уж точно не знал и наверняка бы не одобрил. Взаимно.

Но, на свою беду, мне нравилось, какой я стала. Неделя, проведенная в Зеленой зоне, выдалась на удивление медитативной, вопреки всему шуму, тусовкам и пьянкам. Те, с кем я там была, ни разу мне не друзья, даже с натяжкой. Мы скорее временные сотрудники, нанятые безумной расточительной компанией специально для показных дебошей, и, хотя у нас было много пьяных разговоров и изредка ленивый секс, о котором я тотчас же сожалела, не нашлось ни одного человека, с кем я могла бы похвастаться чем-то теснее чисто физического контакта. Даже с тем влюбчивым охранником мы едва обменялись парой взглядов,

и он влюбился в мой выдуманный образ, а мне был глубоко неинтересен человек, способный повестись на такой спектакль.

Но пока все это крутилось вокруг меня, я сумела-таки подумать наконец над вещами, давно требовавшими осмысления. На базе «Гризли» я была одинока, но постоянно занята. И на самокопание не оставалось времени. Честно сказать, я его избегала сознательно. В глубине души понимала, что если буду слишком часто задумываться над тем, почему я этим занимаюсь (а не как сделать это еще лучше), то сильно пожалею. И эта моя частичка оказалась права, потому-то я в итоге и направлялась в Мехико, заехав по дороге в США.

За время размышлений в Зеленой зоне я пришла к следующим выводам:

а) в мире немало очень дрянных людей;

б) у меня есть возможность остановить хотя бы некоторых из них;

в) что бы я ни делала, компьютеры все равно будут использоваться для таких вещей;

г) в мире множество подонков, которые будут охотно работать по любую сторону баррикад;

д) если я не буду ловить негодяев с помощью компьютеров, то общая сумма зла на свете

только вырастет, а от этого никому не станет лучше.

Я не стала добавлять пункт е) о том, что, направляя свои этически нейтральные навыки на превращение всех компьютеров на свете в устройства слежения, я заработаю бешеную уйму денег (это подразумевалось само собой).

Та Маша, которая вынырнула из Зеленой зоны, была прагматиком с четко обрисованной миссией: ловить негодяев и не позволять другим негодяям с помощью компьютеров решать, кого надо арестовать, пытать, уничтожить.

Именно в таком порядке. Потому что я прагматик.

Та Маша не хотела погружаться в унылые и трудные эмоциональные рассуждения о том, как быть дочерью и подругой для плохо информированных людей, выдвигающих безумные идеи о том, как должен быть устроен мир. Та Маша имела доход, позволяющий полностью отринуть любые эмоциональные рассуждения, действуя чисто мужским методом — платить другим за работу, которую женщины и бедняки обычно выполняют путем натурального обмена. Новая Маша не нуждалась в матери, которая будет нянчиться с ней в случае болезни, не нуждалась в

подружках, у которых можно перехватить денег до зарплаты, не нуждалась в парне, который в тяжелый день скажет: «Какая ты красавица» — или почешет некстати выскочивший прыщ. Новая Маша была словно крепость на острове. Фронтовая Маша с военной базы, самодостаточная и неприступная. Фронтовая Маша имела черную карточку «Американ Экспресс» и могла запросто пойти и купить все, что нужно, а потом, удовлетворив свои потребности, заплатить всем, кому следует, чтобы они ушли.

Однако где-то под скорлупкой фронтовой Маши остались хлипкие обрывки Маши былой, мирной, которая не могла приземлиться в городе, где живет ее милая, добрая, скучная мама, и не позвать ее на блины.

Мама долго держалась и заплакала, лишь когда официант принес напитки. Вообще-то она была не из плаксивых, и отношения наши не позволяли ей рыдать у меня на плече (и наоборот, по крайней мере с некоторых пор). Но зал был полон суровых славян, неодобрительно взиравших на мои жалкие попытки выглядеть примерной дочерью, поэтому я дала ей выплакаться, стараясь не думать о том, что мое потрясающее худи, за которое я отдала пятьсот долларов в Мишене,

в бутике, торговавшем шмотками в стиле игры Assassin's Creed, будет перемазано соплями.

Наплакавшись, она высморкалась в салфетку и ушла в дамскую комнату поправить макияж. Официант принес шампанское (французское, не российское, потому что платила я и заказывала только лучшее) и черный хлеб с соленым маслом. В ожидании я ела углеводы и жиры, пила холодные пузырьки. Наконец мама вернулась:

— Маша, прости. Я так беспокоилась о тебе, когда ты была далеко. Каждый день я просыпалась в страхе, что тебя уже нет в живых.

— Могла бы написать по электронке.

Мама улыбнулась. Сегодня она благоухала парфюмом, который доставала только в самых торжественных случаях да еще на рождественский корпоратив в офисе, блистала только что подправленным макияжем. Она родила меня в восемнадцать лет и с тех пор, постоянно борясь с чрезмерно широкими бедрами, наполняла холодильник только диетической едой и полезными коктейлями. Благодаря этому ей удалось победить наши ашкеназийские гены, упрямо норовившие переместить каждую съеденную булочку изо рта на ляжки.

Молодая, стройная, подкрашенная, благоухаю-

щая как из дьюти-фри, мама могла бы сойти за студентку-выпускницу. На самом деле она была исполнительным секретарем, и на работе ей приходилось вытирать носы и водить за ручку белых мужчин невеликого таланта, которые поднялись по всем ступеням карьерной лестницы в «Банк оф Америка» и не удосужились привести с собой личную помощницу, способную делать покупки для их жен и отвечать на электронные письма. Она прекрасно умела сохранять деловое выражение лица и доброжелательно улыбалась, выражая готовность помочь, даже когда начальство норовило переложить на нее всю свою работу. Каждый год она получала небольшие бонусы, а если кто-нибудь из боссов распускал руки, предпочитала мне не рассказывать. Насколько я знаю, такая жизнь ее вполне устраивала.

— Не хотела беспокоить тебя, Маша. Знала, что ты занимаешься очень важной работой. Для правительства. — Она опустила глаза, взяла бокал шампанского, поднесла к губам, поставила. — Боялась, что напишу тебе и получу ответ от твоего босса, что тебя нет в живых. — Ох уж эта хваленая русская проницательность.

— Боже мой, мама.

— Ты же сама спросила. — Мама умела гово-

рить почти без акцента, но он возвращался в минуты волнения. И тогда согласные получались резкими, как удар казачьего хлыста.

— Мама, я жива.

Она вздохнула:

— Знаю, знаю. Но ты мне тоже не звонила.

— Позвонила же сегодня.

Мамина безграничная русская печаль могла в мгновение ока перерасти в буйную русскую ярость. Этот миг приближался. Я смутно осознала, что нарочно нарываюсь на ссору, потому что она наговорит гадостей, и это послужит мне оправданием за то, что не буду ей звонить из Мехико. Добиваюсь, чтобы она стряхнула меня с крючка, перестала упрекать, что я плохая дочь.

— Прости. — Взрослые умеют извиняться. Фронтовая Маша умела. — Ты права, надо было позвонить. Я понимала, что ты тревожишься, но там, где я была, на меня навалилось много стрессов, и я побоялась, что разговор с тобой будет тяжелым. Струсила. Понимаю, я вела себя как последняя эгоистка.

Влепи я ей пощечину, она бы, может быть, испугалась сильнее. Может быть. Но и без того при этих словах ее челюсть отвисла чуть ли не до стола. Вот и хорошо. Фронтовая Маша не идет на-

пролом. Если надо попросить прощения, я прошу. И не потому что боюсь потерять лицо. Плевать мне на потерянное лицо. Я знаю себе цену.

— Спасибо. — Никогда еще не слышала от нее такого бессильного тона. Она поглядела на меня, осторожно протянула руку — я не отпрянула — и погладила меня по голове. — Какая ты стала взрослая. Сильная. Умная. — Окинула меня взглядом сверху донизу. — Красивая. Я тобой горжусь.

Она часто говорила мне эти слова, но не в таком порядке. И не глядела мне прямо в глаза вот так, как сейчас. Этого не случалось ни разу с тех пор, как я возвела вокруг себя крепость одиночества и силы. Ощущение было странным, ведь одним из камней, на которых покоилась моя крепость, был полный отказ от потребности в ее одобрении.

— Прости, — сказала я опять, потому что в первый раз это слово подействовало очень хорошо. — Дрянь я была, что не давала о себе знать. В пятницу я еду в Мехико, туда меня перевели по работе. Мы с тобой будем почти в одном и том же часовом поясе. Я тебе позвоню, хорошо?

Она улыбнулась, словно услышала хорошую шутку.

— Буду очень рада. — Она и не догадывалась, что я говорю всерьез.

— И ты тоже можешь мне позвонить.

— Непременно.

До самого конца ужина я рассказывала ей сильно смягченную версию моих иракских похождений. О пыльных дорогах, о солдатах, о Зеленой зоне. Не рассказывала только о работе, лишь упомянула, что «помогаю ловить злоумышленников», но не покидаю военную базу. Рассказывая, слышала себя будто издалека, понимала, что выставляю себя активным героем, а не пленником судьбы, плывущим по течению. Кого я пытаюсь удивить? Маму? Себя? У фронтовой Маши нашлось немало трещин в обороне. Надо их заделать. Займусь этим в Мехико.

Когда пришло время оплачивать счет, я была уже изрядно под мухой, да и мама, кажется, тоже. Я никогда не видела ее пьяной, даже когда она возвращалась с нечастых свиданий. Она пошатывалась и лезла обниматься, на лице играла широченная улыбка, от которой в душе проснулись воспоминания о давно ушедшем детстве с оставшейся там мамой.

Я отвезла ее домой на такси, велела шоферу подождать, пока провожу ее к дверям. С пьяных глаз она даже не заметила, что такси стоит и ждет, поэтому, когда на крыльце я обняла ее,

очень удивилась.

— У меня снят номер в отеле, — пояснила я.

От этих слов будто прорвало плотину Мама вцепилась в меня, как утопающий. Перешла на русский — язык слезливых материнских сантиментов, все твердила, какая я красивая, как она меня любит, как гордится мной. Я спиной ощущала, как смотрит на нас через ветровое стекло шофер, как тикает счетчик. Выпуталась из медвежьих объятий, чмокнула ее в щеку и вернулась в такси.

Во время той поездки я больше с мамой не виделась. Вместо этого пошла в баню «Кабуки», заказала массаж, маникюр, в одиночку посмотрела кино в «Метреоне», провела несколько часов в спортзале отеля, с беговой дорожки глядя новости CNN.

Скорее бы в Мехико. Не терпелось вернуться к работе.

* * *

Оформив задержание, копы рассадили нас по разным камерам. Я очутилась вместе с бездомной, которая сидела молча, трясясь всем телом, и шевелила губами, не издавая ни звука. Полицейский сказал мне не бояться, с ней ничего плохого.

После его ухода я попыталась улыбнуться соседке, но та смотрела сквозь меня невидящими глазами.

Время шло. В тюремном блоке стояла тишина, люди переговаривались шепотом, как в церкви. Туда-сюда расхаживали копы по своим таинственным делам, иногда кого-нибудь вели, иногда нет. Я еще не получила свой положенный телефонный звонок, но не сомневалась, что на воле Маркус Яллоу обзванивает всех знакомых адвокатов, и это был не худший исход.

Время шло. У меня забрали телефон. Когда получу обратно, придется засунуть его в измельчитель. Кто знает, чего они туда напихали. Существует целый класс угроз, называемых «злая служанка», — это когда в отеле надо защититься от горничной, которую подрядил ваш противник. Она безнаказанно копается в ваших гаджетах, когда вас нет в номере, например если вы вышли поплавать в бассейне, чего мне сейчас отчаянно хотелось.

Если ваш противник имеет ничем не ограниченный неконтролируемый доступ к вашим устройствам, пиши пропало. Существует бесконечное множество способов заразить ваши устройства так, что вы ни о чем не догадаетесь.

Телефон или компьютер на самом деле состоят из нескольких отдельных систем — дешевых, собранных на одном микрочипе. Они служат контроллерами для USB-портов, сетевых соединений и других компонентов. Включите в систему нужное устройство, и оно будет полностью в вашей власти. Мой шикарный чехол с детектором сети, возможно, предупредит меня, если телефон выйдет из повиновения, однако продвинутый враг знаком и с более утонченными методами атаки «злая служанка». Я смазала глиттерным лаком для ногтей все винтики в ноутбуке, но, после того как в моем телефоне покопались, могу ли я доверять снимкам? Правильно ли они показывают распределение блесток в глиттере?

Этого-то и не понимают Маркус Яллоу и его собратья по вере. Вы можете сколько угодно пытаться обезопасить свои телефоны от вражеских шпионов и преступников — в зависимости от того, сильно ли вы им насолили, — но, когда в игру вступает правительство, чьи полицейские силы имеют власть над вами, это конец. Никуда вы не денетесь. Правительству даже не обязательно разбираться в технике — компании вроде «КЗОФ» обеспечат его всем необходимым.

Время шло.

Я быстро поняла, что унитаз засорен. Его содержимое вытекало на пол, а когда добралось до моей соседки, она испепелила меня взглядом и поджала ноги.

Время шло.

Наконец за мной пришли. Дама-полицейская храбро ступила прямо в лужу и вывела меня из камеры. Интересно, для чего? Дадут позвонить по телефону? Накормят? Разрешат увидеться с Танишей?

Нет. Меня привели к Кэрри Джонстон.

Она занимала одну из допросных комнат. Когда я вошла, у нее в руках был пустой на три четверти стакан фраппучино. Прическа — волосок к волоску, и ни одного седого. Макияж был безупречен; если она не вкалывала ботокс, значит, достигла максимально возможных в ее возрасте вершин безмятежности. На ней был плотный бетонно-серый топ без рукавов, открывавший ключицы и накачанные руки, на идеально наманикюренном пальце поблескивал бриллиант, такой большой, что им могла бы подавиться домашняя кошка, а рядом с ним — тонкое обручальное кольцо с единственным блестящим камушком.

Увидев меня, она кивнула, потом кивком отослала полисменшу. Как только дверь за-

хлопнулась, указала мне пальцем на кресло для допрашиваемых. Снова блеснул камушек.

— Поздравляю, — кивком указала я на колечко, стараясь не обращать внимания на урчащий живот и бешеный стук сердца. Если Кэрри Джонстон здесь…

— Да. Отпраздновали свадьбу в экзотическом месте. Остров Скраб, один из Британских Виргинских островов, туда не летают коммерческие рейсы, только чартеры. Было много гостей. — Таким образом она давала мне понять, что после моего отъезда из Мехико стала общаться с публикой рангом выше, чем я. Даже при моих высоких заработках я не могла себе позволить нанять чартерный самолет на экзотический остров. — Для нас пела Пола Абдул. Это было эпично.

— Поздравляю, — повторила я. Хотелось наклониться через весь стол и залпом допить этот ее фраппучино, отправить порцию сахара, кофеина и жира прямиком в изголодавшийся кровоток. Она отхлебнула большой глоток и поставила стакан. Кэрри Джонстон провела много часов в допросных комнатах на трех континентах и прекрасно знала, что делает.

— Тебе повезло, что я оказалась в городе, — сказала она.

— Чистое совпадение.

Слова повисли в воздухе. Я уже догадалась, в чем дело. Она ждет, когда я раскрою карты и выложу их на стол. Дурацкие покерные привычки. Терпеть не могу покер.

— Когда «ЗИЗ» планирует заключить контракт с оклендской полицией? Вы ограничитесь только Информационным суперцентром или будете обслуживать все их операции? — Подтекст: «Я знаю, что вирус, проникший в телефон Таниши, разработан в “ЗИЗ”. Этот вирус отскочил от моего телефона, как теннисный мячик, потому что моя защита лучше, чем ваши средства нападения».

Она улыбнулась.

— И то и другое. Думаю, следующим этапом будет полиция Сан-Франциско, потому что здесь так и напрашивается интеграция. Потому я и приехала — чтобы закрыть эту сделку. Она очень крупная. Особенно для меня. Мой бонус… — Она изобразила, будто опускает на стол громадный валун. — БУМ. Никаких больше чартеров, хватит на личный самолет. — «Видишь, что ты потеряла, уйдя из “ЗИЗ”?»

— Поздравляю.

Она скромно пожала плечами:

— Усердная работа хорошо оплачивается. Я же

говорила, мы лучше всех.

— Ага. — Продам душу дьяволу за этот фраппучино.

Она допила его долгим последним глотком, намного дольше необходимого булькала коктейльной трубочкой. Я ждала, когда же она себе мозг отморозит, но нет.

— Ну, Маша, что же нам с тобой делать?

— Нам?

На сумрачную наносекунду она приподняла уголки губ в мимолетной улыбке:

— Зависит от тебя. Повторить? Или и так ясно?

Я покачала головой:

— Вы продали оклендской полиции эксплойты нулевого дня для радиомодулей, а они без разбору запускали их направо и налево. Если это выплывет, их ждет серьезный судебный процесс с возможным расследованием на уровне штата, а то и федеральном. С точки зрения сан-францисской полиции это будет выглядеть так: вы продали их оклендским коллегам инструмент, который вверг их в крупные неприятности с общественным мнением. На том вашим бонусам и конец. — Я жестом скинула со стола воображаемый валун. — БУМ. Получается, вам нужно, чтобы я об этом помалкивала и убедила Танишу тоже

держать язык за зубами. Иначе вы привлечете к делу ДВБ, меня отправят в тюрьму для особо опасных преступников, мои юристы будут год или два вести судебные разбирательства, а вы за это время закроете сделку и разработаете график инвестирования. Я правильно понимаю?

— Мы не отправили бы тебя в тюрьму для особо опасных преступников. Гнусное место. — Она демонстративно содрогнулась и усмехнулась мне. — Маша, ты очень толковая. Но я это и так знаю.

Толковая — так Кэрри Джонстон называла меня в Мехико, как раз перед моим увлекательным отпуском.

* * *

В Мехико все были толковыми. Штаб-квартира «ЗИЗ» располагалась в огороженном бизнес-парке недалеко от аэропорта и сильно походила на военную базу, вплоть до «Старбакса» и «Пиццы Хат», но я там не жила — у меня была квартира в другом комплексе, тоже хорошо охраняемом, милях в пяти от офиса, преодолеть это расстояние можно было и за десять минут, если работать до полуночи, и за час, если попасть в час пик. Но многие из тех, с кем я работала, жили в одном и

том же доме, и мы все добирались туда и обратно одними и теми же люксовыми такси или шли в город потусить в барах, располагавшихся на верхушках небоскребов, где доступы к лифтам на нижних этажах надежно охранялись службой безопасности. Вся наша жизнь проходила в герметически запечатанном сосуде. Из аэропорта в офис, из офиса домой, из дома в клуб, из клуба в офис — мы были словно хомяки в гигантском лабиринте, и роскошные черные такси служили единственным средством передвижения по узким норкам, соединяющим общественные пространства и жилые зоны.

«ЗИЗ» щедро кормила своих подопытных хомяков и встраивала в отлаженную систему других грызунов, чтобы нам было с кем общаться. Военный персонал — в основном американцы, чуть меньше британцев и канадцев, затем сборная солянка, в которой как минимум один человек был из страны, в которую «ЗИЗ» вроде бы не должен был ничего продавать (подсказка: ее название рифмуется со словом «Шмарейн»). Эти новички ненадолго заглядывали к нам, чтобы оказать техническую помощь или, гораздо чаще, выдвинуть технические претензии: сложности с интеграцией из-за юридической системы, непро-

стая языковая локализация, чахлые самопальные программы, написанные самым толковым выпускником местного технического колледжа или бойфрендом президентской дочки за щедрое вознаграждение.

А уж какие амбиции были у этих визитеров! Типичный вопрос: «Сможем ли мы прочитать любой текст на любом телефоне в наших границах и на сто километров за их пределами?». Многие из этих ребят (почти всегда это были мужчины, и все они с мерзкой назойливостью считали себя обязанными приударить за мной) были ранними пользователями, крайне заинтересованными в нашей продукции, и вечерами в клубе после пары рюмок радостно фонтанировали идеями о том, каких высот мы достигнем, когда смартфоны будут у каждого — это же какая уйма камер с датчиками GPS, с их помощью можно даже запускать моторы машин или использовать их вместо кошелька.

Во время этой идиотской болтовни я обычно держала язык за зубами — во-первых, надоело, что меня все время перебивают, а во-вторых, если я вступлю в разговор, то непременно напомню этим фантазерам, что они и так уже носят при себе одно из этих волшебных шпионских

устройств. Все, что они только могут напридумывать применительно к миллионам посторонних людей, уже, скорее всего, применяется к ним самим. Как-никак эти ребята не какие-то случайные прохожие, забывшие поставить заплатку на свой телефон, они сами шпионы и работают на шпионов. Те самые люди, которые, намеренно прицеливаясь в активные угрозы, навлекают эти угрозы на себя. Если они вообще снисходили до этой темы, то гордо хвастались, как прекрасно у них налажена оперативная маскировка. Видимо, считали, что все придуманные ими шпионские мероприятия могут применяться исключительно к другим людям, но никак не к ним самим.

Спустя два месяца, сидя в клубном вип-кабинете, я обратила внимание на парня из АНБ, точнее, из группы по оперативному проникновению в компьютерные сети. Среди царившего в «ЗИЗ» громкого хвастовства он помалкивал, как и я. Парень был молодой, не старше меня, и в нем ощущалось что-то аутистичное — я давно наловчилась подмечать подобные тонкости не только в зеркале. Весь вечер он пил кока-колу, а я просыхала после двухнедельных злоупотреблений и тоже сосредоточилась на этом напитке. Так что у нас нашлось много общего.

Часам к одиннадцати, когда сменился диджей и музыка стала громче и ритмичнее, он ушел вслед за мной и напросился в то же самое черное такси. В «ЗИЗ» селили гостей в тот же комплекс, где жили мы, долгосрочные сотрудники.

Как только мы очутились внутри и подъемное стекло отделило нас от водителя, он бросил на меня проникновенный взгляд. «О боже, еще один дятел», — подумала я, но он сразу предупредил:

— Я к тебе не клеюсь.

Самая приятная черта аутистичных людей — они не боятся высказать, что у них на уме.

— Хорошо.

— Но хочу поговорить кое о чем очень личном, не для посторонних ушей.

— Хорошо. — Я ждала. Пауза затягивалась. Мы ехали по полупустым ночным улицам Мехико, за тонированными окнами пролетали огни.

— Не для посторонних ушей, — повторил он. — Может быть, у тебя на балконе? — И торопливо добавил: — Или у меня? Серьезно, я к тебе не клеюсь.

Я ему поверила. И кажется, начала догадываться, о чем пойдет речь.

— Лучше у меня. Возможно, мне захочется выпить, а мой бар очень, очень хорош.

Все американцы в мексиканском подразделении «ЗИЗ» фанатели от кубинского рома. Поначалу я отнеслась к этому скептически, решив, что тут имеет место эффект запретного плода. Но, впервые попробовав «Гавана Клаб Селексьон де Маэстрос» — купажа, для которого главные винокуры с каждой плантации «Гавана Клаб» выбирали свою любимую бочку пятнадцатилетней выдержки и потом все это смешивали, — я закупила целый ящик этого напитка.

Вплоть до конца поездки парень заметно нервничал. Нет, он вполне адекватно болтал со мной о наших офисных делах — обучал меня работе с XKeyscore, новым инструментом для поиска по большим массивам данных, перехваченных АНБ, — но то и дело умолкал и в темноте машины опускал глаза.

В дверях моей квартиры он разулся, и это было восхитительно. Лично я иногда, забывшись, проходила в уличной обуви до самой спальни. Ничего, уборщицы, приходившие два раза в неделю, сотрут грязные следы с белого кафеля.

Я плеснула себе на два пальца великолепного рома и предложила ему, но он покачал головой. С каждой минутой нервничал все больше. Но, когда я пошла на кухню за льдом, все-таки последовал

за мной и, не успела я закрыть дверцу холодильника, остановил меня, достал из кармана телефон и сунул его в морозилку. Многозначительно кивнул мне. Я демонстративно закатила глаза, но он как-никак был специалистом по оперативному проникновению в компьютерные сети, так что, если АНБ придумало способ следить за человеком через вроде бы выключенный телефон, он наверняка об этом знает.

Я выключила свой телефон и тоже сунула в морозилку. Интересно, на какие защитные факторы он рассчитывает? Экранировка металлическим корпусом холодильника? Гул компрессора? Или и то и другое, или что-нибудь еще?

Не говоря ни слова, я сняла цепочку с балконной двери, убрала предохранительный брус и отодвинула створку. (Мне говорили, что помимо прочих прелестей Мехико славится обилием воров-домушников.) Мы вышли. Белый шум с улицы был далек, но слышен. Время было позднее, и окна почти нигде не горели. Я шагнула обратно в комнату и тоже выключила свет. Потому что оперативная маскировка.

Как только дверь закрылась, он обмяк. Несколько раз глубоко вздохнул, выпрямился, раскрыл рот, опять закрыл. Я отхлебнула ром. Он протянул

руку, я дала ему стакан, он отпил глоток, отдал обратно.

— Так вышло, что я кое-что о тебе знаю. О том, что произошло, когда ты работала там, где сейчас работаю я. Знаю твой послужной список. Знаю, что — и как — случилось с твоей рукой.

Это означало: «Я знаю, что ты помогла Маркусу Яллоу нахлобучить ДВБ и обнародовала правду о секретной тюрьме на Острове Сокровищ». Ту тюрьму назвали Гуантанамо-в-Заливе — название прижилось и среди шпионов, и среди тех, за кем шпионили. Я помогла Маркусу забраться в кузов движущегося грузовика, который увез бы из страны и меня, и его, но он прихлопнул мне руку дверцами кузова и выкрал мой телефон с хранящимися в нем обличительными фотками. И даже не извинился.

Мне стало не по себе. Кэрри Джонстон прекрасно знала, какую роль я сыграла в истории с Гуантанамо-в-Заливе, знала, что замышляли мы с Маркусом Яллоу. Мы с ней пару раз обсуждали случившееся, и она списала все на юношескую горячность и неспособность охватить взглядом всю картину целиком. Эта тема возникала у нее только после пары больших бокалов вина — в ней вспыхивала тяга к двусмысленным поддраз-

ниваниям, и я не понимала, то ли это чистейший садизм, то ли нет.

Вряд ли Кэрри Джонстон занесла эти сведения в мое личное дело, потому что после этого мне было бы очень сложно работать с ней. Но куда-то явно записала, и этот парень нашел и прочитал.

Жаль, не могу вспомнить, как его зовут. Когда-то я услышала его имя (если, конечно, оно настоящее) и тотчас же забыла. К нам приезжает полным-полно гостей, не могу же я помнить, кого как зовут. От них потоком шла электронная почта, и в конце каждого письма была подпись; глядя на нее, я вспоминала, кто они такие и на кого работают.

— Ты знаешь даже о моей руке. — Я согнула и разогнула ее. Она уже не болела, только ныла после долгого печатания на клавиатуре, а это можно было списать на банальную усталость.

Он кивнул.

— Напомни, как тебя зовут.

Он вздрогнул, потом улыбнулся — до сих пор я нечасто видела его улыбку.

— Рэймонд. Можно Рэй.

— Привет, Рэй. — Я протянула ему руку, просто чтобы показать, что она уже не болит.

— Я знаю о твоей руке, знаю, что ты за человек,

и поэтому-то… — Он запнулся, обвел взглядом город, посмотрел на другие балконы, на землю далеко внизу. Понизил голос: — Я принес тебе вот это. — Он опять протянул руку для пожатия, но на этот раз вложил мне в ладонь какой-то маленький пластиковый кубик, согретый его теплом. — Всего восемь гигов, все, что я смог наскрести, не привлекая внимания. Пароль — текст первого письма, которое прислал тебе Маркус Яллоу после суда, все пробелы удалены.

Я сунула флешку в карман и глубоко задумалась:

— Ты уверен, что я хочу это знать?

Он снова поглядел на город:

— Мне хотелось тебе рассказать.

— Да, я так и поняла. А хочу ли я это знать?

— Это о пытках. Сведения, которые мы перехватили в ЦРУ, ну или можно сказать, что они с нами поделились. Страшные вещи. Бóльшая часть, но не все, делается подрядчиками. Однако правительственные сотрудники тоже замешаны. Обо всем этом мы хорошо знаем, сами же финансируем, помогаем или просто закрываем глаза. Страшно. — Он снова выглянул. — Страшно.

— И что, по-твоему, я должна с этим сделать? Я ведь не Сенатская комиссия по надзору за развед-

кой и даже не «Нью-Йорк Таймс».

— Да, я заметил. Честно говоря, не знаю. Дело в том, что я на эту дрянь не подписывался. Я верю в справедливость нашего дела. Мои родители оба работают в этой же сфере. Я учился в Вест-Пойнте. Я верю в справедливость нашего дела.

— Ты уже говорил.

— Я правда верю. Послушай, ты же сама знаешь, как обстоят дела там, на переднем крае. Творится много зла, и мы должны как-то его исправлять. Я горжусь нашей работой, по крайней мере когда мы разбираемся с тем злом. Но я не подписывался ввязываться в дела, о которых недавно узнал. Пытался поговорить об этом со своим начальством, но меня никто не слушал. Я подумывал, не обратиться ли выше, может быть, даже выйти на публику, но потом вспомнил, что они сделали с другими нашими ребятами, с теми, кто не побоялся открыть рот. Томас Дрейк, Билл Бинни — их уничтожили, загубили им репутацию, объявили предателями, отдали под суд.

— И они все равно ничего не смогли изменить.

Он покачал головой:

— Не совсем так. Они кое-что изменили, но не так много, как можно было надеяться. Они ничего не исправили, однако сделали мир чуточку

лучше. И не обижайся, но из-за таких, как ты, подрядчиков все становится только хуже. Мы перекладываем все эти пакости в ваши лотки для входящих бумаг, выписываем вам чеки на круглые суммы, потом ваше начальство продавливает мое начальство, чтобы мы делали все то же самое в еще бóльших масштабах. Потом, когда мой начальник собирается уйти в отставку, ваше начальство предлагает ему работу с оплатой в пять раз выше, чем было в правительстве, и он возвращается в агентство в качестве частного подрядчика, снова и снова проталкивает свои старые отчеты, чтобы в новую компанию старого босса капали и капали деньги.

— Таков круг жизни.

От этих слов он еле заметно улыбнулся:

— Человеческая сороконожка. Контур положительной обратной связи, где процесс А ускоряет процесс Б, он, в свою очередь, ускоряет процесс А, пока вся система не пойдет вразнос.

— Думаешь, я могу удержать ее от перегрева? — Маленькая флешка в кармане казалась тяжелой и горячей.

Он пожал плечами.

— Мне просто хотелось, чтобы эти данные были у кого-то еще. На случай… — Я заметила, что

он дрожит. — Я видел тех, с кем работал рядом. Они старше меня. Сначала носились с теми же идеями, что и я, но прошел десяток-другой лет — и они скорее сожгут свои идеалы, чем скажут хоть слово. Не знаю в точности, как работает этот процесс, но чувствую, что на меня уже наползает. — Он отвел глаза. — Мне подумалось, что если о том же самом будет знать кто-то другой, человек, чей моральный компас пока еще показывает в нужную сторону, то я смогу остаться честным. Вроде как не дам себе увильнуть. Не знаю.

Я начала улавливать его мысль.

— Рэй, хочешь, переведу для тебя на человеческий язык? Типа повторю все, что услышала, и ты скажешь, правильно ли я поняла?

Он грустно кивнул.

— Ты замешан в кошмарных делах, но за них хорошо платят. Ты не хочешь выходить из игры, потому что тебе нравится изображать мультяшного тайного агента и быть в курсе всяких секретов из разряда «Я мог бы вам рассказать, но придется потом вас убить», секретов, о которых никогда не узнают молодые мажоры, которые в двадцать пять лет продают свои компании и уходят на покой. В ходе своих сталкерских поисков ты наткнулся на меня, разузнал кое-что о

моем прошлом и решил, что я, вроде говорящего сверчка из «Пиноккио», стану твоей совестью. Теперь ты вываливаешь на меня эти радиоактивные утечки, чтобы я каким-то образом помогла тебе «остаться честным». Как будто мы сидим на диете и помогаем друг другу не соскочить. Думаешь, если у тебя не хватит духу выложить эти документы на всеобщее обозрение, это за тебя сделаю я. Так? Я верно излагаю?

— Ну, по твоим словам, выходит…

— Да. Ты испугался и сбросил грязную работу на незнакомку.

Он протянул руку:

— Ладно, отдай обратно.

Этого я не ожидала. Таким он мне нравился гораздо больше.

— Так-то лучше. Молодец, Рэй. Но я тебе флешку не отдам. Сохраню ее у себя и помогу тебе остаться честным. Потому что, правду сказать, насчет меня ты не ошибся. Я верю в наше дело, но не одобряю моральной гибкости, которой славится твое начальство. Да и мое начальство ничуть не лучше. И раз уж мы заговорили искренне, я могу тоже записать целую флешку о вещах, над которыми мне велели не слишком сильно задумываться. Мне кажется, поступить правильно с

чужими грязными секретами гораздо легче, чем со своими собственными.

Он чуть-чуть улыбнулся:

— Слышала о кредитно-дефолтных свопах?

— Это из финансовой отрасли. Компания А держит ипотечные облигации на миллион долларов в Нью-Йорке, а компания Б держит ипотечные облигации на миллион в Лондоне. Они обмениваются рисками неуплаты. Если Нью-Йорк идет ко дну, долги оплачивает компания Б, а если Лондон, платит компания А.

— Примерно так. Я принимаю на себя часть твоих рисков, а ты принимаешь часть моих. Так что, если со мной что-то случится, платить по счетам будешь ты, и наоборот. Мы, пожалуй, не будем брать за основу Нью-Йорк и Лондон, потому что оба этих города — крупные финансовые центры на побережье Атлантики, подверженные одним и тем же климатическим и экономическим рискам. Возьмем, например, Нью-Йорк и Нью-Дели или облигации «Кока-колы» и «Тата».

Он напомнил мне Маркуса Яллоу. Немного позже я услышала о том, как мужчины любят самоутверждаться за счет женщин, и вспомнила этот разговор.

— Да, уловила.

— Вот и у нас получается вроде как своп. Я отдаю тебе часть своих моральных рисков — на случай, если я пойду на сделку с совестью, струшу и буду до конца жизни держать этот материал под спудом, вроде тех зомби, с которыми я работаю.

— Значит, я тоже должна передать тебе часть своих рисков?

Он озадаченно взглянул на меня, потом понял и покачал головой.

— Нет, это просто метафора. — Потом до него дошел смысл собственных слов. — Хотя, гм, да. Если ты хочешь мне что-то передать для страховки…

Я отмахнулась:

— О своих материалах я сама могу позаботиться. Просто хотела четко представлять себе нашу договоренность. Никакой это не своп, ты просто передаешь мне часть своих долгов.

— Рисков.

— Думаю, мы оба согласны, что материал на этой флешке очень рискованный и твои знания об этом что-то вроде долга перед твоей совестью. Так что это и риск, и долг.

— Кажется, моя аналогия далека от идеала.

— Зависит от того, какова была ее цель. Прояснить тему? Или просто облегчить душу, чтобы ты, сбрасывая эту дрянь на меня, не чувствовал

себя сволочью? — Я не имела ни малейшего намерения упрощать ему жизнь. Он принял храброе решение загнать меня в угол, чтобы храброе решение приняла я. Вот пусть и мучится над последствиями. Он уязвленно надулся. Вот и хорошо.

— Могу забрать…

Я отступила на шаг:

— Нет, не можешь. Мы оба теперь глубоко увязли, и эта флешка — единственный рычаг, которым я могу повлиять на события, если дела пойдут совсем худо. Ты ее обратно не получишь.

Он покачал головой:

— Маша, кажется, я в тебе не ошибся. Когда я прочитал твое дело и провел кое-какие изыскания, то начал понимать, что ты за человек. И сразу увидел, что ты не обманываешь себя насчет того, чем ты занимаешься и почему. Я знал: если принесу тебе эту флешку, ты ее возьмешь.

— Рэй, — медленно произнесла я. — Ты находишься во власти ошибочных представлений о том, что между нами существует некое обоюдное согласие, в рамках которого мы разделяем общие цели. На самом деле ты хитростью заманил меня в очень, очень опасную ловушку, потому что у тебя не хватает духу справиться с проблемой

самому. — Я подождала, пока эти слова дойдут до его сознания. Пару раз он открыл было рот, но промолчал. — Я могу понять мотивы твоего поступка. Ты внезапно очутился в очень суровом месте. Ты прекрасно себя знаешь и сомневаешься в своей способности сохранить здравый рассудок. Это похвально и даже этично. Но давай не притворяться, будто возложить на меня роль твоей совести — это этичный поступок. Нет, это грязная подлость.

— Прости. — А ведь он, кажется, действительно сожалеет. Хоть он и шпион, все же его стихия — не агентурная разведка, а радиоэлектронная. Я бы не доверила ему даже играть в покер в детском саду. — Да, я все понял.

— Вижу, что понял. Пожалуй, тебе пора идти.

Он не стал спорить, ушел. Пару раз у меня язык чесался сказать ему, что все хорошо, но я промолчала, потому что это неправда. С одной стороны, я злилась на него за все это. С другой, просто злилась, потому что не подумала об этом первой. Перед сном я переписала файлы с флешки на свой компьютер, в сектор, созданный методом «правдоподобного отрицания», к которому я долго придумывала пароль. Переложив данные, я поставила в очередь задание заполнить нулями

все сектора флешки, потом повторять это снова и снова до самого утра, пока я не встану. Впоследствии я запишу туда шифрованную порнушку и придумаю слабый пароль. И тогда картина правдоподобного отрицания будет завершена.

Сон не шел. Я долго смотрела в потолок. В голове клубились вопросы. Уничтожить файлы? Посмотреть их? Доложить куда следует?

Нет, только не это. Так я не поступлю. Рэй все-таки правильно меня понял.

* * *

На той неделе я еще пару раз сталкивалась с Рэем в офисе, и нам обоим было неловко, как будто мы переспали. Нет, даже хуже. Простой обмен биологическими жидкостями не ведет к таким последствиям. И мы не предохранялись.

Как-то раз я наткнулась на него возле лифта. Он катил чемодан на колесиках — ехал в аэропорт. Мы были одни, если не считать камер.

— Счастливого пути.

— Спасибо. Маша, работать с тобой было правда очень здорово. Я серьезно. Ты тут творишь просто чудеса, и ты, ты лично, в своей работе очень хороша. Если будешь в Форт-Миде, отыщи меня. Я тебе устрою экскурсию. Может, возьмем тебя на

работу, будешь подальше от этих типов из частного сектора. — Он улыбнулся. Заметно вспотел.

— Дяде Сэму я не по карману. Привыкла к определенному уровню жизни.

— Понятно. Тогда, может быть, я к тебе обращусь за работой.

— Это не в моих полномочиях, Рэй, но я напишу тебе рекомендацию.

Подошел лифт, избавив нас от мучительной болтовни. Он пожал мне руку — ладонь была потная — и уехал.

Больше я не слышала о нем, пока к нам не приехал человек из Национального разведывательного управления — они планировали работать с нами над сопоставлением спутниковых данных со сведениями о местоположении сотовых телефонов. Он тихонько сунул мне в руку флешку и шепнул:

— Рэй сказал, ты знаешь, что с этим делать.

От этих слов у меня внутри все перевернулось. Зародились сразу два предположения. Одно — что Рэя поймали и это подстава. Другое — никакая это не подстава, просто Рэй напился вдребезги в злачных барах Фоллс-Черч и треплется направо и налево, что в Мехико есть девица, которая заберет у них утечки, не станет задавать вопросов

и пристроит слитый материал в нужные руки. Честно сказать, не знаю, какой вариант был страшнее.

До конца дня я искала способ украдкой поговорить с этим парнем из НРУ — он был американцем китайских корней, окончил Калифорнийский технологический по компьютерной линии, прическа как в аниме, — но он меня избегал. Увидев его с чемоданом, я спустилась на грузовом лифте на первый этаж и перехватила его у машины в аэропорт.

— Мне нужно заполнить кое-какие документы о поврежденном багаже, — сказала я. — Не возражаете, если я проедусь с вами?

Он признал поражение и без единого слова запихнул чемодан в багажник. Это было городское такси с перегородкой между водителем и пассажирами. Защита очень слабая даже по меркам Рэя с его манерой запихивать телефон в морозилку и общаться на балконе, однако я демонстративно положила телефон в сумочку и убрала в багажник. Парень из НРУ вздохнул и убрал телефон в передний карман чемодана.

Когда машина тронулась, он включил радио — марафон группы «Контроль Мачете» от местной радиостанции — и выкрутил басы на максимум.

То ли обожал джип-бит, то ли считал, что подслушивающим «жучкам» трудно справиться с басовой интерференцией. Потом склонился ко мне и произнес еле слышно сквозь музыку:

— Можешь, конечно, стереть все это, но Рэй сказал… — И умолк. Защитный инстинкт подсказывал ему, что о некоторых вещах лучше даже не шептаться.

— Наверно, что-то сказал. Что же именно?

Он смотрел на меня долго, вдумчиво. В полумраке за тонированными стеклами его глаза казались мертвыми. «Ты правда хочешь знать?»

— Если не скажете, я все сотру. Брошу в измельчитель. — У нас в офисе стоял огромный измельчитель, туда можно было сунуть даже целый ноутбук. Для командировок в некоторые страны — Россию, Китай, Саудовскую Аравию — мы обычно брали одноразовые ноутбуки, работали на удаленных серверах, а по возвращении запихивали ноутбуки в измельчитель. Наш отдел безопасности не мелочился: дешевле было заменить бытовой ноут, чем разбирать его, выискивать физических жучков, сбрасывать прошивку на всех однокристальных контроллерах и проверять, не заражены ли они. Наш измельчитель мог прожевать ноутбук вместе с титановым

корпусом меньше чем за минуту, а флешка не продержится и двух секунд.

Опять тот же мертвый взгляд. Может, дело в освещении.

— Дроны. Точечные убийства. В местах, где официально войны нет.

Ты вовлекаешь меня в убийства. Я кивнула. Хочу ли я с этим связываться? И с удивлением поняла: да, хочу. У американского правительства и его подрядчиков скопились тонны грязного белья, так много, что никто не знает в точности, сколько именно. Эти ребята дали присягу служить своей стране и делали вид, будто на их пути не встретится никакого грязного белья. Некоторые счастливчики научились не обращать внимания на грязь. А менее счастливых это угнетало. Они чувствовали необходимость что-нибудь сделать, защитить в собственных глазах свой образ хороших парней, сражающихся на стороне добра. Они разговаривали друг с другом, собирали улики и… Что дальше с этим делать? Слить в прессу? Отнести домой и спрятать под кроватью?

С тем же успехом можно отдать мне. Я, конечно, ничем не лучше их, но, по крайней мере, не обманывала себя насчет того, на какой я стороне и

какие в этом минусы. И не заинтересуется ли этими минусами Международный уголовный суд.

— Ладно, — сказала я.

Он приподнял брови. Не ожидал. Интересно, что ему наговорил обо мне Рэй.

— Ладно, — ответил он.

* * *

Почему-то в Мехико я жила еще большей затворницей, чем на базе «Гризли». Строго говоря, изоляции здесь было меньше. В «Гризли» я в самый удачный день могла поговорить с баристафилиппинцем в «Старбаксе», с бангладешским продавцом в «Пицца Хат» да с Кэрри Джонстон. В Мехико мы с коллегами раз в неделю, а то и чаще, «социализировались», напиваясь в клубах, а иногда нам перепадали «бонусные» вечера, когда нас отправляли развлекать заезжих клиентов, и мы с ними пили элитный алкоголь за счет фирмы.

Но не могу сказать, что я подружилась или хотя бы поближе познакомилась с кем-то из своих коллег. Бывало, я даже с трудом вспоминала их имена — иногда мне было легче понять, кто есть кто, в репозитории исходного кода, нежели при живом разговоре. Все они для меня сли-

вались в однородную массу: военные технари из Вест-Пойнта, Военно-воздушной академии или «Большой десятки», с аккуратными стрижками и сексистскими шуточками, они свысока глядели на Мексику и мексиканцев и делали грамматические ошибки в контрольных сообщениях.

Так что, когда к нам заглянула с визитом Кэрри Джонстон, я с удивлением поняла, что рада ее видеть. Я была не слишком общительна, но не любила и скучать в одиночестве.

Ее визит был большим событием. Она уже стала вице-президентом филиала, в котором наш офис был чем-то вроде научно-исследовательского отдела. Ходили слухи, что она планирует полностью отделиться и пустить свой филиал в самостоятельное плавание, и мы все обменяем жалкие подачки в виде акций «ЗИЗ» на щедрую долю в уставном капитале новой компании, которая, по мнению наших военных технарей, обеспечит их работой на всю жизнь. Ведь мы «ведущая компания в перспективной отрасли».

Она устроилась в угловой комнате для переговоров и задернула шторы. В дверь к ней втекал и вытекал непрерывный поток менеджеров всех уровней. Они выходили оттуда выжатыми как лимоны и отползали к своим столам, чтобы до-

нести до подчиненных требование «действовать немедленно» — излюбленное выражение в нашей деловой переписке.

Пока шел этот парад, мы, рядовые программисты, делали вид, что работаем, а сами, навострив уши, прислушивались к тихим разговорам начальства, делясь впечатлениями в неофициальных чатах, где мы общались, когда не хотели привлекать внимания руководства.

Потом на моем рабочем столе выскочило всплывающее окно мессенджера. Я отпрянула, чуть не вскрикнув. У меня практически всегда уведомления выключены — не люблю, когда мешают работать. Все в офисе знали, что я проверяю почту каждые двадцать минут, и поэтому, если кому-то хочется поговорить, надо послать мне письмо и ждать. А если вспыхнет пожар, пусть подойдут к моему столу и скажут.

Но у меня имелся короткий белый список людей, о чьих сообщениях мессенджеры все-таки уведомляли, и одним из них была секретарша Илиана, которая обычно давала знать, если мне надо было спуститься на вахту и что-нибудь подписать или если за мной приезжал водитель. Сейчас я ни того, ни другого не ждала.

> С тобой хочет поговорить мисс Джонстон.

Я поглядела на закрытую дверь переговорной и испытала престранное смешанное чувство: облегчение (она все-таки хочет со мной поговорить), гордость (она не желает говорить ни с кем из моих придурочных коллег) и трепет (ждать беды?).

Под всеобщими взглядами я подошла к переговорной, хотела было постучать, но передумала. Просто потянула за ручку и вошла, остро чувствуя все эти взгляды, представляя, как это для них выглядит: я бесцеремонно вламываюсь к леди-боссу, будто к старой знакомой, кем, впрочем, мы с ней и были.

На базе «Гризли» она немножко поистрепалась: волосы отросли, макияж иногда размазывался, на лбу выступал пот. А сегодня Кэрри была безупречна, как в наши былые дни в Сан-Франциско. Стрижка и челка ровные, как по линейке, аккуратный макияж словно напечатан лазерным принтером прямо на лице.

Она улыбнулась мне, и стало ясно, что она еще и подкачала ботокса. Видимо, жила в Лос-Анджелесе, о чем говорил и ее деловой костюм, явно

сшитый в Беверли-Хиллс. Рядом с ней я ощутила себя замарашкой в старом свитере и с растрепанной шевелюрой.

— Здравствуй, Маша. Рада снова видеть тебя. — Она чуть приподнялась с кресла и протянула руку. Я пожала. Идеальный маникюр. Кутикулы — умереть не встать.

— Здравствуйте, Кэрри. Тоже рада видеть вас. — Я села напротив нее. Она налила мне воды из запотевшего графина и опустила стакан на подставку.

— Должна сказать, мы все довольны результатами твоей работы здесь. — Она отпила из своего стакана. — Я не говорила тебе этого перед тем, как послать сюда, но здешнее подразделение раньше висело на волоске. Разработанные ими импланты были ненадежными, и прогресс шел очень медленно, так что мы уже думали закрыть эту тему. Но после всего, что ты проделала в «Гризли», я поняла: ты сможешь подстегнуть этих бездельников. Ты оправдала и превзошла наши ожидания. Имеешь полное право гордиться проделанной работой.

Я и гордилась, по крайней мере сейчас. Обычно Кэрри Джонстон только злилась; искренние похвалы в ее устах звучали так редко, что я была

на седьмом небе, словно завоевала золотую медаль на шпионской олимпиаде. Но постаралась этого не показать, потому что любое проявление слабости останется в памяти Кэрри Джонстон на неопределенный срок и будет в дальнейшем использовано мне во зло. Но боже мой, до чего же было приятно.

— Спасибо, Кэрри. Мне тут нравится. Интересная работа. Люблю иметь дело с умными людьми.

— Тогда тебе наверняка тут осточертело. — Она еле заметно улыбнулась, и я ответила ей той же еле заметной улыбкой.

— Все не так уж плохо, — отозвалась я. — Просто у них маловато практического опыта, поэтому они пытаются найти ответ, который решит их проблему, а не проблему, с которой сталкиваются пользователи в реальном мире. Может, если время от времени устраивать им ротацию на клиентские площадки…

Она с жаром кивнула:

— Отличная мысль. Как мне самой это в голову не приходило. Как приятно видеть тебя, Маша. Мы так давно не общались.

«Ты это уже говорила».

— Спасибо, Кэрри.

— Ты когда-нибудь обращала внимание на умные устройства?

Я помотала головой:

— Глупейшая затея. Кому нужен тостер или холодильник с выходом в интернет?

— Значит, ты о них никогда не задумывалась?

— Честно говоря, нет. Мне всегда казалось, что словосочетания «индивидуальность бренда», «элемент действия» или «интернет вещей» по умолчанию полная чушь.

— Думаешь, люди не будут покупать умные гаджеты?

— Ну хорошо, будут. Люди глупы. Но я не куплю и вам не советую.

— А тебе не приходило в голову, что можно использовать такое домашнее устройство для слежения за противником?

Вот оно что.

— Да, по-моему, это возможно.

На самом деле я об этом размышляла, и очень немало. Умные автомобили, подключенные к интернету, умные термические реле, умные инсулиновые помпы. Слуховые аппараты, переделанные в подслушивающие устройства. Летальные импульсы, поданные на беспроводные кардиостимуляторы. Да, я об этом задумывалась.

И не удивилась, что Кэрри Джонстон тоже уделяла внимание таким вещам.

— Да, говорят, в такие линии можно встраивать некоторые внутренние возможности. Эти разговоры идут на самом высоком уровне. И кое-кто из наших внешних заказчиков проявляет к этой теме большой интерес.

Документы, которые мне передали: пытки, массовая слежка, убийства, атаки дронов. Добавьте к этому возможность убить человека на месте, впрыснув ему смертельную дозу инсулина, слушать чужими ушами, замораживать людей в собственных домах или сталкивать их автомобили с дороги.

— Их интерес мне понятен.

— Маша, компания, которая первой возьмется за это, сорвет куш. А сотрудники, которые запустят эту программу, озолотятся. Два года назад «ЗИЗ» заработал пятьсот миллионов. В этом году уже три миллиарда. А с такой программой мы сможем загрести до тридцати миллиардов. И даже больше.

В ее ушах поблескивали опалы, на шее нитка жемчуга. Костюм ручной работы. Кэрри Джонстон не знала нужды в деньгах.

— Придумай несколько хороших идей, и мы

возьмем тебя в независимые подрядчики. Будешь получать компенсацию издержек плюс прибыль по каждой позиции, поэтому чем больше потратишь, тем больше будет наша прибыль, только постарайся не выходить совсем уж за рамки. В качестве бонуса получишь возможность приобрести акции компании и сохранишь доступ к административной и транспортной поддержке. Твои чистые доходы вырастут раза в три, сможешь поселиться где угодно, хоть в Люксембурге, хоть в Панаме, дядя Сэм и глазом не моргнет. Такие предложения мы приберегаем для самых толковых сотрудников, тех, кому мы искренне желаем счастья. А ты, Маша, толковая. Очень толковая.

* * *

Кэрри Джонстон вызвала полицейского и отправила его, будто личного помощника, за бургерами.

— С чем предпочитаешь? С сыром? С беконом? Только не говори мне, Маша, что ты перешла в веганство, я этого не перенесу.

Я еще не привыкла к новому часовому поясу, и аппетит пошел вразнос.

— Двойной чизбургер с беконом, картошку фри,

шоколадный молочный коктейль.

— Умница. — Она кивнула полицейскому: — Мне то же самое. И еще один кетчуп к картошке.

Коп с деревянным лицом развернулся на каблуках и вышел. Кэрри Джонстон насмешливо помахала ему вслед и, когда дверь захлопнулась, испустила наигранный счастливый вздох.

— Давай поговорим о Танише. — Она положила ладони на стол и чуть склонила голову набок.

— Хорошо. — В моем лице не дрогнул ни один мускул.

— Твоя подруга Таниша связалась не с теми людьми. Экстремисты черного самосознания. В таких организациях копни поглубже — и увидишь вражескую информационную войну, нацеленную на бунты и уличные беспорядки. — Она медленно покачала головой. — Это очень прискорбно. Я вижу, что она человек искренний. Это понятно из ее характеристики. Но ты не можешь отрицать, что государство имеет законное право присматривать за такими деятелями.

Я не стала закатывать глаза:

— Альянс чернокожих и цветных — вражеские агенты?

— Этого я не говорила. Но ситуация с ними мутная. Рядовые сторонники верят в свое дело,

но они плохо информированы. Их подталкивают, втягивают в неприглядную политику противостояния, нацеленную на разжигание массовых беспорядков. Вынуждают смотреть на полицию как на вражеских солдат. Чтобы склонить их к неповиновению, сочиняют полуправдивые истории о том, как силы правопорядка застрелили невинную жертву, умалчивая о том, что эта жертва на самом деле опасный преступник.

Теперь я все-таки не удержалась и закатила глаза.

— Маша, ты хорошо знаешь эту методичку. Ты сама по ней работала. Неужели трудно поверить, что кто-то может применять описанные в ней приемы к твоим друзьям? Думаешь, те мерзавцы в Ираке — круглые дураки?

Хороший вопрос. Я вдруг поняла, что и сама в глубине души считаю их просто глупцами.

Потому что, сколько себя помню, в моем окружении самым страшным грехом считалось обманывать себя. Если ты собираешься сделать какую-либо пакость — то ли тебе так удобнее, то ли это неизбежно, то ли за это хорошо платят, — делай сколько хочешь, но не притворяйся, будто ты сама добродетель.

Но я никогда не задумывалась всерьез, может

ли случиться, что ты умен, самокритичен и при этом совершенно неправ. Тебя толкнули на дурной путь. Обманули. Перехитрили. А тех бандитов, в чью шкуру я влезала, с их трофейными снимками убийств и изнасилований, я всегда складывала на полочку под названием «глупцы», отчасти потому что они творили неимоверные зверства, но в основном за то, что их было так легко взломать.

И все-таки… Кристина и ее друзья отнюдь не были глупы, и установленное мной оборудование их полностью рассекретило. Я знала тех, кто разработал это оборудование, тех, кто его купил, и тех, кто продал. Никакие они не супергении. У них столько же недостатков, как и у всех остальных, может быть, даже больше, и они точно так же склонны к самообману.

Эти люди сумели полностью подчинить себе немалую часть нашей планеты, используя программы, с такими изъянами, что на открытом коммерческом рынке они не продержались бы и десяти минут.

А я обманывала себя. Где-то в самой глубине души полагала, что шпионская техника, над которой я работаю, действует только на людей, которые слишком тупы, чтобы защититься, и

потому заслуживают такой участи. Но на самом деле карты просто легли в мою пользу. Компании, поставляющие свою технику и свои приложения, знать не знали о таких, как я, и им не было до нас дела. И никакие поступки объектов моей слежки не могли вывести меня из игры.

Они держали оборону; их задача — не допускать ошибок, никаких, никогда. А я атаковала; моя цель — найти слабое место, где они сделали хоть малейшую ошибку, проникнуть в их крепость и уничтожить изнутри. У них нет никаких шансов выстоять против меня.

— Русские, говорите? Да?

Кэрри Джонстон кивнула:

— А кто же еще? Китайцы держат у себя слишком много американского внешнего долга и не станут связываться с такой тактикой. А Евросоюз усердно рвет себя на куски и не обращает на нас внимания. Ни у кого больше не хватит на это концентрации и бюджета, разве что у израильтян, но их давно предупредили не совать нос в наши дела.

Поверила ли я ей? Кэрри Джонстон лгала мне много раз. Ничего личного. Такая уж у нее работа. Вероятно, она не хочет, чтобы меня бросили за решетку, то ли из-за какой-то искаженной симпа-

тии ко мне, то ли потому что ей выгодно, чтобы я была ей признательна и считала себя в долгу, а не точила зуб. Она убеждала меня, что Таниша — российская марионетка, в надежде, что я откажусь поддерживать свою подругу и ее команду.

Но я и сама не раз прибегала к подобной тактике. И знаю, что на эту удочку попадаются не только глупцы.

Я никогда особо не задумывалась о реальных политических взглядах Таниши. Всегда считала ее друзей — впрочем, и друзей Кристины тоже — одной из сторон в стратегических упражнениях. Они хотят достичь некоего X; сражаются с людьми, которые хотят помешать им и сделать Y. X и Y — всего лишь символы, и между ними есть лишь одно важное различие: одна сторона — мятежники, вынужденные применять тактику мятежа, а другая сторона — власти и использующие тактику властей. А чего хотят мятежники и власти? Да какая разница!

А для Таниши разница была очень велика. Интересовали ли меня ее взгляды? Я белая, богатая, умею заставить систему крутить колесики в мою пользу. Таниша тоже могла бы покрутить колесики системы, но предпочла сражаться с ней. Предпочла бороться за права людей, которые ей

даже не знакомы. Я хорошо знала Танишу и понимала, что такая работа вселяет в нее гордость за себя, но понимала также, что бездействие ее погубит. Она не могла сидеть сложа руки и смотреть, как творится несправедливость. Никогда не умела. Уж лучше смотреться в зеркало и понимать, что ты сделала все, что могла.

Или, как говорил Маркус Яллоу: «Если страшно, не молчи — топай, бегай и кричи».

— Какие они умные, эти русские.

— Маша, не паясничай. Твоя подруга в большой беде, и дальше может стать только хуже. Понимаю, ты хочешь ей помочь. Это достойно восхищения. Я могу подсказать тебе способ.

— Какой же?

— Выдам ключ, отпирающий двери тюрьмы. Вы с ней полностью выходите из игры. Она покидает свою жалкую бунтарскую группу, просто уходит насовсем, а уж я прослежу, чтобы в дальнейшем с ней не случилось ничего плохого. Маша, это очень хорошее предложение.

О да, какая щедрость.

— А вы получите контракт с сан-францисской полицией, и ваши бонусы, и…

— Да, наша выгода будет в этом. Маша, когда договор будет заключен, «ЗИЗ» будет спешно

набирать персонал. На свете не так уж много талантов с таким набором навыков…

Я не выдержала и фыркнула:

— «ЗИЗ» все равно не возьмет меня на работу.

Она покачала головой.

— Даже после всего, что произошло, ты не понимаешь, как действует «ЗИЗ». Наша организация нацелена на результат. Деньги решают все. Мы нанимаем человека, который хорошо справится с работой, потому что мы команда, а не семья. И тот факт, что раньше у нас с тобой были разногласия… — Она сделала вид, что не заметила моего фырканья. — Не вычеркивает тебя из списка потенциальных сотрудников. Мы не помним обид. Мы ценим каждого по заслугам. И больше всего нас интересует не что ты натворила и не кто ты такая, а что ты умеешь делать.

— Да, теперь понятно, почему у вас в службе безопасности работают головорезы.

— Понимаю, что ты пошутила, но на самом деле это очень хороший пример. В «ЗИЗ» служит много бывших военных, попавших в неприятности из-за агрессивного применения силы на поле боя. Дело в том, что на эти роли как раз нужны люди агрессивные. Нельзя же требовать от человека агрессивной работы, а потом ругать его за излиш-

нюю агрессивность. Если такое случается, надо высказать ему наши замечания, может быть, провести инструктаж. Но если увольнять каждого, кто сделал пару лишних выстрелов, останешься вообще без сотрудников, или же прикрывать тебе спину будут сплошные пацифисты. Мы реалисты и живем в реальном мире. Никто не совершенен, однако мы можем выстроить систему, которая сгладит наши несовершенства и будет действовать эффективно.

Я не стала напоминать, что сама Кэрри Джонстон немало выиграла от подобной моральной гибкости, учитывая, что в прошлом она была наказана за «избыточную агрессивность» при досмотрах, задержаниях и допросах. Она и сама знала. Черт, а ведь это лишний раз доказывает ее правоту. Кэрри Джонстон умела делать грязную работу. А те, кто умеет делать грязную работу, иногда допускают ошибки. В свое время ДВБ не смог терпеливо отнестись к отдельным ошибочным суждениям Кэрри Джонстон и лишился такой ценной сотрудницы; «ЗИЗ» повел себя умнее и сумел ее сохранить у себя. Такова была логика Кэрри Джонстон. Очень привлекательная логика. Не будь я знакома с Герте, я бы и сама в это поверила.

— Прежде чем я на что-либо соглашусь, я должна поговорить с Танишей.

— Да, я тоже так считаю.

— Вы можете это организовать?

— Сделаю что смогу. Я же всего лишь гражданский подрядчик. — Ее улыбка говорила совсем о другом. Меня отвели в новую камеру, гораздо лучше обустроенную, и там я была одна.

* * *

Кэрри Джонстон называла меня толковой. Будь я в самом деле толковой, я бы стерла все до единого обличительные файлы и сказала бы этим мамкиным шпионам, приезжавшим из Лэнгли или Форт-Мида с флешками, пусть засунут эти флешки себе в свои тонкие звонкие задницы. Но я этого не делала и не говорила. И вот однажды наступил день, когда явился парень чудаковатее других. Он сунул мне флешку и ни словом не объяснил, что на ней записано. Я разработала правило: беру новые файлы только у тех, кто сумеет внятно объяснить, почему отдает это мне. Во-первых, так как хотела знать, что попадает ко мне в руки (хотя могу проверить и позже). Во-вторых, пусть признаются самим себе: они участвуют в делах таких страшных, что желают

организовать утечку через меня, но все же не считают их достаточно страшными, чтобы уйти, или обнародовать, или саботировать.

Но этот парень, тоньше и звонче остальных, пробыл в Мехико всего тридцать шесть часов. Краткий визит от имени Военно-транспортного командования ВВС США. Он администрировал инструмент для управления выдуманными персонажами, с помощью которого усталые, изможденные арабоговорящие операторы выдавали себя за двадцать разных личностей каждый, следя, чтобы биографические и прочие детали этих личностей не перепутались. С помощью чат-бота он хитростью заставлял противника устанавливать наши мобильные вирусы. Это была в общем-то не моя тема, поэтому я с ним мало общалась, если не считать обязательной пьянки в вечер прибытия.

Когда он, выходя из офиса, сунул мне флешку, я проделала свой обычный ритуал: спустилась вслед за ним по лестнице, села в машину до аэропорта и сказала, что не выйду, пока он не объяснит.

— Нет, — только и ответил он, надел наушники, откинулся на спинку и закрыл глаза.

Я проследовала за ним в терминал, к стойкам

регистрации и затем к пункту контроля безопасности. Когда он уже собирался предъявить посадочный талон и выйти на посадку, я схватила его за локоть и оттащила в сторону:

— Скажи, что там, а то спущу флешку в унитаз.

Он окинул меня каменным взглядом:

— Делай что хочешь.

Выдернул у меня руку и прошел через контроль. Я мрачно глядела ему вслед.

Проверила наличность — около сотни баксов, большей частью в песо, мои обычные карманные деньги. Стараясь дышать ровно, вышла на улицу, поймала такси. На ломаном испанском велела водителю ехать на Ла-Кондесу, где была целая вереница круглосуточно работающих интернет-кафе. С помощью фронтальной камеры смартфона пару раз заглянула через плечо — кажется, за мной никто не следует.

Вышла из такси на безлюдном перекрестке, обошла вокруг квартала, оглядываясь через отражения в витринах, потом вошла в одно из кафе, заплатила наличными, зарегистрировалась под вымышленным именем. Села за потрепанный древний ПК, подернутый мономолекулярной пленкой из протухших бургеров и ДНК мальчишек-подростков, чьи следы пребывания висели в

воздухе густой пеленой.

Отвернув монитор от других посетителей, принялась скачивать через торрент порнушку, # ######## #######, а сама тем временем безвозвратно стерла флешку, которую дал гость. Пять раз заполнив ее нулями, я слила туда все свои торренты и закрыла сессию, потом выскочила, поймала другое такси и поехала к себе.

Спрятала флешку в ящик кухонного стола вместе с ножами и вилками. Там лежали все остальные флешки, прошедшие точно такую же обработку после того, как я скачивала их содержимое в свой сектор правдоподобного отрицания. Потом пошла в душ. От меня разило по́том. От страха.

Когда я уже собралась лечь спать, в дверь постучали. Я натянула свою самую американскую пижаму — модные треники и широкую футболку с эмблемой морской пехоты, потому что оперативная маскировка. Натужно сделала три глубоких вдоха, крикнула: «Минутку!» — и нарочито громко спустила воду в туалете.

Накинула на дверь цепочку, заперла на два шпингалета и только потом чуть-чуть приоткрыла. Снаружи стоял мой начальник — неприметный ирландец по имени Каллум. В прошлой

жизни он что-то делал для МИ-5. По призванию он был хорошим администратором и мог бы с такой же легкостью управлять киоском мороженого или стройкой. Рядом с ним стояли два громилы — типичные представители зизовской службы безопасности, накачанные и дерганые, из тех кроссфитеров, кто слушает радиоподкасты через пробковые наушники и закупается исключительно в тактическом разделе охотничьего каталога «Кейбелас».

— Каллум?

— Маша, можно войти?

Я закрыла дверь, отперла все замки и снова открыла.

— Что случилось? — Наверно, именно это я и сказала бы, если бы не понимала, что случилось.

— Твой трудовой договор позволяет нам время от времени производить выборочный досмотр твоего жилища и личных вещей в целях обеспечения текущей безопасности. Мы внедряем новый протокол предотвращения нарушений. Кроме того, твой договор запрещает обсуждать это с коллегами. — Его глаза обшаривали мою комнату, выискивая тайники. — Мы запишем на диск образы всех твоих систем и мобильных устройств. У тебя есть личные приборы или

запоминающие устройства, не выданные компанией?

— Есть несколько, — ответила я, и это было правдой. Мы ведь говорим о четырех игровых приставках под телевизором и о куче старых телефонов в ящике стола, верно?

— Предъяви их, пожалуйста.

Как я и думала, громилы окружили меня с флангов и не отставали ни на шаг. Я пошла по квартире, отключая гаджеты от розеток и передавая им. Меня охватило странное спокойствие, и их, кажется, тоже. Мы все понимали, что это не более чем спектакль, который мы играем друг для друга. Они догадывались, что я что-то замышляю, но не знали, что именно, иначе вся ситуация развивалась бы совершенно иначе — либо ворвались бы без стука, либо устроили тайный обыск, пока я в офисе. Ясно было, что им что-то известно, но что именно и в каком объеме — я понятия не имела.

Так что я ходила и отдавала им гаджеты. Закончив, спросила, можно ли одеться.

— Мы не можем оставить тебя одну в спальне, пока не обыщем ее, — произнес Каллум, словно извиняясь. — Такова процедура.

— А давайте вы обыщете ванную, и я возьму

одежду и уйду туда?

— Это разумно.

Они копались там сорок пять минут. Я терпеливо ждала. Когда мне наконец позволили зайти в ванную, я увидела: все, что висело на стене, — шкафчик с лекарствами, держатель туалетной бумаги, штанги для полотенец — оторвано и сложено на полу. Под потолком болтался на проводе светильник, еще живой. Я оделась.

* * *

Часа в три ночи они отыскали флешки в кухонном ящике. Я дремала на диване, время от времени вздрагивая и просыпаясь, когда громилы чем-нибудь гремели или хлопали дверцей буфета.

— Маша, — произнес Каллум мягким голосом, словно заботливый отец, который будит малыша, задремавшего на заднем сиденье по дороге домой.

Я открыла глаза и с трудом сфокусировала взгляд. Он держал в руках целую россыпь флешек. Так и знала, что они их найдут.

— Ого.

— Ты не сдала эти запоминающие устройства.

— На них записана личная информация.

— Тебе полагалось сдавать все запоминающие устройства. Так записано в твоем трудовом договоре.

— А если я разорву этот договор? — Я частично отрепетировала эту речь, пока дремала на диване, а они переворачивали мою квартиру вверх дном.

— Нам все равно придется оставить это у себя.

Я пожала плечами.

— Если устройства зашифрованы и ты не передашь нам пароли, мы будем вынуждены предъявить тебе обвинение в промышленном шпионаже. Мы уже провели консультации с нашими контактными лицами в мексиканских органах правопорядка, и в случае необходимости они обеспечат твое заключение под стражу. Мы бы предпочли этого избежать.

Я закрыла глаза, опять открыла. Как же все надоело. Я давно ждала этого момента и репетировала его много раз. И сейчас, когда все происходило наяву, мне в полусонном состоянии казалось, что идет еще одна репетиция, окутанная туманом нереальности.

— Я требую адвоката.

— Это может случиться только в случае, если тебя арестует мексиканская полиция, тогда ты

получишь право обратиться за помощью к любому выбранному тобой юристу. Имей в виду, «ЗИЗ» предпочел бы без этого обойтись. Ты предпочитаешь иной исход?

— Нет.

— В таком случае… — Он выразительно умолк.

— Ручку и бумагу?

— Конечно.

Он достал из нагрудного кармана маленький блокнот на пружинке, потом сияющую хромом «космическую» ручку и протянул мне.

Я записала пароль для флешек с порнушкой, протянула обратно блокнот и ручку. Он не стал их брать.

— Маша, прошу тебя, подумай хорошенько о своих поступках. Если на этих дисках существуют скрытые разделы с другими паролями и мы о них узнаем, тебе будет очень трудно требовать от нас дальнейшего доверия. Наилучшим исходом этой ситуации для тебя стало бы установление основ для взаимного доверия и уважения. — Три часа ночи, он, как и я, падает с ног от усталости и тем не менее помнит все обороты своих цветистых речей, весь положенный нарратив текстовой приключенческой игры, которую он ведет сам с собой. Интересно, часто ли агенту МИ-5 из города

Антрим доводилось рассуждать о доверии и взаимоуважении. Может, стоило предложить ему глоток «Блэк Буша», купленного в дьюти-фри в мой недавний прилет?

Я заглянула в его покрасневшие глаза:

— Каллум, возьмите блокнот.

Взял.

— Кофе или виски? — спросила я.

Он озадаченно склонил голову.

— Мы закончили или продолжаем?

На миг он вышел в кухню посовещаться со своими громилами, но остался в дверях, откуда мог не спускать с меня глаз. И ответил:

— Виски.

Я подошла к бару, достала бутылку «Блэк Буш», плеснула щедрых три дюйма в стакан для воды, вытащенный громилами из буфета. Каллуму не предложила. Пусть сам закупается в дьюти-фри. Отхлебнула.

Они удалились, унеся с собой мой ноутбук, телефон, флешки, игровые приставки и DVD-плеер. Один из громил сложил все в пакет, Каллум окинул меня долгим оценивающим взглядом. У него под глазами были синяки.

Я уверенно выдержала его взгляд и наконец сказала:

— На этих флешках ничего нет.

— Рад слышать. — Он не отводил глаз.

— Доброй ночи, Каллум.

Он кивнул, словно услышал что-то интересное, и вышел. Дверь за ним закрылась. В горле жгло от виски. Я залпом проглотила его. Каллум не уточнил, должна ли я (и дозволено ли мне) завтра выйти на работу, но, по-моему, у меня и так уже накопилась чертова уйма сверхурочных часов. Я уселась на диван и, когда стала клевать носом, не стала переползать в постель. Провалилась в сон, и все.

Проснулась я ближе к полудню и решила, что оставлю наведение порядка на долю нанятых компанией уборщиков.

Без телефона, без других гаджетов я не могла вызвать служебную машину, поэтому просто вышла из дома и, не сумев придумать ни единой причины являться в офис, отправилась бродить по окрестностям.

Раньше я много раз видела эти улицы из окна служебной машины да изредка по субботам, если с утра мучило похмелье, заходила в минимаркет за мороженым или за горсткой вяленого мяса. Но бродить просто так, в рабочий день, одной? Это было в новинку.

Люди, встречавшиеся мне на пути, были на своем месте. Насколько я знаю, никому из них не доводилось пожить в четырех странах, обитать в бронированных домах или ездить на больших машинах в сопровождении крепких парней с подозрительными вздутиями на боку под курткой. Они жили своей нормальной жизнью, все эти женщины с колясками, старики, неспешно беседующие в кафе, дерзко глядящие попрошайки. У них в руках были телефоны, они говорили по ним, набирали сообщения, переходили от вышки к вышке. Каждый из этих людей представлял собой потоки данных, преобразованных из аналоговой формы человеческих дел в цифры, которые можно рассортировать и проанализировать, и это могут проделать люди, подобные мне, те, кому нигде нет места.

Как же мне не хватало телефона.

Интересно, как поступит Каллум с моим запасом горячей ####### порнушки. Она и правда была очень горячей по двум причинам: а) доказывала правдивость моих заявлений о том, что эти флешки — мой личный эротический запас, и б) если уж я даю себе труд собрать в секторе правдоподобного отрицания целую коллекцию порнушки, можно хотя бы оттянуться.

Я шла по тротуарам и постепенно забыла о том, что для меня такие прогулки нехарактерны. Просто шагала бездумно, как в юности гуляла по улицам Сан-Франциско, когда автобусы уже не ходили, шла, погрузившись в гипнотический ритм, в котором мысли улетают куда им хочется. Вот и сейчас они, вырвавшись на волю, полетели туда, где хранится вопрос, о котором я отказывалась думать с самого начала всех этих событий.

Загружая порнушку через свои прокси или в интернет-кафе, я параллельно регистрировалась в виртуальной машине, за которую когда-то расплатилась предоплаченной кредиткой. На этой машине у меня работал небольшой медиасервер, где хранились пиратские фильмы, которые я могла стримить из номеров отеля. Очень удобно. Еще удобнее была другая фишка: огромный объем облачного хранилища позволял организовать там раздел правдоподобного отрицания, полностью повторяющий аналогичный раздел на моем ноутбуке. Если не знать пароля, то казалось, что он заполнен случайным шумом. Но на самом деле там хранились файлы, переданные мне, все до единого.

Если мне уже никогда не вернут ноутбук, я все равно сохраняю доступ к этим данным. На-

до только найти безопасное место, где за мной никто не будет наблюдать, с неконтролируемым выходом в интернет.

Пора принимать решение. Я накапливала эти данные больше года, собирала, не просматривая, ничего с ними не делая. А теперь я, возможно, вообще потеряю способность решать, делать с ними что-нибудь или нет. Я очутилась на развилке: либо что-то предпринять, либо сделать вид, что этих данных у меня никогда не было. Маркус Яллоу на моем месте сказал бы себе, что я в долгу перед теми храбрецами, которые рисковали жизнью, чтобы передать мне эти документы. Но на самом деле они ничем не рисковали, наоборот, навлекли колоссальную опасность на меня, поэтому пошли они все к черту, все вместе и каждый в отдельности.

Единственные, перед кем я в долгу, это я сама и весь мир. Эти документы — пестрая смесь крупных и мелких грехов, объемистая, как и положено файлам, выдернутым из компьютеризированной нервной системы целого государства. Целый пакет, неимоверно огромный и в то же время такой маленький, что его можно скачать за несколько минут и загрузить на флешку, какие продаются упаковками по шесть штук на кассах в супер-

маркетах.

Но что мне с ними делать? И что я могу сделать?

* * *

Домой я вернулась только к вечеру, неожиданно проголодавшись. Неудивительно: гуляла целый день, словно забыла, что у меня есть тело и его надо кормить. Мои коллеги из «ЗИЗ», с которыми я столкнулась в вестибюле, делали вид, будто не замечают меня. Слухи разносятся быстро.

У меня хватило ума купить телефон и ноутбук в местном магазине электроники, точно таком же, как в Америке, с той лишь разницей, что ценники здесь были на испанском. Включила новые гаджеты, установила на ноут «параноид-линукс», на телефон — набор расширений, полностью заглушающих излучаемый сигнал, и послала письмо Каллуму, отпрашиваясь в отпуск на фестиваль Burning Man.

Я не сомневалась — он будет только рад от меня избавиться. Не сомневалась и в том, что за мной будут постоянно следить, потому и собралась на Burning Man, — ведь там не было ни выхода в сеть, ни видеокамер и царил, как выразился бы

Маркус Яллоу, «великолепный хаос». Кроме того, там будет Маркус Яллоу, и я наконец найду для него достойное применение.

* * *

Танишу привели в мою новую камеру даже раньше, чем остыла половинка бургера и картошка, припасенные мной для нее. Я протянула их ей, и они в мгновение ока исчезли внутри ее пищеварительной системы. Она заглотила их, как голодная амеба, и только потом устремила взгляд на меня.

— Признавайся, нелегко было выторговать это?

— Я никому ничего не обещала. Но да, мне предлагали договориться. За нас обеих. И сделка тебе не понравится. — Я коротко пересказала.

— И ты за это получишь работу?

— Наверно, да. Если захочу. Но главное — мы обе выйдем отсюда. Иначе нас завалят юридическими процедурами, и мы тут застрянем очень надолго. «ЗИЗ» поставил на карту огромные деньги, все их цели согласованы с местной полицией и прокуратурой. Победа будет нелегкой.

— К черту победу, — сверкнула глазами Таниша.

— Угу, да.

— Нет, Маша, серьезно. Прости, подруга, но ты многого не понимаешь. Бои вроде этого затеваются не ради победы, а ради самого боя. Если мы не дадим оклендской полиции заключить сделку с «ЗИЗ», это не значит, что они в тот же миг примут буддизм и удалятся в свой ашрам, черт его дери. Они так и останутся тут, будут витать в воздухе, как гнилая вонь, как Волан-де-Морт, который черпал силу из чужих затылков, и в конце концов вернутся и потребуют большего. Это дело не из тех, которые выполнил — и все, ему надо посвятить всю свою жизнь. Я вот посвятила.

— Если ты за решеткой, твой уровень посвященности не имеет значения.

Она скрестила руки на груди:

— Множество народу уже очутилось за решеткой во имя нашего дела. Я не первая и не последняя. Я с самого начала понимала, что такой риск существует. Однако закон и силы правопорядка не на нашей стороне. Будь у меня хорошие юристы и честный судья, они бы у меня поплясали. Я бы заставила их навсегда отречься от всей той пакости, в разработке которой ты им хочешь помогать.

— Ты идешь на огромный риск.

— Иду на него сознательно. А компромисс, на который ты хочешь пойти, просто гадость.

— Ниш…

Она лишь отмахнулась:

— Умолкни, а? Хочешь, поведу этот разговор вместо тебя? «Лучше остаться в живых и продолжить бой потом». «Тюрьма — страшное место, особенно тюрьма, куда они бросают таких, как ты». «Не распыляйся по пустякам». Молитва о терпении, версия для трусов. Слышала, знаю.

Я открыла было рот, хотела сказать: «И что же нам делать?», но она опять отмахнулась: «Заткнись». И я умолкла. Может быть, мы видимся в последний раз. И мне не хотелось бы заканчивать нашу встречу перепалкой. Особенно если она вот-вот сгинет в недрах тюремной системы на неопределенный срок.

— Маша, я понимаю, ты считаешь борьбу за справедливость дурацкими фантазиями, но ты живешь в мире, где у людей есть выходные дни, они не калечатся на работе и обладают конституционными правами, по крайней мере время от времени. Ты живешь в мире, где никто никому не собственность, где человек имеет право голоса, может жениться или выходить замуж. Все это появилось потому, что где-то кто-то успешно

боролся за справедливость. Знаешь, как это происходит? Слышала о теории изменений?

Я пожала плечами:

— Дуга истории длинна, но она склоняется к справедливости. Так?

Она фыркнула:

— А знаешь, Маша, что заставляет ее склоняться? Люди, которые тянут ее изо всех сил, отдавая этому всю свою жизнь. Мы тянем, тянем, тянем, и она мало-помалу склоняется. Люди слышат цитату Мартина Лютера Кинга и думают: «Ага, если дуга истории все равно склонится к справедливости, надо лишь сидеть и дожидаться этого». Но на самом деле она склоняется, потому что ее сгибаем мы, и, стоит нам хоть на мгновение ослабить нажим, она тотчас же распрямится.

Меня накрыла волна дежавю. Вспомнился мой давний спор с Маркусом, когда он рассказывал мне о Джоне Гилморе, одном из основателей Фонда электронных рубежей, которому принадлежит знаменитая цитата «Интернет рассматривает цензуру как повреждение на линии и ищет обходные маршруты». После встречи с седобородым отцом интернета Маркус был потрясен открывшейся ему истиной: оказывается, интернет не обладает какими-то мистическими способно-

стями самостоятельно подавлять цензуру. Это делают люди. Пользователи уверены, что цензура — это очень, очень плохо, поэтому усиливают сигнал, отзеркаливают, перенаправляют заблокированные материалы, а компьютерные гики вроде Маркуса создают инструменты для автоматизации этого процесса.

Эта идея взорвала Маркусу мозг, и он уверовал в святость собственной миссии. Каждый раз, видя, как над кем-то издеваются белые националисты, или доксинг-тролли, или армии ботов, я спрашивала себя, почему мы не можем ничего сделать с этими высокотехнологичными мерзавцами. И при этом думала о Маркусе.

Однако как быть с Танишей, которая говорит, что дуга истории длинна, но она склоняется к справедливости. Интернет рассматривает цензуру как повреждение на линии и ищет обходные маршруты. Ну почему все идеалисты на моем пути не хотят найти удобное местечко, сидеть там и ждать, пока великие силы исторической неизбежности свершат свое дело? Почему они так стремятся лично внести свой вклад?

Черт бы их побрал.

— То есть ты хочешь, чтобы я добровольно села за решетку ради мизерного шанса, что тебе прямо

из камеры удастся склонить дугу истории?

Она впилась в меня долгим взглядом:

— Маша, иногда я просто не понимаю: ты тупая, ленивая или что? Я не хочу, чтобы ты садилась в тюрьму, я хочу, чтобы ты постаралась вытащить меня отсюда.

Ну да, конечно. Как поступает Маша: берет заработанные деньги, едет дальше; ее девиз — выжить сегодня, чтобы сражаться завтра. Как поступают Маркус, Кристина, Таниша: сжигают все мосты, затаптывают пепел и грудью мчатся прямо на пулеметы.

Люблю прямоту.

— Таниша, можно я задам серьезный вопрос — искренне, без подтекста, напрямик?

Над этой тирадой она искренне рассмеялась:

— Маша, на так изложенную просьбу никто не ответит отказом. Спрашивай.

— А если я выйду из игры? Если приму предложение Кэрри Джонстон? И раз ты отказываешься принять ее условия, брошу самоубийственные попытки вытащить тебя отсюда?

Ее лицо оставалось непроницаемым.

— И что?

— Что произойдет между нами?

— Ты хочешь спросить, останемся ли мы дру-

зьями, если я буду гнить в застенках черт знает как долго, может быть, всю жизнь?

Я ничего не сказала.

— По-моему, ты сама знаешь ответ. — Она вздохнула. И еще раз. — Спасибо за бургер, Маша.

Я вызвала охрану.

Глава 7

Через двадцать пять минут я вышла на улицу. Надо будет купить новый телефон (этому, побывавшему в руках у полицейских, больше нельзя доверять), но первым делом я, не удержавшись, включила его и стала листать сообщения. Копы наверняка уже все скачали, так почему же я должна оставаться единственной, кто их не читал?

Большая часть, разумеется, от Маркуса. Постоянный поток обновлений о попытках вызволить меня. Неэффективных (потому что он ничего в этом не понимал), бесполезных (потому что при аресте у тебя отбирают телефон) и, мало того, опасных (потому что он выдал копам все свои стратегические замыслы, и теперь ему не дадут даже приступить к делу).

И естественно, он хотел поговорить со мной.

Я понятия не имела, где нахожусь. За спиной громадным монстром высилось здание, из которого я только что вышла. Узкие окна-щелочки, словно бойницы, сквозь которые защитники крепости отстреливаются из лука. Над дверями вывеска: «Центр временного задержания имени

Гленна И. Дайера». Оно показалось знакомым — когда я была маленькой, тут произошла то ли голодовка, то ли что-то еще.

Придется снова включить телефон, заглянуть в карты. Что-то я слишком часто пользуюсь гаджетом, которому нельзя доверять. Но копы и «ЗИЗ» только что выставили меня за дверь, так что по-любому знают, где я нахожусь. Оказывается, до ближайшего метро всего несколько минут ходьбы. Моя поездка в зизовском фургоне была гораздо короче, чем мне казалось.

Теперь, конечно, надо еще раз воспользоваться телефоном. Чтобы позвонить Маркусу Яллоу. Для идеальной маскировки люди должны быть в идеальном состоянии. А я усталая, несчастная, замученная совестью. Мое состояние отнюдь не идеально.

— Полагаю, нас записывают, — сказала я вместо «алло».

— А. Ну да. Конечно. Ты как? Ты где?

— Встречай меня на метро «Фрутвейл». — И дала отбой. Не стала ему говорить, что мне очень плохо. Сунула было телефон в карман куртки, но передумала. Пока он работает, будет соблазн его использовать. Я вспомнила Одиссея и что есть силы шарахнула девайс об угол водосточной

трубы, торчавшей из стены какого-то офисного здания. Через два удара сквозь разбитый экран показалась материнская плата, а еще через три материнка раскололась на куски.

Я еще раз подумала об Одиссее, стряхнула осколки стекла и сунула разбитый телефон в задний карман. Обычно я никогда ничего туда не кладу, а в ситуации, которую я пытаюсь создать, сидеть на разбитом телефоне — самое полезное занятие.

Одиссей был одним из первых хакеров. Обычные древнегреческие герои, проходя через населенные сиренами воды, соблюдали протокол оперативной маскировки: заливали себе уши воском, создавая файервол, непроницаемый для акустических инфильтрационных атак, и сирены своим сладкозвучным пением уже не могли заманить путешественников в губительную пучину.

Но Одиссей желал услышать пение сирен, остаться в живых и рассказать о впечатлениях своим спутникам. Он придумал хитрый трюк: велел привязать себя к мачте, чтобы, несмотря ни на какие соблазны, не прыгнуть в море.

У экономистов это называется «пакт Одиссея» — договор, который ваше сильное сегодняшнее «я» заключает с вами завтрашним, гораздо более

слабым. Например, когда вы, сев на диету, выбрасываете из дома все печенье или, направляясь в бар, берете с собой денег ровно на три пива. Или приезжаете на Burning Man с намерением совершить очень опасный поступок и там, приняв обычную дозу, оставляете всю кислоту в лагере, чтобы, когда начнет забирать, вы не поддались искушению и не слопали весь остаток с целью понять, высоко ли сможете вознестись.

Пакт Одиссея — не признание слабости, а олицетворение силы, способ обратить себя сильного против себя слабого. Смогу ли я устоять перед искушением и не пользоваться взломанным телефоном? Разумеется. Ради этого я расколочу его вдребезги.

Лишившись телефона, я поневоле застряла на верхней площадке эскалатора на «Фрутвейле», стараясь не выделяться из толпы сетевых зомби, неотрывно пялящихся в светящийся прямоугольник экрана. Уселась на скамейку, вытянула ноги, уставилась на ботинки — такие позы, решительно никому не интересные, характерны для людей, привычных к долгому бесцельному сидению, например безработных или, вполне возможно, попрошаек. С попрошайками никто не хочет разговаривать. Пялясь на ботинки, я украд-

кой поглядывала на эскалатор, чтобы вовремя заметить Маркуса и его девчонку. По прибытии они наверняка попробуют мне позвонить и, возможно, будут ждать у турникетов. Надеюсь, у них хватит смекалки заглянуть наверх, когда не застанут меня внизу.

Надежда не оправдалась. Я нашла их возле турникетов. Они сказали, что ждут меня целую вечность, то есть довольно долго. Вполне могли бы пораскинуть мозгами и сообразить, что я могу ждать их там, где одинокая стоящая фигура не будет привлекать внимания.

Маркус и Энджи были взмыленные и взъерошенные. Они несколько часов кряду названивали своим знакомым юристам и активистам, умоляя вызволить меня из-за решетки, что было очень мило с их стороны, хоть в итоге я и высвободилась сама.

— Пойдемте прогуляемся, — предложила я. — Ваши телефоны создают резервные копии?

— Ко мне на ноутбук, — ответил Маркус. — Не доверяю облакам.

— Разумно. А у тебя, Энджи? — Даже не помню, когда я в последний раз называла ее по имени.

— Да, ко мне на компьютер.

— Там нет ничего невосстановимого? Напри-

мер, если вы их потеряете?

Они сурово посмотрели на меня.

— Эти телефоны — они вам очень нравятся или дороги как память?

До Энджи начало доходить.

— Ты хочешь, чтобы мы их выбросили?

— Типа того. — Я достала свою разбитую трубу.

Маркус ужаснулся и развеселился. Энджи улыбнулась ему:

— Как в ту ночь, когда мы познакомились, помнишь? На вечеринке по обмену ключами в Норт-Бич. Ты потом разбил свой ноутбук и утопил его в морской воде.

Прекрасно. Что тут скажешь, если Маркус начал колошматить технику за много лет до того, как это пришло в голову мне. И вечеринка по обмену ключами — крутейшее место для первого свидания.

В нише между двумя зданиями я приглядела пожарную колонку, подвела их к ней. Мы встали полукругом, будто, например, курим травку, а не разбиваем телефоны. Первым за дело взялся Маркус. Три мощных удара — и материнская плата раскололась. Энджи достигла того же результата за два удара и пошутила — мол, дают себя знать давние занятия боксом.

Для своих попыток вызволить меня и Танишу они, разумеется, использовали в качестве оперативной базы Оклендский хакерский клуб. Когда Маркус предложил снова пойти туда, я еле удержалась от горестного вздоха. Мы разрабатывали дерзкий и опасный план, не хватало только отбиваться от любопытных незнакомцев, норовящих предложить свою помощь. Но если бы даже у меня был ключ от квартиры Таниши, пойти туда мы уж точно не могли.

Мы направились в отель. Выбор пал на «Экстендед Стей Америка» — дешевое местечко по дороге в Оклендский аэропорт. Клерк за стойкой регистрации и глазом не моргнул, когда я рассказала, что у нас задержали рейс, мы перебронировали билеты на следующий день и хотим арендовать самый маленький и скромный номер в качестве оперативной базы, чтобы убить время. Как и положено хорошо выдуманной лжи, здесь содержалась одна важная истина: нам действительно была нужна база.

— Будем исходить из предположения, что Кэрри Джонстон знает, что мы собрались все вместе, но понятия не имеет, чем мы заняты.

Маркус и Энджи переглянулись. Я знала, что Маркус питает условно-рефлекторный ужас пе-

ред Кэрри Джонстон, который выработался в годы впечатлительной юности, когда она подвергала его «стрессовым допросам».

Пока Маркус пытался совладать с собой, вопрос задала Энджи:

— Почему ты так предполагаешь?

— «ЗИЗ» — это технологическая инфраструктура оклендской полиции. У полиции есть видеокамеры, а «ЗИЗ» разработал методы распознавания лиц. Мы не предприняли никаких мер, которые помешали бы им распознать нас, поэтому велика вероятность, что по дороге сюда мы попали на экраны видеокамер и хотя бы кого-то из нас сфотографировали, передали операторам, довели до сведения Кэрри Джонстон и установили личность. Но я постаралась проложить маршрут так, чтобы на пути из метро «Колизеум» мы не попали ни на одну из городских камер. Думаю, полиция может получить доступ к видеосъемкам из магазинов и других частных источников только по решению суда и не в режиме реального времени. Так что они знают, что мы вышли из метро на ближайшей к аэропорту станции, и больше не знают ничего.

— Однако они понимают, что в аэропорту нас нет, так? — сказала Энджи.

— Откуда им это знать?

— Там очень много камер. Будь мы там, они бы нас увидели, а раз не видят, значит, нас там нет.

— Не поспорить. Но есть и третья возможность: мы прошли через Оклендский аэропорт и не попали на камеры.

Энджи вопросительно склонила голову набок, но Маркус (конечно же) подхватил мою мысль.

— Состязательное возмущение, — сказал он (конечно же) с понимающим видом. И конечно, его догадка была верна только наполовину: он наверняка слышал о моем гриме, отражающем инфракрасные лучи, но, к сожалению, мой единственный поставщик находился по другую сторону Атлантического океана.

— Зеркальный макияж нынче очень моден.

— Понимаю, вы друг перед другом выпендриваетесь, — сказала Энджи. — Но я отчасти знаю, о чем идет речь. Давайте попробую рассказать, а если что, вы меня поправите. — И выразительно посмотрела на нас. — Машинное обучение — это просто разновидность статистики. Вы скармливаете компьютеру большую подборку лиц и присваиваете им ярлыки, потом просите компьютер произвести вычисления и установить связь между ними. Так получается модель. Вы

проверяете модель, скармливая ей новые лица, и просите высказать предположения, например: «Это снимок того же самого человека, который изображен анфас вот на этой картинке» или «Это снимок Энджи Карвелли, с которой я уже познакомился в процессе обучения».

Маркус смотрел на нее с гордостью, и это выглядело немного унизительно.

— Если модель способна высказать точные догадки, мы называем ее надежной и оформляем в конечный продукт. Но мы проверили ее только на лицах, которые никто не пытался скрыть. Эту защитную систему ни разу не тестировали на ее врагах. Может быть, она распознает врагов, а может, нет. Вероятнее всего, она с этим не справится, так? Потому что замок, который никто не пытался взломать, так и останется невскрытым, и мы не поймем, работает он или нет. Все дело в том, что в этих системах используются статистические сопоставления: если я вижу, что деталь, которую я считаю глазами, находится в таком-то соотношении с деталью, которую я считаю носом, то, значит, лицо видно мне под таким-то и таким-то углом. Я корректирую изображение лица, видимого под углом, и вычисляю соотношение этих деталей, а также всех остальных, какие вижу

на лице. Как-то вот так. Но все эти вычисления очень ненадежны, верно? Потому что для распознавания лица под разными углами компьютер выбирает не те детали, которые трудно спутать. Он выбирает те, которые легко заметить. И эти хорошо заметные маркеры вполне могут быть распознаны неверно. Например, вы можете надеть очки или даже наложить яркий макияж, и системы распознавания дадут сбой, потому что их учили только распознавать людей, которые не пытаются их обмануть, — тех, кто не является «врагом» и не пытается исказить свою внешность различными изменениями. Так?

Мы с Маркусом одновременно кивнули. Совпадение вышло так себе.

— Если правильно сыграть на этом, наша злодейка решит, что мы поехали в аэропорт, но изменили внешность и скрылись от камер. Никто не в состоянии просмотреть все записи со всех камер в аэропорту и, раз уж на то пошло, даже в вагоне метро. Метод действует, только если вы доверите просмотр программным средствам, а они способны реально вести наблюдение, только применяя методы, которые нелегко обмануть. Верно?

Маркус пожал плечами:

— Не знаю. Они постоянно меняют модель так, чтобы ее стало трудно обмануть. Но для этого они должны предусмотреть все способы обмана. А нам не нужны все способы, достаточно придумать один, но такой, которого они не предусмотрели.

Я решила вернуть их с небес на землю:

— Однако мы понятия не имеем, какой моделью они пользуются и какие контрмеры могут ее обмануть.

— Но Кэрри Джонстон-то этого не знает, — возразил Маркус. — И некоторые идеи у нас все-таки есть. Нам известны имена тех, кто работает в «ЗИЗ», потому что они регулярно обновляют свои профили в LinkedIn. Там мы можем прочитать статьи, которые они публиковали, прежде чем кануть в шпионскую бездну, и сделаем обоснованные догадки.

— Если твои догадки окажутся неверными, нас всех арестуют.

Энджи выразительно сверкнула глазами:

— Ребят, Таниша за решеткой. Как мы понимаем, Кэрри Джонстон собирается держать ее там, пока не заключит нужный ей договор. И Маша сейчас на свободе только потому, что Джонстон уверена: ради больших денег она выполнит все,

что ей велено. Но Маша говорит, что хочет вытащить Танишу, даже если ради этого придется порвать с Кэрри Джонстон — жестокой преступницей и дрянью. Кэрри Джонстон наверняка следит за Машей, и, если она догадается, что Маша не собирается держать слово, оклендская полиция схватит нас в мгновение ока. Вам сейчас очень сильно надо выяснять, кто из вас двоих тут самый продвинутый?

Маркус виновато взглянул на нее:

— Прости, крошка, ты права.

— Ты забыл упомянуть, что Кэрри Джонстон планирует вплотную заняться друзьями Таниши. Чисто в рекламных целях она превратит их жизнь в ад, только чтобы показать сан-францисской полиции, как эффективно работают ее программы.

— Да, об этом я не подумал.

— И думаю, Таниша нас не простит, если мы вытащим ее, но ничего не сделаем ради ее друзей. Так что в наших планах надо учитывать и их тоже.

Энджи покачала головой:

— Когда люди борются за правое дело, ты не сможешь ничего сделать ради них. Если у тебя хватит сил и если они тебе разрешат, ты можешь

что-нибудь сделать вместе с ними.

— Да, конечно. Но на самом деле мы ничего не сможем сделать вместе с ними, пока Таниша не выйдет на свободу, не познакомит нас с ними и не решит, чем именно мы можем им помочь.

— Гм, я-то их как раз знаю, — сказал Маркус. — Не раз ходил с ними на демонстрации. У них есть собственная криптопартия, и я, посмотрев их обучающие ролики, узнал, как организовать такую же.

Маркус ужасно предсказуем. Так я и знала, что он, хлопая глазами, будет хвостиком таскаться на мероприятия Альянса. Но все равно новость хорошая. Если они поняли, что для защиты своих линий связи надо что-то делать, это уже огромный шаг к успеху. Бороться с безразличием гораздо труднее, чем с обычным незнанием. Учебные материалы у криптопартии довольно хороши, но все равно отстали на целое поколение от тех программ, которые «ЗИЗ» впаривает оклендской полиции.

— А что говорят те юристы, которых ты хотел привлечь для нашего с Танишей освобождения?

Маркус покачал головой:

— Ни один из них не ответил. Один человек в Фонде электронных рубежей говорил, что их

адвокаты могут по рекомендации вести уголовные дела. Я ему писал раз шесть, но он так и не отозвался.

— А почему бы просто не позвонить лучшему в городе адвокату по уголовным делам и не нанять его?

Он удивленно отпрянул.

— Мы бы, конечно, смогли, будь у нас куча денег и знай мы такого юриста.

— Куча денег у меня есть, — отрезала я. — Иди разыскивай этого адвоката.

* * *

Энджи, послушавшись совета Маркуса, принялась отыскивать на LinkedIn профили нынешних сотрудников «ЗИЗ» и читать все их исследовательские статьи о машинном обучении. Оказалось, что среди них можно выделить две основные группы: трое были выходцами из небольшой компании по распознаванию лиц, приобретенной «ЗИЗ», а другая группа, побольше, состояла из ученых, занимавшихся машинным обучением в целом. Когда-то они основали компанию «Ин-Кью-Тел», инвестиционное подразделение ЦРУ. Соинвестором была «ЗИЗ», и, судя по послужному списку этих ребят, корпора-

ция фактически владела их компанией.

По мере расширения круга поисков и списка статей стало ясно, что обе эти группы давно и плотно занимаются распознаванием лиц. Все они вышли из лаборатории в Стэнфорде, где учились у одного и того же профессора. И да, созданные ими модели были теоретически уязвимы перед некоторыми видами состязательных возмущений. В сети нашелся даже шаблон, куда можно было загрузить фотографию своих очков, и он выдавал рисунок, который вы могли распечатать и наклеить на оправу. Тогда, опять же теоретически, алгоритм распознавания может сбиться. Точнее, он даже не поймет, что на снимке человеческое лицо. Решит, что перед ним авокадо, или вертолет, или пулемет, или птица порг с планеты Ак-То — выбирайте на свой вкус.

— Надо прикинуться авокадо, — заявила Энджи на полном серьезе. — Если видеокамера заметит на улице вертолет или пулемет, она может передать информацию человеку-оператору.

Разумеется, у Маркуса были две параноидные флешки, шифровавшие свои данные в раздел, который надо было отпирать, вводя пароль на крошечной цифровой клавиатуре на корпусе флешки; пара шикарных USB-фильтров на двух

мини-процессорах Raspberry Pi отслеживали весь входящий и исходящий трафик и блокировали все, в чем подозревали USB-атаку. И разумеется, он собрал их сам в хакерском клубе с помощью паяльника из собственноручно добытых деталей. Да, маскировка на высоте. Да, о таких вещах надо позаботиться до того, как грянет гром. Но до чего же это напоминало мальчишеские романы про шпионов.

Энджи скачала для меня PDF-файл с обманным узором, записала его на флешку, я взяла этот громоздкий гаджет и спустилась в бизнес-центр отеля. Вставила флешку в кишащий вирусами общественный компьютер. Ощущала себя так, будто пью из немытой жестяной кружки, прикованной цепью к городской водокачке в разгар эпидемии Эболы. Однако мы приняли все возможные меры предосторожности. Я распечатала рисунок, на стойке регистрации попросила швейный набор с дешевыми складными ножницами, купила за наличные жевательную резинку без сахара.

Через десять минут я наклеила на солнечные очки бумагу с абстрактным компьютерным узором, запихала за щеки комки жвачки, чтобы изменить линию челюсти. Попросила гостиничного портье вызвать мне такси, скользнула на

заднее сиденье, отвернув лицо и опустив голову, и поехала в магазин электроники. Купила за наличные шесть телефонов, остановив выбор на недавно выпущенных моделях «Нокиа», выложенных продавцом на стеллажах в конце прохода. Поскольку телефоны лежали в открытом доступе, я могла наблюдать весь процесс их передачи со стеллажа на кассу и затем мне в пользование. По дороге заметила еще один непримечательный аэропортовский отель, оттуда заказала такси в аэропорт. Проверив, крепко ли сидят маскировочные очки, подошла к терминалу, приложила запасную кредитку к торговому автомату и купила шесть предоплаченных сим-карт. Потом села в другое такси и покатила обратно в «Экстендед Стей».

В общей сложности вся поездка заняла у меня минут тридцать, не больше, но, вернувшись на нашу базу, я ее не узнала. Кровать была сдвинута в угол, они где-то раздобыли несколько стульев, и кому-то в голову пришла светлая мысль использовать зеркало как доску для записей легко стираемым маркером. Оно уже было исчерчено заметками и планами, которые четко делились на две категории: ЮРИСТЫ и СВЯЗЬ.

В колонке ЮРИСТЫ значилось четыре имени,

помеченных галочками и звездочками. Энджи поймала мой взгляд:

— Галочки — это юристы, которых нам рекомендовали; звездочки — те, кто подтвердил свою готовность участвовать.

— А я решила проблему со связью. — Я вытрясла из сумки телефоны. — Маркус, можешь распаковать их все и зарядить? Вот симки.

Я разулась и сняла солнечные очки:

— Это хорошие юристы?

Энджи кивнула:

— Вот этот уже двадцать лет отмазывает преступников из высшего общества. Помните того миллиардерского сынка, который по пьяной лавочке разогнался до двухсот восьмидесяти и задавил шестерых миллионерских детей? Он его и защищал.

— Похоже, он просто чародей.

— Чародей высшего уровня. И он согласен поговорить с нами, если у нас найдутся деньги.

На прошлой работе мне хорошо платили. Но я там уже не работаю и, хотя умею экономить, к числу скряг, которые ходят в мешковине и берегут каждый пенни, я не отношусь.

В банках по всему миру у меня лежат большие деньги, но все же не безумно большие. А адво-

кат такого калибра проглотит мои сбережения в один присест и даже не заметит, и ни один краудфандинг, ни одна касса взаимопомощи на свете не наскребет достаточно денег для оплаты его услуг.

Готова ли я все потерять ради освобождения Таниши?

— Не помешало бы с ним поговорить. Каковы его условия?

— Я раздобыла номер его секретаря, и для нас забронировали время… — Энджи глянула на телефон. — Через сорок пять минут.

— Отлично. План Б?

— Вот эта дама. Десять лет выступала в судах на стороне Союза борьбы за гражданские права и теперь занимается частной практикой. Она готова работать безвозмездно. Я не стала говорить, что, возможно, у нас найдутся деньги.

— Разумно. — Я обвела взглядом комнату. Маркус деловито возился с телефонами. Добраться бы до компьютера.

— Можно я возьму твой ноутбук?

Энджи нахмурилась. Я ее прекрасно понимаю. Отдавать кому-то свой ноутбук — все равно что носить чужое нижнее белье.

— Если сделаешь мне загружаемый образ

«тейлс», загружусь с флешки.

— У меня есть. — Энджи покопалась в рюкзаке, выудила крошечную флешку, вставила ее в фильтр Маркуса и потом в свой ноутбук, включила и передала мне. На миг я восхитилась ее паранойей: это ее собственный ноут и ее собственная флешка, и тем не менее она принимает противовирусные меры. Она пойдет гораздо дальше, чем я полагала.

Я загрузилась и подключилась к гостиничной сети. Каждый полученный из нее бит направлялся через Tor, и машина не станет регистрировать мои нажатия клавиш, переданный или полученный трафик.

Если…

Если Энджи не работает на противника и не подсунула мне зараженный ноут с кривой версией «тейлса». Если кто-нибудь не заполучил украдкой физический доступ к ее ноуту и не поставил на него клавиатурный перехватчик или другую вредоносную программу. Если в самом «тейлсе» нет дыры, о которой знают все злоумышленники, но не знают разработчики программы.

Слишком много «если». Я глубоко вздохнула и вошла в свою электронную почту. Кэрри Джонстон наверняка свяжется со мной именно по

этому каналу, и мне ради собственной безопасности надо знать, где она находится. А еще в почте надо сменить все пароли, например, в интернет-банках, чтобы входить туда без доступа к моему ноутбуку и всем его зашифрованным данным. А еще только так я смогу запустить спящую в облаке «Амазона» виртуальную машину, ту самую, которая служит резервной копией моего ноута на случай покупки следующего.

И, как выяснилось, именно в почте я получила вести от Кристины.

> Дорогая Маша…

Так начиналось письмо. Оно было не зашифровано, а это значит, что она либо ослабила бдительность, либо потеряла контроль над своим ноутбуком, телефоном и ключами. Последняя версия вероятнее. У меня уже выработалось чутье на моменты, когда пора сунуть свой ноут в измельчитель, а Кристину никак нельзя назвать легкомысленной.

> Как твои дела? Я часто думаю о тебе, пытаюсь понять, почему ты велела мне бросить все и прятаться.

> Меня взяли вскоре после нашей про-

щальной встречи. Два дня я скиталась по домам своих друзей. Не могла спать, не могла есть. Ходило много слухов об атаках «файнкэбов», мы смотрели видео, не знали, чему верить. Я очень переживала, было так страшно, поэтому почти что обрадовалась, когда ко мне постучали.

> Меня отвезли в Услонскую тюрьму, раздели, бросили в одиночную камеру. Окно было разбито, а мне не дали никакой одежды. Я делала зарядку, чтобы согреться, отжималась на матрасе, стараясь не прикасаться ладонями к холодному цементному полу. Очень устала, но стоило остановиться, и я замерзала, руки и ноги коченели, и я продолжала двигаться. Пыталась снять матрас с койки и завернуться в него, но сил не было, и он выскальзывал из рук.

> Я закоченела, ничего не видела, не могла думать, и тогда меня выпустили и посадили в теплую камеру с обычными заключенными. Они меня приняли без единого слова. Накрыли тонким одеялом. Оно воняло, от пола тоже воняло и даже от людей. Там были преступники, попро-

шайки, наркоманы, политические вроде меня. В большой камере мы разбились на группы, но никто ни с кем не дрался и даже не ссорился. Некоторых политических я знала, хотя они были из разных фракций, они поделились со мной одеждой и дали выпить глоток воды.

> Мы, конечно, беседовали, как любые политические. Делились советами, предполагали, чем все это закончится, но потом привели еще одного пленника. Саша, из нашей группы, он истекал кровью и говорил о машинах – он первым увидел их. С тех пор я, конечно, много читала о тех событиях в новостях, но никакие рассказы не передают, как страшно было тогда, ведь никто не знал, что же происходит. Даже сейчас, через несколько дней, я вздрагиваю, когда вижу небольшую машину той же модели, что и «файнкэбы». Ловлю себя на том, что по пути высматриваю уличные тумбы, за которыми можно спрятаться. Лестницы, на которые можно вскочить. Правительство прибегло к этому трюку всего один раз, но получило огромную выгоду: все жители страны

напуганы внезапной смертью, которая может в любой момент выскочить из-за угла, и никто не думает о том, как свергнуть власть (шучу) (нет, серьезно).

> Меня продержали два дня и потом просто взяли и выпустили. Всех политических. Отпустили и сказали, что вскоре нам будут предъявлены обвинения и мы должны быть готовы явиться в полицию. Мы стояли на холодной улице, переглядывались и гадали, в чем же тут дело.

> И тут я увидела твою бывшую начальницу, ту немку. Она стояла поодаль, по другую сторону от тюрьмы, куталась в меха и теплые перчатки, как шпионка из кино. Заметила, что я смотрю на нее, прищурила один глаз и отвернулась. Так что, наверно, благодарить надо ее?

> Я сказала другим политическим выбросить всю электронику, которую у них отбирали в тюрьме. Некоторые не стали этого делать или сказали, что выбросят позже, и видно было, что они убеждают себя, будто этим телефонам и ноутбукам можно доверять, хотя на самом деле у них просто не было денег купить замену.

У них на глазах я разбила свой ноутбук и телефон, потом то же самое сделали еще некоторые и наконец почти все остальные. Наверно, хороший пример все же заразителен.

> Потом я связалась с остальными нашими и узнала страшную новость. Те машины убили Павла. Так мы их теперь и называем. Те машины. Без заглавных букв.

> Заглавные буквы, конечно, не имеют значения. А имеет значение то, что Павел погиб. Я не могу отделаться от мысли, что на его месте могла быть я, что, пока я пряталась и фантазировала о свободе, все, кто мне дорог, убегали по улицам от машин, а те гонялись за ними, будто за собаками.

> Потом я задумалась: что стало с тобой? Может быть, ты в беде? И увидела тебя с Габором, вы убегали от тех машин.

> Я не собиралась драматизировать. Наверно, мне просто нужно выспаться.

> Мы не сдадимся. Они думали, что гибель Павла напугает нас. Но мы в долгу перед памятью о нем. Знаю, так начи-

нались многие конфликты в истории. Все жители Словстакии понимают, что подобные бои будут идти снова и снова, из поколения в поколение, и люди будут убивать друг друга за обиды, которые когда-то кому-то нанес чей-то прапрадедушка. И знаю, что, подхватив знамя Павла, разожгу один из таких конфликтов, выпущу на свободу бессмертное чудовище, из-за которого в бой пойдут мои правнуки. Но что мне остается?

> Будет конфликт.

> Маша, во мне сегодня кипит смешанный коктейль чувств. Любовь и ненависть, обиды и сентиментальная тоска. Мне грустно, что тебя нет здесь, грустно, что я не там, и в первую очередь просто грустно, и все.

> Наверно, это и есть самое главное в моем письме. Я жива (пока), и мне грустно (навсегда). Береги себя изо всех сил, выбирай верную сторону.

> Солидарность.

> Кристина.

Наверно, очень долго я просто смотрела в экран

невидящими глазами, потому что Энджи легонько тронула меня за плечо и закрыла крышку ноутбука.

— Ладно? — сказала она.

Я моргнула, смахивая дурацкие слезы:

— Давайте вызволять Танишу.

* * *

Короче говоря, я добралась-таки до Burning Man. Встретилась с Танишей и Бекки, и как же это было здорово — снова оказаться вместе с подругами, вспоминая все, о чем стоит вспоминать, отплясывая до упаду в огромном танцевальном лагере, пробуя великолепнейшую текилу, купленную в мексиканском дьюти-фри.

И конечно, я разыскала Маркуса Яллоу и его девчонку, отдала им свой страховочный файл, сунула флешку ему в руку так чисто, что никто не мог бы подглядеть, а потом стильно и таинственно растворилась в темноте, оставив всех троих (меня в том числе) в чувстве глубокого удовлетворения. Мы чокнулись остатками текилы, я собрала манатки и приготовилась отчалить.

И вдруг…

Уже почти на пороге своего съемного жилья я наткнулась на Кэрри Джонстон и ее друзей

из службы безопасности «ЗИЗ», благодаря чему удостоилась персональной поездки на частном вертолете. Мы сверху полюбовались на пожар и взрывы. Формат фестиваля Burning Man, конечно, подразумевает такого рода упражнения, но все же не такие — с паникой и воплями. Кэрри Джонстон взирала на бойню прямо-таки с непристойным удовольствием.

Следующие три недели не блистали славными событиями.

Кэрри Джонстон стремилась донести до моего сознания все нюансы дела. Ничего личного, только бизнес, но бизнес серьезный. «ЗИЗ» был главным контрагентом США в области военной разведки, и его успех базировался на умении соблюдать тайну. Если случится утечка, следы которой приведут в «ЗИЗ», последствия для всех нас будут колоссальными. И разумеется, способность «ЗИЗ» вести дела с разведывательными службами других стран зависит от его отношений с США. Так что, Маша, дело очень важное. Ты, Маша, должна это понять.

Передо мной стояла дилемма. Где-то там, в нервных шаловливых ручках Маркуса Яллоу, находился мой страховочный файл. Я могла бы рассказать об этом Кэрри, использовать как ры-

чаг для давления, попытаться выторговать себе свободу. Но, проговорившись о существовании страховочного файла, я тем самым признаю свою роль в его создании, и тут уж наверняка наступят очень серьезные последствия.

Последствия будут ужасными. Гораздо хуже, чем те, с какими я столкнулась сейчас: еда по крохам — лишь бы поддержать меня на грани голодной смерти, вода по каплям — вернуть меня к жизни, когда я теряю способность говорить связно. Охранники то и дело использовали меня как боксерскую грушу, кидали в камеру к бандюкам, которые знали, что за каждый свежий синяк на моем теле получат дополнительную пайку. Я лишилась зуба. Потом еще одного.

Мысли путались. Я им все рассказала. Потом рассказала еще.

Затем в один прекрасный день меня отправили в другое место. Они сумели получить данные от Маркуса Яллоу, а мне удалось убедить их, что других копий не существует. Всем сразу стало спокойнее. Меня перевели из каземата, где ты навеки канешь в забвение, в застенки, где можно застрять до глубокой старости. Коста-риканские власти заявили, что меня обвиняют в торговле наркотиками, что по здешних меркам хуже

обвинения в убийстве. Такой подход возник стараниями целых поколений политиков, которые использовали страшилку о колумбийском наркотрафике для победы на выборах, обещая народу политику нулевой терпимости.

Новая тюрьма была сравнительно пристойной, но все равно не блистала комфортом. Слегка восстановив силы на приличной еде и вернув себе ясность мысли, я стала испытывать систему на прочность. Прикинула, не устроить ли побег, но решила, что это развлечение не для меня, потому что я окажусь на положении беглянки в Коста-Рике, стране, которая хвастается, что у нее «нет вооруженных сил», однако не любит, когда разговор заходит о ее огромных милитаризованных «полицейских силах», которые живут по военному уставу, ночуют в казармах и носят армейские мундиры.

В каждой тюрьме есть свой тюремный адвокат из числа сокамерников. Мне повезло — со мной сидела настоящая юристка. Она организовала небольшой бизнес — помогала другим заключенным составлять апелляционные жалобы, документы о разводе, ходатайства о предоставлении убежища и определении местожительства детей, а в обмен брала деньги и получала небольшие

услуги. Услышав мою историю, она рассмеялась и сказала, что разрулит это в два счета: мои бестолковые работодатели упаковали меня в кутузку по таким хлипким обвинениям, что для моего освобождения потребуются всего пара метких ударов юридического карате. Труднее всего оказалось убедить ее, что я, выйдя из тюрьмы, действительно переведу ей реальные деньги, потому что на воле у меня не осталось никого, кто мог бы это подтвердить. Звонить матери я не собиралась. А у Таниши и остальной моей былой компании на счету всегда был отрицательный баланс.

Но я сумела-таки ее уговорить. Во-первых, объяснила, что запрашиваемая ею сумма не пробьет дыру в моем бюджете, а значит, кидать такую ценную помощницу будет просто смешно и глупо. Во-вторых, выполняла для нее всю черную, унизительную тюремную работу, например доставляла передачи и сплетни, убиралась в ее камере, читала ей англоязычную туристическую газету, которую тюремное начальство охотно доставляло заключенным, потому что там не было ни единой реальной, существенной новости о политике и делах Коста-Рики.

Когда настал день слушаний о моем досрочном освобождении, она научила меня, какие слова го-

ворить. О том, что я твердо намерена оставаться в стране до слушаний моего дела, что стремлюсь полностью очистить свое доброе имя, вернуться в США и не лежать тяжким бременем на шее коста-риканского народа. В придачу она заверила меня, что если я немедленно уеду из города и найму себе хорошего адвоката, то дело, скорее всего, будет полностью закрыто и в будущем не принесет никаких осложнений со стороны Интерпола. Она была великолепным юристом, и после освобождения я перевела ей всю оговоренную сумму плюс щедрый бонус сверху.

* * *

В конце концов для освобождения Таниши мы наняли адвоката по уголовным делам, раньше работавшую в Союзе борьбы за гражданские права. Она не любила вести дела по телефону, и в этом я ее прекрасно понимаю. Ей казалось маловероятным, что кто-нибудь мог насажать в ее кабинет настоящих физических «жучков», в первую очередь из-за катастрофических последствий для любого, кого за этим застукают, поэтому считала встречу лицом к лицу самым безопасным вариантом общения.

Мы обсуждали это в какой-то диковинной

системе исчезающих сообщений, о которой я никогда раньше не слышала. Она демонстрировала толстые серые линии, которые превращались в текст, если потереть их пальцем. Такая вот схема предосторожности против людей, пытающихся сделать скриншот сообщения, пока оно не исчезло. Система была закрытой, наверняка содержала множество скрытых дефектов, к которым кто-то уже писал эксплойты, но мне было достаточно, чтобы защита продержалась часа два, поэтому я сознательно шла на такой риск.

Но мне совершенно не хотелось тащить нашу тесную компанию через весь Бэй-Бридж в Файнэншл-дистрикт. Нам грозило куда больше опасностей, чем адвокату по уголовным делам: если полицейские схватят ее, она своими силами сумеет отравить им жизнь. А если схватят нас, то для спасения нам придется нанимать ее. Я объяснила ей это, она тотчас перестала торговаться и написала, что вызовет нам такси. Надо отдать ей должное, она хорошо воспринимала логику.

Был час пик, и поездка грозила затянуться не меньше чем на час. На стойке в отеле я разменяла двадцатки на пятерки, потом опустошила торговый автомат в вестибюле, наполнила пластиковый мешок энергетическими батончиками,

солеными орешками, леденцами, крекерами, чипсами, вяленым мясом и — здесь же Северная Калифорния — веганскими аналогами вяленого мяса.

Мы накинулись на еду, как голодные звери, и, утолив голод, погрузились в молчание.

— Ты как? — Энджи коснулась моей руки.

— Нормально. Но…

— Таниша?

— Да. — Я заморгала. Письмо Кристины запало мне в душу. Почему арестовали ее? Она не представляла никакой угрозы. Угрозу представляла я.

Неужели? Я не могла бы сказать наверняка, от кого же реально исходит угроза. От джихадистов в Ираке? Возможно, да — для деревенских жителей, которых они терроризируют. Но для меня они никакая не угроза. И уж точно они ничем не угрожают «ЗИЗу». Наоборот, «ЗИЗ» легко зарабатывает на них огромные деньги. А без них «ЗИЗ» стал бы на миллионы (или даже миллиарды) долларов беднее. Угрозы? Эти ребята — не баг, а фича.

То же самое можно сказать о Танише и ее Альянсе чернокожих и цветных. Я совсем не уделяла внимания тому, чем они занимаются, лишь отметила, что они чем-то привлекли внимание

«ЗИЗ». И опять-таки борьба с ними приносит «ЗИЗу» миллионы. Кто они — угроза или удачная перспектива?

Вдумавшись, я поняла, что не могу назвать ни одной темы, которой занимаются Таниша и ее друзья. Она мне рассказывала об этом очень много, но в памяти не отложилось ничего.

Я развела руками:

— Честно говоря, не знаю, имеют ли все наши усилия хоть какое-нибудь значение. Имеет ли вообще какое-то значение все, что делают Таниша и ее Альянс чернокожих и цветных.

Маркус обиженно отпрянул:

— Конечно. Еще как имеет.

— Какое? — Мой вопрос прозвучал тише обычного.

Энджи положила руку ему на плечо:

— Трудно объяснить, потому что они постоянно одерживают частичные победы. Например, обязали полицейских носить нагрудные видеорегистраторы. Однако не сумели продвинуть нужные законы, поэтому копы получили право просматривать видеозаписи перед написанием рапортов, то есть понять, где именно можно соврать так, чтобы это не противоречило видеосвидетельствам. Они обязали власти Окленда

и Сан-Франциско раскрывать, какое именно следящее оборудование те закупают, но видели только общую сумму и список компаний, к которым она ушла, и не знали, какая техника приобретена и как она используется. Еще в 2017 году власти Окленда приняли закон, обязывающий полицию при закупках нового оборудования проводить общественные консультации; этот закон практически поставил крест на идее Информационного центра. Но затем, через пару лет, этот закон отменили, так как он якобы сильно забюрократизирован. С тех пор Оклендский комитет по конфиденциальности стал действовать совместно с Альянсом чернокожих и цветных, однако они большей частью ведут арьергардные бои.

Я покачала головой:

— Иными словами, пользы от них никакой.

— Нет! — горячо возразил Маркус, но Энджи мягко остановила его, не давая продолжить. Трудно было не испытывать к ней симпатии, однако я из последних сил все же попыталась.

— Польза все-таки есть. Просто они не довели дело до конца. Все эти маневры сходят властям с рук только потому, что люди не дают себе труда задуматься как следует. Им кажется, что шпионить будут за кем-то другим, только не за ними.

Кажется, что данные утекают у кого-то еще, только не у них. Что копы стреляют в кого угодно, только не в них.

— Потому что они расисты, — вставил Маркус.

— Да, и поэтому тоже. Если твоя кожа нужного цвета, то копы, остановив тебя на улице, вряд ли станут стрелять, да и вообще тебя вряд ли остановят. Но когда речь идет о твоих данных, которые будут записаны, а потом утекут или будут использованы тебе во вред, цвет кожи не играет роли. Проблема не в расизме, а в гиперболическом дисконтировании.

Маркус глубокомысленно кивнул, следовательно, я скорее сдохну, чем спрошу, что это такое. Спрашивать и не пришлось. Энджи сразу поняла, что тема мне неведома.

— Это понятие из экономики. Предположим, кто-то хочет купить права на публикацию всех твоих сообщений и паролей. Ты потребуешь у него за это, например, десять миллиардов долларов. И если тебе скажут, что ты можешь обезопасить себя от такой утечки, заплатив десять долларов, то, конечно, рациональнее будет заплатить эти десять долларов. Если даже публикация всех твоих личных сведений состоится только через десять лет, все равно будет

разумнее потратить десять долларов сегодня, чтобы защититься от печального исхода, который ты уже оценила в десять миллиардов. Но человеческий разум плохо оценивает сильно отдаленные риски. Ему свойственно занижать ценность событий, которые произойдут еще не скоро. Например, я скажу, что если ты дашь мне один доллар сейчас, то через сорок лет я отдам тебе мяса для гамбургеров на десять долларов. Проще говоря, ты вернешь свои инвестиции в десятикратном размере. Но за предстоящие десятилетия ты, вероятно, найдешь этому доллару лучшее применение, поэтому сделка получается так себе, даже с учетом тысячи процентов прибыли. Это называется дисконтированием во времени. Существует множество способов рассчитать, какую величину скидки следует применять к событиям далекого будущего, поэтому невозможно дать единственно правильный ответ о величине скидки. Однако неверных ответов очень много. Пример дисконтирования во времени — отказ от покупки страхового полиса на случай пожара. Твой дом может сгореть неизвестно когда в будущем, однако полис так дешев, а издержки от пожара в незастрахованном доме так велики, что отказ от покупки будет безумием.

Гиперболическое дисконтирование — это когда ты сильно недооцениваешь какое-либо событие, потому что оно произойдет в далеком будущем. Белые счастливые жители Сан-Франциско и Окленда готовы отдать все что угодно, лишь бы их не задерживали на улицах, не выворачивали им карманы, не останавливали им машины без всякой причины, не стреляли, когда они лезут в карман за водительскими правами, не избивали до полусмерти просто за «отказ подчиниться». Но хотя в будущем они отдали бы за это все что угодно, сегодня они не готовы поступиться ничем. Они дисконтируют неудобства предстоящей жизни в полицейском государстве почти на сто процентов.

В разговор вступил Маркус:

— Дело в том, что люди оценивают ход дела как очень плохой, если он становится плохим конкретно для них, а к этому времени сопротивляться уже поздно. Действовать надо тогда, когда у тебя еще есть привилегии и власть, а не когда их у тебя отобрали.

Энджи улыбнулась ему, как прилежному ученику, хорошо понявшему урок:

— Вот почему Альянс чернокожих и цветных большей частью сражается в одиночку. В смысле,

они объединились в коалицию, среди них есть арабы, азиатские мусульмане, латиноамериканцы, темнокожие, но белых мало, особенно богатых белых технарей, которые абсолютно уверены, что все это никогда не коснется их самих, поэтому незачем и участвовать.

Маркус добавил:

— И да, и нет. То есть они должны откликаться, даже если их самих это никогда не заденет, потому что в их стране, в их городе людей смешивают с грязью! Вот что меня достает. Отсутствие эмпатии.

Энджи склонила голову набок:

— Я бы больше полагалась на личную заинтересованность, чем на эмпатию, ну да ладно. Одно без другого не бывает. Если тебя безо всякой причины остановят и обыщут на крыльце собственного дома, в тебе сразу проснется эмпатия к тем, кто пережил то же самое.

Я нехотя призналась себе, что она явно хорошо на него влиет. В этот миг у Маркуса ожил телефон. Он взглянул на экран.

— Это они?

Мы не сразу сообразили, что же изображается на крохотном экране телефона. Съемка велась с дрона. Огромные толпы протестующих на фоне

непримечательного бункера высотой в четыре или пять этажей, без окон, зато утыканного пузырями видеокамер. Демонстранты, в основном темнокожие, несли плакаты, которые невозможно было прочитать с дрона, с высоты. Зато в таком ракурсе были прекрасно видны окружавшие их толпы полицейских, а за спинами у полиции — бронеавтомобили, автобусы и фургоны. Копы сжимали вокруг демонстрантов котел, ставили кордон, который не даст никому уйти. Потом их будут выдергивать по одному, по два, обыскивать, заковывать или отпускать. Тем временем демонстранты производили какие-то странные маневры: двигались скоординированными волнами, просачивались сквозь кордон, словно рыбья стая сквозь сеть, вынуждая копов снова и снова перестраивать свой котел.

— Это «Сьюки»! — просиял Маркус и забарабанил ладонями по столу. — На некоторых надеты ножные браслеты, которые подают вибросигнал, сообщая, в какую сторону двигаться, чтобы выйти из котла, а остальные идут следом. А те, кто остался дома, смотрят видео с дронов и вычисляют пути к свободе.

— В разработке участвовал Маркус, — добавила Энджи.

Я бы с ходу придумала множество способов победить эту «Сьюки»: заглушить интернет, провести автоматический анализ видеоинформации или построить информационный каскад, чтобы вычислить тех, кто носит браслеты, и натравить на них полицию, оставив систему без лидеров. Когда придуманная Маркусом игрушка впервые появилась на сцене, я лишь отмахнулась, но сейчас, видя ее в действии, не могла не признать: впечатляет. Будто смотришь, как военный оркестр производит сложные маневры или как пляшет ртуть на пальцах у безбашенных ютуберов.

— Против чего они протестуют?

Маркус и Энджи недоуменно взглянули на меня, словно не ожидали такого глупого вопроса. Не хватало только стыдить меня за незнание политической обстановки.

— Это Альянс чернокожих и цветных, — ответил наконец Маркус. — Они хотят, чтобы людей не задерживали на улицах для досмотра, не выселяли из домов, не убивали в полиции. Такие марши проходят еженедельно.

Я покачала головой.

— Еженедельно? Утомительное занятие. — Вспомнила Кристину и ее друзей, их регулярные

выступления на центральной площади. — Почему люди не перестают выделываться? Сидели бы дома, а улицы оставят болванам и самым упертым. Зачем они сами себя превращают в маргиналов?

Маркус снова протянул нам телефон. Еще одна демонстрация, на сей раз в Сан-Франциско, в Сивик-сентре, возле ратуши. Намного крупнее оклендской. Дрон висел неподвижно. Внизу что-то скандировали, но слов было не разобрать.

Я хлопнула себя по лбу:

— Они разделились на две демонстрации сразу? Черт возьми…

— На три. — Маркус пробежался по кнопкам. — Сан-Хосе. — На этой демонстрации народу собралось еще больше. — Альянс чернокожих и цветных привел сюда несколько различных групп, каждая из которых занимается поддержкой только одного вопроса, в Сан-Хосе они объединились с тамошними ребятами, выступающими за жилищную справедливость и в поддержку бездомных, а те уже давно объединились с группами в Ист-Пало-Альто, которые борются против политики выселения, и…

Я перестала слушать. Задумалась, пытаясь разобраться в увиденных картинах. Мне еще не

доводилось видеть в США демонстраций такого размаха, и они не были посвящены какой-то отдельной теме, не приурочены к выборам, объявлению войны или инаугурации — они проходили еженедельно. Боже мой. Вообще-то я мало интересуюсь политикой, но сейчас мне стало стыдно за то, что я упустила нечто столь грандиозное, тем более что в это была вовлечена моя подруга. В глубине души я считала, что если государство проявляет столь дотошный интерес к Танише и ее соратникам, то лишь потому, что эту идею впарила ему какая-то компания вроде «КЗОФ». Мне и в голову не приходило, что Таниша и ее друзья взаправду заняты делами, способными реально и глубоко изменить наш мир.

Какими же огромными были мои слепые пятна.

Я улыбнулась. Кажется, улыбка получилась слабой и вымученной. Я и сама была слабой и вымученной.

* * *

Выбраться из Коста-Рики было нелегко, но я справилась. Помогло то, что «ЗИЗ» платил мне огромные деньги за разработку тех самых технологий, которые они использовали, чтобы меня

поймать, поэтому я прекрасно знала, как их одолеть, и могла себе это позволить.

Вернувшись в США, я в последний раз вышла на связь с Кэрри Джонстон. Позвонила ей из хорошо защищенного дома в Майами, где человек, когда-то работавший врачом, лечил других, не задавая вопросов. Он выправил лицензию ветеринара, поэтому имел право выписывать рецепты и делать назначения, и это было очень полезно, потому что травмы, полученные на пути в Манагуа — город, откуда я вылетела в Майами, — приятными не назовешь. Тамошний врач снабдил меня запасом таблеток, которые, как я прекрасно знала, нельзя перевозить через американскую границу, поэтому в полете я проглотила ровно столько, чтобы хватило продержаться до прибытия, а остальные спустила в туалет.

Флоридский доктор охотно выписал мне средства куда более сильные, чем его никарагуанский коллега, и всю следующую неделю я провела в приятной лекарственной дымке, периодически прерываемой суровыми минутами ясности, когда я осознавала, что скоро мне предстоит иметь разговор с Кэрри.

Через неделю такого лечения у меня исчерпались все отговорки. Придется звонить. Разуме-

ется, у меня был ее номер, надежно спрятанный в зашифрованном облаке, которое я в минуту прояснения между таблетками скопировала на одноразовый ноутбук. Оказывается, под правильно выбранными опиоидами смотреть, как ползет полоса загрузки, гораздо интереснее.

Она, разумеется, не отвечала на звонки с незнакомых номеров, поэтому я оставила сообщение: «Это я». Подождала часок и перезвонила.

— Алло.

— Давайте договариваться.

Наступило долгое молчание. Она размышляла над этим. А может, строчила сообщение кому-то в телефонной компании, прося отследить, откуда идет звонок. В «ЗИЗ» уделяли много внимания сотрудничеству с сотовыми операторами: помогали им наводить контакты с разведывательными агентствами и министерствами связи, а потом совместно с ними устанавливали следящее оборудование, не нарушая работу национальной телефонной сети, и предоставляли поддержку и обучение шпионам, копам и жалким ворчливым правительственным служащим, которые и будут пользоваться установленной техникой.

— Вряд ли. — Кэрри Джонстон умела говорить ледяным тоном.

— А придется. — Невысказанное: «Потому что я могу ударить еще больнее».

— Говори.

— Те данные не должны были просачиваться наружу. Это был мой страховочный файл. А опубликован он был только вследствие ваших поступков. Я не допускала утечки. Эту информацию передали мне другие люди, и я не хотела их подводить. Благодарите сами себя, леди.

Тишина. Я подождала, пока в трубке не послышалось ее дыхание. Значит, она еще на линии. Я готовилась приступить к сути разговора, но не хотела терять контроль.

— Мало того, опубликовано было не все. — Это была ложь. Но откуда ей знать. — Я не так глупа, чтобы складывать все яйца в одну корзину. Особенно в такую корзину. — Она терпеть не могла Маркуса Яллоу. И любые гадости, которые я расскажу о нем, лишь расположат ее ко мне.

— И что? — Голос все еще ледяной, но в нем уже слышится дрожь.

— И вот к чему мы приходим. Если вы продолжите охотиться на него, мне придется вам помешать, потому что погибнет он — погибну и я. Никакие ваши действия все равно не вернут просочившийся материал на место. Пищевой

краситель уже попал в бассейн, леди, и его оттуда не выудить. Вам следует подумать над тем, как восстановиться после удара, а не мечтать об отместке этому негодяю Маркусу Яллоу. — «Или мне».

— Или тебе.

Да.

— Вы можете либо разбогатеть, либо отомстить. И то и другое вместе — не получится.

Молчание. Она дышала очень тихо, но все же это прозвучало как вздох.

— Да.

— Да?

— Да. — Голос все еще ледяной, но уже чувствуется готовность двигаться дальше. Я не тешила себя иллюзиями, что она простит и забудет, но она явно умела раскладывать по полочкам. Я это заметила уже давно.

— Значит, договорились.

— Договорились.

— Берегите себя.

— И ты тоже, детка. — На последнем слове она повесила трубку. Я не сомневалась — мы еще встретимся. А тем временем мне надо разыскать этого негодяя Маркуса Яллоу и рассказать, что я в очередной раз спасла его глупую голову от

виселицы.

Глава 8

Адвокат прибыла в наше гостиничное лежбище с большим опозданием. Постучалась в дверь.

— Это я, Айно Маккаллох.

Энджи впустила ее, усадила, налила растворимого кофе. Адвокат оказалась дамой средних лет, худенькой, как птичка, с раскосыми глазами и кожей светлой и ухоженной, словно дорогой фарфор. Светлые пепельные волосы чуть тронуты сединой. На ней был элегантный деловой костюм и дорогие теннисные туфли. Усевшись в кресло, она выключила телефон и убрала его в чехол Фарадея, потом спросила, нужны ли нам такие же чехлы для наших телефонов.

Она мне сразу понравилась.

— Еле доехала, кругом пробки, — сказала она, выкладывая на стол желтый блокнот и ручку. — Повсюду демонстрации.

— Мы видели, — сказала я. — Нам нужно многое вам рассказать, и часть этих сведений очень конфиденциальна. Вы ведь еще не дали согласия работать с нами?

— Вы хотите спросить, сохранится ли все ска-

занное между нами? Разумный вопрос. Пока я не согласилась работать с вами или вашей знакомой, на эту информацию не распространяются мои деловые обязательства. Но, как требует мой профессиональный кодекс, я человек осмотрительный. Вам стоит говорить со мной так, как говорили бы с репортером, работающим на условиях анонимности: я постараюсь сохранить ваши секреты, но гарантий дать не могу.

Маркус и Энджи лишь кивнули, как будто смысл этой речи был им давно известен. В своей профессиональной карьере я много раз имела дело с юристами, но обычно они работали на моих работодателей или (реже) на меня. Я мысленно пробежалась по списку вопросов, которые следует изложить ей, прежде чем она решит, браться ли за дело Таниши. Пожалуй, это выполнимо.

— Хорошо. Можно, я коротко введу вас в курс дела? Кто, что, где, почему и как.

Она кивнула, щелкнула ручкой, проставила на листе дату и записала: «ТАНИША СЭМС». Пометила: «п. 1».

Когда я закончила, она дошла уже до п. 25, потряхивала усталой рукой и растирала запястье. Отложила ручку, отхлебнула остывший кофе и поморщилась:

— Насколько вижу, здесь переплетаются несколько вопросов. Вы хотите разоблачить своих бывших работодателей из военно-промышленного комплекса и привлечь к ответственности их и оклендскую полицию за использование следящего оборудования, которое стоит вне закона или по крайней мере используется без санкции суда. Вы хотите помешать их приятелям из полиции прийти за вами и бросить за решетку под надуманным предлогом, просто чтобы убрать вас с дороги. Вы хотите вызволить вашу знакомую из тюрьмы, где ее держат под надуманным предлогом. Я верно излагаю?

Я задумалась:

— Да, вы все поняли правильно.

— Хочет ли мисс Сэмс видеть меня своим адвокатом?

— На прощание она сказала: «Вытащи меня отсюда», — ответила я. — Так что да, я думаю, ваша догадка верна.

— Тогда, наверное, мне надо пойти встретиться с моей клиенткой.

— А как насчет денег?

Она окинула меня взглядом:

— Наличные есть?

— Немного.

— Карты?

Я покачала головой:

— Их легко отследить.

Она с улыбкой кивнула:

— Так и есть. Но след, который приведет ко мне, до смерти напугает тех, кого следует напугать.

Я пожала плечами. Она достала из чехла телефон, подключила к разъему терминал, я передала ей свою черную AmEx. Один взмах — и мой банковский счет похудел на три тысячи. Она убрала в сумку потрепанный желтый блокнот и в ожидании такси принялась строчить сообщения своим ассистентам в офисе. Я заметила, что она пользуется мессенджером «Сигнал» — для адвоката она была просто супер-кибер-ниндзя.

— Вроде неплохая, — сказал Маркус, когда дверь за ней закрылась. Энджи лягнула его под столом.

* * *

Лично я имею большой опыт бесцельного торчания в гостиничных номерах, однако мои спутники сидели как на иголках. К тому же они проголодались и захотели чего-то посущественнее, чем снеки из торгового автомата.

Я считала, что безопаснее всего было бы за-

таиться в номере и ждать, пока наша милая адвокатесса выступит перед судом и поднимет шум насчет неприкосновенности личности Таниши, однако большинством голосов было решено иначе.

Мы пошли в веганский ресторан афроамериканской кухни, ибо здесь как-никак Окленд. Поели сейтан с листовой капустой, а Энджи пустила в ход свой знаменитый острый соус. На миг вся картина показалась мне причудливо утопичной, словно я внезапно повзрослела, с помощью денег и технических познаний решила задачу, над которой бестолковое человечество билось много лет, и спасла мир. И теперь заслуженно пью крафтовое пиво и вкушаю модные блюда в компании приятных интересных людей. Может быть, для меня начинается новая жизнь.

У Маркуса зазвонил телефон. Он бросил взгляд на экран, и кровь отхлынула от его лица.

— Черт.

— Что случилось? — Я постаралась не выдать голосом волнения.

— Когда вы обе сидели в тюрьме, я позвонил всем, кому смог. Не только адвокатам и тому подобным — активистам, журналистам, айтишникам. Я… записал видео.

Я ничего не сказала, поскольку не доверяла своему голосу.

Он передал мне телефон, что-то набрал.

> Говорит Маркус Яллоу. Несколько минут назад полиция Окленда задержала моих подруг Машу Максимоу и Танишу Сэмс. На них надели наручники и вывели из метро. Таниша – одна из основателей Альянса чернокожих и цветных, а Маша – айтишница, специализируется на системах слежения и оперативной маскировке. Она обнаружила, что полиция незаконно взламывает телефоны всех, кто находится поблизости от Таниши и других активистов Альянса. Полагаю, ее арестовали, чтобы помешать распространению этих сведений.

Под столом я ущипнула себя за ногу, чтобы сосредоточиться на остальном. Дальше шло примерно в таком же духе. Крупным планом — глупое, искреннее, вдохновленное лицо Маркуса, хорошо знакомое всем, кто слышал о таких, как он, уверенное и серьезное. Из его слов я получалась кем-то вроде разоблачительницы, а Таниша — мученицей. Как будто нас вытащили из поезда,

натянули мешки на голову и отправили в Гуантанамо-в-Заливе.

— Маркус, ты об этом не рассказывал, — произнесла я наконец.

— Честно говоря, из головы вылетело. Происходило так много всего. Знаешь, я перепробовал все, потому что неизвестно, где и что сработает, и решил, что чем дольше мы будем тянуть, тем труднее потом будет играть в догонялки, а тебя тем временем отправят в Бахрейн или куда-нибудь еще. Вот и решил забить тревогу.

— Если страшно, не молчи… — заметила я.

Он пожал плечами.

— Да. Или швырнуть все об стену и посмотреть, что к ней прилипнет. Знаешь, видео широко разошлось. И даже стало вирусным. — Он опять что-то набрал на телефоне. — Примерно восемьсот тысяч просмотров. Десять тысяч репостов. Пятнадцать тысяч лайков. — Он показал мне экран аналитики. Цифры росли на глазах.

— Надо сообщить нашему адвокату, — выдавила я.

— Думаю, она уже узнала, так или иначе. — Он опять повернул ко мне экран. Я узнала здание, перед которым проходила демонстрация. Та самая тюрьма, из которой меня недавно выпустили.

Перед ней — больше тысячи человек с плакатами «Свободу Танише» и ее фотографиями. У некоторых плакаты «Свободу Маше».

На меня накатила паника — сердце забилось, вспотели ладони, вся кровь отхлынула от лица. Усилием воли заставила себя успокоиться. Перед глазами вспыхнуло лицо Кэрри Джонстон. Что она сейчас делает? Наверно, сидит у телефона со своим боссом или со снабженцами из сан-францисской полиции, смотрит на протесты перед тюрьмой. Наверняка это видео ей уже попадалось, она знает, что в деле замешан Маркус, и пылает яростью.

Я стала размышлять вслух:

— Они рассвирепеют. И «ЗИЗ», и сан-францисская полиция. От злости пойдут вразнос, а «ЗИЗ» еще и запаникует. Оклендская полиция от страха наложит в штаны, потому что это они незаконно закупили и применили следящее оборудование, потом заразили вирусом Танишу и арестовали ее, чтобы помалкивала.

Маркус вздернул голову:

— Но теперь, когда об их делах узнали тысячи человек, шила в мешке уже не утаить, поэтому нет смысла держать Танишу за решеткой.

Я покачала головой:

— Маркус, эта теория игр хорошо работает, только если тебе не противостоят разъяренные мстительные сволочи. Сформулируем иначе: несколько минут назад у нас еще было то, что нужно им, — конфиденциальность. А теперь мы потеряли наш единственный выигрышный козырь и ничего за него не получим. У нас нет ничего, что нужно им, а у них есть то, что нужно нам. Таниша.

Он понял, что облажался, и встал в оборонительную позицию:

— Да ладно, мы не могли предложить никакой конфиденциальности. Таниша уже сказала им, что на это не пойдет.

— Но это было до того, как мы послали ей на выручку дорогущего адвоката по уголовным делам. Раньше она могла бы подразнить их этим, чтобы усадить за стол переговоров, или предложить, а затем отобрать. А теперь у нее нет никакого оружия против них.

Он хотел было что-то сказать — наверняка какую-нибудь глупость, — но Энджи велела ему замолчать.

— В целом, Маша, ты права. Но мы же не знали, что твоим делом займется элитный адвокат. Мы даже не знали, что ты уже вышла, а Таниша

осталась за решеткой. Мы поступили так, как в тот момент считали правильным, и сделанного не вернешь. «Кто виноват?» — вопрос неправильный, надо спрашивать: «Что нам делать с этими фактами?», так что над этим и будем думать.

— Да, — признала я. — Да. Это верно. Надо поговорить с адвокатом, передать ей копию этого видео. Она поднимет шум, разбудит судей, позвонит сенаторам и все такое. Эта ситуация не должна стать для нее неожиданностью. Мы должны рассказать ей обо всем, что вы сделали, обо всех, с кем вы поговорили. — И вдруг меня осенило. — С репортерами вы тоже говорили? Да?

— В данный момент ко мне стучатся как минимум шестеро, — с вызовом произнес Маркус.

— Не сомневаюсь. Не перезванивай им. Позвони адвокату, добейся разговора с ней, расскажи ей все. — Я на миг задумалась, вспомнила, как она придерживает телефон плечом. — Погодите, она пользуется «Сигналом». Напишите ей туда.

Маркус кивнул, достал из рюкзака небольшую внешнюю клавиатуру, подключил ее к телефонному USB-порту и стал печатать.

Энджи мыслит правильно. Искать выход из кризиса надо на тех условиях, какие есть, а не на тех, которые тебе хотелось бы иметь. Люди на

улицах — колоссальный фактор непредсказуемости, и мы этого ничем не изменим, поэтому надо учитывать их, составляя план.

Пальцы Маркуса порхали над игрушечной клавиатурой. Он поднял глаза от телефона.

— Она недовольна. Цитирую: «Это сильно осложнит мою работу». Конец цитаты.

Ой-ой-ой, бедняжка. Я уже давно оставила позади все мелкие неприятности и с головой погрязла в крупных. Ничего, справится, ей заплатили достаточно.

— Спроси ее, чем мы можем помочь.

Стук-стук.

— Говорит, сидите и не рыпайтесь.

Так я и думала. А ведь это могло стать моим звездным часом — кому, как не мне, знать, когда надо действовать, а когда залечь на дно. А стиль Маркуса — суетиться и принимать меры. Но я знала, что вокруг каждой демонстрации скоро развернут, если уже не развернули, колонны «стингрэев». И будут взламывать радиомодули телефонов у всех протестующих. Превратят гаджеты в секретные микрофоны, проведут автоматический каскадный анализ, вычисляя лидеров, найдут и оживят давние споры, будут сеять рознь, чтобы, когда придет время начинать

аресты, половина этих людей стучала на вторую половину.

Мой разум словно расщепился надвое. С одной стороны, я мыслила как оклендская полиция — точнее, как человек из «ЗИЗ», ведущий дела с оклендской полицией. С другой — чувствовала ответственность за демонстрантов, точно такую же, как за своих подшефных словстакийских диссидентов, понимая, что их могут схватить, пытать, отправить на край света, и я обязана их от этого избавить. И я никак не смогу обезопасить телефоны всей этой огромной толпы, даже если мне на помощь придет целое войско умелых технарей.

Иногда, пожалуй, лучший выход — сидеть сложа руки и ждать, когда кто-нибудь, обладающий специальными знаниями, придет и все уладит.

— Идем обратно в отель, — велела я. Маркус и Энджи застонали.

* * *

Мы пошли пешком. Вечер был приятный, туман не подавлял настроение, а красиво серебрился, к тому же по сравнению с такси или автобусом мы будем оставлять меньше цифровых следов.

Когда мы миновали «Колизеум» и направились

к отелю, уже сгустилась ночь, и я остро почувствовала смену часовых поясов. Мы проходили мимо магазина 7-Eleven, и я предложила забежать купить вкусняшек (да, опять за мой счет, у меня уже заканчиваются наличные, скоро понадобится банкомат). Пока мы выбирали пакетики, снаружи послышался грохот.

Я и раньше слышала, как разбиваются машины, но в этот раз звук был не такой, как должен быть при аварии. И только через секунду до меня дошло: только грохот, нет визга тормозов. Обычно водитель сначала в панике бьет по тормозам, скрежещут шины, потом уже слышится грохот, стон помятого металла, звон стекла. А сейчас только БАХ — и все.

Не должно быть так.

Я обвела взглядом магазин. В нем, как и в других магазинах сети, была большая витрина, загороженная полками и стеллажами, совершенно не способными поглотить энергию разогнавшегося автомобиля. Может, присесть на корточки в самом дальнем углу магазина, между последним рядом полок и холодильником…

Опять грохот, крик, звон разбитого стекла.

…а может, повторные удары выбьют витрину, и мы окажемся зажаты между смятыми стелла-

жами и острыми как бритва осколками стекла из холодильника…

Я услышала всхлипы и поняла, что хнычу я. Маркус и Энджи, побледнев, оглядывали ближайшие полки; видимо, проводили те же мысленные подсчеты, что и я.

— По-моему, надо отсюда выбираться, — сказала я. — Найти укрытие понадежнее.

Продавец — молодой латиноамериканец, не сказавший нам и пары слов, — оцепенел с широко распахнутыми глазами, растерянность быстро сменялась ужасом.

— Что это?

— Видел новости из Словстакии? — спросила я. — О том, как машины стали наезжать на людей?

Он вскинул голову. Большинство американцев никогда не слышало о Словстакии.

— А так бывает?

Я покачала головой:

— Кто-то взломал беспилотные машины и послал их давить демонстрантов. Сегодня в Окленде тоже демонстрации…

Опять грохот, за ним еще и еще, на сей раз сопровождаемый визгом тормозов — это водители-люди пытались уйти от столкновения.

Тоже информационный каскад, но совсем иного рода — каскадные аварии, где мирных людей превратили в мультипликатор силы, и шоферы, испуганно шарахаясь от самоубийственных роботов, сами попадали в аварии.

— …точно не знаю, но мне кажется, здесь происходит то же самое.

Завыли сирены, послышались крики, заскрипели шины. У меня на глазах машина въехала на бордюр у парковки магазина и врезалась в столб. На другой стороне улицы еще одна машина проломила витрину «Сабвея» и, ревя мотором, покатила дальше, раскидывая столики и зарываясь носом в груду обломков, как лис в кроличью нору.

— Черт. Пошли скорей, — выдохнула я.

Первой за дверь выглянула Энджи.

— Старайтесь, чтобы между вами и дорогой было что-нибудь тяжелое, — велела она. — Пожарные гидранты, столбы, припаркованные машины.

Совет был хороший. Я пошла за ней.

Куда идти? Бóльшая часть полуавтономного и полностью автономного транспорта в Окленде принадлежала коммерческим фирмам, в основном это были грузовики и другие тяжелые

машины. Если такая махина на полном ходу врежется в дом, я бы не хотела оказаться на третьем этаже, даже если при строительстве были соблюдены все положенные в Калифорнии правила сейсмостойкости.

Маркус и Энджи держались рядом со мной, перебегали от машины к машине, от столба к столбу. Вдоль четырехполосной дороги выстроились торговые центры, мотели, автосервисы. В них не спрячешься. Сгустилась ночь, и казалось, каждая машина летит по убийственной траектории, хотя в большинстве из них сидели перепуганные водители, мчались, ища укрытие, такие же, как и мы, только за рулем. Через несколько минут, став свидетелями еще двух аварий, мы очутились на длинной улице, по сторонам которой тянулись невысокие жилые дома с широкими газонами. Укрыться тут негде. У обочин грозно щерились вереницы припаркованных машин.

— Плохо дело. — Я запыхалась. Слишком долго сидела за столом, слишком мало тренировалась на беговой дорожке. Маркус и Энджи даже не вспотели.

— По-моему, надо идти к тюрьме, — сказала Энджи.

Мы удивленно уставились на нее.

Она стала загибать пальцы:

— Во-первых, она укреплена. Во-вторых, Маккаллох сказала, что пришлет туда ассистента, чтобы помочь Танише, так что с нами будет хоть один человек, который разбирается в законах. В-третьих, именно там собрались демонстранты, и, возможно, им нужна помощь. А может быть, они сами могут помочь нам.

— Идея мне не нравится, но причины убедительные.

Маркус и Энджи обменялись многозначительными взглядами, напомнив, что у них, как и у всякой семейной четы, выработана сложная система невербального общения.

— Да, — сказал Маркус.

Я вздохнула:

— Кто-нибудь знает дорогу или придется включать телефон?

* * *

Дорогу знал Маркус. Он уже бывал в тех местах на демонстрациях и вел нас боковыми улочками. Переходя крупные дороги, мы без конца вертели головами, высматривая приближающиеся машины. И каждая пересеченная улица была более пустынна, чем предыдущие. Весть разлеталась.

У обочин стояли машины, припаркованные в два-три ряда. Однажды мы увидели беспилотный автомобиль, который сам себя разбил вдребезги — другие водители припарковали свои машины вокруг него, чтобы обездвижить, а он упрямо таранил их снова и снова, пытаясь вырваться на свободу. Шоферы и случайные зрители осторожно стояли поодаль, снимали происходящее на телефоны и испуганно отскакивали всякий раз, когда пленный беспилотник ухитрялся подвинуть одну из окружающих машин.

В окрестностях тюрьмы ночной туман окрасился багрово-синим мерцанием мигалок. Полицейские фургоны наглухо перекрыли дорогу. Копы в защитном снаряжении толпились в тени вокруг своих машин, перевозили на моторизованных тележках крупное оборудование — передвижную смотровую вышку на автоподъемнике-гармошке, рулоны проволочной сетки для ограждений, большие прожектора. Некоторые фургоны щетинились антеннами, и я слышала гул и запах работающих генераторов.

И перекрывающие этот гул звуки демонстрации. То тут, то там раздавались лозунги: «СВОБОДУ, СВОБОДУ!», «ЖИЗНИ ЧЕРНОКОЖИХ ВАЖНЫ!», «ЧЬИ УЛИЦЫ? НАШИ УЛИЦЫ!». Напря-

женные голоса, смех на грани истерики. Я вдруг поняла, что мы уже давно не слышим грохота разбитых машин или визга тормозов. Неужели Ночь оживших машин осталась позади?

Здесь нам нужна была связь. Мы достали телефоны. Все равно копы уже знают, где мы находимся. В паузах между перебежками я отправила Айно Маккаллох кучу сообщений в «Сигнале», просила предупредить свою ассистентку, что мы скоро придем. А то мало ли какой техноапокалипсис развернется вокруг нее.

Полиция не спешила загонять демонстрантов в котел. Пересмотрев кучу видео о том, как люди с легкостью уходят из котлов, я поняла почему. Оклендские копы, конечно, дуболомы, но не круглые дураки. Если тактика не работает, они перестают ее применять (рано или поздно). Интересно, хватит ли им ума перед созданием котла выстроить огражденный внешний периметр, чтобы снизить маневренность демонстрантов. Но это, конечно, сработает, только если никто не заметит, как они строят ограду. В небе пестрели красные огни пикирующих дронов, некоторые из них наверняка принадлежали демонстрантам, которые выкладывали стрим в сеть, или группам поддержки, которые, сидя дома, смотрели на дви-

жение полицейских формирований и помогали прокладывать безопасные маршруты.

Я бы на месте полиции записала номера симкарт на всех дронах и отрезала им доступ в интернет, либо подключив к ложной сетевой вышке, симулированной антеннами на одном из фургонов, либо приказав телефонной компании прекратить их обслуживание. Разумеется, будь у меня все зизовские игрушки, я бы постаралась через радиомодули подчинить себе дроны и потом делала бы с ними все что угодно — посадила, разбила о землю или просто выключила их видеокамеры.

Вдруг до меня дошло, что Маркус и Энджи ринулись прямо к демонстрации. Глядя им вслед, я подумала: а может, пусть себе бегут, я как-никак не обязана принимать близко к сердцу их проблемы. А я тем временем найду безопасное местечко и залягу на дно. Или дам себя арестовать, но предварительно пообщаюсь с ассистенткой Айно, чтобы не сгинуть в застенках.

Но нет. Я бросилась их догонять.

* * *

Демонстрация оказалась делом на удивление скучным, особенно после нашей ночной гонки

по городу. Каждые несколько минут кто-нибудь начинал скандировать: «ЧЬИ УЛИЦЫ? НАШИ УЛИЦЫ!», и, если крикун был настойчив или имел друзей, готовых поддержать, лозунг прокатывался по толпе минуту-другую и угасал.

Кое-кто пытался произносить речи. Например, девушка в хиджабе говорила в телефон, и ее сторонники то тут, то там поднимали телефоны над головами толпы, очевидно, ретранслируя ее аудио. Получалось что-то вроде распределенного массива динамиков или самоорганизующейся системы публичного вещания. Видимо, какие-то программы синхронизировали сетевую задержку телефонов, потому что аудио звучало в одной фазе, но не совпадало с движениями ее губ, что сильно сбивало с толку.

— …сказал, что Информационный суперцентр нужен оклендской полиции для обеспечения общественной безопасности, и якобы ради той же общественной безопасности они не могут нам рассказать, чем будут там заниматься. И вот теперь мы узнаём, что они злоупотребляют своими полномочиями и пускают в ход все свои игрушки, чтобы отомстить активистам, протестующим против этих злоупотреблений!

В ответ на эти слова по толпе прокатился горь-

кий смех. Над головой взвыли дроны, вдалеке послышался грохот — то ли ставили на место какую-то тяжелую технику, то ли самоубился очередной беспилотный автомобиль, то ли в порту взбесился погрузочный кран.

Мне уже доводилось попадать в катастрофы, и я видела, как люди в считаных кварталах от места бедствия могли сохранять относительное спокойствие. А сейчас толпа демонстрантов была полностью сосредоточена на своей миссии. Но даже при этом у меня голова шла кругом от контраста между сценами на улицах Окленда и полным равнодушием этих людей. Нет, теоретически я, конечно, всей душой желала вытащить Танишу, но сначала надо было полностью обезвредить все машины-убийцы.

У кого-то в руках мелькнул плакат «СВОБОДУ МАШЕ» с моей неудачной фотографией. Этот человек был мне незнаком. Наверняка кто-то из тех, кто услышал послание Маркуса Яллоу и решил, что совершенно посторонняя девица, чьи преступления и проступки были ему абсолютно неведомы, достойна разгуливать на свободе. Маркус Яллоу и его последователи, бот-сеть и ее громкоголосый бот-мастер.

Маркус Яллоу радостно улыбался этому парню

и переводил взгляд с него на меня. Мы с Энджи понимающе переглянулись.

Девушка-оратор подняла свой телефон:

— Теперь мы узнали, что, если вам станет известно, чем они занимаются, вас арестуют, чтобы помешать огласке!

Черт.

— В этих гаджетах заключена вся наша повседневная жизнь. Мы звоним своим близким или в банк, ходим в школу или на работу, а оклендское отделение полиции видит в наших телефонах знаете что? Подслушивающее устройство! Ножной браслет! Способ атаковать нас! Они покупают боевое разведывательное кибероружие у компаний, которые поставляют свою продукцию жестоким диктаторам, и применяют его в нашей стране, чтобы заткнуть рот любому, кто осмелится спросить, можно ли вообще доверить им шпионские инструменты! Неужели только я вижу здесь иронию?

Смех, крики: «Конечно, нет!».

— Нигде в Америке полиция не демонстрирует с такой настойчивостью свою продажность. Ей нельзя доверять и нельзя оставлять без надежного присмотра взрослых!

Она была прекрасным оратором, исполнена

магнетизма и прекрасно владела голосом, но я видела, что она ищет ударную концовку, завершающие слова, которые воспламенят толпу и побудят к действиям. Но в этом-то и заключался вопрос: к каким действиям? Штурмовать тюрьму? Ринуться на полицейских? Запеть «Мы не сдадимся»?

Этими вопросами я всегда терзала Кристину и ее друзей. Чего вы надеетесь достичь сегодня? Какова ваша теория? Каких перемен вы рассчитываете добиться, вставая грудью на пути зла? Какую страну вы мечтаете оставить своим потомкам?

Наверно, если я задам такие вопросы пламенной ораторше, она ответит: «Мы должны поставить копов в известность, что, если с Танишей и с этой, как ее, Машей, кто бы она ни была, что-нибудь случится, это не останется без внимания». Прекрасно понимаю. Но что толку? Оклендская полиция прекрасно знает, что никакое «внимание» не принесет ей ни малейших последствий. Готовы ли эти люди рисковать жизнью, сесть в тюрьму за свои прекраснодушные слова?

Кажется, вдалеке опять загрохотало. Девушка в хиджабе наконец нашла свою концовку:

— Мы выходим на демонстрацию не в первый и

не в последний раз. Оклендская полиция закупает оружие для кибервойны, потому что до дрожи боится нас и нашего движения. Их страшат ваши сильные смуглые фигуры. Ваше внимание и дотошность. Ваша воля к сопротивлению. Ваша неколебимая преданность истине, ваше стремление идти вперед, чего бы это ни стоило и каким бы долгим ни был путь…

— Это их страшит! — закончила за нее толпа демонстрантов. Я обвела взглядом ряды полицейских, скрывавших «устрашенные» лица под непробиваемыми шлемами.

Честно говоря, они не походили на испуганных.

Но девушка нашла-таки свою концовку. Люди расправляли плечи, глядели настороженнее. Их боевой дух заметно вырос.

Издалека опять донесся грохот. Боже мой, да когда же они обратят внимание на реально важные вещи?

— Она потрясающая, — благоговейно произнес Маркус.

— Верно, — кивнула Энджи. — Ее зовут Ярен Кассаб. Помню ее еще школьницей, в «арабскую весну» она организовывала марши солидарности. А теперь смотрите, какая стала.

Я присмотрелась. Девушка, похоже, закончила школу совсем недавно. Среди демонстрантов, конечно, было много детей — и старшеклассники, и, похоже, даже ученики средней школы, со времен детских климатических забастовок составлявшие костяк любых протестных выступлений в окрестностях Залива. Но и не только — как и в Словстакии, было немало людей в возрасте, приходили даже семьи с маленькими детьми. Вот уж чокнутые родители. Кем надо быть, чтобы притащить карапуза туда, где есть реальный риск получить дубинкой по голове?

К микрофону подошел новый оратор — постарше, чернокожий, седобородый и лысый, чуть располневший, но высокий. Осанка как у генерала, проводящего смотр своим войскам.

— Спасибо, сестра. — От него исходило ощущение неколебимого авторитета. Голос Джеймса Эрла Джонса и крутизна Моргана Фримана. — Вы все меня знаете. — Он обвел глазами толпу, словно встретившись взглядами со всеми сразу. У него это хорошо получалось. — Я выхожу на демонстрации уже очень давно. Был тут с Бобби Силом в шестьдесят седьмом, с «Оккупай» и «Жизни чернокожих важны». Меня били, швыряли за решетку, поносили, оплевывали. Заносили в

черные списки, подвергали психологическому давлению. Со мной работала контрразведка. Каких только издевательств я не испытал, и тем не менее я снова здесь.

Эта фраза была явно рассчитана на аплодисменты, и публика не подвела ожиданий.

— Я отстаивал свою позицию здесь, в Окленде, вместе с вами, с вашими родителями, а для некоторых — с бабушками и дедушками. Стоял здесь, ожидая, пока дуга истории склонится к справедливости. Похоже, эта дуга не хочет никуда клониться. Она дрожит, извивается, но, как бы сильно ни тянул ее я, как бы сильно ни тянули ее мы вместе, она не сгибается. Меня зовут Бэйярд Уилкинс. Я всего лишь один человек, и я буду тянуть эту дугу, пока она не придет в движение. Потому что по-другому быть не может. Либо вы согнете дугу, либо она согнет вас; либо вы будете стоять на своем, либо сдадитесь. Третьего не дано, друзья мои.

Еще одна фраза, рассчитанная на аплодисменты. У Маркуса и Энджи сияли глаза. Этот старик явно умел читать проповеди своей пастве. Похоже, он долго отлаживал тембр голоса.

Не стану притворяться, будто его слова меня не тронули. Слушая его речь, я представляла

себе Кристину и ее друзей, которые выходили на борьбу за лучшее будущее, не желая допускать, чтобы какие-то клептократические борисы безнаказанно грабили их страну. Вспомнился месячник истории чернокожих в начальной школе Сатро, вспомнилось, как я каждый год слушала «Не своди глаз с цели» на стареньком пыльном видеомагнитофоне. Отзвуки маминых рассказов о танках в Москве в 1991 году, о женщинах, которые уговаривали солдат уйти домой и не стрелять в своих соотечественников. Истории всех на свете Давидов, выступавших против Голиафов.

Но те Голиафы были медлительными, неуклюжими. Нынешние хоть и не стали намного умнее, зато на них работают целые армии людей вроде меня, тех, кто может соорудить для них прожектор, способный пронзить лучом самые мрачные тени и при этом достаточно умный, чтобы решить, чью тень следует пронзать.

Откуда-то донесся грохот разбивающейся машины.

Я подошла ближе к Маркусу и Энджи. Мы стали совещаться.

— Здесь вот-вот начнется кошмар, — сказала я. — Все, кто не вышел на эту площадь, сейчас сидят и смотрят новости о свихнувшихся машинах.

А значит, копы могут творить все что захотят, и им все сойдет с рук. Плюс к тому «ЗИЗ» рвет и мечет из-за того, что их сделка с оклендской полицией на противозаконную поставку следящего оборудования стала всем известна, да к тому же на кону стоят миллионы от Сан-Франциско. Их единственная надежда — сменить нарратив, пусть люди думают только о собственной безопасности, а не о коррупции, слежении или Альянсе чернокожих и цветных.

— По твоим словам выходит, они хотят нас всех поубивать, — сказала Энджи.

— Не всех, но достаточно, чтобы произвести впечатление, — ответила я. Опять громыхнуло, на сей раз ближе. Уилкинс прервал речь и огляделся. Люди уткнулись в телефоны, стали перешептываться, сообщать друг другу новости.

Электромобили ездят очень тихо, даже когда идут на разгон. Но тот, что мчался по Седьмой улице, громко предупреждал о своем приближении, трубил клаксоном, мигал фарами. И со всего разгону врезался в полицейский автозак. За миг до столкновения я увидела, что внутри на водительском месте сидит человек. Испуганно выпучив глаза, он что есть силы давил на гудок. В момент столкновения я потеряла его из виду,

но затем двое копов вытащили его, полубессознательного, из разбитой машины и уволокли прочь, крича: «Руки за голову!»

Половина толпы отпрянула от места аварии, другая половина потянулась туда. Кое-кто из копов достал оружие, все опустили забрала и тревожно озирались. «Если страшно, не молчи…»

Полицейские принялись оттеснять демонстрантов, столпившихся вокруг разбитой машины. Толкали сильнее, чем было необходимо, и один из демонстрантов предсказуемо упал на стоявших сзади, его оттолкнули вперед, он упал на копа, и тот предсказуемо шарахнул его дубинкой по голове.

Удар по черепу прозвучал неожиданно громко, даже учитывая всеобщую неразбериху, и несчастный рухнул наземь, словно мешок с картошкой. Вокруг него растеклась лужа крови.

И началось. Кто-то завопил от ужаса, кто-то закричал от ярости. Кто-то с чувством произнес: «Чтоб вас всех». Вокруг меня вдруг возникли люди в велосипедных и мотоциклетных шлемах, с лицами, спрятанными под шарфами или масками. Толпа вскипела, ринулась вперед, топча полицейских, оттесняя их к машинам, а копы выстроились плечом к плечу, сомкнув щиты.

Передняя линия демонстрантов оказалась зажата между толпой, теснившей их вперед, и жестким полицейским строем. На них обрушились удары дубинок. Некоторые, не удержавшись, упали на землю, прямо под ноги своим товарищам.

Но, глядя на людской водоворот, я поняла: в передней линии знали свое дело. Некоторые демонстранты имели конкретную задачу: ставить упавших на ноги и уводить или утаскивать их в задние ряды. Многие действовали парами: один теснил полицейских, другой старательно следил за дубинками, взлетающими поверх щитов, старался поймать копов за руки или, улучив момент, когда неосторожный коп поднимет щит, подсечь его под ноги.

Им это не впервой.

Обычно в такой ситуации — да, я частенько бывала в таких ситуациях и имею право сказать «обычно» — я стараюсь хранить спокойствие и держаться отстраненно. Но мои дурацкие полочки дали трещину. Глядя на эту демонстрацию, я словно наяву увидела Кристину и ее народ. Толпа, кровь.

Зная, что я тоже приложила к этому руку.

Я старалась, чтобы в некой бухгалтерской книге мои добрые дела в правой колонке уравновесили

все зло, сотворенное мною на повседневной работе. Какая же это чушь. Тех, чьих отцов в ту ночь схватили и швырнули в борисовскую темницу, не волнует, учила ли я правилам оперативной маскировки повстанцев, вышедших на площадь ради их освобождения.

И всякий раз, когда те мамкины шпионы совали мне в руку флешки со своим грязным бельем, я считала их слабаками, которые по этическим соображениям не хотят заниматься своей работой, но все же не имеют сил ее бросить и в своей половинчатости тащат свое грязное белье ко мне.

А что же делала я? Я могла бы им сказать — запихните свои флешки себе куда подальше и справляйтесь сами со своей грязью, но вместо этого, словно одержимый коллекционер, собрала все данные в огромную пачку документов и хранила их просто потому…

Но, глядя правде в глаза, что же я делала с этими файлами? Шла на колоссальный риск. Я могла бы выдать их начальству, всех до одного, начиная с Рэймонда, и получить за каждого круглую сумму. А могла бы и не выдавать, просто уничтожать все данные сразу, как они попадали мне в руки. Могла бы сделать многое, но вместо этого тщательно берегла эти муки совести.

Я присвоила их себе. Прекрасно знала, чем я занимаюсь, знала, каким становится мир под воздействием моих навыков и усердного труда, и могла спокойно смотреть на себя в зеркало, только потому что у меня были эти файлы. И пока они у меня, я хоть немного свожу баланс в бухгалтерской книге своей жизни. Я не продаю их, а работаю изнутри, чтобы хоть чуть-чуть изменить систему.

Но на самом деле я палец о палец не ударила, чтобы что-то изменить. По крайней мере до того, как меня схватили. А после этого я лишь приняла минимально необходимые меры, чтобы прикрыть свой трусливый зад. Все остальное сделал Маркус Яллоу, будь он неладен. Слил мои документы в сеть, решив, что этим мне очень поможет. Примерно так же он слил мои исследования вирусов, которыми «ЗИЗ» заразил телефоны Таниши и ее друзей. Я считала эти секреты нашим козырем в рукаве, а Маркус стрелял ими, как пулями, без разбору целясь в «ЗИЗ», в оклендскую полицию, в ДВБ, в полицию Сан-Франциско — во всех, кто мешал людям вроде Таниши, Уилкинса и той девочки в хиджабе выходить на улицы и открыто говорить о своих мыслях. Маркуса не волновало, попадут ли куда-нибудь его пули, он

лишь упрямо стрелял в Большого брата и надеялся, что рано или поздно попадет в какую-либо критическую точку.

А я упрямо твердила себе, что я снайпер, который терпеливо ждет, когда добыча попадет в перекрестье прицела. Но, внимательно вглядевшись в эту полочку, я поняла, что на самом деле прячусь за баррикадой, говорю себе, что рано или поздно, как только настанет подходящий момент, я высуну голову. Но только момент этот так и не настал.

Так кто же в итоге действует эффективнее? Я со своими хитроумными планами, дожидаясь подходящего момента, который все никак не настает? Или Маркус, премилый белый парень из среднего класса, который очертя голову кидается на врага, полагаясь лишь на слепую удачу, как будто у него в запасе девять жизней?

Маркус вглядывался в телефон.

— Они движутся сюда, строят котел, — сказал он. — Надо уходить вон туда. Немедленно. — И подтолкнул нас в нужную сторону. Вокруг нас другие демонстранты с приложением «антикотел» тоже пришли в движение. Мы тонкой струйкой просачивались сквозь толпу, и я увидела, что впереди полицейские разворачивают

ограду, крепя ее к тяжелым водяным тумбам. Я пригнула голову и помчалась бегом. Мы вместе с основной толпой протестующих успели проскользнуть через узкий проход. Те, кто застрял за ограждением, быстро свернули в сторону — возможно, в поисках другого выхода. А мы бродили вокруг, глядя в телефонах, не складывается ли где-то рядом новый котел. Я вдруг обнаружила, что улыбаюсь во весь рот, безотчетно радуюсь нашему дерзкому побегу, наслаждаюсь мыслью, что мы, как арбузные семечки, выскользнули из лап оклендской полиции. До чего же это было восхитительно — играть в кошки-мышки с неповоротливой машиной власти. Я прекрасно видела, как это чувство проникает в душу. И как оно проникло в душу Маркусу.

Но боже мой, до чего же это было здорово.

Все вокруг лихорадочно копались в телефонах, смотрели, как разлетаются по сети кадры нашего дерзкого бегства, или совещались со сторонниками, действовавшими из дома, анализировали съемки с дронов или искали признаки новых котлов, организованных оклендской полицией.

Я тоже заглянула в телефон. Открыла электронную почту, нажала кнопку «обновить» — примерно с таким же чувством почтенная дама дергает

за рычаг игрового автомата. И стала смотреть, как дождем посыпались письма.

От: Кристина Колисниченко
Кому: Маша
Тема: Окленд?
Enigmail НЕ ДОВЕРЯЕТ электронной подписи Кристины <kriztinak@riseup.net>
Это ты сейчас бежала мимо шеренги полицейских в Окленде? И у демонстрантов плакаты с твоей фотографией?
От: Маша
Кому: Кристина
Тема: На: Окленд?
К сожалению, да
Ты как?
От: Кристина Колисниченко
Кому: Маша
Тема: На: На: Окленд?
Я плохо, но это ничего. Хотя бы больше не летают машины-убийцы. Слышала о Литвинчуке?

По ссылке я не пошла, потому что это плохо для оперативной маскировки. Быстро поискала Литвинчука в интернете. Пришлось заглянуть в онлайн-переводчик, потому что людям, говорив-

шим по-английски, было глубоко наплевать на внутреннюю политику Словстакии.

Покопавшись в кривых переводах сухих новостных сводок и непричесанных форумов, я сумела составить цельную картину. Литвинчука репрессировали.

Его обвинили в том, что он брал взятки от компании «КЗОФ», которая якобы встроила в свое оборудование лазейки, позволяющие американской разведке мониторить государственные коммуникации Словстакии и следить практически за всем населением страны. Разоблачил его кто-то из крайне правой этнонационалистической оппозиции, сумевший собрать доказательную базу для обвинений в том, что Литвинчук продал американской военщине национальное достояние и государственный суверенитет Словстакии.

Оказывается, из начального посевного капитала, выделенного «Ин-Кью-Телом», корпорация «КЗОФ» вырастила много сорной травы. Я видела, откуда все они вышли — наличие ЦРУ в списке акционеров наводит на сильные подозрения, — однако все, даже прямые конкуренты портфельных компаний «Ин-Кью-Тела», получали финансирование от «Ин-Кью-Тела». Иногда эти конкуренты объединялись, и тогда «Ин-Кью-

Тел» расхваливал свою способность находить «синергию» между бывшими соперниками, а иногда они просто разбегались, переманивая друг у друга клиентов. Кто бы в итоге ни очутился на вершине, сливки все равно снимало ЦРУ, и они следили, чтобы каждому, кто предложит хорошую идею шпионажа, перепадал щедрый денежный поток. Ребята, получающие большие инвестиции от «Ин-Кью-Тела», пару раз приглашали меня в свою «руководящую группу», что выносило гомерически смешной вердикт всему процессу. Если «Ин-Кью-Тел» охотно финансирует компании, где в руководстве сидят люди вроде меня, они бросают деньги на ветер.

Но, разумеется, в Словстакии об этом не знали. «КЗОФ» получал финансирование от ЦРУ, а ЦРУ всегда оставалось самим собой. Наемные убийцы, мастера заговоров, фальсификаторы выборов. Длинная кровавая рука американского империализма. Их до дрожи боялись не только в бывших советских республиках, однако это было полезно.

Но они отсюда в тысячах миль. А сейчас вокруг меня происходили не менее важные события. Маркус и Энджи лихорадочно печатали в телефонах, совещаясь с другими демонстрантами.

Казалось, народу вокруг стало даже больше, чем пару минут назад. А вдалеке опять раздался грохот.

Потом мы снова бросились бежать. Промчались через площадь, на которой полицейские складывали еще один котел, просочились сквозь еще одну шеренгу копов. Я чуть не упала, и перед глазами вспыхнула страшная картина: меня затаптывает бегущая толпа. Но в этот миг чья-то сильная рука дернула меня и поставила на ноги. Ойкнув от боли, я обернулась и увидела парня, на вид араба, лет двадцати с небольшим, в свитере с эмблемой Стэнфорда и велосипедном шлеме. Он растворился в толпе, не дожидаясь, пока я его поблагодарю. Вскоре мы вернулись туда, откуда начали путь, и остановились перед полицейским участком, запыхавшиеся и потрепанные, напуганные и торжествующие.

Меня схватила за руку проходившая мимо девчонка:

— Надо отсюда сматываться. — Выглядела она ужасно: глаза выпучены, по лицу струится пот.

Девчонка? Да она старше, чем была я, когда уехала из дома. Неужели Кэрри Джонстон, глядя на меня, ощущала то же самое?

Зазвонил мой телефон.

Наверняка плохие новости. Номер не определен. Скорее всего, спамер. Я хотела было отправить его на голосовую почту, но передумала.

— Да.

— Маша, неужели ты думаешь, что это может хорошо кончиться для кого-либо из нас? Мне казалось, ты умнее. — Кэрри Джонстон в режиме Снежной королевы, глубоко скрытая ярость еле ощущается. Я справилась с дрожью, но на лице, вероятно, что-то отразилось, потому что Маркус впился в меня глазами, а Энджи проследила его взгляд.

— Все вышло из-под контроля. Это не я придумала.

— Пока мы с тобой болтали, я просмотрела трафик мистера Яллоу и вижу, что он ведет себя в привычном стиле — как безголовый цыпленок. Но я также вижу, что ты находишься рядом с ним… — Я поглядела на жужжавшие над головой дроны. Интересно, какие из них запущены демонстрантами, чтобы вести документальную запись и помогать уйти от котлов? А остальные принадлежат оклендской полиции и получены от «ЗИЗ». Сколько их, таких дронов? (И много ли демонстрантских дронов взломаны «ЗИЗом» и передают сведения в полицию?)

Я еле удержалась от соблазна показать небу средний палец:

— Рада слышать, что вы так беспокоитесь обо мне.

— Ты не поверишь, но на самом деле я и правда о тебе забочусь. Ты вляпалась в очень крупную и потенциально гибельную историю. На твое участие в ней обратила внимание не только я, но и другие стороны. Ты хочешь выйти в дверь, через которую не сможешь вернуться.

— Мадам, я тут всего лишь наблюдательница. Не я же похитила сама себя из вагона метро и бросила за решетку мою близкую подругу, лидера общественного движения, протестующего против сделки по поставке оборудования.

Глаза у Маркуса стали как блюдца. Он догадался, с кем я разговариваю.

Отлично.

— Я хотела дать тебе шанс. Иди в тюрьму. Там тебя встретит мой человек и отведет туда, где ты не пострадаешь в ходе предстоящих событий.

— Я не такая дура.

— По-моему, как раз такая. Но я не хитрю. Я хочу сохранить тебя целой и невредимой. А то, чем ты сейчас занята, очень опасно.

— Все же рискну.

— Маша, такого предложения ты больше не получишь. Подумай хорошенько.

— Я и так уже думаю над вашим предложением больше, чем оно заслуживает. А теперь катитесь. Далеко и надолго. Катитесь, пока не докатитесь до ворот с надписью «Дальше катиться некуда». Перелезьте через ворота, помечтайте о несбыточном и катитесь дальше.

Я повесила трубку.

Маркус, кажется, был готов усадить меня к себе на плечи и пронести торжественным маршем. Мне стало тошно.

— Чего мы тут торчим? — Полиция не собиралась сдаваться. Вокруг их подвижно́го состава происходило много энергичных действий. Расставлялось по местам оборудование. Опять грохот, на сей раз очень близко.

Энджи подняла глаза от телефона:

— Вон из-за того угла вот-вот выедут три автобуса с копами. И похоже, автоаварии все ближе и ближе.

— Тогда чего мы тут торчим? — повторила я.

— Думали, что тут будет безопаснее, чем на улице. И Маккаллох говорила, что внутри вроде бы должен находиться ее ассистент.

— Кто-нибудь получал от нее известия? — На

всякий случай я проверила, доходят ли сообщения через «Сигнал». Мало ли где она могла застрять. Может, ее уже размазал по стенке смертоносный беспилотный автомобиль.

— Позвоню ей, — вызвалась я. Но она не ответила. Я отправила еще одно сообщение. На площади кто-то опять начал произносить речь. Я не видела оратора, но демонстранты вокруг меня подняли телефоны и стали ретранслировать, и даже при этом я не могла разобрать ни слова. В ушах оглушительно стучала кровь, во рту пересохло. Дыхание резко участилось, закружилась голова.

— Кажется, у меня паническая атака, — выдавила я и тяжело опустилась наземь, еле переводя дух. Где-то в тысячах миль от меня, на собственной запертой полочке, некая частичка моей души орала на меня: встань, соберись, будь прежней Машей, та никогда не паниковала и уж тем более не страдала от панических атак. Все остальные полочки, кроме этой, резко распахнулись, высыпая наружу свое содержимое, где смешалось все. Перед глазами промелькнула серия стоп-кадров: фотографии убитых и изнасилованных жертв из взломанных мной телефонов; люди на площади в Словстакии; лицо Кристины в ту последнюю словстакийскую ночь; палачи, избивавшие меня

в коста-риканской тюрьме; лицо Маркуса Яллоу, прихлопнувшего мне пальцы дверью грузовика; его лицо, когда я спасла его от Кэрри Джонстон, а потом поцеловала и ушла; лицо Таниши, которую я оставила в тюрьме…

— Маша! — До меня дошло, что Энджи уже не раз окликает меня. Я заглянула в ее встревоженное лицо. А позади нее маячило встревоженная бестолковая физиономия Маркуса Яллоу.

— Прости, — выдавила я.

Энджи потянула меня, пытаясь поставить на ноги. Тут я заметила, что вокруг все бегут сломя голову, а откуда-то неподалеку доносится громкий промышленный гул. Сквозь слепящие лучи прожекторов я разглядела, как полицейские развертывают рулонный забор, крепят его шесты к водяным тумбам и ввинчивают на место.

Опираясь на руку Энджи, я попыталась бежать. Ноги не слушались. Я споткнулась, упала на колено с такой силой, что гулко щелкнули челюсти, едва не прикусив язык. Энджи опять подняла меня, и ногу прострелила боль. Я потащилась за Энджи, спотыкаясь, хромая и охая при каждом шаге. Со всех сторон меня толкали бегущие демонстранты.

Полиция выключила прожекторы. Мы бегали

вслепую, без конца сталкиваясь. Энджи протащила меня за руку еще несколько шагов, потом остановилась, обхватила сзади за талию, мы уперлись ногами в землю. Я достала телефон, включила и положила в карман, чтобы не выбили из рук. На других телефонах тоже включили фонарики, и теперь меня со всех сторон слепили светодиодные огоньки.

Огоньки попятились. Полиция развернула ограду и окружила нас со всех сторон. Теперь в ход пошла тяжелая техника: грузовики с подозрительными антеннами, автозаки, водометы, раздвижные вышки, увешанные камерами. Посыл был ясен: готовьтесь, сейчас вас умиротворят, идентифицируют и задержат. Сопротивление бесполезно.

Нога болела зверски. Маркуса и Энджи нигде не было видно. Я потерла распухающее колено. Деваться некуда, так хоть устроюсь поудобнее.

* * *

К моменту знакомства с Кристиной я уже знала, что она ключевая фигура в словстакийском движении сопротивления. Я приехала в страну две недели назад, однако на то, чтобы добыть записи телефонных разговоров и метаданные

электронной почты всей страны и закачать их в облако, где лежали аналитические программы, ушло всего два дня. Еще день потребовался на анализ. На визуализации Кристина проявилась сразу: она получала тонны электронных писем, а когда их посылала она, в ответ сразу обрушивалась лавина других писем, звонков, сообщений, которые затем расходились по стране, будто круги на воде. Они коррелировали с крупными протестными демонстрациями, и я видела, что она действует под разными логинами с нескольких электронных адресов, потому что все эти адреса вели к одному и тому же человеку. Она уже применяла двухфакторную аутентификацию, и одно это выделяло ее из массива данных.

Я заразила стандартными вредоносными программами нескольких человек, с которыми она переписывалась. Она использовала Gmail, но многие ее адресаты пользовались местными провайдерами, которые не шифровали проходящую через них почту; я могла видеть и читать их письма в режиме реального времени. Я дожидалась, пока кто-нибудь из них напишет ей, потом посылала поддельный ответ, в котором просила открыть вложение, и через несколько минут ныряла в глубины их компьютеров. Там я могла

читать все отправленные ею письма. Я установила онлайн-переводчик к себе в облако, потому что «Гугл» мог заинтересоваться, почему это один конкретный человек постоянно прогоняет чужие электронные письма через гугл-переводчик. И хотя он действовал не так гладко, как алгоритмы гугла, все же я смогла убедиться, что дискуссии, в которых принимала участие Кристина, сводились к спорам о тактике. Формально они велись на равных, но, стоило ей сказать свое веское слово, дело улаживалось и начинали вырабатываться планы.

Я делала свое дело. Собрала досье на Кристину, на ее ближайшее окружение, на более широкие круги, которые получат сообщения, написанные ближайшими, и отправят дальше. Постепенно я узнала их всех. Оксана, Неделько, Жасмина. В другую эпоху мне бы понадобились фотографии, чертежные кнопки, разноцветные веревочки. Вместо этого я просто забрасывала их в созданный мной визуализатор базы данных, и он проделывал всю работу, позволяя мне мысленно заполнять пробелы в знаниях и смотреть, сбываются ли мои предсказания касательно этой иерархической структуры.

Познакомившись с Кристиной, я в первый

миг усомнилась — неужели это и есть та самая девушка. Она была такая… заурядная. Типичный славянский пупсик — невысокая, раскосые глаза, острые скулы, на пару дюймов ниже меня, короткая стрижка, вязаная одежда в несколько слоев и свободные хлопчатобумажные брюки, мелкие золотые гвоздики в правой ноздре. Ела пиццу и пила «пильзнер» со своими чудаковатыми друзьями, еще более субкультурными, чем она.

Но потом я услышала, как она говорит, увидела, как потянулись к ней все нити внимания. Она обращалась ко всем сразу и к каждому в отдельности, медленно перемещала луч своего взгляда так, чтобы каждый почувствовал себя главным действующим лицом.

Я знала, что она придет туда, несколько недель читала ее электронные письма. Несколько раз заходила в эту пиццерию одна и вычислила, с каких именно столиков будет лучше всего виден весь зал.

Время от времени Кристина обращала луч своего внимания и на меня. Я слишком плохо знала борисовский и почти не понимала ее слов, но могла сделать обоснованную догадку: в эти выходные состоится большой марш, и они решают, как лучше всего оповестить людей, что делать,

когда появятся скинхеды-этнонационалисты, как вести прямую трансляцию, как быть, если арестуют.

А еще она рассказывала, за что они борются, потому что это была любимая тема Кристины. О том, что Словстакия богатая страна, но ее грабят, выкачивают деньги и рассовывают их по карманам, о том, что у них у всех есть общий враг, и это большие борисы, а не беженцы или обычные простые борисы. В наши дни нечто подобное можно услышать по всему миру, но, когда об этом говорила Кристина, люди, кажется, верили.

Глядя на нее и слушая ее речи, я невольно вспомнила Маркуса Яллоу, будь он неладен. Хотя Кристина в своем деле достигла гораздо бóльших высот, чем он. Мне уже доводилось встречать карьерных политиков, занимавших самые высокие посты в своих странах, и все они имели общее качество — такое же умение взаимодействовать с публикой. Я с публикой не взаимодействовала — я за ней наблюдала, понимала ее, иногда атаковала, но никогда не взаимодействовала. Удивительное ощущение — видеть человека, великолепно владеющего техникой, в которой я ни капли не разбираюсь.

Она сидела в пиццерии очень подолгу. Так

долго, что мне трудно было притворяться, будто я все это время ем пиццу. Люди приходили, подсаживались к ней или за соседние столы, уходили упругой походкой. Каскадный анализ — до ужаса хороший способ выяснить, кто является осью вращения этого колеса.

Когда мы с Кристиной остались вдвоем, она удостоила меня долгим, серьезным взглядом — борисы улыбаются, только когда компостируют вам мозги, — и кивнула. Сказала что-то на борисовском, я покачала головой:

— По-английски. — И извинилась на борисовском, практически исчерпав этим свой словарный запас, если не считать типичных вежливых слов и щепотки отборных ругательств.

— Вам было интересно?

— Да, — ответила я.

— Работаете?

Я опять покачала головой и не стала унижать ее враньем.

— Не вправе обсуждать это. — Я хотела произнести это с тевтонской холодностью, достойной Ильзы Волчицы, но все испортила невольной улыбкой — а по борисовским понятиям запросто улыбаются только дураки.

Она улыбнулась в ответ. Оставшись со мной

один на один, она приглушила луч маяка, озарявшего других своим вниманием, и без его ослепительного света я наконец разглядела прыщик на щеке, неровно растушеванный консилер, волоски сросшихся бровей на переносице.

Я собрала свои вещи и пересела за ее столик. Официантка посмотрела и вздохнула. Видимо, я была не первой иностранкой, приглашенной за столик Кристины. Ну и хорошо. Пламенная революционерка — хороший камуфляж.

— Американка?

— Канадка, — ответила я.

— Простите, простите! Не хотела обидеть.

— На самом деле американка, просто валяю дурака.

Она окинула меня внимательным взглядом и слегка кивнула с еле заметной улыбкой, что по борисовским меркам все равно что похлопать по колену. Меня признали своей.

— Туристка?

— Не вправе говорить.

— Надолго?

— Смотри предыдущий ответ.

Она подавила вздох:

— Значит, работаете на аппарат госбезопасности. — И с отвращением поморщилась. — Долгий

же вы путь проделали, чтобы уничтожить мою страну.

— Никаких проблем, мне купили билет в бизнес-класс. — Я хотела, чтобы это прозвучало дерзко и немного грубовато, но получилось, будто я оправдываюсь.

Она заказала два пива, я вылила свою бутылку в высокий бокал с морозным узором. Она отпила прямо из горла.

— Мы будем говорить серьезно или перешучиваться?

— Можем поговорить серьезно, если вы хотите.

— Хочу.

— И что вы хотите обсудить?

Она окинула меня долгим взглядом:

— Честно?

— Почему бы и нет?

— Я хочу узнать, как сделать, чтобы за мной не шпионили.

Я медленно кивнула:

— У вас есть что скрывать?

Теперь она улыбнулась по-настоящему, хоть и коротко:

— Мне казалось, у нас серьезный разговор. Мне надо скрывать все. Власти уничтожают тех, кто

их критикует. Их тролли за плату распространяют ложь о тебе, в дом врывается полиция, ты теряешь работу, на маминой работе или в баре, куда ходит отец, появляются загадочные люди, говорят им, что ты сидишь на героине, что тебе морочат голову иностранные правительства, что ты крадешь или трахаешь маленьких детей. Мне надо скрывать очень многое.

— Так поступают не со всеми подряд — только с теми, кто выступает против властей. Если не шуметь, на тебя никто не обратит внимания.

— Я же сказала — у нас серьезный разговор.

— Я и говорю серьезно.

— Тогда, значит, вы не так умны, как кажетесь. Правительство, которое так поступает со своими врагами, не станет долго разбираться, кто ему враг, а кто нет. Сидеть тихо — это еще не гарантия безопасности.

Я пожала плечами:

— Однако чем больше шумишь, тем меньше будешь в опасности. С этим не поспоришь.

— Это если мыслить категориями короткого времени. А в долговременном плане единственный путь к безопасности — сменить правительство на другое, получше.

— Весьма авантюрное решение.

— Да. Шансы неравны. Но я хочу их улучшить. — Она улыбнулась мне, и к ней на миг вернулось былое очарование. — Ну так что, как мне избежать слежки?

* * *

Демонстранты в полицейском котле были всех возрастов, но в основном молодые, примерно ровесники Кристины, с яркими забавными плакатами, специально рассчитанными на то, что их сфотографируют и выложат в соцсети. Организовывались они на удивление эффективно. Те, у кого были аккумуляторы, устраивали зарядные станции; те, кто ловил трансляцию с дронов, поднимали экраны повыше, чтобы видели все; остальные оказывали первую помощь или записывали на камеру короткие речи. Я случайно подслушала, как студент-юрист берет интервью у демонстрантки, и она показывает ему, кто из копов ударил ее подругу.

И над всем этим скандировались слова, которые я не смогла разобрать.

Я остановила девушку, совсем молодую, в объемистой кожаной куртке и леггинсах на крепких ногах, афрокосички с синими кончиками собраны в пышный хвост.

— Что ты кричишь? «Пуффендуй»?

Она кивнула. Я услышала ответный крик «Пуффендуй», и из толпы вынырнула еще одна девушка — латиноамериканка, в блестящих кедах, на футболке коллаж из группы «Рамонес» и Берни Сандерса. Она обняла подругу. Среди неразборчивых слов я наконец расслышала выкрики «Слизерин», «Гриффиндор» и «Когтевран», и, отвечая на них, демонстранты разбивались на группки, обнимались, показывали друг другу телефоны, а на меня не обращали внимания.

— Простите! Что это за гаррипоттеровские приколы?

Девушка улыбнулась мне.

— Армия Дамблдора! Так мы организуем наши боевые группы. Если разбиться по факультетам, будет проще найти единомышленников — тех, кто поддержит тебя, кто использует такую же тактику и стиль. — Она показала эмалевую брошку с желто-черными диагональными полосками. — Не беспокойся, мы #####-##########. Джоан Роулинг не желает и слышать о нас, мы все ждем, что она подаст на нас в суд. Хочешь включиться?

Я задумалась над этой странной идеей.

Девушка достала желто-черную ленточку и

английскую булавку:

— Будешь с нами? Кстати, меня зовут Лана.

— Нет, спасибо. Не обижайся, но Пуффендуй — это как-то не мое.

— Есть и другие факультеты. Как тебя зовут?

— Маша.

— Маша, а ты с какого факультета?

Я решила подыграть:

— Слизерин.

— Кажется, я их слышала, они где-то там, — указа- ла Лана и торопливо забарабанила по телефону. — Пуффендуйцы на другой стороне ограды собирают сведения о каждом, чтобы передать адвокатам. Может, свяжешься с ними, прежде чем искать Слизерин? На всякий случай.

— Нет, спасибо. — Не хочу, чтобы мое имя фигурировало в каких бы то ни было списках.

Лана покосилась на меня:

— А если ты попадешь за решетку, и ни у кого на воле не будет записано твое имя? Разве это лучше?

— Нет, я просто постараюсь не попадать за решетку. Кроме того, у меня есть свой адвокат.

Лана присмотрелась ко мне внимательнее.

— Погоди, ты Маша? Та самая Маша? — Она оглянулась по сторонам, нашла глазами плакат,

потом еще один — с моей не самой лучшей фотографией. — «Свободу Маше»?

Я кивнула:

— Да. Эти плакаты придумала не я.

— Но ты была в тюрьме?

— Была.

— И?

— Теперь я здесь.

— Ну и ну. А Таниша с тобой?

— Нет. — Я предпочла не распространяться.

— Нет?

— Нет.

— Почему?

Ответ ей не понравится.

— Нам предложили сделку. Я приняла условия. Она — нет.

— Что за сделка?

Мне захотелось пойти войной на «Армию Дамблдора». Видала я противников и пострашнее.

— Они просили меня не рассказывать о том, почему меня арестовали, и за это обещали отпустить. Мне условия показались разумными. Я обсудила это с Танишей, она отказалась и попросила, если я выйду, помочь ей выбраться.

Я с интересом следила, как она это переваривает. Насколько помню из книг Роулинг,

пуффендуйцы любили простые истории о добре и зле, верили в неколебимые принципы: если ты следуешь им, ты хороший, а если нарушаешь — плохой. Нет, я явно из Слизерина.

Она прищурилась:

— Почему тебя арестовали?

— Я же сказала — меня просили об этом не распространяться.

Это ей очень не понравилось.

— И что же ты делаешь, чтобы вытащить ее оттуда?

— Наняла адвоката. Хорошего. Дорогого хорошего адвоката. — Почему мне вдруг приспичило оправдываться перед этой случайной девицей?

— И где сейчас этот адвокат?

Я просто — указала на тюремное здание за оградой:

— Внутри. Или, по крайней мере, там ее ассистентка. Потом вернется в офис, займется бумажной работой или будет терроризировать кого надо по телефону. Это командная работа.

— Какова же твоя роль? Стоять у ворот и кричать?

Я прислушалась. Опять донесся грохот. Что-то они стали частыми.

— Нет. Я здесь из-за вот этого. Кто-то превратил

половину оклендских машин в смертоносное оружие. Мы пришли, потому что решили: возле большого здания будет безопаснее, есть где укрыться.

О, какой эпический взгляд я схлопотала за этот пассаж.

— Ты пришла, чтобы попасть в тюрьму?

Я пожала плечами:

— Уж всяко лучше, чем если меня размажут по асфальту.

Она нахмурилась.

— Я слышала, эти рассказы о машинах сильно преувеличены — пара машин слегка стукнулись друг с другом, и это переросло в крупную панику. Шоферы нынче гоняют как сумасшедшие. — Она показала туда, где машина врезалась в ограду.

— Не так. — Что толку спорить?

Лана нахмурилась сильнее.

— Ладно, Лана, приятно было познакомиться. Пойду поищу тихое местечко и попробую дозвониться до адвоката.

И ушла. Лана проводила меня хмурым взглядом.

Прожекторы на раздвижных вышках били лучами во всех направлениях, и те, кому удалось вырваться из котла, толпились с наружной сто-

роны временной ограды. А внутренняя часть, размером примерно с игровую площадку в моей старой школе, была забита до отказа. Полицейским удалось загнать туда немалую часть демонстрантов — тысячу, не меньше. Внутри народу было больше, чем снаружи.

До поры до времени они просто держали нас взаперти. Я бы на их месте с помощью дронов, жужжащих над головой, вычислила знаковые фигуры и составила ранжированный список, кого надо брать, а кого после короткого обыска и легкого допроса отпустить.

Надо дозвониться до Маркуса и Энджи. Я подключила телефон к сети. Сразу почувствовав себя как голая, ведь вокруг полным-полно следящего оборудования. Но все равно надо их найти. Когда все закончится, брошу телефон в измельчитель.

Маркус ответил после третьего гудка:

— Ты цела?

— Да. Я на западной стороне. Вы выбрались?

— Да. Мы в порядке. — Я не спрашивала, но все равно. — Юрист или ее помощница выходили с тобой на связь? Я оставил обеим сообщения и дал наши номера. — По незашифрованной линии, в центре полицейской блокады. Умно, M1k3y, очень умно.

— Еще не звонили, но у меня телефон был выключен. Сейчас проверю.

— Маша, тут творится какая-то дичь. Слетелись новостники со всех каналов, очень много, никогда еще не видел столько на других демонстрациях. Накручены так, что искры летят. Вертолет видишь?

Да, вон он — нарезает круги повыше дронов.

— Вижу. Военный?

— Новостной. СМИ прислали вертолет на демонстрацию в тысячу человек. Будь все как обычно, я бы обрадовался, увидев столько прессы, потому что это значит, что любые действия копов через десять секунд разлетятся по сети. Но копы тоже чему-то очень радуются, и тут шныряют какие-то скользкие типы, вроде как высшие чины из сан-францисской и оклендской полиции, с ними техники выставляют звук и, похоже, готовятся к пресс-конференции. Все в парадной форме, один даже притащил с собой гримерную команду с пудрой. Странно все это.

— Черт. Не к добру.

Я услышала, как он приглушенно говорит о чем-то с Энджи, потом оба закричали, их голоса утонули в криках людей по ту сторону ограды, что-то громыхнуло, железный лязг — еще один, и

еще, и еще, и так без конца.

— Маркус! — Сквозь грохот я его не слышала. — Маркус! — Повесила трубку, стала писать сообщение.

> Что случилось?

Ответа нет. Мимо меня опять заструились люди, половина бежала навстречу звуку автоаварий, половина прочь, они сталкивались, падали друг на друга.

Я остановилась. Топаю, бегаю и кричу, а этим делу не поможешь. Привстала на цыпочки, увернулась от толпы, стараясь не наступать на больную ногу, вгляделась. Мешанина ярких прожекторов и черных теней, ничего не разобрать. Кажется, все-таки чуть больше народу движется прочь от места тех страшных аварий, чем туда, но я решила сломать тенденцию и стала проталкиваться сквозь толпу в сторону тех событий, от которых они в ужасе убегали.

Ближе к эпицентру толпа поредела, притихла, помрачнела.

В одном месте кусок переносной ограды был снесен джипом, тот стоял поцарапанный, с помятым радиатором и разбитым стеклом. Передний конец взгромоздился на опрокинутую ограду.

А по ту сторону еще три машины наехали на джип задним ходом, толкали его вперед вместе с оградой, огромные водяные тумбы, служившие опорами, наклонились и тоже волочились по парковке. Полицейские осторожно окружали разбитые машины сзади, но на нашей стороне ограды демонстранты в тревоге сгрудились вокруг нескольких раненых — одни из них кричали или плакали, другие не издавали ни звука, и это не предвещало ничего хорошего.

Я еще в школе получила сертификат о первой помощи в экстремальных условиях, потом подтвердила квалификацию на базе «Гризли» и усвоила самое главное: если кто-то ранен, надо подойти и действовать, а не ждать, пока это сделает кто-то другой. Существует «эффект случайного прохожего» — если кому-то плохо, все, кто может помочь, считают, что где-то в толпе найдется человек более знающий и лучше экипированный, и будут стоять в стороне. И в ожидании, пока хоть кто-нибудь проявит инициативу, человек может умереть.

Я захромала вдоль ограды, обращая внимание на то, сильно ли пострадали раненые и кому из них оказывается помощь. Насчитала семь человек в разной степени тяжести, и над всеми, кроме

двоих, уже кто-то хлопотал. Я направилась к оставшимся двоим. Один из них, молодой черный парень, прижимал к себе раненую руку, стонал и судорожно дергался. Второй, постарше, латиноамериканец, лежал в полной неподвижности, а рядом стояли полукругом несколько человек и беспомощно переглядывались.

Растолкав их, я присела возле него, сунула ему два пальца в рот, чтобы он не поперхнулся собственным языком, потом прислушалась к его дыханию — хриплое, медленное, потом прижала пальцы к шее и нащупала пульс — слабый, нитевидный. Хорошо хоть дышит и есть пульс. Что дальше? Наружный осмотр. Я включила фонарик на телефоне, направила луч на первую попавшуюся девчонку из толпы, молоденькую, с афрокосичками, в легинсах, куртке-бомбере и массивных ботинках, со значком из «Гарри Поттера», и поманила ее:

— Подержи телефон, посвети мне под руки.

Она подошла, склонилась — я разглядела на ее значке надпись «Слизерин» — и взяла у меня телефон. А я осмотрела раненого, ощупала от макушки до пят, искала ссадины, ушибы. На затылке выросла шишка с гусиное яйцо, штаны на коленях порвались в клочья, по щиколоткам

тянулись глубокие царапины.

Я мысленно воссоздала произошедшее: разбитые машины врезались в ограду, она рухнула, ударила беднягу по голове, сбила с ног, он упал на колени и вырубился. Закончив осмотр, я еще раз проверила его дыхание и пульс.

— Как он? — спросила юная слизеринка. Если я взгляну на нее, меня ослепит луч фонарика, поэтому я жестом велела ей отвести его в сторону.

— Живой, дышит, сердце бьется. Что еще — не знаю. Думаю, надо перевернуть его набок, чтобы не задохнулся, если его вырвет. Понадобится что-нибудь вместо подушки, и еще мне нужна помощь — подержать ему голову, когда будем переворачивать, чтобы не растянуть ему шею в случае, если поврежден позвоночник. У тебя есть свитер или что-то подобное?

Она сняла рюкзачок, покопалась, но ничего не извлекла. Какой-то парень с короткими дредами, в сдвинутых на лоб защитных очках дал мне скатанное полотенце, пахнущее хлоркой.

— Я пришел с тренировки по плаванию, — сказал он.

Я осторожно подложила полотенце под голову раненому. Позвала этих двоих на помощь, и на счет раз-два-три мы мягко перекатили старика в

восстановительное положение. Он застонал, слабо дернул свободной рукой, я сочла это хорошим знаком и опять проверила пульс и дыхание.

— Эй, слизеринка, — окликнула я. Девушка вопросительно указала на себя. — Ты никуда не торопишься?

— А что? — озадаченно спросила она.

— Надо, чтобы кто-нибудь посидел рядом с ним, поговорил, успокоил, не давал его переворачивать, проверял его дыхание и сердцебиение.

— А что делать, если он перестанет дышать?

— Умеешь делать искусственное дыхание изо рта в рот?

Ее глаза испуганно распахнулись.

— Нет.

— Тогда кричи: «Кто умеет делать сердечно-легочную реанимацию?», пока кто-нибудь не отзовется.

Видно было, что она готова отступить, поэтому я сказала:

— Действуй. Ты нужна этому парню.

— А ты?

— А я пойду посмотрю, кто еще нуждается в помощи, потому что я как раз умею делать сердечно-легочную реанимацию. Устраивает?

Она грустно вздохнула, но все же опустилась

рядом с раненым.

— Как тебя зовут?

— Лизетт.

— Слушай, Лизетт, ты пришла сюда ради хорошего важного дела, так ведь? Орать на копов — это, конечно, прикольно, но, если ты откажешься помочь бедолаге, которого переехала машина, сможешь потом с чистой совестью сказать, что борешься за социальную справедливость? — Я хотела удостовериться, что она не уйдет.

— Ладно, — еле слышно выдавила она.

— Ладно так ладно, — отозвалась я. Пожала ей руку, торжественно посмотрела в глаза взглядом, в котором читалось «только не подведи» пополам с «ты справишься». Убедившись, что она уловила послание, захромала дальше. Колено подергивалось от боли.

Через три шага я полезла за телефоном, чтобы позвонить Маркусу, но вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я обернулась, и чья-то рука выхватила у меня телефон.

— Эй… — начала было я, и мне в бок что-то вжалось.

— Не вынуждай меня прибегать к этому, — раздался голос с той стороны. Я медленно обернулась. Там стоял высокий белый парень лет двадцати

с небольшим, футболка с линялой надписью «Оккупай» под потертой джинсовой курткой, черные джинсы, армейские ботинки. В его глазах сверкала истинно полицейская злость.

— Ладно.

Он откровенно наслаждался спектаклем. Явный псих, не стоит его раздражать.

— Сюда. — Он взял меня выше локтя и повел. Я послушно захромала рядом, украдкой глядя по сторонам, высматривая по ту сторону ограды Маркуса и Энджи.

Там, куда мы пришли, с темной стороны ограды кучковались несколько парней примерно одних лет с моим психом. Они расступились, давая нам пройти. Человек по ту сторону ограды отделил одну из секций от столба и впустил нас. Через мгновение мы вошли в бронированный полицейский автобус.

Я с трудом переводила дыхание и старалась не обращать внимания на стук крови в ушах. Меня наверняка уже разыскивают адвокаты, меня окружают друзья, мое исчезновение заметят важные люди. Не говоря уже о шумных паникерах вроде Маркуса Яллоу.

Внутри автобуса горел яркий свет, но окна были закрыты плотными шторами. Видимо, тут

оборудовали что-то вроде командного центра: сплошные рабочие столы во всю длину, привинченные мониторы, клавиатуры на раздвижных подставках. Таких рабочих станций штук десять, и только за тремя сидят сотрудники. Как только дверь закрылась, коп, державший меня за руку, развернул меня к стене и грубо толкнул. Я выставила руки, чтобы не упасть. Он пинком раздвинул мне ноги и, пока я не успела опомниться, проворно обыскал. Он прекрасно знал свое дело и хотел, чтобы я тоже это поняла.

Закончив, он отступил на шаг, и я осторожно обернулась. Трое за клавиатурами сидели не поднимая головы. У них на мониторах были поляризационные накладки, благодаря которым с моего угла зрения экраны казались черными. Одна из них, пожилая дама с седыми волосами стального оттенка, подстриженными на манер мамаш Среднего Запада, оторвала глаза от экрана и внимательно посмотрела на меня. Тип, который меня приволок, слинял куда-то в глубину автобуса, оставив нас двоих играть в гляделки.

— Ну здравствуй. — Голос теплый, покровительственный. Она улыбнулась не одними губами, но даже чуть-чуть глазами. — Я много о тебе слышала. Герте Нетцке передает тебе привет.

— Очень мило, — ответила я с деревянным лицом. — Скажите ей — я надеюсь, что ее сыпь скоро пройдет и не оставит шрамов на лице.

Улыбка погасла.

— Присаживайся.

Морщась от боли, я опустилась на деревянный табурет, привинченный к полу напротив незанятой рабочей станции.

Я хотела было гнуть ту же дерзкую линию — как, мол, тут у вас симпатично, хорошее местечко вы себе оборудовали, — но решила, что это ни к чему хорошему не приведет. Железная мамаша уже не пыталась играть добренькую среднезападную тетеньку, так что некоторое время мы просто глазели друг на друга. Я не имела ни малейших намерений уступать, поэтому терпеливо ждала.

— Герте просила меня поговорить о твоей роли в «КЗОФ».

— У меня нет никакой роли в «КЗОФ».

— Маша, в настоящее время у тебя нет никакой определенной роли, но это не исключает возможности получить такую роль в будущем. У нас с тобой есть опыт совместной работы.

— У нас? То есть вы работаете в «КЗОФ»?

— Я руководитель регионального отдела Северной Калифорнии.

— Весьма теплое местечко.

— Могло бы быть теплым, если бы…

— Если бы что?

Она пристально посмотрела на меня:

— Перед этой встречей наши юристы изучили твое соглашение о конфиденциальности и подтвердили, что требования о неразглашении секретной информации распространяются на период после твоего увольнения. Наказание весьма сурово.

— Могли бы просто попросить меня не болтать лишнего.

Она всмотрелась в меня еще пристальнее, а я старательно процитировала:

— Я понимаю, что не могу повторить ничего из сказанного здесь вами без серьезных юридических последствий для меня и всех, кто мне дорог.

— Вижу, ты пытаешься шутить. Но обрати внимание: наш разговор записывается и в случае, если понадобится доказать твое сознательное нарушение обязательств по сохранению конфиденциальности относительно «КЗОФ» или любой стороны данной беседы, запись будет представлена в качестве улики.

— Ну теперь я заинтригована.

Она тяжко вздохнула. У меня создалось впечат-

ление, что игра в суровую леди понадобилась не для того, чтобы меня запугать, а просто чтобы показать, что дело серьезное и сейчас не время валять дурака. И когда я дерзила и умничала, это выбило ее из колеи, хотя бы чуть-чуть, и, значит, было тактически выгодно. И вообще приятно было до нее докопаться.

— Маша, понимаю, что ты удивишься, но мы, сотрудники «КЗОФ», не меньше тебя ужаснулись, когда «ЗИЗ» атаковал американцев неизбирательно примененным и противозаконным кибероружием. Мы неизменно действуем строго в рамках закона и требуем, чтобы условия каждого нашего контракта соответствовали этой позиции.

Вздыхать я не стала, но она и без того догадалась, что я об этом думаю.

— Как тебе известно, мы работаем на международных площадках, где требования законов сильно различаются. На каждой территории мы строго придерживаемся местного законодательства.

— Выходит, если в словстакийской конституции записано, что власти имеют право убивать любого, кто ими недоволен, то вы ни в коем случае не станете нарушать этот строгий закон?

— Повторяю: где бы мы ни работали, мы соблюдаем местные законы. Перед нами не стоит задача экспортировать американские законы во все уголки планеты; в странах, где разрешены, например, легкие наркотики или проституция, мы не пытаемся этому помешать. В Великобритании мы помогаем бороться с клеветой, в Таиланде защищаем короля от оскорблений величества, в Америке соблюдаем Билль о правах.

— А в Словстакии?..

— В Словстакии мы поступаем как словстакийцы. — Она слегка нахмурилась, словно я сморозила глупость. — Разумеется.

Этому разговору конца и края не будет. Меняю тему:

— Вы упоминали «ЗИЗ»?

— «ЗИЗ», в отличие от нас, не следит за строгим соблюдением законодательства. Мы считаем, что во имя американских интересов силы правопорядка должны работать с компаниями наподобие «КЗОФ», а не со структурами вроде «ЗИЗ».

— «КЗОФ», «ЗИЗ»... Да что у вас за названия такие?

Она одарила меня едва заметной улыбкой:

— Мы пользовались услугами одного и того же брендингового агентства, и они не сообщали нам

о конфликте интересов, пока мы не напечатали все визитные карточки и не подготовили вывески. Мы больше не прибегаем к услугам этого агентства.

— Правильное решение.

— Маша, у нас не так много времени. Мы понимаем, что вскоре дела пойдут очень плохо. — Она кивком указала на затемненное окно автобуса. — Там, снаружи. — Пауза. — Где твои друзья.

Черт.

— Ладно, выкладывайте.

— Как тебе известно, «ЗИЗ» претендует на заключение гораздо более крупного контракта, предусматривающего оказание городу Сан-Франциско услуг по безопасности, сбору данных и прогностической аналитике. Но одна из бывших сотрудниц «КЗОФ», — она кивком указала на меня, — подловила их на нечистоплотных действиях в Окленде, действиях, которые могут помещать заключению контракта. Они паникуют, потому что погрязли в долгах, а «Ин-Кью-Тел» уже не стремится финансировать их столь же щедро, как раньше. Это не казалось большой проблемой, пока они были уверены, что вот-вот подпишут крупный контракт с полицией Сан-Франциско. После подписания контракта

кредиторы выстроятся в очередь, чтобы ссудить их деньгами. Но ты поставила под угрозу весь их план. Они решили, что смогут купить твое молчание, и ради этого посадили твою подругу за решетку. Но дела пошли не по их плану, и они запаниковали. Для них речь идет о жизни и смерти — если они не заключат контракт с сан-францисской полицией, то потеряют все.

До меня начало доходить.

— Если они упустят сан-францисский контракт, то разорятся, и тогда Окленд и Сан-Франциско достанутся вам на блюдечке.

Ее взгляд стал ледяным. Ну как меня угораздило разглядеть в ней материнские нотки? Она похожа на Кэрри Джонстон, только лучше владеет лицом. Эта дама, Кэрри, Ильза — что это? Чистое совпадение? Или в этой отрасли наверх пробиваются только женщины, заряженные токсичной маскулинностью? И если я останусь в деле, такая же судьба ждет и меня?

— Маша, скажу прямо. В Словстакии ты вела себя безрассудно, и Герте оказала тебе огромную услугу, разрешив покинуть компанию на приемлемых для тебя условиях. В «КЗОФ» тебя считают человеком неуправляемым и опасным. Но у «КЗОФ» есть свои методы работы с таки-

ми людьми: мы предпочитаем привлекать их к работе в качестве подрядчиков для решения конкретных задач. Соглашение очень выгодное, основанное на равноправии сторон; ты сама сможешь выбирать сферу деятельности. Мы искренне считаем такой договор очень полезным для нас, для тебя и для Америки.

Я фыркнула очень тихо, но так, чтобы моя собеседница услышала.

Она покачала головой:

— Американские полицейские управления нуждаются в прогностической аналитике. Кто-то должен этим заниматься. Например, компания вроде «ЗИЗ». Они будут действовать самым простым способом: по принципу черного ящика объявят виноватыми случайных чернокожих или цветных на основании того, что в бедных кварталах преступность выше, а значит, и преступников больше. И поскольку никто не слушает жалобы чернокожих и цветных на то, что полиция относится к ним предвзято, то никто и не задумается, виновны ли попавшие под раздачу чернокожие и цветные. Значит, можно объявить, что метод действует. Ведь каждый преступник неизменно заявляет: «Я тут ни при чем». Но «КЗОФ» выше этого. Наша технология лучше,

и ты это прекрасно знаешь. Ведь ты сама помогала ее разрабатывать и поддерживать. Когда наши аналитики дают прогноз, мы проверяем, сбылся ли он; если нет, модифицируем наши модели. В этом разница между «ЗИЗ» и «КЗОФ»; нам важна правильность нашей работы, а они хотят лишь заключить еще один контракт.

— Значит, я должна вам каким-то образом помогать, — я, кажется, догадывалась, каким именно, — потому что вы шпионы, каких заслуживает Америка, не то что та шваль, с которой вы столкнулись в вестибюле вашего брендингового агентства.

— Да. — Ее взгляд не дрогнул.

— И чего вы от меня хотите?

Она на миг обернулась к экрану.

— Через десять минут вон там, — она указала за окно автобуса, — случится страшная катастрофа.

— Что за катастрофа?

— Помнишь, что было в Словстакии? Ночь взбесившихся машин?

— Не забывала ни на мгновение.

— Так вот, это еще цветочки. Все, что было до сих пор, всего лишь разминка, проверка управляемости. А теперь они достигли желаемого мастерства и готовы его применить. По итогам

событий в Блтце они сделали выводы и теперь будут действовать с хирургической точностью.

Перевод: «ЗИЗ» предоставил правительству Словстакии инструменты для атаки на собственных граждан, и этими же инструментами вчера управлялись машины-убийцы в Окленде. А теперь они готовы пойти на страшное преступление.

— Я не знаю, как вас зовут.

— Не знаешь.

— Не знаю, на кого вы работаете — на «КЗОФ» или на каких-то самозванцев, арендовавших автобус. Вы не первый на свете социальный инженер с богатым реквизитом.

Она кивнула.

— Да, не первый, однако ставки высоки. У нас осталось всего восемь минут, поэтому я подключу к разговору нашу общую знакомую. — Она развернула ноутбук экраном ко мне, и я увидела Ильзу. Та сидела в гостиничном номере, за спиной виднелась кровать, сквозь жалюзи просачивался дневной свет какого-то далекого города.

— Здравствуй, Маша. — Она немигающим взглядом смотрела в камеру.

— Не обижайтесь, но я бы попросила вас сделать что-нибудь такое, что сложно подделать на

компьютере.

Она скривилась:

— Что ты предлагаешь?

— Какие-либо интенсивные движения.

— Мне потанцевать, что ли. — Тон был не вопросительным.

— Годится.

Она встала, открыла бумажник, извлекла немецкие водительские права и поднесла их к камере.

— Это может быть макрос.

Она горестно вздохнула:

— Маша, твоя подруга Кристина живет на улице Недбалова в доме триста один. Ты вложила четыреста одну тысячу долларов в фонд Vanguard Target Retirement 2060. Твой словстакийский номер телефона 13–256–278–887. «КЗОФ» платил по четыреста долларов в неделю за твое виски «Буллейт Рай» из мини-бара.

Я захлопала глазами:

— Герте, чем я могу вам помочь?

— Маша, через шесть минут произойдут страшные события. Их организует «ЗИЗ», и под предлогом этих событий руководство «ЗИЗ» намеревается убедить власти Сан-Франциско в том, что они совершат большую ошибку, если

не заключат с «ЗИЗ» контракт по обеспечению безопасности. А в придачу убедить власти Окленда, что у них есть более важные дела, нежели обвинять тех, кто с излишним усердием внедрял в радиомодули вредоносные закладки.

Я поперхнулась. Где-то, на одной из полочек, которую я заперла на ключ и спрятала поглубже, стояли треск и грохот. Там, снаружи, остались люди, которых я знаю. И незнакомцы тоже. Те, кто мне дорог, и просто люди.

— Еще раз: чем я могу вам помочь?

— Полагаю, вы уже обсудили характер возможного сотрудничества. Если ты от имени «КЗОФ» расскажешь подробности своих находок полиции Сан-Франциско и, воз- можно, прокурорам Сан-Франциско и Окленда, то, вероятно, наше предложение о том, что им следует сменить подрядчика, прозвучит более убедительно. На кону стоит очень большая сумма; компания, предоставляющая Сан-Франциско и Окленду услуги по прогностическому анализу и соответствующим мерам безопасности, получит огромное преимущество в других городах США и за рубежом. Кстати, у нас осталось пять минут.

Я запихнула паническую волну на другую полочку:

— Пять минут. А если я соглашусь, вы сможете остановить атаку?

Она обожгла взглядом камеру:

— Маша, инструменты, с помощью которых они управляют беспилотными машинами, были разработаны подрядчиком «КЗОФ», который позже перешел работать в «ЗИЗ». У нас есть широкий набор средств противодействия, которые мы еще не использовали в полевых условиях, но в высокой степени уверены в их эффективности.

— И если я не соглашусь помочь, вы их не примените?

— Без тебя мы не сможем легко осуществить атаки на «ЗИЗ». Так что, возможно, нам придется допустить некоторое ухудшение ситуации, прежде чем перейти к ее улучшению. Если ты откажешься помогать нам, то мы будем вынуждены искать другой подход к демонстрации неспособности «ЗИЗ» выполнять заявляемую работу.

— А вы не можете просто развернуть ваши средства противодействия и потом объявить, что предотвратили массовую резню?

Ее глаза метнулись в другой угол экрана.

— Возможно, у нас меньше времени, чем мы предполагаем.

«Или же ты пытаешься на меня надавить». У

меня взмокли ладони, по спине поползла противная струйка пота. Но я не поежилась.

«В чем минусы?» В том, что Маркус и Таниша сочтут меня продажной шкурой. Ну и пусть. Они и так считают меня продажной шкурой, а я их — бестолковыми хиппи. Что бы я ни сделала, это не изменится. И ведь правда, Ильза — это не Кэрри Джонстон, а «КЗОФ» не «ЗИЗ». Но в Блтце остались лежать люди, погибшие под колесами машин, заряженных программами, которые разработал «КЗОФ», а «ЗИЗ» украл и выпустил на свободу в Окленде.

Какое мне дело до того, как будет называться секретный поставщик кибероружия, продающий моему родному городу инструменты для массовой слежки? Таниша сказала бы, что все они насквозь прогнили. Маркус назвал бы их всех врагами. А я работала и на ту, и на другую компанию, знаю их лучше, чем мои друзья. Это не логовища суперзлодеев, а обычные просторные офисы, где неуклюжие ботаники допиливают до совершенства шероховатые коды, разрекламированные отделом маркетинга. Они Дилберты, а не Доктор Зло.

К тому же Маркус не сможет осудить меня, если по моей вине погибнет.

— Я согласна.

Ильза оборвала трансляцию, и седовласая дама один раз щелкнула мышкой.

— Мы с тобой свяжемся, — бросила она и указала на дверь. Я вышла из автобуса. Дуболом, забравший мой телефон, ждал снаружи и вернул его без единого слова. Прикольно будет работать бок о бок с ним.

* * *

Я стояла с наружной стороны ограды. По другую сторону находилась Таниша и, возможно, ассистентка, которой за представление наших интересов было уплачено немало моих денег. Здесь же, с этой стороны, в большом количестве толпились копы, ждал мой новый, он же старый, работодатель и где-то бродили Маркус и Энджи.

Меня вдруг охватило острое желание уйти домой. Вызвать такси, дать мамин адрес, достать из магнитного ящичка на задней стене запасной ключ, проскользнуть в свою старую добрую комнату и оставить за порогом всех беспокойных друзей, с которыми я зачем-то связалась. Заблокировать их номера, уничтожить письма, купить фирмочку, зарегистрированную где-нибудь в Делавэре, и получать в «КЗОФ» круглые суммы за

консультативные услуги.

Невыспавшаяся, избитая, издерганная пережитыми ужасами, с больным коленом, я еле волочила ноги.

Я побрела прочь от автобуса и полицейских рядов. Демонстранты, вырвавшиеся из котла, толпились ярдах в ста. Некоторых выхватывали из темноты лучи полицейских прожекторов на вышках, другие тонули во мраке. Там, где недавно в ограду врезались машины, бурлила работа, сновали медики с носилками и копы, мигали кареты скорой помощи. Хаос, кругом хаос, и как же я от него далека.

Ночную тьму разорвал оглушительный хор клаксонов. Он ударил по натянутым нервам толпы. Все — и демонстранты, и полицейские — обернулись и вздрогнули. На нас катился целый поток машин: городские микроавтобусы, маленькие электрические такси, огромные коммунальные грузовики. Они шли плотным строем, которого можно достичь, только если управлять всей сетью беспилотных автомобилей — каждая машина отделялась от другой узким просветом ровно в три дюйма. Они мчались по улице прямо на нас, люди бросились врассыпную, налетая друг на друга; самые глупые или самые храбрые

копы достали пистолеты и принялись палить по моторам, еще сильнее разгоняя панику, и вдруг…

…машины затормозили.

Шорох шин по асфальту и рев моторов были не такими громкими, как при авариях, но почему-то действовали на нервы гораздо сильнее. В этом реве каждый современный человек слышал «Прочь с дороги!». Ведь даже при том, что эти машины маневрировали в тесном строю, у них у всех была разная степень износа протекторов и тормозных колодок, поэтому, когда все тормоза дружно сработали, ровный строй превратился в хаотичную мешанину, и, судя по скрежету, некоторые машины, сообразив, что вот-вот разобьются, попытались дать задний ход; измученные коробки передач издавали звук, больше похожий на зловещий вой.

Я спасла свой город. Никто об этом не знал, а если бы узнали, то меня бы возненавидели, но я спасла их от массовой бойни, тщательно спланированной с расчетом на то, чтобы парализовать разум бессильным ужасом, и тогда люди будут готовы заплатить сколько угодно любому, кто пообещает им избавление. Я спасла их из лап бесшабашных, не признающих закона ковбоев «ЗИЗ» и передала в холодные, рациональные

руки Волчицы Ильзы и зрелых, рассудительных педантов «КЗОФ». Я, наверно, могла бы даже вывести «ЗИЗ» из дела, или, выражаясь словами Кэрри Джонстон, «нейтрализовать» их как угрозу.

Этой ночью я поработала на славу. С Танишей все будет хорошо, особенно теперь, когда наша высокооплачиваемая адвокатесса могла ездить по городу без риска погибнуть под колесами машин-камикадзе. Я заглянула в бумажник. Там еще осталась толстая пачка долларов, не менее толстая пачка евро и тоненькие платиновые кредитки.

К черту весь этот шум. Пойду в «Никко», закажу суши в номер, вылью все бутылочки из мини-бара в ведро со льдом и залпом проглочу.

Глава 9

Видимо, в последний момент у меня все же хватило ума повесить на дверь табличку «Не беспокоить». Я отрубилась и продрыхла аж до двенадцати, и ко мне ни разу никто не постучал. Отель «Никко» был рассчитан на азиатских бизнесменов, летающих по утомительной дуге с востока на запад, и имел отличные светонепроницаемые шторы. Почистив зубы, я позвонила в отдел обслуживания, заказала купальник — хороший все-таки отель — и побрела в бассейн, чтобы смыть с себя всю эту нелепую череду дней и ночей, выпивку, недосып, ужасы, боль, разбитое колено.

От хлорированной воды стали саднить синяки и ссадины, однако после десятка кругов разум переключился в режим плавания, мысли размякли, и я просто загребала руками вверх-вниз, вверх-вниз, пока не заныли плечи и не разболелось колено. Остановилась лишь раз, когда икры свела судорога. Вернувшись в номер, включила обжигающе горячий душ и стояла под ним, пока по зеркалам не потек конденсат, а затем, протерев

ладонью кусочек, увидела, что вся окрасилась в цвет вареной креветки.

Мокрая и потная, уселась на кровать и уставилась на раскрытый ноутбук, а он на меня. Не помню даже, переслала ли на новый телефон фотографии свежего лака на винтах. Любая зловредная горничная, проникшая в номер, пока я плавала, могла бы принимать поздравления от коллег.

Для завтрака со шведским столом было уже поздно, но по моему заказу в номер прислали столько суши, что из них можно было бы сложить атолл в Тихом океане. Расправившись с ними, я наконец насытилась и размякла. Где-то в почтовом ящике должны лежать условия моего нового договора с Ильзой и «КЗОФ», а также перечень моих обязанностей.

Среди этой деловой рутины наверняка затерялись встревоженные письма от Маркуса и Энджи, от Таниши, если ее, конечно, выпустили. Но ночные приключения наконец-то потускнели, будто дурной сон, расплылись в бесформенную кляксу, которую я тотчас же упаковала на отдельную, плотно запечатанную полочку.

Я хорошо отточила умение ждать в гостиничных номерах, но сейчас, когда будущее обещало

комфорт, а из окон доносилась знакомая симфония моего родного города, ноги зачесались прогуляться.

Шмотки, которые были на мне ночью, провоняли потом, перепачкались грязью и кровью, но отель любезно предоставил мне комплект свитеров с логотипом своего спа-центра. Носки и белье я вывернула наизнанку; на Юнион-сквер есть магазин «Гэп», где можно купить что-нибудь обычное и непримечательное. А до тех пор похожу в этих свитерах — на Тендерлойне, где народ изредка бродит в пижамах, а в теплый летний день вообще в одном белье, я ничем не буду выделяться.

На первый взгляд Тендерлойн казался таким же, как всегда. В переулке кто-то ширялся героином, возле дешевых гостиниц приставали к мужчинам проститутки, у магазинчиков на углу стояли, как статуи, старики со стеклянными бутылками в бумажных пакетах. Но постепенно я стала замечать перемены: вон там появилась модная кофейня, специально придуманная для всех Маркусов Яллоу всего мира; фермерский ресторанчик с сильно потрепанным меню под листом плексигласа был полон молодых технарей с окладистыми бородами и аккуратно

причесанных технарей-женщин, они уплетали молодую зелень и болтали так громко, что их было слышно даже на тротуаре.

За годы моего отсутствия Сан-Франциско сильно ушел вперед. Мои друзья, родные, мой город — все они превратились в нечто новое, едва знакомое. Какой бы я стала, оставшись в городе? Переселилась бы в Окленд, в крохотную квартирку или запущенный дом, трудолюбиво перекрашивая его по вечерам и выходным, а в рабочие дни шлифовала бы код, увеличивая число переходов по рекламным ссылкам? Десять лет назад я пьянела от власти над технологиями, способными изменить мир; за прошедшее время я протрезвела, любовь превратилась в работу — видимо, это и называется «повзрослела». Возможно, живя здесь, в городе, предлагавшем своим жителям играть и радоваться (при этом увеличивая число переходов по рекламным ссылкам), я до сих пор оставалась бы ребенком.

Для мамы я бы осталась любящей дочерью, раз в неделю приходила бы к ней на обед, а в остальные дни разговаривала по телефону.

Я зашла в «Гэп», купила непримечательных шмоток, оставила свой тренировочный костюм на крыльце ночлежки. Кому-нибудь он при-

годится. Говорят, улица чему угодно найдет применение.

* * *

Когда я наконец решила выехать из «Никко» и найти более спокойное обиталище, время для выселения давно миновало, и на телефоне в номере мигал красный огонек — оказывается, администрация сообщала мне, что «из уважения» они списали с моей карты стоимость еще одной ночи. Я решила, что, пожалуй, продержусь еще сутки, благо суши здесь превосходные.

Скачала целый сезон какой-то затягивающей исторической шпионской драмы от HBO — пригодится и как профессиональный обучающий материал, и просто для смеха. Включила ноутбук в розетку у кровати, переоделась во фланелевые пижамные штаны и просторную футболку из «Гэпа» и, дожидаясь суши, начала смотреть.

Едва я под урчание в животе расправилась с двумя бутылочками водки из мини-бара, в дверь позвонили. Я смахнула со стола пустые пакетики и туалетные принадлежности, освобождая место для подноса, и открыла дверь, изо всех сил стараясь казаться трезвой.

— Поставьте вон туда… — начала было я и

осеклась.

В комнату вошла Кэрри Джонстон.

— Привет, — сказала она и заперла за собой дверь.

* * *

Однажды Таниша спасла мне жизнь.

Я никогда не была прилежной ученицей, однако учителя знали, что мне хватает ума не заваливать учебу полностью, поэтому мирились с моими выходками и скрепя сердце ставили тройки с минусом, что лишь вдохновляло меня лениться дальше. Перед средней школой я перескочила через пару классов, поэтому они легко могли списать мои неуспехи на «незрелость» и «трудности с социализацией».

Ладно, забудем про плохие оценки. Мне и впрямь было трудно с социализацией. В девятом классе мне было всего двенадцать лет, а моим одноклассницам по четырнадцать. Они уже вытянулись, у них были волосы на лобке, груди и прыщи, а я была мелкая, неприметная, робкая и прятала спортивный лифчик, выданный мамой, на дне бельевого комода. Отправляясь в школу, страшно переживала, что скажут девчонки, когда увидят меня в раздевалке перед физкультурой.

А через месяц я уже переживала из-за всего, что увидела и услышала. Нас разделяла всего пара лет, но они были эпохальными.

Естественно, я старалась выглядеть старше — если бы это происходило лет десять назад, я бы, наверно, начала курить. Вместо этого я грязно ругалась, украдкой пила кофе, воровала в магазине мини-юбки и майки и переодевалась в них в школьном туалете. Пыталась заводить разговоры с самыми крутыми и вредными девчонками, которые даже не задирали меня, потому что считали малявкой, и просто игнорировали.

Конец десятого класса. Я в одиночестве стою у дверей передвижного класса, напустив на себя трагический вид, потому что попробовала подкрасить глаза черной подводкой. Этот экстравагантный прием я подсмотрела у других девчонок и дома старательно воспроизвела, глядя в зеркало в ванной. Мне казалось, я наконец-то смогла правильно повторить увиденное и подрисовала глаза в туалете перед первым звонком. И теперь я старательно изображала юную деву и вложила в свой облик всю доступную печаль.

Ко мне подошел старшеклассник. Я его видела и раньше, но не знала, как его зовут. Красивый, высокий, этакий прото-хипстер в винтажном

дениме и линялых рубашках, придававших ему вид городского ковбоя. Мне понравились его мотоциклетные сапоги, поношенные и при этом блестящие, они отлично дополняли его облик. Большие, проникновенные карие глаза; он улыбнулся мне, и в них заплясали смешинки.

— Что у тебя стряслось?

Я не сразу сообразила, что он обращается ко мне, и еще лишь через мгновение дошло, что он имеет в виду мой трагический образ. Метод действует! От гордости я слегка задрала нос. Он симпатичный, хоть и не совсем в моем вкусе, взрослый, зрелый и обратил на меня внимание.

Звали его Райли Теркл, он превосходно умел слушать, задавал наводящие вопросы, и я оглянуться не успела, как выложила ему половину своих сокровенных тайн, а потом договорилась встретиться после уроков и «погулять». Он отвел меня на башню Сатро-Тауэр любоваться закатом, расспрашивал, слушал, внимал, ловил каждое мое слово, и его внимание, словно луч прожектора, бьющий с Алькатраса, ослепляло меня всякий раз, стоило мне украдкой взглянуть на него. Он купил мне буррито, проводил до дома и даже пожал мне руку вместо привычных в Калифорнии слюнявых объятий.

Не чуя ног, я взлетела по лестнице в свою комнату и вставила в CD-плеер диск Леонарда Коэна. Достала блокнот, принялась рисовать и мечтать. Правда, еще не дошла до того, чтобы тренировать подпись «миссис Маша Теркл», но эта мысль определенно приходила мне в голову.

Если вам кажется, что такие глупости не в моем характере, вспомните: мне было четырнадцать. Бешеный клубок гормонов, прыщей и заскоков. До тех пор у меня не было романтических увлечений, и я понятия не имела, как они должны ощущаться. Мне казалось, что происходит нечто космическое, словно реальность повернулась на 32,56 градуса к северо-северо-западу и сильно встряхнулась. Мир стал иным. Краски засияли ярче. Даже все мое тело стало каким-то не таким, кожу щекотало и покалывало; сейчас-то я понимаю, что это возбуждение, но тогда не знала ни слов таких, ни понятий.

На следующее утро Райли встретил меня у школьных ворот и сказал что-то вроде: «Я надеялся увидеть тебя». Я растаяла на месте, кровь прихлынула туда, где ее отродясь не бывало — к щекам, ушам, животу и на несколько дюймов южнее живота.

Он опять отыскал меня на перемене, потом

за ланчем, и на оставшихся уроках я витала в облаках, потом после уроков он опять нашел меня, отвел в переулок со своими любимыми граффити, потом в скейт-парк, потом на Маркет-Стрит, к киоску с хот-догами, где готовят, по его словам, великолепную колбасу, и мне ничего не оставалось, кроме как согласиться, потому что сравнивать было не с чем.

На третий день он взял меня за руку.

На четвертый поцеловал меня на эскалаторе в метро.

На пятый по дороге в школу меня повстречала Таниша.

Несколько лет назад мы дружили, но после средней школы постепенно отдалились. У нас было пара общих предметов, мы занимались в одном кружке, но назвать нас подругами уже было нельзя. Скорее хорошие знакомые. Она ждала меня на Гири, на крыльце закрытого бутика. Знакомство знакомством, но, увидев ее, я удивилась:

— Привет.

— Привет, Маша. Мне надо с тобой поговорить.

— Да?

— Давай пойдем вон туда. — Она указала вверх. Этот маршрут все равно приведет нас в школу, но

минуя главные улицы.

— Давай.

Мы опять свернули с Гири. Она внимательно огляделась, посмотрела налево, направо, обернулась назад, и мое удивление сменилось недоумением.

— Что случилось?

Она не ответила. Я покосилась на нее — она о чем-то серьезно задумалась, наморщив лоб. В школе Таниша всегда была усердной ученицей, классической примерной девочкой, но такого выражения я у нее никогда не видела. Она вздохнула. И еще раз. И наконец произнесла:

— Райли Теркл — насильник.

Я похолодела, но даже не сбилась с шага.

— Ты слышала, что я сказала?

— Слышала. — Голос прозвучал слабее, чем надо бы. Разум начал оттаивать, мозги зашевелились, начали подсовывать всякие гадости: «Зараза ревнивая, чокнутая бывшая, врунья чертова». Но при этом вертелась и другая мысль: «В этом есть некая внутренняя непротиворечивость». В глубине души я с самого начала понимала, что такому красивому взрослому парню, как Райли, нет смысла увиваться вокруг социального изгоя вроде меня. Ни единой веской причины. Если,

конечно, он не исчерпал все свои репутационные возможности с более подходящими девчонками. И некая разумная частица моего мозга смотрела на ситуацию и задавала вопрос: «Ну и как ты это объяснишь?».

Но, конечно, вся остальная часть моего разума мечтала о совсем другой истории: о прекрасном принце, который за моим прыщавым лицом, плохой осанкой, грудями одна больше другой разглядел свою принцессу. Когда он поцеловал меня, я словно очутилась на сказочном королевском балу. Но сказок не бывает.

— Ну хорошо, ты меня услышала. — Она вздохнула. И еще раз. — Послушай. В девятом классе у меня была лучшая подруга, Сьюти Редди. Райли ухаживал за ней, носил на руках, читал стихи, пел песни, приносил книги. Уговорил по ночам тайком уходить из дома смотреть на звезды — родители у нее были строгими. Она моя лучшая подруга, поэтому я знаю это во всех подробностях. Когда после одной такой ночи она мне не позвонила, я сразу заподозрила неладное. Накануне он позвал ее на Сатро-Тауэр полюбоваться полной луной. Хотел взять с собой травки, и Сьюти от этого пришла в восторг, потому что почувствовала себя очень утонченной.

Она помолчала.

— Сьюти не отвечала ни на мои звонки, ни на сообщения. Я позвонила ей на городской телефон и попала на автоответчик. Забеспокоилась, но день был учебный, а вечером я спешила на репетицию, поэтому перед сном послала ей еще одно сообщение, и она опять не ответила. На следующий день я вышла пораньше и направилась к ее дому. Ждала, когда она выйдет из дома, но ее все не было и не было. Я боялась опоздать в школу, поэтому позвонила в дверь, потом еще раз, собралась уже уйти, но позвонила еще раз, и тогда дверь открылась. Сьюти была сама не своя. Словно ее подменили. Глаз заплыл, щека распухла, руку держала перед собой, словно боялась упасть. Увидев меня, она тихо застонала, хотела закрыть дверь. Стон был душераздирающий — как будто у нее не осталось сил даже нормально заплакать. Я выставила руку, чтобы она не захлопнула дверь, и она отпрянула, словно боялась, что я ее ударю. До чего же она была испуганная и несчастная, аж сердце разрывалось! Я сказала: «Сьюти, поговори со мной, пожалуйста», и она заплакала, сначала тихо, потом разрыдалась и убежала от двери. Я вошла, поднялась вслед за ней в ее комнату, она лежала на кровати лицом в подушку. Я села

рядом, погладила ее по голове. Она немного успокоилась и рассказала.

Таниша вздохнула раз, другой и продолжила:

— Райли Теркл ее изнасиловал. Они немного целовались, тискались, но она не была готова к сексу и так ему и сказала. Они разговаривали об этом. Но той ночью он принес презерватив, и началось: «Детка, я устрою нам незабываемую ночь, расслабься, и все будет хорошо». Сьюти любила Райли Теркла. Он был первый, кто проявил к ней хоть какой-то интерес. До этого она ему ни разу не отказывала, но в ту ночь отказала. Он схватил ее, стал раздевать, она оттолкнула его и стала отбиваться. Громко кричала. Райли Теркл парень крупный и сильный. Сильнее Сьюти. Закончив, он спросил: «Понравилось?» Сказал, что любит ее и рад, что они вместе сделали такой большой шаг. Вместе, представляешь!

Она остановилась. Я невольно остановилась тоже. Хотелось развернуться, уйти прочь. Сказать, что она врет. Вернуться во времени минут на десять назад и заткнуть уши.

— Родители сказали, что Сьюти сама виновата. Они отослали Сьюти в другую школу с очень строгими порядками, там запрещены телефоны и читают все твои письма. Не желали говорить со

мной. А недавно я увидела на их доме табличку «Продается».

Я опустила глаза. Попыталась найти полочку, на которую можно положить эту новость, но она была слишком велика и не умещалась ни на одну из полочек. Надо будет соорудить полочки побольше.

Таниша вздохнула. Долгая пауза. Еще один вздох.

— Скажи хоть что-нибудь.

Я покачала головой:

— Чего ты от меня хочешь? Чтобы я отомстила за твою подругу?

Она молчала так долго, что я подняла глаза на нее. Таниша ошеломленно застыла, раскрыв рот.

— Нет! — выдавила она наконец. — Хотела предостеречь, чтобы то же самое не случилось с тобой.

Ого.

— Ого. — Я заметила, что она вся дрожит. — Спасибо.

Она громко выдохнула:

— Не хочу, чтобы это случилось с кем-то еще.

— Спасибо. — Я это уже говорила, но других слов не нашлось.

— Как ты?

Я чуть было не сказала: «Нормально», но потом заглянула на свою полочку.

— Неважно. — И, к своему отвращению, заплакала. Даже не знаю, о ком я плакала. О себе? О Сьюти? О нас обеих?

— Можно тебя обнять? — Таниша всегда и на все спрашивала согласия. Я кивнула. От нее пахло зубной пастой. — Давай провожу тебя на первый урок. У нас обеих история.

От мысли о том, что надо идти в школу, меня чуть не вырвало. Буквально. Завтрак подступил к горлу жгучим комком. При следующей встрече с Райли скажу, что мы расстаемся, а он захочет узнать почему, и мне придется либо соврать, либо сказать правду. Даже не знаю, какой вариант будет хуже.

— Пойду домой, — отозвалась я. — Позвоню в школу и скажу, что живот болит.

Она кивнула, уткнувшись подбородком мне в плечо, потом выпустила меня и заглянула в глаза:

— Давай я побуду с тобой. Лично я бы не хотела в такую минуту остаться одна. Я видела, как Райли запудрил Сьюти мозги. Он умеет очаровывать.

Я ничего не ответила. Мы с Танишей ходили в одну школу несколько лет и за это время разго-

варивали пару раз, не больше. Хочу ли я позвать ее домой, чтобы она держала меня за руку, пока я прихожу в себя после нервного срыва?

Очевидно, да.

Потом в тот день я впервые играла в «Харадзюку Фан Мэднесс», в простую домашнюю версию. Мы с Танишей разгадывали онлайновые головоломки, боролись друг против друг друга, распутывали хитрые загадки, опираясь на наши неплохие познания в манге и аниме, продвигались, насколько могли, не отваживаясь выйти в город для поиска физических подсказок (это придет позднее).

На следующий день я притащилась-таки в школу, встретившись по пути, как договорились, с Танишей. В воротах к нам подошел Райли Теркл; при виде Таниши он как-то странно смутился, и мы обе окинули его ледяными взглядами. Он окликнул меня, и я, глядя ему в глаза, заявила, что, если он еще хоть раз произнесет мое имя, я его заколочу ему обратно в глотку. Он сердито насупился, и тогда мы с Танишей сомкнули ряды — попробуй, мол, подойди. Он поник, отступил и больше с нами не заговаривал. А мы обе поставили себе целью предупреждать об опасности любую девчонку, на которую Райли Теркл поло-

жит глаз, так что к концу года он при виде меня обращался в бегство.

На следующий день Таниша познакомила меня со своей лучшей подругой Бекки, и из нас сложилась непобедимая команда «Харадзюку Фан Мэднесс».

Еще через день у меня случился отложенный нервный срыв из-за Райли Теркла. В девчачьем туалете возле кафетерия я выплакала все глаза, представляя себе, что могло бы случиться, если бы не Таниша. Не хочу сказать, что я умерла бы, если бы Райли Теркл сделал попытку меня изнасиловать, но все равно я на сто процентов уверена, что Таниша спасла мне жизнь.

* * *

Кэрри Джонстон подрастеряла былой лоск. На ней был все тот же костюм, что вчера (неужели прошел всего один день?). Судя по безумному блеску в глазах, она с нашей прошлой встречи не спала ни минуты.

— Маша, отмени заказ. Поговорим, и пусть нас никто не прерывает.

Вооружена ли она? Пронести на борт самолета личное оружие — дело непростое, а если пересекаешь много государственных границ, то и

вовсе невозможное. Но Кэрри Джонстон провела в Калифорнии десять дней и за это время вполне могла зайти в оружейный магазин и прикупить «глок». А может, в этом не было нужды. «ЗИЗ» держал арсеналы во многих городах, особенно в таких беспокойных, как Сан-Франциско. Я решила исходить из предположения, что она полностью вооружена и наполовину обезумела.

По меньшей мере наполовину.

Я позвонила по гостиничному телефону и отменила заказ.

Она мелким шагом, будто шла по натянутому канату, проковыляла к креслу у стола и осторожно уселась.

— Маша… — начала она и запнулась. Провела пальцами по волосам.

— Налить вам воды?

— Дай бутылку, пожалуйста. Из мини-бара. — Потому что водопроводный кран находился в ванной, и по дороге туда я бы скрылась с ее глаз. Бутылка воды в мини-баре была единственной, чего я не выпила ночью. «Фиджи», разумеется, ведь ничто так не говорит о роскоши, как вода, закупленная в зоне конфликта.

Она откупорила бутылку, одним глотком осушила ее на три четверти, остальное вылила на

ладони и тщательно растерла. Грязные руки стали немного чище, на серый ковер пролилась серая вода. Кэрри вытерла руки о простыню и отшвырнула пустую бутылку через плечо.

— Маша, все могло бы быть очень хорошо. Ты хоть понимаешь?

И вдруг всю мою растерянность как рукой сняло. Я прекрасно знала, как себя вести с депрессивной мамашей, которая считает, что ее лучшие годы остались позади и виновата в этом только я. Много раз сталкивалась с подобной психодрамой.

— Ничего, вы справитесь. — Я достала себе воды и отпила. В горле внезапно пересохло. — Не стоит устраивать катастрофу из мелкой осечки.

И опять этот безумный блеск с нескрываемой злостью.

— Маша, это не мелкая осечка. Это, как ты наверняка понимаешь, конец «ЗИЗ». Крах всего, во что многие могущественные люди вложили немало крови и денег. Если нам повезет, кто-нибудь купит компанию и разделит ее на части. Кто-нибудь вроде «КЗОФ». — Покрасневшие глаза горели безумием. — Снимут сливки с самых прибыльных секторов и потопят все, в чем видят конкуренцию.

Она стиснула пальцами покрывало, ритмично сжимая и разжимая кулаки.

Потом закрыла глаза, и это было еще страшнее.

— Маша, что нам делать с тобой?

Будь она на самом деле мне матерью, я постаралась бы уговорами отвести ее от края. Но она мне не мать. А деспотичная бывшая начальница.

— Для начала — свалить из моего гостиничного номера, — сказала я. — Возможно, рано или поздно вы придете ко мне проситься на работу, и впечатление от вас, честно говоря, так себе.

При этих словах она даже улыбнулась, но так и не открыла глаз.

— Маша, помнишь Коста-Рику?

Еще бы не помнить.

— В Коста-Рике ты легко отделалась. Об этом позаботилась я. Поговорила с теми, кто хотел сильно испортить тебе жизнь. Сильно. Существуют места гораздо хуже Коста-Рики.

В ее голосе звучали нотки, которых я раньше не слышала. Она давала понять, что видела и творила вещи, о которых мне не хотелось глубоко задумываться. Я содрогнулась, радуясь, что она еще не открыла глаза.

Потом я собралась с духом:

— Тогда, пожалуй, хорошо, что «ЗИЗ» идет ко дну. Видимо, он позволял ужасным людям творить ужасные дела.

— Если ты думаешь, что они забудут, что ты сделала… — Кэрри открыла глаза. — Ты сама себе устроила этот ад, Маша, и теперь тебе в нем жить.

— Кэрри, чего вы от меня хотите? Зачем пришли?

— Хотела дать тебе шанс. Еще не все потеряно. Мы знаем, что завтра у «КЗОФ» совещание с городскими властями, и знаем, что ты будешь там присутствовать. Ты можешь отказаться. Не ходить туда. Или пойти, но не говорить того, чего от тебя ждут.

Я пойду на совещание «КЗОФ» с городскими властями? Завтра? Хорошо, хоть кто-то сообщил. С другой стороны, это вполне в духе Ильзы — она считает, что если она тебя купила, то может как хочет двигать по шахматной доске, не ставя тебя в известность. У Кэрри Джонстон стиль руководства совсем иной: с одной стороны, она притворяется твоей подружкой, и ты сама охотно вызываешься ей помогать. С другой — запугивает тебя, показывая зубы. Ильза действует гораздо проще: она начальница, а ты делаешь все, что

она прикажет. Чистейшее проявление немецкого стремления к иерархии. Поначалу эта прямота мне даже нравилась, она ничуть не походила на американскую манеру делать вид, будто мы единая команда.

Мне стало интересно, каким образом Ильза затащила бы меня на совещание, если бы я, уйдя с демонстрации, села в самолет и полетела на карибский курорт. Возможно, она узнала бы об этом в тот же миг, как только я бы купила билет. «КЗОФ» широко поставляет банковскому сектору услуги по борьбе с мошенничеством, и ни для кого не секрет, что они при необходимости могут получить данные обо всех транзакциях. «ЗИЗ», разумеется, обладал такими же возможностями; должно быть, именно так Кэрри Джонстон выяснила, в каком отеле я остановилась.

Разумеется, «КЗОФ» проведет совещание с городскими властями. И меня уже вернули в список своих сотрудников. На новой работе я буду заниматься примерно тем же самым, что раньше в Словстакии, и смогу помогать Танише и ее друзьям, как раньше помогала Кристине. Вот как хорошо все закончилось.

Я уже решила, на какой я стороне.

— Кэрри, вам лучше уйти. С «ЗИЗ» покончено.

Вы своими машинами совершили убийство. Это выйдет наружу. У вас нет будущего. Никакого. Уезжайте из города. Из страны. Смените имя. Выправьте новый паспорт в какой-нибудь карибской налоговой гавани и начинайте рассылать резюме в несостоявшиеся государства. Вы, ребята, проиграли, проиграли по-крупному, проиграли потому, что сами все прошляпили, и ни «КЗОФ», ни я тут ни при чем. Никакие мои поступки не повлияли на ход истории. Эксперты-криминалисты знают свое дело. Рано или поздно причина этих аварий будет установлена, и вам придет конец. Вопрос только в том, когда это случится. Когда, а не если. Убирайся к черту, жалкая, никчемная, старая тетка. Катись на все четыре стороны, и чтобы я больше тебя не видела. Даже не вспоминай обо мне. Забудь мое имя. Ты сама заварила эту кашу, тебе ее и расхлебывать. Вот и живи с этим. Если твои боссы-социопаты вздумают пустить отравленную стрелу в того, кто все погубил, она будет нацелена не в меня. Ты это знаешь. Прекрасно знаешь.

Когда этот бешеный взрыв начинался, мы обе раскалились добела. Она кипела от еле сдерживаемой ярости, а моя ярость хлестала с одной из моих многочисленных полочек, где я держала

это оружие для тактического развертывания.

Но постепенно, с каждым моим словом, внутри нас происходили перемены. Мой огонь остыл и сменился холодом. В ледяной злости я прекрасно понимала, что мои слова больно ранят ее. Я расчетливо вонзала нож в ее самые больные точки. «Жалкая», «никчемная», «старая», «тетка» — каждое слово било в цель с хирургической точностью.

И мне удалось затушить ее пламя. В ней тоже огонь сменился холодом. Но не жгучей ледяной яростью, а мертвящей стужей разгрома. Это чувство было мне хорошо знакомо, я не раз испытывала его. Ощущение полного, катастрофического провала терзало меня много долгих ночей, но теперь оно было на моей стороне. Я преподнесла ему щедрый дар, положила Кэрри Джонстон на алтарь и вылила ее кровь в жертвенную чашу.

Я высказала все, что накипело, и разгромила ее дотла. Она встала, глядя на меня, выскребла из рваных лохмотьев своей души хрупкие осколки достоинства и нацепила на себя. Осторожным шагом медленно направилась к двери, высоко подняв голову и глядя перед собой немигающими глазами. Я шла за ней на шаг позади и дышала в

шею, чтобы, если она вдруг задумается о мести, ей было что вспомнить долгими бессонными ночами.

Когда она переступала через порог, у меня вспыхнул сильнейший соблазн дать ей пинка под зад. Но это было бы уже чересчур. Я решила поступить по-взрослому, не давать ей пинков, и гордилась собой.

И все-таки я дала ей пинка. Аккуратно приставила ногу к ее плоскому широкому заду, обтянутому грязной юбкой, как раз над заметной линией трусов на одной из отвисших ягодиц, и толкнула, как будто ногой открываю дверь, не обращая внимания на вспыхнувшую боль в колене. Она пролетела пару шагов, успела выставить руки, смягчая удар, и врезалась лицом в противоположную стену коридора, а потом растянулась на полу.

Я закрыла дверь, заперлась, накинула цепочку. Очень хотелось выглянуть в глазок, посмотреть, стоит ли она там, но я удержалась.

И, только плюхнувшись обратно на кровать и глядя невидящими глазами на стену над столом, я вспомнила, как боялась, нет ли у нее пистолета. Наверное, не было, иначе она бы вышибла мне мозги. Лично я на ее месте так и поступила бы.

* * *

Я подумала, не заказать ли ужин в номер, но аппетит пропал, сменившись бурлящими всплесками желудочной кислоты.

Вплоть до этой минуты глубоко внутри, на какой-то затерянной полочке, теплилась мысль, не сыграть ли в тройную игру: отказаться помогать «КЗОФ», отказаться хранить молчание о подвигах «ЗИЗ» и двинуться к славе во главе парада Таниши, так, чтобы Маркус Яллоу и даже его девчонка смотрели на меня благоговейно, как на валькирию возмездия.

Но после всего случившегося мне нужен защитник. Кэрри Джонстон жила в феодальном мире, где каждый, даже домашние чародеи вроде меня, должен был искать себе лорда-покровителя. Чтобы спастись от «ЗИЗ», я должна укрыться под крылом «КЗОФ».

На далекой полочке умерла слабенькая глупая мечта о храбрых бессмысленных подвигах.

Подумала, не позвонить ли Ильзе, выяснить детали предстоящего совещания, но решила, что она, если захочет, сама меня найдет и все расскажет. Гоняться за ней — ниже моего достоинства.

Вместо этого я собрала вещи, выписалась из

отеля, села в такси и поехала к маме. Такси взяла самое обыкновенное. Знала наверняка, что «Убер» течет, как дырявое решето, и продаст историю моих поездок всем и каждому. А этот таксист возьмет плату наличными и не станет возражать, если мой телефон всю поездку останется выключенным.

Телефон я вообще не включала. В голове было множество полочек под названием «МАМА», и без отвлекающего убаюкивания в виде ленты соцсетей, миленького закольцованного видео или хотя бы сердитых новостных заголовков я осталась наедине с собой. Глядела в окно на знакомые улицы и не узнавала их. Я так долго смотрела на них из окна неторопливого городского автобуса, ходила пешком по этим местам и постепенно пропиталась ими до мозга костей. Сан-Франциско — единственный город в мире, который я знаю именно так; в целом мире нет других мест, которые столь глубоко запали бы мне в душу.

Но Сан-Франциско изменился. Сильно. Черт его знает, как это произошло. В нем стало пахнуть деньгами. Ветхие дома, когда-то снимавшиеся вскладчину студентами, или обшарпанные стариковские жилища, владельцам которых не

хватало денег на нормальную отделку, теперь сверкали новенькой раскраской, соперничая с классическими «разукрашенными леди». Все, что подлежало сносу, было снесено и замещено новенькими многоэтажками. Исчезли старые универмаги с вывесками 1950-х годов, на их месте выросли кофейни, хорошо знакомые мне по Шордитчу, Нолите, Юнхэгуну и Ружинову, высокотехнологичные веломагазины, бутики, очень тихие рестораны.

Разумеется, в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Точно так же нельзя дважды вернуться домой. Но я возвращалась, и город Сан-Франциско кричал мне об этом во все горло. Что это? Просто я стала старше? Или годы, проведенные вдалеке, лишили меня возможности почувствовать себя здесь своей, как чувствуют себя Маркус и Таниша? Они связаны с этим городом крепкими узами, он со всеми своими местами, со всеми своими жителями проник в самую глубину их естества. Миллионы лиц, которые ты миллионы раз видел на автобусных остановках или просто на улицах, не друзья и не знакомые, но все же и не совсем чужие.

Мы приближались к Ричмонду, где жила мама, и по спине пробежал холодок. Неужели я стала

здесь совсем чужой?

Я расплатилась с таксистом наличными, взяла рюкзак и сумки с покупками, на этот момент составлявшие весь мой багаж — все прочее осталось дома у Таниши, а где сейчас сама Таниша — бог весть. И такси отъехало.

Стояла типичная для Сан-Франциско холодная туманная ночь, когда в воздухе вроде был не очень прохладно, однако влага пробирает до костей, и сырой ветер сдувает с кожи последние крохи тепла. Стоя на тротуаре, я поежилась. Вот он, дом, в котором я выросла.

Он казался меньше, чем я помнила, его два этажа скромно терялись на фоне «разукрашенных леди», мимо которых я проехала, в сумерках фасад выглядел потрепанным и линялым. Почтовый ящик был заполнен всякой всячиной, на дорожке стояла все та же старая «королла», уже изрядно проржавевшая и просевшая на подвеске. Сквозь шторы из гостиной пробивался свет, я внимательно смотрела на окно, ожидая, когда же покажется силуэт. Холодно.

Ноги привычно понесли меня к дверям. Я покорно шла, прислушиваясь к шороху новых нефирменных кроссовок по камням мостовой. Палец сам собой потянулся к звонку, нажал.

Сердце бешено колотилось, дыхание с хрипом рвалось из груди.

В первый миг изнутри не донеслось ни звука. Должно быть, мама спит на диване или смотрит телевизор, думает, что явился убийца с топором из Свидетелей Иеговы, и размышляет, впускать его или нет. У меня был брелок с ключом от этой двери, он лежал в камере хранения в Нью-Джерси, куда «КЗОФ» переместил все мои вещи, отправляя меня в Словстакию.

Потом послышались ее шаги, скрипнула третья сверху ступенька. Из-под двери тонкой струйкой вырвался потревоженный воздух, тихонько пахнуло незабываемым ароматом родного дома. Меня качнуло, пришлось опереться на дверь.

Потом дверь распахнулась. На меня глядела мама. А я глядела на нее. Боже мой, какая же она старенькая, маленькая, сгорбленная и от этого кажется еще меньше, вокруг глаз морщинки, и вокруг губ тоже, и на шее, и…

— Маша?

— Привет, мам, — только и смогла выдавить я, потому что до этого двадцать пять минут ехала в такси, погрузившись в свои мысли, и даже не задумалась о том, что я скажу, когда предстану перед моей постаревшей, неузнаваемой мамой.

Вот что делают полочки.

— Маша? — снова сказала она и прижала руку к морщинистой груди. На ней была футболка с треугольным вырезом и тренировочные штаны. На босых ногах обломанные ногти. Ногти на руках тоже неровные, некоторые обгрызены — дурная привычка, которую, я думала, она сумела преодолеть.

— Привет, мам, — повторила я, потому что в первый раз это сработало хорошо. На этот раз попыталась дополнить улыбкой. Лед тронулся, она бросилась мне на шею. И обнимала. И обнимала.

И знаете что? Я совсем не была против. Мне даже понравилось.

* * *

Мама спросила, все ли у меня хорошо. Потом — не случилось ли чего-нибудь. И наконец — не голодная ли я. Именно в таком порядке, как в старые добрые времена. Принесла мне печенье, стакан чая с кубиком сахара, щербатую тарелку убийственно сладких мармеладных «лимонных долек», которых я не видела со времен Словстакии и не ела с тех пор, как, взрослея, стала следить за фигурой. Какая вкуснятина.

Она сидела на другом конце дивана, украд-

кой поглядывала на меня, словно не веря своим глазам, и заметно хмурилась при виде синяков, полученных мной на демонстрации.

Когда я уже наполовину допила чай, у нее наконец лопнуло терпение.

— Маша, что тебя привело?

— Разве ты не рада меня видеть?

Она пронзила меня пристальным взглядом:

— Маша…

Здесь, дома, на этом диване, со вкусом сладкого чая и «лимонных долек» во рту, у меня внутри с треском раскрылось множество полочек, которые я запечатала так давно, что уже и забыла, что там лежит.

Я вдруг с ужасом почувствовала, что из глаз вот-вот хлынут слезы.

— Сейчас вернусь, — еле успела выдавить я, вскочила с дивана и помчалась наверх, в ванную. Перескакивая через две ступеньки, мимо семейных фотографий на стене — знакомых, непривычных, выцветших. Заперлась в ванной, уткнулась лицом в полотенце, тщетно пытаясь подавить всхлипы, с болью рвавшиеся из неизмеримой глубины. Частичка моей души, улетевшая за тысячу миль, издалека наблюдала мои рыдания и диагностировала их как вопли больного

или умирающего зверя. Приблизившись, поняла, что я дрожу всем телом, всхлипываю, диафрагма судорожно сжимается, не давая дышать.

Разумеется, мама пришла проведать, постучалась, заколотила в дверь.

— Маша! — призывно вырвалось у нее, как в тот раз, когда в пятом классе я кубарем полетела с лестницы, молотила руками, пытаясь затормозить, но катилась все быстрее и в итоге треснулась головой о пол внизу, а лицом о плинтус, разбив губу и отколов кусочек зуба.

Я сглотнула, стиснула челюсти, но слезы все равно лились в три ручья. Попыталась крикнуть: «Все хорошо!», но не смогла. Ничего тут хорошего. Тот далекий наблюдатель забеспокоился. Плохо это выглядит.

Я совсем забыла, что мама умеет открывать замок в ванной разогнутой скрепкой.

Ее рука на плече стала еще одним порталом в давние времена, отмычкой, отпирающей давно запечатанные полочки. Что бы там ни происходило внутри меня, от знакомой руки стало только хуже.

К горлу подступила кислота, сладкий чай и «лимонные дольки». Сглотнув, я запихнула все это обратно в желудок. Мамина рука спустилась на

спину, привычно двинулась по кругу.

Я судорожно глотала, хватала ртом воздух, пыталась вздохнуть. Привела в норму сначала диафрагму, потом легкие. Дрожь ослабла.

— Прости, мам.

— Не надо извиняться. — Она тоже заплакала. Видно было, как ей страшно.

— Нет, правда. — Я взяла себя в руки. Полочки захлопнулись. — Не хочу тебя напрасно обижать. Явилась после такой долгой разлуки и вываливаю на тебя все это. Не надо, не беспокойся обо мне.

Она насупилась.

— Ну ладно, конечно, ты будешь беспокоиться. У меня выдалась тяжелая неделя. Потеряла работу, прилетела сюда, имела непростые разговоры с друзьями и с бывшим работодателем — даже с двумя, а потом та из них, которая меня уволила, наняла меня обратно, но уже как подрядчика, так что я буду хорошо зарабатывать. Все хорошо, честное слово.

— Маша, тебе совсем не хорошо.

— Нет, честно, просто не выспалась, стресс и…

— Выслушай меня, пожалуйста. Тебе совсем не хорошо. — Она выпрямилась, застонала и схватилась за спину. — Пойдем обратно в гости-

ную, мои старые кости не выдерживают таких испытаний.

Когда мы снова уселись на диван, она стиснула мне руку с твердостью, не оставлявшей места компромиссам.

— Не хочу упрекать тебя, что ты так долго не приезжала, не звонила, не писала. Поговорю совсем о другом. Только потому что я твоя мама и никто другой тебе этого не скажет. Маша, у тебя беда. Я вижу. Не знаю, в чем тут дело, мальчик, или эта работа, или что-то еще. Знаю, потому что сама была в беде. Так сложились обстоятельства — с твоим отцом, с моей семьей, с тем, что я оставила их и переехала сюда. Были времена, когда… — Она развела руками. — Я впадала в отчаяние.

Мама долго молчала, смотрела куда-то за тысячу миль, я уже собиралась что-нибудь сказать, как вдруг она обернулась ко мне, вся в слезах:

— Знаешь, я ведь от тебя чуть не отказалась. Когда тебе было лет пять или шесть. Я была здесь, совсем одна, у меня не было ничего, не было денег, не было никого, кто мог бы помочь. А нужно было очень много — играть с тобой, одевать, кормить, водить в школу, в гости к подружкам. Я просто разваливалась на части. Маша, у меня начали

выпадать волосы. Мучила бессонница. Каждую ночь я вставала раз или два, и меня тошнило. Я даже думала, что у меня рак, что ты останешься сиротой. Страховки у меня не было, так что я даже не могла показаться врачу. Я поговорила с социальным работником, стала собирать бумаги, чтобы отказаться от родительских прав, передать тебя в приемную семью. Эти бумаги неделями лежали возле кровати, каждый день я доставала их, брала ручку, садилась с ними за кухонный стол, потом вставала и убирала обратно в тумбочку.

Она опять отвела глаза, долго смотрела на плакат с изображением Мьюирского леса, висевший над камином.

— Потом я их заполнила.

Ни о чем таком я понятия не имела. Я вообще смутно помню себя в шестилетнем возрасте. Я учила английский и в первом классе постоянно грустила, потому что ничего вокруг не понимала, никто не хотел со мной дружить, и каждый день я приходила в школу с какой-то диковинной едой, и этой еды всегда было маловато, и, так как в школе было плохо, я все время ссорилась с мамой.

Но помню я только свои чувства; наверно, я даже не замечала и не обращала внимания, как себя чувствует она. Отдать меня в приемную се-

мью? Да это представить себе невозможно. Что ни говори о моей маме, она вся до мозга костей была пропитана той сентиментальной, сокрушительной, всепоглощающей материнской рутиной, от которой я всю жизнь пыталась убежать. И чтобы она от меня отказалась? Да проще представить, как она танцует в стрип-клубе или избирается в конгресс.

— Маша, я дошла до самой грани. — И опять надолго замолчала. Я даже украдкой взглянула на нее, пытаясь понять, закончила она или нет. Но она жестом остановила меня, открыла и закрыла рот — раз, другой, третий, давясь, задыхаясь. — Я хотела отвезти тебя, вернуться домой, лечь в ванну и вскрыть вены. По дороге в социальную службу зашла с тобой в «Уолмарт», купила лезвия, взяла билет на метро, мы спустились на платформу, и там я обернулась и внимательно всмотрелась в тебя. Ты притихла, словно чувствовала что вот-вот случится что-то страшное. Никогда ты не вела себя тихо, особенно на людях. — Она отрешенно улыбнулась. — Давно раскусила, что если на публике громко потребовать и расплакаться, то можно получить шоколадку. — Улыбка погасла. — А в тот день ты была не такая. Смотрела на меня огромными

глазами. И молчала. Подъехал поезд, ты дала мне руку и сказала: «Мама, пойдем». Твоя ручонка оттащила меня от края. Я была готова шагнуть с обрыва, но отступила. Меня спасла ты.

Опять пауза, еще дольше.

— Маша, ты на краю. Можешь не рассказывать, что привело тебя туда, но, если хочешь, расскажи. Но если даже не хочешь говорить, пожалуйста, выслушай. У тебя беда, и тебе от нее не убежать. Надо встретить ее лицом к лицу. Куда бы ты ни пошла, беда всегда будет с тобой, потому что ее корни всегда в тебе. Причина моих бед не твой бестолковый отец. И не моя прелестная упрямая дочка. Ты мое избавление, а не беда. Причины бед никогда не кроются в ком-то другом. Но иногда другие могут подсказать выход.

Она взяла меня за обе руки. Какие у нее морщинистые пальцы, тонкие, хрупкие. Но держали крепко.

— Надеюсь, Маша, у тебя есть люди, которые помогут найти решение. А если нет — да даже если есть, — я всегда, пока жива, буду здесь и помогу. Буду тебя ждать. Не просто потому что я твоя мама, а потому что я перед тобой в долгу. Потому что ты отвела меня от края.

Она так ярко описала ту сцену, что мне даже

показалось, будто я ее помню. И «Уолмарт», и платформу метро. Но, разумеется, мы с ней бывали в «Уолмарте» сотни, если не тысячи раз, и много лет каждый день стояли в метро и ждали поезда. Естественно, я просто сложила это воспоминание из разрозненных обрывков, вытряхнутых из разных полочек.

Но я словно наяву видела, как мамина рука кладет в сумочку упаковку лезвий, видела глубокие морщины около губ, складку между бровей, которая появлялась, когда ей было плохо.

Мы с мамой никогда не разговаривали о самоубийстве. Нельзя сказать, что я о нем никогда не думала. Думала — иногда, время от времени. Не о том, чтобы убить себя, просто… перестать быть. Под конец какого-нибудь безумно длинного перелета, в два-три рейса часов по десять с пересадками в Дубае или Сингапуре, хотелось просто аннигилировать, чтобы разум наконец умолк и остановился. Примерно так же я размышляла о смерти, только причиной, по которой хотелось выскочить из собственной головы, была не скука, а неотвратимая логика моих прошлых ужасных ошибок, она опять и опять подталкивала меня к новым ужасным ошибкам, и моя судьба катилась в будущее по рельсам, которые я по собственной

глупости проложила, они тянулись в бесконечность — а может быть, навстречу концу моей жизни.

Может быть, это и называется «суицидальным мышлением», но я предпочитала не видеть в этом излишней драматичности. У меня не возникало желания купить лезвия и лечь в теплую ванну. Уж лучше лечь в постель и не проснуться, или пусть меня убьет обширный инсульт или сердечный приступ. Пусть все это кончится. Но я не хотела заканчивать это сама.

— Я, пожалуй, немного посплю. — И сама не узнала свой голос — так слабо он прозвучал.

Она опять посмотрела на меня невыносимо долгим взглядом:

— Правильно, котенок. — Котенок. Она не называла меня так со школьных лет.

Как только я забралась под одеяло, она вошла и, не говоря ни слова, села у кровати. Протянула руку, чтобы погладить по голове. Я сначала отпрянула, потом расслабилась, совсем, полностью — давно забыла, как это вообще делается. Так она сидела рядом со мной и гладила по голове, пока я не уснула. А может, еще и потом.

* * *

Проснулась я, когда сквозь занавески просачивалось солнце. Я не сразу сообразила, где нахожусь (первая мысль была: «Черт знает что, а не отель»), протерла глаза, пощупала больное колено и потом, словно на автопилоте, немедленно потянулась к телефону. Одиннадцать пропущенных звонков с германского номера и ни одного сообщения.

Я похолодела. Вернувшись из ванной, заперла дверь и позвонила Ильзе.

— Спишь?

— Никак не привыкну к часовому поясу.

— Ну хорошо хоть отдохнуть успела. У тебя четыре часа. Полагаю, ты у мамы? Через две часа за тобой приедет машина с твоими новыми коллегами. По дороге обсудите стратегию. Ты можешь выглядеть презентабельно? Мы можем захватить для тебя одежду.

— Я хакер. А здесь Сан-Франциско. Я должна явиться в джинсах и в худи с капюшоном, иначе они не поверят в мою компетентность.

Она очень тихо фыркнула:

— И все равно, Маша, мы хотим, чтобы от тебя веяло профессионализмом. Велю им подобрать

тебе что-нибудь. Переоденешься в машине.

Быстро приняв душ, я украдкой проскользнула в гостиную. Мама печально улыбнулась мне, и я обняла ее со всей искренностью, какую сумела наскрести.

— Не бойся, со мной все будет хорошо, — сказала я ей, понимая, что это, скорее всего, неправда, и сознавая, что говорю это не ради ее успокоения, а потому что если она все-таки успокоится, то не станет больше затрагивать эту тему. — Спасибо. Мам, я серьезно. — А может, я и правда говорила серьезно.

Она попыталась накормить меня, и я сочинила, что иду завтракать с вымышленной школьной подругой в кафе за углом, которое мне всегда нравилось. Надеюсь, оно еще стоит там и мама не подловит меня на глупом вранье. Не подловила. Я еще раз обняла ее и убежала.

Кафе действительно стояло на месте, но меню изменилось и стало в три раза дороже. Я заказала свежайшие фермерские продукты, а также суперполезный коктейль из солнечного света и всего наилучшего и достала телефон.

Всего несколько человек знали мой номер, и все они звонили. Естественно, Маркус Яллоу. Потом Энджи, несколько раз. И Таниша.

Значит, она вышла из тюрьмы. Адвокат потребует плату.

Очень много сообщений. Часть от Таниши, с разной степенью гнева, тревоги и усталости. Потом еще одно — о том, что она выходит на связь с телефона Маркуса. Хорошая оперативная маскировка, учитывая, что ее собственный телефон побывал в руках полиции. Примечательная щедрость со стороны Маркуса; правда, этот телефон купила ему я.

У меня осталось меньше двух часов, потом за мной приедет машина, и я снова исчезну в недрах «КЗОФ». Меня, наверно, поселят в корпоративном жилище — у них есть несколько меблированных квартир недалеко от купален Кабуки-Спрингс. Утром и вечером будут возить на машине на работу и с работы, чтобы, не дай бог, на меня не вышли конкуренты и другие противники, способные запугать меня, подкупить или подпустить «жучка».

Таниша вышла на свободу, но моя роскошная, высокооплачиваемая темница вот-вот захлопнется. Позвонить старым друзьям станет очень нелегко и может плохо закончиться и для меня, и для них. Сейчас или никогда.

— Алло!

— Привет, Ниш. Как ты?

— Ох ты. Погоди, не вешай трубку, отойду туда, где потише.

Я услышала ее шаги — она вышла из комнаты, полной народу, на загруженную улицу, потом на более тихую; наверно, свернула в переулок. Я обвела взглядом кафе, где вроде бы никто не обращал на меня внимания, положила на стол две двадцатки и тоже вышла. Поднялась на крыльцо заброшенной обувной мастерской — она не работала так давно, что коричневая бумага, приклеенная на витрину, местами обвисла, открывая печальные останки чьего-то семейного предприятия — россыпь коробочек с обувным кремом и унылую груду игрушек.

— Как ты? — В ее голосе слышалась усталость.

— Я первая спросила.

Она вздохнула. И еще раз.

— Неважно.

— Я тоже.

— Та адвокат молодец. Спасибо тебе.

— Рада сделать для тебя хоть что-то.

— Ты ведь могла бы сделать и меньше.

«А могла бы сделать и больше».

— Я… — «Просто хотела попрощаться». — Я тревожилась за тебя.

— Там было очень плохо. Но, говорят, там, где была ты, на переднем крае, было еще хуже.

— Хотя бы никто не погиб.

— Погиб. Один парень, — сказала она.

— Ох.

— Ты где?

— Недалеко от маминого дома.

— Придешь ко мне, заберешь свои вещи?

Разумная мысль.

— Можно, еще немного полежат у тебя? У меня сегодня совещание, потом я буду знать, куда направлюсь дальше.

— Совещание. — Это был не вопрос, но требовал ответа.

— У меня, гм, новая работа.

Молчание.

— Мне надо об этом знать?

— Пожалуй, нет.

— А ты хочешь мне рассказать? — Вот поэтому я с ней и дружу.

— Да. — Мой голос опять стал еле слышным. Куда он только девается?

— Тьфу ты. Сегодня я занята. Может, завтра?

— Завтра может быть поздно. Меня скоро заберут.

— Черт.

— Да ничего.

— Нет. Ты возле маминого дома? Тебе повезло, я на этой стороне моста. Буду через двадцать минут.

Оказывается, я стояла затаив дыхание. Выдохнула.

— Спасибо. Буду очень рада.

— Парк Маунтин-Лейк?

— Да. — Мы там частенько околачивались по ночам, клинились, то дрожали, то плясали, хохотали без передышки как сумасшедшие.

— Двадцать минут. — И она отключилась. В последний миг я услышала, как она кричит кому-то «до свидания».

* * *

Ниш выглядела ужасно, и это вполне объяснимо: после тюрьмы, да всех этих кошмарных новостей, да после поездки по городу на арендованном велосипеде («Так быстрее», — сказала она, утирая пот со лба).

Мы нашли скамейку, сели и стали смотреть, как в парке играют в футбол миллионеры сегодняшние и завтрашние — молодые технари на пике физической формы, не то что молочно-белые толстяки и скелетики тех дней, когда

я только что пришла в эту отрасль. Нынешние же круглыми сутками работали на результат, поэтому питались только кетогенной кашицей, каждые выходные надевали шорты и часами бегали до изнеможения, сохраняя убийственно серьезное выражение лица. А ведь когда-то этот парк был полон хохочущих латиноамериканских ребят. Ни один из тех парней не умел пользоваться парковым приложением для бронирования, которое могло в режиме реального времени показывать свободные площадки, а эти технари все заполонили своими снайпер-ботами, которые проводили проверку по сто раз в минуту и на корню расхватывали все освободившиеся места.

— Рассказывай, — потребовала она, закончив обниматься.

— Есть две новости: плохая и хорошая.

— Так-так.

— Хорошая тебе понравится. «ЗИЗ», та самая компания, которая заразила твой телефон, посадила тебя под арест и перехватила управление беспилотными машинами в Ист-Бэй. Они потеряют свой контракт, заплатят огромные штрафы и, может быть, всего лишь может быть, кто-то из них сядет в тюрьму.

Таниша медленно захлопала в ладоши:

— Отличная новость, Маша, поэтому мне интересно, какова же плохая новость.

— Погоди, хорошие новости еще не кончились. — Я чувствовала, что моя улыбка стала кривоватой. Мы с Танишей ни разу не говорили о моей основной работе. — Правосудие настигнет их с моей скромной помощью. Мои показания лишат их контракта и запустят маховик расследования. А еще нарушат их планы провернуть то же самое в Сан-Франциско.

— Да, это тоже хорошая новость. Теперь мне стало еще страшнее: о чем же будет плохая?

Я набрала полную грудь воздуха:

— Они пойдут ко дну, потому что я снова начну работать в своей прежней компании, «КЗОФ», и помогу им перехватить контракт.

— Ого.

На поле одни технари забили другим гол.

— Ниш!

— Погоди, дай секунду подумать. — Игра началась снова, и крики восторга сменились напряженной состязательной тишиной. — Маша, ты сказала, что хочешь поговорить со мной, поэтому послушай, что я скажу. — Меня затошнило. — Мне инстинктивно хочется сказать тебе: «Ты мне как сестра, я люблю тебя и всегда буду

на твоей стороне». Но… — Вздох. Еще один. — Но, Маша… — Она прикусила губу. — Маша, ты серьезно? Пойдешь работать на тех же самых военных преступников? Которые погубили тех, с кем ты тусовалась в России или где там еще? Пойдешь им помогать, чтобы они проделывали то же самое со всеми нами, со мной и моими друзьями, с твоими друзьями, и…

Еще пара вздохов.

Я изобразила праведный гнев:

— Таниша, ты считаешь, это справедливо? Заставить меня выбирать между нашей дружбой и моей карьерой?

Она заглянула мне прямо в глаза, спокойно и холодно:

— Да, именно это я и хочу сделать. Поставим вопрос так: справедливо ли требовать, чтобы я осталась твоей подругой, когда ты помогаешь людям, которые хотят уничтожить меня, уничтожить моих друзей и все, что мне дорого в этом мире?

Я было запротестовала, мол, хватит разводить мелодраму, но, черт возьми, сама ведь понимала, что это не так. Никакой мелодрамы тут нет. Потому ведь я и хотела посоветоваться с Ниш, правда? Чтобы кто-нибудь отговорил меня от этой затеи.

— Таниша, «КЗОФ» хочет обвинить «ЗИЗ» в атаке. Если я им не помогу, они не смогут этого доказать, и «ЗИЗ» не только сохранит контракт в Окленде, но и получит такой же в Сан-Франциско. Ты скажешь, что я продалась, но на самом деле я хочу как лучше. — Голос предательски сорвался, и я поморщилась. — Тебе кажется, что сейчас все плохо? Но подумай, насколько станет хуже, если за дело возьмутся люди, не имеющие никаких моральных устоев.

Она не колебалась ни мгновения:

— А насколько станет лучше, если все, у кого есть хоть какие-то моральные устои, прекратят общение с этими сволочами, а те, кто решит остаться с ними, будет готов заплатить суровую цену — стать нерукопожатным в цивилизованном обществе?

А знаете, ведь справедливо.

— Черт возьми, Ниш, это несправедливо. — Мне вспомнилась Кэрри Джонстон, распластавшаяся на ковре в коридоре «Никко». Если «ЗИЗ» после этого сохранится, то она приложит все силы, чтобы отомстить. Не знаю точно, доводилось ли Кэрри Джонстон убивать лично, но она без колебаний вручит кому-либо топор. И спокойно доживет до конца своих дней с моей кровью на

руках.

— Что тут несправедливо?

— Как я могу решать за всех остальных? Я в меру своих сил стараюсь сделать мир лучше. Понимаю, что могла бы сделать больше, но это можно сказать о каждом. Всякий раз, когда ты сидишь дома и смотришь кино, ты тратишь время зря, потому что не организуешь демонстрации и никого не спасаешь. Почему любой другой имеет право идти на компромиссы, позволяющие зарабатывать на жизнь, а мои решения касаются всех и каждого?

Таниша выпучила глаза:

— Маша, ты несешь такие глупости, что я даже не злюсь. Сама знаешь. Подумай.

Да, черт возьми, я сама знаю.

Она взяла меня за руки и заставила заглянуть себе в покрасневшие глаза:

— Ну подумай же, Маша. Ты сама знаешь, что правильно, а что нет. Хочешь, чтобы я тебя отговорила. Много лет ты пытаешься найти человека, который отговорит тебя от всего этого. Ну ладно. Нам всем нужна помощь друзей, тех, кто нас любит. Я люблю тебя, Маша. Ты мне как сестра. И всегда буду тебя любить. И именно потому, что я тебя люблю, я не спущу тебе этого с рук. Я люблю

тебя, знаю тебя и понимаю, как сильно ты рано или поздно пожалеешь о сделанном. Лучше я сделаю тебе немножко больно, срезая тебя с крючка, чем причиню тебе сильную боль, спокойно глядя, как ты себя губишь. Маша, я говорю тебе это как любящая сестра. Не делай этого.

У меня на языке вертелось много ядовитых ответов на эту патерналистскую лекцию, Таниша была так невыносимо высокомерна в своей уверенности, что я уже сама не понимала, что для меня хорошо, а что плохо.

— Таниша, ты, похоже, давно отрепетировала этот ответ.

— Знаешь что? Так и есть. Репетировала всякий раз, когда задумывалась, чем ты так сильно занята. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что все технические чудеса, которые ты выстраиваешь, рано или поздно будут пущены в ход против тебя? Не только против чернокожих, или бедняков, или незнакомцев, но и против тебя, твоей мамы, всех, кто тебе дорог? Что ты в конце концов станешь убеждать себя, будто никого не любишь, лишь бы не признаваться, что ты занимаешься не тем, чем надо? Останешься одна-одинешенька, как старый злой дракон, восседая на груде кровавого золота и пытаясь хоть чем-нибудь отвлечься от

мыслей о том, какие страшные вещи ты создала и как навредила людям.

— Таниша…

— Заткнись. Говоришь, я репетировала? Да, черт возьми, Маша, потому что ты назначила меня своей совестью, а я так и не придумала, что с этим делать. И за много лет общения с тобой усвоила одну простую вещь: Маша, ты необыкновенная. Мало кто умеет делать то же самое, что и ты. Может быть, лет через двадцать у нас вырастет целое поколение юных гениев, сравнимых с тобой по мастерству, но сейчас, если ты отказываешься чем-то заниматься, они, скорее всего, так и не найдут другого кандидата, способного сделать то же самое. А значит, твои решения очень важны. Вот смотрю я на тебя сейчас, вижу, как ты напряглась, и понимаю, о чем ты думаешь. «Черт возьми, ну почему это бремя должна нести я одна? Пусть кто-нибудь другой спасает мир, а я просто хочу зарабатывать на жизнь». Нет, Маша, перепиши свой сценарий. Это не бремя, а выигрышный лотерейный билет. Почти все мы пассажиры на корабле истории, но иногда, если повезет, в тебя ударяет молния, и ты встаешь за штурвал. Сейчас штурвал в твоих руках. Это, конечно, огромная ответственность,

но и обалдеть как классно.

Я невольно улыбнулась:

— Умеешь ты произносить речи.

— Что есть, то есть. — Она не улыбнулась в ответ. — Большая практика. Я организатор, Маша. Умение произносить речи приходит с опытом. Так люди, которым не выпал выигрышный билет, пытаются хотя бы секунду-другую постоять у штурвала.

— И уговаривать умеешь.

«Если я приму твой совет, то, скорее всего, погибну. И смерть будет мучительной».

— Да. Это тоже приходит с опытом. — Лицо у нее было как у крылатой фурии. В этот миг я бешено гордилась ею и страшно горевала, так как знала, что придется ее разочаровать.

— Ты от меня что-то скрываешь.

Вот вам и умение хранить непроницаемый вид.

— Верно.

Она смягчилась, глаза стали добрее.

— Расскажи же. Мы с тобой давно научились хранить секреты друг друга.

Будь все иначе, я бы открыла ей душу. А почему бы и нет? Она мне действительно как сестра, и у меня не будет никого ближе ее, в чем-то она

знает меня лучше, чем я сама. И если уж говорить с кем-то об этом…

— Ниш, я тебя услышала. Спасибо за совет. Совет хороший. Я пойду и подумаю над ним. Серьезно, спасибо.

Опять вернулась крылатая фурия:

— Маша…

Я жестом остановила ее:

— Все хорошо. Честное слово.

* * *

Домой я пойти не могла, и возвращаться в кафе тоже не хотелось. Я побрела по улицам, хромая, пока колено не размялось, и чувствуя, как взгляд Таниши прожигает спину. Свернув за угол, избавилась от этого взгляда; и, только свернув еще раза два-три и оглянувшись — не идет ли по пятам Таниша, — поняла, что наконец осталась наедине с собой. Перевела телефон в режим полета. Не хотелось говорить ни с ней, ни с другими.

Когда я росла, в моем квартале было много детей, молодых семей, пенсионеров. Теперь они куда-то исчезли. Помнится, я читала, что в Сан-Франциско наименьшее среди крупных городов США соотношение детей и взрослых; семьи вытеснены из города в пригороды и еще дальше

— даже Окленд, судя по увиденному, не может похвастаться обилием детей.

Я вошла в жизнь беженкой-безотцовщиной и как-то сумела получить отличное образование, работала на хорошо оплачиваемых должностях, имела полный кошелек платиновых карт и безналоговые банковские счета в четырех странах. Надо думать, я достигла большего, чем многие мои ровесники, но посмотрите на Танишу: диплом колледжа, работа, квартира, времени и защищенности хватает на вторую, всепоглощающую карьеру политической активистки. Посмотрите на Маркуса Яллоу, будь он неладен: женат, первый взнос на дом оплачен родителями, продавшими жилье и переехавшими в область Залива под занавес гигантского пузыря на рынке недвижимости (да-да, я читаю его блог и не горжусь этим), заканчивает учебу в колледже, несколько раз менял высокооплачиваемые места в технической отрасли, а теперь по уши завален консультационной работой.

Никто из родившихся сегодня этого не получит. Сан-Франциско похож на игру, в которой музыка ускоряется, а стулья убираются один за другим. Поначалу все идет легко, стульев много, и тебе непременно найдется куда сесть, если не будешь

слишком привередлив. А сейчас счастливчики, урвавшие хоть что-то, составляют один процент населения.

Сан-Франциско, как всегда, идет на шаг впереди. Но на моих глазах то же самое происходило в Лондоне и Берлине, Дубае и Гонконге. В мире начался фазовый переход, и плавная кривая от бедных к богатым с обширной прослойкой посередине превращается в отвесный обрыв.

Работа в «КЗОФ» сделает меня богатой. Богатой до неприличия. И богатством этим со мной поделятся те, кто намного богаче меня. Они заплатят за то, что я помогу им сохранить деньги и укажу, кого надо арестовать, пока за стенами их роскошных поместий народ не воздвиг гильотины.

Эту ситуацию создала не я. Даже со всеми своими подвигами я всего лишь пешка на огромной доске, а игра началась задолго до моего рождения. Могучие исторические силы сделали этот мир таким, какой он есть, и мне вместе со всеми остальными приходится в нем жить. Если я дам обет бедности или посвящу себя делу революции, это ничего не изменит. В мире, где люди делятся на победителей и побежденных, надо выбирать себе сторону. Если я встану на сторону побежденных, то этим не помогу никому — и прежде

всего самой себе. Лежа на удобном диванчике в верхних этажах власти, я по крайней мере имею возможность иногда спускаться с небес и кому-нибудь помогать — понемножку, в ручном режиме, по одному человеку за раз. Ведь люди именно так и появляются на свет — по одному за раз, даже в большой толпе. Мы все рождаемся поодиночке, уходим из жизни тоже сами по себе, и даже самая тесная и хорошо скоординированная группа — это всего лишь совокупность отдельных личностей, решивших некоторое время поработать вместе.

Я, разумеется, пекусь только о собственных интересах, ищу этическое оправдание для удобного способа сохранить свою шкуру не только целой, но еще и смазанной самыми дорогими лосьонами из мирового ассортимента дьюти-фри. Но заботиться о своих интересах — не самое плохое занятие.

У меня осталось два часа. Потом за мной приедут из «КЗОФ». Они встретят меня возле маминого дома, а туда от силы полчаса ходьбы. Я повернула вверх — в Сан-Франциско всегда есть куда подниматься. Шла и шла, пока не очутилась в парке для собак. Бурая сухая трава, бегуны в костюмах из высокотехнологичной ткани, за-

сохшие какашки в пакетиках, раздавленные какашки с длинными следами скольжения, вид с высоты на весь город.

Все, кто со своими сопящими собаками пробегал мимо, были молоды, подтянуты, красивы, лет на десять моложе меня, загорелые, они оставляли после себя шлейф запахов пота и хорошего шампуня. Они не имели ничего общего с демонстрантами у ворот Оклендской тюрьмы, и развлечения у них были гораздо приятнее. Если система, что бы под ней ни подразумевалось, могла обеспечить этим людям такую жизнь, то, может быть, друзьям Таниши стоит задуматься, как стать похожими на них.

Я, конечно, понимала — такие мысли возникают от привычки раскладывать все по полочкам. Увлеклась ментальным плотницким делом, строю и строю новые полочки, раскладывая по ним свои чувства. Но все-таки привычка эта полезная. Разве плохо уметь отделять свои чувства от окружающей действительности?

При взгляде с высоты Сан-Франциско был очень красив. Невысокие белые дома, небоскребы, мосты, островки зелени и яркое голубое небо. Любой город красив, если выбрать хорошую точку обзора. Вот я и займусь поиском такой точки.

Глава 10

Громилы из «КЗОФ», приехавшие за мной, чтобы отвезти на совещание, выглядели для своей профессии очень респектабельно. В «ЗИЗ» обожали парней с накачанными плечами, увешанных тактическим снаряжением и обсуждающих сравнительные достоинства крав-мага и бразильского джиу-джитсу. В «КЗОФ» предпочитали наемников более пристойного облика, обычно тощих, как жерди, южноафриканцев в слегка эластичных джинсах и ладных куртках с незаметными шлицами, позволявших выполнять полный комплекс гимнастических упражнений. Когда они шли, по полу скрипели нескользящие маслостойкие подошвы кожаных ботинок.

Они были вежливы до приторности, назвали меня «мисс Максимоу» и вручили полный саквояж одежды, потом сели спереди и подняли перегородку, чтобы я могла втиснуться в белую блузку и элегантный костюм в духе Шанель. Основной тканью была консервативная шерсть в легкую коричневую клетку, а подкладку из хорошего шелка украшал цифровой камуфляж —

ненавязчивое напоминание о том, что носитель этого костюма занят серьезной работой в сфере безопасности.

Переодевшись, я запихнула джинсы с худи в саквояж, переложила деньги и карты в дипломат из мягкой кожи, прилагавшийся к костюму, ввинтила ноги в карминные туфли на плоском ходу с матовым блеском. Они пришлись как раз впору, и я вспомнила, что однажды, отправляя меня в Гонконг в разгар дождливого сезона, в «КЗОФ» выдали мне высокие резиновые боты — приятная заботливость, ради которой им пришлось записать мой размер.

Быстро причесалась, чуть-чуть косметики из нераспакованного набора, неуклюжая попытка совладать с непарфюмированным дезодорантом, который я заметила лишь после того, как натянула блузку, и вот я уже стала другим человеком, неузнаваемым даже для самой себя, типичной представительницей огромной плеяды безликих женщин, с которыми мне не раз доводилось иметь дело.

Я опустила перегородку. Громилы на передних сиденьях окинули меня коротким взглядом в зеркало заднего вида, потом снова принялись молча сканировать окрестности на предмет

угроз. Без слов короткими взмахами приказывали пешеходам отойти с обочины, сигналили другим машинам, требуя сменить полосу. Почти всегда одновременно показывали в одну и ту же сторону, словно понимали друг друга на телепатическом уровне.

— В Сивик-центр? — Там находились все муниципальные здания. — Или в Догпатч? — Где располагалось главное управление сан-францисской полиции.

Они покачали головами:

— В офис «КЗОФ». Файнэншл-дистрикт.

Когда я в последний раз была в сан-францисском представительстве «КЗОФ», оно располагалось в Аутер-Ричмонде и состояло из чахлого крошечного бюро с двумя издерганными сотрудниками, привезенными из дубайского офиса. Кажется, с тех пор контора неплохо поднялась.

Поездка закончилась в подземном гараже под черной стеклянной офисной башней, мимо которой я проходила тысячу раз, не замечая. Нас встретил еще один громила — тот же южноафриканский акцент, костюм от того же портного. Он держал для нас лифт, и мы поднялись все вчетвером. Вот был бы ужас, если бы этим грудам мускулов было поручено стеречь меня, а не

оберегать.

Меня провели в конференц-зал. Я ожидала увидеть там «железную мамашу» из вчерашнего затемненного автобуса — мысленно я окрестила ее «начальницей резидентуры». Но нет, меня встретила Ильза. Она небрежно набирала что-то на ноутбуке, рядом стояла аккуратная чашка кофе.

На вид она была так свежа, словно ее только что распаковали из защитной пленки. Должно быть, прилетела из Европы самым ранним рейсом.

— Доброе утро, Маша.

Я кивнула и села рядом с ней. Охранники закрыли дверь.

— Какие будут указания? — Отныне и до конца моих дней мы с этой женщиной спаяны крепко-накрепко. Она станет моей лучшей подружкой, возможно единственной, но мне не хотелось сближаться с ней. Как-никак при нашей прошлой встрече она меня вышвырнула пинком под зад.

Ильза мгновенно оценила мой облик.

— Костюмчик хороший. — Она повернула ко мне экран ноутбука и принялась вводить в курс дела. Мне поручалось в самых сложных и устрашающих технических подробностях объяснять, на какой гадости мы подловили «ЗИЗ», как следу-

ет проводить криминалистические экспертизы, а затем с минимумом эмоций отвечать на вопросы. Мы «КЗОФ», наш подход сугубо деловой, мы выполняем свою работу и не изображаем ковбоев.

Она объяснила, я поняла. Надо задать побольше вопросов, чтобы показать, что я слушала внимательно.

Когда беседа закончилась, она опустила крышку ноутбука, сняла очки и пронзила меня пристальным взглядом. Я уверенно встретила его.

— Ты не пострадала?

— Колено ушибла. Легко отделалась.

Ильза покачала головой:

— Выходка была глупейшая даже по стандартам «ЗИЗ». Они понесут суровое наказание. Благодаря тебе.

— Глупейшая? Скорее уж губительная. Военное преступление.

Она вздохнула:

— Скажу по собственному опыту, мало какие проступки можно отнести к военным преступлениям. Но насчет губительности ты права. Число жертв было невелико.

— Меньше, чем в Словстакии?

— Да. — Еще один пристальный взгляд. Она никогда не пыталась скрыть свой возраст, даже

щеголяла им на мужской манер, подобно старым борисам в Словстакии. «Я очень стара, а значит, мне долго удавалось уходить от угроз. Спроси себя: какими поступками я сумела этого достичь?»

— А когда то же самое сделал Литвинчук, это тоже была глупая выходка?

— Чрезвычайно глупая. Именно поэтому мы и разорвали наши договоренности с властями Словстакии. У «КЗОФ» есть стандарты.

— Вы разорвали договор? — Понятия не имею, какая сумма в нем стояла, но явно очень большая. Достаточная, чтобы покрыть бешеные выплаты мне и еще шестерым сотрудникам в стране, плюс накладные расходы на оплату вспомогательного персонала.

— У нас есть стандарты.

— Вы продали им эксплойт, но ушли, потому что они пустили его в дело?

— Этот эксплойт мы им не продавали. Они купили его у менее надежного поставщика.

До меня не сразу дошло.

— А вы уверены, что это вы с ними порвали, а не наоборот? Похоже, они нашли другого контрагента — того, кто готов продать им именно то, чего они хотели.

— Думаешь, они знали, что «КЗОФ» запретит

им убивать, поэтому нашли кого-то еще?

— Да, у вас и правда «очень высокие этические стандарты». — Я не вложила в голос ни малейшей иронии. Она сделала вид, что воспринимает мои слова всерьез.

— Так и есть. В этом наша сильная сторона. Потому-то мы сегодня и отвоюем большой жирный кусок. Ты наверняка думаешь, что секрет нашего успеха кроется в мощности разрабатываемых нами инструментов, что мы ведем дела с клиентами, которым безразлична этическая сторона дела, но ошибаешься. Хорошие клиенты понимают, что рано или поздно им предстоит держать ответ перед всем миром и объяснять, что и почему они у нас купили. Наши клиенты думают наперед. Они знают, что однажды им придется объяснять свои решения, если власть сменится.

Великолепная речь, особенно из уст бывшего полковника «Штази», которая сколотила миллионное состояние, сумев конвертировать свой опыт в успешную карьеру. Она виртуозно умела следить за политиками, всегда находящимися на виду, по поручению самой гнусной шпионской бюрократии, а потом стала предоставлять властям услуги по организации тайной слежки.

Умная женщина не стала бы развивать эту те-

му. Я пыталась строить из себя умную, но, честно говоря, получалось плохо.

— А Литвинчук?

— Что с ним не так?

— По-моему, можно было с самого начала догадаться, что он не из тех, кого сильно заботит, что с ним случится, когда его призовут к ответу за покупку следящего оборудования у иностранной компании. Наверняка он планировал швырять за решетку любого журналиста, кто заикнется об этом, если, конечно, к тому времени не осядет где-нибудь в Венесуэле с громадным чемоданом денег.

— Маша, ты судишь слишком поверхностно… Мы контролируем использование наших инструментов куда жестче, чем ты думаешь. Не пытайся играть со мной в кошки-мышки, жизнь слишком коротка для игр.

Уж кто бы говорил.

* * *

Ильза оставила меня в конференц-зале одну, не считая официантов, проворно сновавших с вазами идеально отполированных фруктов и запотевших кувшинов с водой. Затем пришел видеомонтажер, быстро пролистал презентацию,

в которой смешались как знакомые мне вещи (например, экран для перехвата и анализа, который создавался с моей помощью), так и никогда прежде не виденные (графики, демонстрирующие фантастический рост числа арестов и уровня безопасности в сочетании с резким снижением полицейских расходов).

После этого я долго сидела и крутила большими пальцами. Отпила холодной воды из стакана с толстым дном. Съела идеальное яблоко и положила огрызок в пустую пепельницу. От непривычной одежды чесалось тело.

Наконец я встала. Если кто-нибудь спросит, скажу, что ищу туалет.

Дошла почти до стойки секретарши, и только там мне встретился другой человек. У стены, прислонившись, но не сутулясь, стоял южноафриканец, один из тех, с кем я ехала в машине. При виде меня отделился от стены и плавным шагом подошел, преградив дорогу.

— Чем могу быть полезен? — От его дыхания пахло табаком.

— Ищу туалет.

— Пожалуйста, подождите в конференц-зале, к вам кто-нибудь придет.

— Серьезно?

Он лишь смотрел на меня немигающими льдисто-голубыми глазами.

— Издеваетесь, что ли? — Однако я вернулась в конференц-зал. Когда тебя не отпускают по нужде, это очень страшно и унизительно. Я не села. Стоя я чувствовала, что у меня больше возможностей повлиять на ситуацию.

Через пару минут пришел другой южноафриканец и проводил меня в дамскую комнату, возле которой уже стоял его приятель. Охранник дамской комнаты поднял руку, и тот, кто караулил меня, легонько взял меня за локоть, однако напрягся, давая понять, что, если я вздумаю бежать, прикосновение быстро превратится в железные тиски. Внутри зашумела вода, загудела сушилка, и вышла сотрудница — азиатка средних лет в светлой блузке и строгой юбке. Увидев охранников, она испуганно отпрянула и поспешила в другую сторону. Видимо, «КЗОФ» не самые приятные соседи по офисной недвижимости.

Оставшись в туалете одна, я села на унитаз. Безрезультатно. Видимо, мой мочевой пузырь перепугался сильнее, чем я сама. Убеждала себя не смотреть на телефон, но рефлекторное желание проверить его в относительном уединении туалетной кабинки оказалось сильнее. Все что

угодно, лишь бы отвлечь мысли от неизбежной точки невозврата.

С удивлением обнаружила, что назначенное совещание должно было начаться двадцать минут назад. Вот, наверно, почему все так взвинчены — власти Сан-Франциско запаздывают.

Верхняя полоска телефона была переполнена уведомлениями о сообщениях. Не хочу никого слышать.

Но все равно открыла их.

Энджи спрашивала, не случилось ли со мной чего. Таниша сказала ей, что боится за меня, но не уточнила почему.

Маркус…

Ох, Маркус.

> Не злись на Танишу. Я выудил у нее подробный рассказ, потому что, хочешь – верь, хочешь – нет, я твой друг и волнуюсь за тебя. Понимаю, тебе кажется, ты знаешь, что делаешь, однако поверь, мы все, все до единого, уверены, что ты до такого не опустишься. И никто из нас не опустился бы.

> Мы придем на это твое совещание и приведем друзей.

И сразу после него — сообщение от Таниши:

> Ни о чем не жалею. Я люблю тебя, но не хочу помогать тебе бороться против меня. До скорой встречи.

Черт возьми.

* * *

Южноафриканцы заметно встревожились. Когда я выходила из туалета, один из них бесшумно перехватил меня за руку. Я застыла как вкопанная.

— Отпусти. Сейчас же. — Я заглянула ему в глаза. Водянистые голубые льдинки, одно веко подергивается. Хватка у него сильная. Без сомнений, он может меня уронить, может заставить идти или сделать больно тысячью разных способов. Но если это произойдет, не будет смысла притворяться, будто я вернусь в «КЗОФ» в качестве подрядчика. В лучшем случае пополню ряды тех, кому они платят за молчание или запугивают.

— Пойдемте с нами.

— Не сделаю ни единого шага, пока не уберешь руки. Хочешь — тащи меня силой. Отпусти. Сейчас же. Ни слова больше. Я не разрешала тебе

прикасаться. Ни сейчас. Ни когда-либо.

Я впилась в него взглядом. Его пальцы слегка сжались, потом хватка ослабла. Я не ухмыльнулась ему, хотя так и подмывало. Вместо этого сказала:

— Ну пойдем. — Пусть знают, что со своим быкованием только зря теряют время.

Любитель распускать руки встал спереди, другой занят место сзади, и мы плотным строем двинулись обратно в офис «КЗОФ». Дверь была заперта, и рукастый отпер ее электронным ключом. Секретарши на посту не было. Охранник, шедший сзади, тщательно запер дверь. Меня повели в конференц-зал.

Ильза сидела на месте, в одной руке держала запотевший стакан воды, другой что-то набирала в телефоне.

— Садись. — Она не подняла глаз.

Я села.

— Идите. — Видимо, это адресовалось южноафриканцам, ибо они исчезли без единого звука.

Торопливо печатает. Костяшки на пальцах опухшие. Меня всегда восхищали ее тонкие изящные пальцы, руки как у молодой девушки. А теперь они постарели. Она стала старая. Динозавр, реликт давно ушедшей эпохи славных

шпионов и контрразведчиков, когда они подсыпали друг другу яд или стреляли из пистолетов, спрятанных в сигаретных пачках. Живое ископаемое, выброшенное волнами на берег. Пытается как можно скорее отрастить ноги и научиться дышать воздухом.

Какие старые у нее руки. Как сильно она во мне нуждается.

— Внизу собралась демонстрация. Три или четыре тысячи человек. Несут плакаты на английском и словстакийском. Выкрикивают лозунги. И твое имя тоже звучит.

— Да, не очень хорошо получилось. — Я потянулась за водой.

— Маша, сейчас не время для шуток.

Я медленно пила. Это дало мне паузу проверить, надежно ли запечатаны все мои полочки. Все хорошо.

— Кажется, сейчас вообще ни для чего не время. Чего вы хотите? Я не просила их приходить.

— Кто-то рассказал им о совещании. Это ясно по их лозунгам. Это была ты?

— Я рассказала подруге. Спросила ее совета, стоит ли приходить сегодня.

— И они посоветовала тебе прийти?

— Нет, сказала — не надо.

Она впилась в меня пылающим взглядом, способным расплавить титан:

— Думаешь, это она виновата в сложившейся ситуации?

Я отставила стакан:

— На мой взгляд, вполне вероятно. Но все равно я ей не приказывала созывать демонстрацию. Слушайте, если вам кажется, что власти Сан-Франциско не захотят заключать с вами договор, против которого идут протестные демонстрации, то, может быть, вам стоит немедленно отказаться от этой затеи. Протесты будут все равно. Помните, как власти Окленда протащили тот изумительный закон, требующий ограничений на установку в городе следящего оборудования? Через пару лет они решили отменить этот закон, и последовали колоссальные протесты. Но закон все-таки отменили, и «ЗИЗ» на этом неплохо нагрел руки.

Она отложила телефон:

— Но их время прошло. Мы планировали использовать случай с беспилотными машинами, чтобы в узком кругу показать, что «ЗИЗ» непригоден для этой работы и контракт с ними следует разорвать. Тогда на сцену вышли бы мы. Но твоя подруга организовала демонстрацию с целью

обвинить «ЗИЗ» в трагедии, и в перспективе это закроет путь для каждого, кто поставляет те же услуги, что и мы, властям любых субъектов целого региона.

Я пожала плечами:

— Власти собираются купить услуги по массовой слежке. Они в этом нуждаются. Этого требуют копы. Сами они не могут это организовать, потому что любой, у кого хватает мозгов для таких вещей, зарабатывает у вас, у «ЗИЗ», у «Паланти-ра» и других игроков отрасли столько, что ему и в голову не придет соглашаться на предлагаемое правительством жалованье. В конце концов им придется обращаться за услугами к подрядчи-кам вроде «КЗОФ». Вы планируете поставлять противодиссидентские инструменты местным властям? Если при этом будете шарахаться при любых протестах оппозиции, то вы избрали неверную линию. — Зачем я это говорю, если хочу получить работу в «КЗОФ»? Если хочу, чтобы они защитили меня от коротко стриженной дамы и ее армии безработных мстителей, чьи акции с моей помощью резко упадут в цене.

И я задумалась, хочу ли вообще работать в «КЗОФ».

И поняла: не хочу.

Ледяной взгляд Ильзы наполнился жидким азотом. Не стану врать, меня это напугало. Она вообще умеет устрашать, и не только потому, что не знает жалости и имеет большие связи. Дело в том, что, когда ты играешь на ее стороне, она печется о тебе и направляет всю свою безжалостную силу на тех, кто желает тебе зла. Мне было страшно при мысли о том, что она способна со мной сделать, но еще страшнее терять все, что я имела рядом с ней. Я поняла — мной владеет неосознанная, убранная на полочку грусть, охватившая в меня в тот день, когда она выгнала меня из «КЗОФ». А когда она позвала меня обратно, во мне вспыхнула тайная радостная надежда. Играть против Ильзы страшно, но быть на ее стороне очень хорошо.

Я представила себе маму, стоящую на платформе метро, с упаковкой бритвенных лезвий в сумке. Сколько силы дала ей моя крошечная ладошка. Она решила рассказать мне об этом только сейчас, когда я надолго исчезла ее жизни и наконец вернулась.

Дело вот в чем. Я всегда знала, что привычка раскладывать все по полочкам до добра не доведет. Просто это наименьший из ужасов, таившихся во мне.

С точки зрения технологии долг — это когда ты впариваешь заказчику еле действующее, на ранних стадиях разработки, решение важной проблемы и говоришь себе, что позже вернешься к этой пакости и поставишь на ее место что-нибудь более пристойное. Но не возвращаешься. И будешь всегда ходить вокруг, сознавая, что возвел пятидесятиэтажный небоскреб, полный народу, на фундаменте из первого подвернувшегося хлама. Технологический долг сжирает тебя заживо, не дает спать по ночам. Чем дольше ты носишь его в себе, тем больше процентов придется выплачивать, потому что ты снова и снова пишешь коды, основанные на ущербной топологии твоего шаткого модуля, и все это рухнет, как только ты решишь первоначальную проблему. Самый распространенный способ разобраться с технологическим долгом — просто забить на него; то есть вся штука рухнет (желательно после того, как создавший ее программист покинет компанию), и разбираться с последствиями придется кому-то другому.

У меня имелась своя форма долга, завязанная на стратегию преодоления трудностей. Мама показала мне, к чему может привести игнорирование подобных долгов. Возьмет ли Ильза меня за

руку, когда настанет критический миг? Возьмет ли кто-нибудь вообще?

У привычки раскладывать все по полочкам есть свое преимущество: ты умеешь реалистично оценивать ситуацию. Не обманываешь себя, а прекрасно знаешь, насколько ужасно обстоят дела, и можешь решать, надо ли складывать их на полочку, куда ты никогда больше не заглянешь.

Я прекрасно понимала, сколько долгов успела уже накопить. Все дружеские связи рассыпались, ушли все люди, в чьи проблемы я была вовлечена, все сожаления, которые я сама себе создала и запихнула подальше, чтобы не размышлять о них снова и снова бессонными ночами.

— Знаете что? — сказала я. — Кажется, я все-таки приняла неправильное решение. Удачи вам на совещании, Герте, когда бы вы его ни назначили.

В глазах Ильзы вспыхнула паника. Смотреть на это было все равно что видеть рождение звезды. Она прекрасно знала, что я из тех, кто смягчает угрызения совести, заводя дружбу с людьми, которые должны считаться моей охотничьей добычей. Но она не думала, что я из тех, кто может просто прекратить заниматься делом, которое вызывает угрызения совести. Особенно если мне была обещана щедрая оплата.

Паника вспыхнула и погасла.

— Маша…

Но я уже вскочила на ноги:

— Одежду верну позже, просто напишите мне и оставьте адрес, куда ее завезти.

— Маша! — Уже громче и злее. — Не сходи с ума…

Я пожала плечами:

— Когда весь мир сходит с ума, кто я такая, чтобы противостоять тенденции?

Прямо за дверью ждал охранник, недавно хвативший меня за руку. Он потянулся ко мне, и я остановилась.

— Только попробуй тронуть меня. — Я повысила голос, чтобы Ильза услышала. — Только попробуй.

Секундная пауза. У меня за спиной Ильза тяжело вздохнула:

— Пусть идет.

* * *

Если три тысячи человек соберутся, например, в Сивик-сентре или около большого отделения полиции, получится внушительная толпа. Но когда они сойдутся перед офисной башней в Файнэншл-дистрикте, то кажется, что там не

три тысячи, а миллион. В вестибюль набилось столько полицейских и охранников из торгового центра, что поначалу я даже не разглядела демонстрантов, лишь увидела край плаката (на словстакийском!), маячивший над плечом одного из копов, выстроившихся перед лифтами. Полицейский жестом остановил меня:

— Простите, мэм, этот выход закрыт. Вам лучше вернуться в офис и подождать, пока толпа рассеется.

Я прошествовала мимо него, бросив:

— Они со мной.

И стала проталкиваться сквозь шеренги охранников. Видимо, я их здорово потрясла: они не сразу среагировали и пропустили меня аж до стеклянной витрины. Только тогда один из них взял меня за плечо.

По ту сторону стекла стояла Таниша. Наши взгляды встретились. Она разглядела охранника, державшего меня за плечо, разглядела все, что было написано у меня на лице, и сделала выводы.

— Это Маша! — крикнула Таниша и заколотила кулаками по стеклу с такой силой, что охранник вздрогнул. — ЭТО МАША! — Так громко, что я ее услышала сквозь толстое стекло, сквозь гомон

толпы.

Секунда — и по стеклу колотили уже сотни ног и кулаков.

— СВОБОДУ ЕЙ! — закричала Таниша, и толпа подхватила, стала скандировать в такт ударам по стеклу: — СВО-БО-ДУ! СВО-БО-ДУ!

Клич распространялся, как огонь, короткий, сильный, цепляющий. Призывал действовать.

— СВО-БО-ДУ! — ревели голоса, кулаки молотили по стеклу.

— Пойду, — сказала я охраннику. — Иначе это добром не кончится.

Тот оглянулся на полицейского в задней шеренге. Коп пожал плечами. Ясное дело, он мечтал оказаться где угодно, только бы подальше отсюда.

— Я нахожусь под арестом? — Я прекрасно знала сценарий.

Охранник, белый хлюпик средних лет, тощий, гладко выбритый, глядел с мрачной решимостью на грани ужаса. Стрижка за семь долларов. Ему тут даже не платят как следует.

Он отпустил меня и потянулся к большой зеленой кнопке «Открыть двери» на стене. Я вышла и очутилась в толпе. Таниша схватила меня и обняла с такой силой, что хрустнули ребра. Тол-

па безумствовала. У меня на глазах выступили слезы.

Но только немножко.

Глава 11

Мои сегодняшние приключения закончились дома у Маркуса и Энджи, далеко в Аутер-Сансете, в коттедже, стоившем, наверно, миллион баксов.

«Распи Альтаир», мой подарок им на свадьбу, гордым сверкающим монументом высился посреди кофейного столика.

Я устроилась на их диване, что было, в общем, как-то странновато, но при этом…

Нет, просто странновато. Уж всяко лучше, чем ночевать у мамы, хотя это еще мягко сказано. От их дома до Окленда было очень далеко, но за два дня после освобождения я проделала этот путь уже трижды, проведя, кажется, полжизни в поездках на метро, а другую половину — на встречах, организованных Альянсом чернокожих и цветных, а точнее — группой ЧОЖ, «Чернокожие оклендские женщины». На следующее утро я встречалась с разношерстными компаниями активистов: группа ЧОЖ состояла из серьезных чернокожих девушек, в других группах были и старые, и молодые, и мужчины, и женщины, одни говорили как социалисты, другие — как ак-

тивисты из «Жизни чернокожих важны», третьи — как травоядные либералы из области Залива.

Все они смотрели на Танишу снизу вверх, и благодаря тому, что она поручилась за меня, относились ко мне без открытой враждебности. На большее я вряд ли могла рассчитывать, учитывая мое неоднозначное прошлое.

Таниша стребовала с меня подробный рассказ о том, чем я занималась в Словстакии, работая на «КЗОФ», расспросила о «ЗИЗ», об их возможностях — какие я знаю наверняка, а о каких могу только догадываться. Среди слушателей были организаторы криптопартии — они за руку поздоровались с Маркусом, обняли Энджи и делали много записей. Видимо, все мои рассказы очень скоро попадут в их вики.

В вопросах и ответах то и дело возникала Словстакия. Ясное дело, после ужаса с восставшими машинами во всех внезапно прорезался интерес к крохотной стране Восточного блока, где раньше произошла единственная атака подобного рода.

Но большей частью мы говорили о мерах противодействия. Что сработает, а что нет? Что опасно, а что не очень? Проблема состояла в том, что все они хотели иметь при себе телефоны, потому что только так могли координировать свои

действия, но не хотели, чтобы эти телефоны использовались против них. Я объясняла ребятам, что именно на это и рассчитывают «ЗИЗ», «КЗОФ» и все остальные ненавистные им конторы, а они отвечали, что прекрасно знают это, но не хотят отказываться от электронных средств коммуникации. Если у противника есть цифровые методы связи, а у них только устная речь, то они всегда будут оставаться позади.

Я много раз вела подобные беседы с Кристиной и ее друзьями. Словстакия возникала чуть ли не в каждом втором вопросе, и постепенно я поняла, что многие из этих ребят общались с Кристиной и ее соратниками, и у них даже сложились своеобразные деловые отношения в стиле «один за всех, все за одного», где люди, чья жизнь была перевернута с ног на голову негодяями из «ЗИЗ» и «КЗОФ», своими рассказами старались помочь тем, чья жизнь вот-вот будет перевернута с ног на голову негодяями из «ЗИЗ» и «КЗОФ», в свою очередь рассчитывая на ответную любезность, и в конце концов все они радостно поднимут бокалы за гибель своего общего врага.

Через пару дней я поняла, что вся их суета бесцельна. Все равно что мыши требуют надеть колокольчик на кота или муравьи просят защи-

тить муравейник от бульдозера.

Но сейчас…

В тот же вечер я во второй раз потащилась через мост на встречу с Танишей и ее приятелями. Они пришли на общественное обсуждение вопроса о том, разрешать ли строительство нового высотного здания, и убедили председателя сменить тему — поговорить о машинах-убийцах, взбудораживших город. На собрании присутствовали три городских советника, и один из них поначалу артачился, но Энджи изобразила на лице величайшую заинтересованность, и он, увидев ее, вспомнил, что скоро выборы, поэтому сел и успокоился.

Друзья Таниши организовали прямую трансляцию в сеть и вывели ее в топ просмотров, кто-то из криптопартии снабдил слайды хештегами и едкими, запоминающимися описаниями того, как за вами следит домашняя техника: ваш телефон может подслушивать вас, холодильник и термостат получают фальшивые обновления, принтер сканирует вашу сеть и отсеивает данные. Снова и снова повторялась мысль: все это и привело к появлению на наших улицах взбесившихся смертоносных машин.

Рядом со мной Таниша шепотом комменти-

ровала различные оттенки зеленого цвета, в которые окрашивались лица троих советников. Двое из них проголосовали за отмену правил, регулирующих надзорные функции оклендской полиции, а третьим был хорошо подмазанный сторонник того типа, который предложил законопроект (отработав положенный срок, этот тип перешел консультантом в «ЗИЗ» и теперь будет убеждать власти других городов, что они должны покупать инструменты только у «ЗИЗ», вдобавок советуя, как при этом не спровоцировать публичные обсуждения).

Все трое готовились через пару месяцев повторно идти на выборы, и у них в голове шел сложный математический расчет. Один из них лихорадочно набирал текст.

Наступила моя очередь выступать.

Я знала, что она подойдет, но как-то забыла об этом. И вот Маркус вел меня к трибуне, Энджи шла на шаг позади него, а передний ряд ощетинился телефонами, ведя прямую трансляцию.

И когда я заглянула, будто в ружейные стволы, в объективы этих камер, меня пронзила паническая мысль: «Я не справлюсь».

Нет, конечно, мне не раз доводилось вести презентации в конференц-залах, даже проводить

занятия для больших групп толстопалых борисов, обучая их пользоваться установленным мной следящим оборудованием.

Но в те дни я была всего лишь офисной мышкой. Умела бойко трепаться с глазу на глаз. Но произносить речь? Перед полным залом? В режиме прямой трансляции?

Черт.

— Привет…

Начало так себе. Откуда-то с полочки донесся въедливый голос: «Маша, расскажи им всю правду. Пусть даже жестокую».

— Привет.

В переднем ряду какая-то пожилая белая леди, крошечная и хрупкая, в футболке «Жизни чернокожих важны» и вязаном берете, отозвалась с лучезарной улыбкой:

— Приветствую!

Вот нахалка. Но мне стало немного легче.

— Привет. — Считается, что с третьего раза непременно повезет, и публика захихикала. Не надо мной, а вместе со мной. — Простите, я редко выступаю. Вообще. Простите. Привет. — Опять смех. — Все, что вам только что рассказали, чистая правда. Я знаю, потому что работаю на «КЗОФ». Точнее, работала. И на «ЗИЗ». По всему миру.

В Ираке. В Мексике. В США. И, гм, в Словстакии.

Улыбок стало меньше. Многие нахмурились.

— Да. Так было. Здесь, в Сан-Франциско, я работала на ДВБ. После взрыва на мосту. После Бэй-Бридж. На Острове Сокровищ.

Недовольный ропот. Чей-то отчетливый голос:

— Это еще что такое?

Меня прошиб пот. Под мышками стало мокро. Одежда прилипла к спине. Щекотная струйка покатилась к пояснице. Зачем я опять пошла на это?

— Знаете, когда взорвали Бэй-Бридж, мне стало страшно. Я злилась. Хотела чем-то помочь. Думала, я могу изменить мир к лучшему. — А правда ли все было именно так? Был ли период, когда я искренне хотела принести пользу, а не просто потягаться с кем-нибудь своими нехилыми техническими талантами? Наверняка был.

— Я была молода, мне было страшно, очень страшно, и я неплохо разбиралась в технике. Гордилась, что меня взяли на работу туда, что я имею доступ ко всем данным, ко всем системам, знаю то, что неизвестно другим, и ко мне прислушиваются, признавая, что мне есть что им сказать. И до меня постепенно стало доходить, что те, с кем я меряюсь интеллектом, это обыкновенные люди.

Не чудовища. Даже не преступники. И называть их «подозреваемыми» тоже бессмысленно, потому что их подозревают в чем-то плохом лишь по одной простой причине: они не позволяют мне вмешиваться в их дела. Мне, например, не нравится, когда кто-то лезет в мои дела. Но тогда…

Я запнулась. Лица слушателей были каменными. Объективы не знали жалости. И вдруг мне стало вдвойне страшно оттого, что все это напрямую транслируется в сеть.

— Тогда… — Заминка. — К тому времени это занятие стало неотъемлемой частью моей личности. Делом, в котором я сильна. Знаете, по возможности я старалась помогать тем, кто на другой стороне.

Каменные лица. Гора Рашмор. Струйки пота.

— Э-э… — Сколько я уже не дышу? Кажется, давно. Грудь теснит. Хватаю воздух ртом. — Знаете что? Все это не имеет значения. Я была не на правильной стороне. Теперь я это понимаю. Тогда, наверно, тоже понимала, по правде говоря. Даже когда я была в Ираке, ловила негодяев, которые насиловали женщин, убивали детей… Те, для кого я их ловила, были ненамного лучше. Редко, ужасно редко мне доводилось охотиться на негодяев по приказу героев. Иногда, если повезет,

я ловила чудовищ по приказу других чудовищ. Так было в Ираке. Так было в Словстакии, где я вылавливала нацистов, потому что, знаете, туда им и дорога. Но чаще всего было по-другому: я охотилась на хороших людей по приказу плохих. Вот она, истина. Я понимаю, это очень глупо и очень по-американски — делить весь мир на хороших и плохих, но те плохие были настоящими подонками, потому что очень щедро платили мне за работу, и, откровенно говоря, сколотить такие деньжищи можно только самыми нечеловеческими способами. Иногда те, на кого я охотилась, нарушали закон, но законы эти были придуманы чудовищами, чтобы держать в узде своих жертв. Да, инструменты, созданные мной, успешно помогают ловить убийц, насильников и прочую нечисть, но всего лишь потому, что они могут успешно поймать кого угодно, и в основном в их сети попадают добропорядочные люди, чье единственное преступление в том, что они хотят очистить наш мир от негодяев. Так что, повторяю, я стояла на неверной стороне. Мне хорошо платили, и это убаюкало мою совесть. Но больше я не желаю там находиться. С этим покончено.

Каменные взгляды.

— Должна сказать вам правду. По-моему, вам

их не победить. Силы неравны. Я могу вам показать, как работают их шпионские штучки, могу научить вас самих собирать такие шпионские штучки, но вы все равно проиграете. Они получают бешеные деньги за то, что шпионят за вами, и платят эти деньги людям вроде меня, чтобы они не спускали с вас глаз. Если вы не дадите им шпионить за вами, они не получат платы. Но и вы тоже. Уходить от слежки — это работа, серьезная работа, и выполнять ее придется в свободное время, по совместительству, без оплаты, и вы в ней не очень хорошо разбираетесь. Они пустят в ход все полученные деньги, чтобы найти у вас одну-единственную ошибку, и после этого расколют всю вашу жизнь, как орех. Вы на вашей неоплачиваемой побочной работе должны не совершать ни единой ошибки. Это невозможно. Вы все равно проиграете. Кроме того, в этом деле будет завязана вся ваша команда. Взломав вас, враги получат доступ к каждому, кто общается с вами, кто вам доверяет. Единственный способ избежать угрозы — не заводить друзей вообще, и тогда, честно говоря, можете делать что хотите, потому что в одиночку вы никому не будете интересны.

Мои слова походили на бессвязный лепет, но

это было не так. Я попыталась донести до них всю свою правду, и получалось, что правда моя горька: вам всем крышка. И мне крышка. И нашему делу крышка. Я видела это на их лицах.

— Вот мой совет: всеми силами избегайте случайной ненаправленной слежки. Если вас атакует вирус-вымогатель и ваша защита лучше, чем у следующего человека в его списке, он двинется дальше. Но против адресного наблюдения вы ничего не сможете сделать. У вас не хватит мастерства. — Я запнулась. — И у меня тоже не хватит.

Лицо стало мокрым; значит, я заплакала, но этот факт пробился к сознанию откуда-то издалека. Маркус хмурился так сильно, что лицо напоминало греческую маску трагедии. Таниша кусала губу, словно хотела меня остановить, но при этом и не хотела.

Потом чья-то рука тронула меня за локоть, и я обернулась. Энджи, девчонка Маркуса, моя злейшая соперница, пять футов с кепкой, фигуристая, подстриженная под каре, — у нее было все, чего не хватало мне. В первый миг я инстинктивно отпрянула, словно боялась, что она меня лягнет, — вот до чего я была взвинчена. Но потом разглядела ее лицо. В ее глазах была

невообразимая смесь разных чувств: уважение, обеспокоенность и — да — надежда. Теперь я поняла, что Маркус нашел в Энджи. Ее эмоции всегда лежали на поверхности, сильные, искренние, не пропустишь, ни с чем не спутаешь. Если смотреть на ее фотографию, чем я, признаюсь, иногда грешила, то она казалась ничем не примечательной. Но в общении, когда ее лицо вот так вспыхивало, она становилась великолепной.

Она стиснула мне руку. Пальцы тонкие и теплые, гладкая ладошка. Кожа блестит от пота и усталости. Энджи улыбнулась, взяла у меня микрофон и, не выпуская мою руку, поднесла его к губам.

— Так и есть. — Вся энергия, какая была в зале, обратилась на нее, и Энджи, выпрямившись, стала словно бы выше. — Все, что говорит Маша, чистая правда. Если нас отделяет от тирании только криптография и интернет, мы обречены. Надо поднять лапки кверху и сдаваться. Но у нас в распоряжении гораздо больше средств. Например, у копов есть оружие, и мы не хотим, чтобы в нас стреляли. Но ведь для этого мы не покупаем бронежилеты и не разъезжаем в танках. У них есть тюрьмы, и мы не хотим, чтобы они нас туда бросали, но мы ведь не создаем запасы динамита.

Каким же образом мы сохраняем свободу, безопасность и не попадаем под пули? Нам помогает политика. Демократия. Мы можем призвать их к ответу. Не так уж много лет назад Окленд первым из крупных городов принял закон, требующий от городских властей выносить на общественное обсуждение любые новые средства для слежки, любые новые базы данных. Вы сами видели, как ожесточенно боролись против этого закона технологические компании, как много финансов они вложили, чтобы зарубить этот закон. Им было страшно. Знаете, что сильнее любой криптографии на свете? Подотчетность. Политики, которые держат ответ перед нами, а не перед компаниями-миллиардерами, куда можно уйти работать, оставив государственную службу. Технологии делают свое дело. Мы с вами в полной безопасности можем достичь такой степени слаженности, о какой «Черные пантеры», Движение за свободу слова, яппи, профсоюз индустриальных рабочих, «Розовые пантеры» и Движение американских индейцев, любые организации и активисты из этого региона могли только мечтать. И мы сделаем глупость, если не будем пользоваться этими инструментами. Но еще глупее будет пользоваться только этими инструментами. Самым важным

средством, с помощью которого мы сумеем обуздать злоупотребления официальных властей, является договороспособное, легитимное, демократическое правительство. Вот для этого мы и будем использовать наши инструменты.

Энджи обвела слушателей взглядом и продолжила:

— Я знаю Машу уже десять лет и никогда не сомневалась, что она прекрасно разбирается в современных технологиях. Разумеется, «КЗОФ» и «ЗИЗ» не зря платили ей такое большое жалованье — она его полностью заслужила. Но, Маша, — она с мягкой улыбкой обернулась ко мне, — в политике ты никогда не была сильна. У тебя туннельное зрение, ты считаешь, что если проблему нельзя решить технологическими средствами, то она вообще не имеет решения. Но мы, Маша, можем решить эти проблемы. С твоей помощью мы создадим инструменты для сопротивления. Когда мы начнем сопротивляться, то сможем организоваться. А когда организуемся, сможем победить.

Последняя фраза громко прозвенела в притихшем школьном спортзале. Грудь Энджи слегка вздымалась, глаза ярко горели. Она говорила совершенно серьезно, и мне очень захотелось ей

поверить. Может быть, когда-нибудь смогу.

Маркус смотрел на нее как на божество. Я его не виню. Странное дело, я всегда считала этих людей задохликами, варящимися в собственном соку и рассказывающими всем, как это вкусно. Но, если я постараюсь, может быть, Энджи и меня обратит в свою веру.

Таниша заключила ее в долгие объятия, потом забрала микрофон. Поднесла его к подбородку и вздохнула. Еще раз.

— Друзья, все это мы уже проходили. В прошлый раз речь шла о камерах, считывающих номера машин, и о трекерах сотовых телефонов. Теперь — о взломанных машинах, убивающих людей на улицах. В прошлый раз нам пришлось убеждать людей, что эта тема вообще достойна внимания. А теперь мы должны убедить их, что еще не поздно что-нибудь сделать. Завтра мы должны вывести на улицы как можно больше народу. Столько, чтобы попасть на страницы новостей в масштабах страны. Если у вас есть приятель, который постоянно пишет в фейсбук о том, как все это возмутительно, но сам не удосужится встать с дивана, оторвите его от этого дивана. Пойдите к нему домой, вытащите его на улицу, остановитесь по дороге на марш и

приведите еще пятерых друзей. Пришло время действовать. Если кто-то утверждает, что все это бессмысленно, разубедите его, покажите, сколько еще народу собирается прийти, намекните ему, что он один останется дома, лежать в трениках и есть мороженое, пока остальные борются за правое дело.

Она обвела слушателей пылающим взглядом. Я ощутила притяжение ее энергии, тепло зарождающейся надежды, даже при том, что циничный внутренний голос перечислял тысячи способов, какими я могла бы рассеять эту группу, нейтрализовать ее действия, уничтожить.

Таниша вздохнула. Еще раз. В этих глубинных звуках слышалась решимость человека, готового к настоящим, трудным поступкам. Ее вздохи отдавались трепетом у меня в душе. По щекам текли слезы. Я отвернулась, уткнулась в рукав и разревелась, как ребенок. Шикарное, наверно, зрелище. Интересно, видит ли мама.

— Вопросы есть? Нет? Хорошо. Вы все знаете, что делать. Действуйте. Встретимся завтра.

Так я второй раз поехала в Окленд.

* * *

— Мне понравилась твоя речь, — сказала я Энджи, когда мы ехали в метро под Сан-Францисским заливом. В нашем вагоне дежурил транспортный полицейский, и рядом с ним мне было не по себе. Кто знает, за какие ниточки подергали «КЗОФ» и «ЗИЗ»? Стоило закрыть глаза, и передо мной возникал убийственный, пылающий взгляд Кэрри Джонстон. Она была словно стервятник, готовый растерзать добычу.

Энджи коснулась моей руки:

— Мне твоя тоже.

Во мне вскипел гнев, щеки вспыхнули.

— Чушь. — Энджи и глазом не моргнула. Она излучала искреннюю теплоту. — Да ладно тебе. Я все провалила. Вышла к людям и несла всякий бред. Сказала, что надежды нет. Фактически велела им сдаться. И даже не пытаться что-то сделать.

Энджи покосилась на Маркуса.

— Ты сказала, что технология их не спасет. Им давно пора было услышать это. — Маркус робко улыбнулся ей, она взяла за руку и его тоже. Ну и картинка из нас была, наверно. Того и гляди запоем религиозный гимн.

— Технология их не спасет. Уж кому и знать, как не нам. Технология — инструмент, который дает нам возможность добиваться перемен в политике. А политика — инструмент, который дает возможность улучшать технологию. Вроде параллельной парковки: ты сколько можно едешь в одном направлении, потом переключаешь ход и едешь сколько можно в другом. С помощью технологии достигать результатов в политике, с помощью политики улучшать технологию. Туда и обратно. — В такт своим словам она покачивала наши руки, словно мы водили хоровод.

— Вы оба… — Она сдвинула руки, и наши с Маркусом пальцы соприкоснулись. Меня словно током обожгло. — На самом деле вы толком и не понимаете, как работают технологии. — Маркус попытался возразить, но она не дала ему раскрыть рот. — Да, вы, конечно, намного лучше меня разбираетесь в кодировании, криптографии, алгоритмах, но, когда дело доходит до настоящей работы, до вопросов о том, какое место занимают технологии в нашем мире, вы не понимаете принципов действия системы. Вам кажется, что если технология позволяет что-то осуществить, то это произойдет автоматически. Вам кажется, что если чего-то нельзя достичь с

помощью технологии, то это невозможно. Вы упускаете самое главное: информация не хочет быть свободной…

Маркус перебил:

— Однако люди-то хотят. — Было видно, что он уже не впервые ведет этот спор.

Энджи улыбнулась:

— Люди хотят. Хотят с помощью технологий стать свободными. Технологии — это инструмент, помогающий нам общаться, организовываться, поддерживать связь. Технологии сами по себе не сделают вас свободными, но их можно использовать, чтобы добиться свободы.

Остаток пути до дома прошел в молчании. Мне никогда не доводилось серьезно разговаривать с Энджи. Для меня она всегда была девчонкой Маркуса, соперницей, которая добилась победы еще до того, как я вступила в игру. Я смотрела на нее сверху вниз, считая, что она ничего не смыслит в технологиях. Точно так же, если уж быть честной перед самой собой, я смотрела сверху вниз на Танишу — ведь она не программист, не тестировщица, не инженер.

Энджи грустно улыбнулась:

— Видела бы ты сейчас свое лицо.

— Ага. — Я не удержалась от смеха.

— Ты решила, что я пустышка и болтаю о технологиях, потому что ничего в них не понимаю, да?

Она гораздо умнее, чем я о ней думала. А значит, я сама куда глупее, чем о себе предполагала.

— Просто… — Я капитулировала.

— Вы оба. — Она стукнула наши с Маркусом руки друг о друга так, что у меня заболели пальцы. — Слушайте, если люди, пользующиеся вашими замечательными технологиями, не имеют права сесть с вами за один стол, то давайте уж сразу поднимем лапки кверху. Те, кто живет в городах, проявляют вполне законный интерес к тому, как построен город. И они имеют право обсуждать это — все они, а не только архитекторы и строители.

На лице Маркуса блуждала страшно довольная улыбка. То ли ему нравилось смотреть, как, для разнообразия, на сковородке корчится кто-то другой, то ли он восхищался, глядя, как блистает жена. Ну и пусть.

У меня внутри что-то оборвалось и с грохотом покатилось. Видимо, свалилось с обломков очередной рухнувшей полочки. И грозило вырваться слезами, но я, заморгав, загнала их обратно.

— Вполне разумно, — выдавила я. — Жаль, что

я сама не пришла к такой же мысли. — Запнулась. — Лет десять назад.

— Да, — отозвалась она. — Это могло бы избавить многих людей от жестокой боли.

— А может быть, и спасти им жизнь. — Я попыталась произнести это уверенно, но с губ сорвался лишь шепот.

Энджи заглянула мне в глаза. Выпустила наши с Маркусом руки, обняла меня. Я на миг оцепенела, а потом прижалась к ее плечу… Не хотела плакать, не понимала толком, почему плачу, но все-таки разревелась.

Слезы текли не переставая. На миг почудилось, будто я рыдаю на плече у мамы, а не у Энджи. Я даже не могла отойти на эмоциональную дистанцию, чтобы отметить, как дико и безумно это смотрится.

Энджи, со своей стороны, восприняла мой порыв очень спокойно. Не пыталась оттереть с рубашки слезы и сопли, гладила по спине и голове. Словно знала главный девчачий секрет — вовремя подставить сочувственное плечо. Словно это она, а не я, была в тот день в девчачьем классе. А ведь никто и никогда не плакал вот так на моем плече.

Краем уха я уловила, как Маркус встал, вышел

на кухню, вернулся. Поставил что-то на кофейный столик. Повеяло ароматом кофе. Потом он опять встал, вышел и вернулся. На столике появилось что-то еще. Ну когда же иссякнут слезы? Конца-края им нет.

Усилием воли я выпрямилась, взяла у Энджи пачку бумажных платочков, долго высмаркивалась и утирала слезы. Она спокойно промокнула плечо и жестом указала на стол с двумя чашками кофе.

— Без кофеина, — сказала она. — Хочешь по-ирландски или просто черный? И так, и так будет вкусно. Маркус приготовил. — Он просиял. Мне стало ясно, что я абсолютно не понимала расстановку сил в их отношениях. Интересно, станет ли кто-нибудь улыбаться столь же гордо, если я похвалю приготовленный им кофе.

— С виски, пожалуйста.

— Правильное решение. — Энджи открыла шкаф.

* * *

На следующий день Маркус выдал мне подходящую одежду для демонстрации: джинсы, старую кожаную куртку, поношенные теннисные туфли с двумя парами носков — чтобы не болтались.

Спустившись в метро, я огляделась и поняла, что чуть ли не половина народу одеты примерно так же. У некоторых были самодельные плакаты: «ДВБ, ПРОЧЬ ИЗ ОКЛЕНДА», «ВЕРНУТЬ 4-Ю ПОПРАВКУ». Настроение у всех было сосредоточенное, напряженное, как у Кристины и ее друзей, и я с трудом подавила боль в груди.

Маркус, конечно же, взял с собой термос кофе и, как только поезд нырнул под дно залива, налил по чашке мне и Энджи. Даже с теплой чашкой в руках я содрогнулась, подумав о людях, запертых в туннеле в страшные дни терактов, а потом, вернувшись в нынешнее время, вспомнила, как в этом самом туннеле меня арестовали копы. Я всегда считала, что рано или поздно снова поселюсь в Сан-Франциско, но сейчас сомневалась, смогу ли найти здесь душевный покой.

Стайка ребятишек примерно того же возраста, в котором была я, когда начала работать на Кэрри Джонстон, с полуобритыми головами, одетые так, что не поймешь, мальчишки это или девчонки, украдкой затягивались вейпами. Маркус укоризненно покачал головой. Но выступила против них Энджи — тихо, но решительно обрисовала им, какой будет позор, если вместо важного дела их скрутят за такую ерунду — публичное потреб-

ление травки. Детишки пытались было дерзить, но через минуту виновато потупились, спрятали устройства в карманы и пообещали выбросить на ближайшей станции. В завершение Энджи обняла каждого и велела: «Берегите себя».

— По-моему, ты мозговой центр всей этой затеи, — сказала я, когда она снова уселась рядом с нами.

— А ты только сейчас поняла? — усмехнулся Маркус. — Мне с ней крупно повезло. — Эти слова меня ничуть не кольнули, что было удивительно и радостно.

— Еще как, — кивнула я.

Находиться по эту сторону баррикад было непривычно и странно. Я могла бы придумать миллион способов следить за нами, от IMSI-перехватчиков, которые можно разместить у всех выходов из метро на первых шести станциях со стороны Окленда, до видеоархивов с записями из поездов — хранить такие архивы надо подольше, чтобы потом пропустить через систему распознавания лиц. Годятся также отслеживаемые сети бесплатного вайфая, которые можно установить вокруг места демонстрации, блютус-считыватели, помогающие вычислить каждого, чей телефон избежал контакта с IMSI-перехватчиком. Я бы

купила, вытребовала или похитила данные со всех турникетов метро, запустила бы фейковые новости, информируя всех, что демонстрация отменена или перенесена в другое место.

Мне никогда не доводилось заниматься подготовкой и внедрением провокаторов и тайных агентов, но я снабжала их информацией и смогла бы без труда придумать, как с максимальным успехом сорвать демонстрацию, на которую мы направляемся, как посеять смятение, перерезать основные линии связи, послать людей не в ту сторону.

Никак не удавалось отделаться от странного чувства: мы обречены, мы идем прямым ходом в западню. Энджи заметила мое волнение и коснулась моей руки:

— Расслабься. Мы уже миллион раз бывали на таких мероприятиях.

Мне вспомнились ее вчерашние слова: мы не пытаемся победить систему превосходством в технологиях, мы хотим с помощью технологий открыть пространство для изменения системы. Техника не обязана быть идеальной, не обязана сохранять каждому анонимность или надежно защищать от шпионажа; достаточно, чтобы она помогла людям организовать политические из-

менения.

— Гм, конечно. — Мы были уже на оклендской стороне Залива, и при каждой остановке вагон наполнялся все больше и больше. Все ехали на демонстрацию. Стояла суббота, и толпа прибывала стремительно. — Как много народу.

— Это из-за машин, — сказала Энджи. Маркус кивнул. — С их стороны совершенно идиотский ход. Наверно, думали, что это подтолкнет людей искать защищенности, но ошиблись. В зоне Залива полно технарей, и, как только стало ясно, что машинная атака нарочно организована «ЗИЗ», чтобы заполучить контракт, ребятам было несложно понять это и поверить. Я следила за процессом в соцсетях; как и говорила Таниша, люди поднимали с дивана своих ленивых друзей и выводили их на улицы. «ЗИЗ», видать, совсем уж впал в отчаяние, если решился на такую глупость. Одно дело — терзать ботами-убийцами словстакийских бедолаг, американцы не склонны обращать внимание на то, что происходит на другом краю света. Но проворачивать то же самое здесь? В зоне Залива? Еще чего.

Я покачала головой.

— Уверена? Для такой штуки очень легко организовать дезинформацию, обвинять всех и

каждого, и в конце концов никто уже не поймет, чьих это рук дело. — «КЗОФ» разработал для этого специальный инструмент — новейшую программу для управления персонажами, основанную на рандомизации IP-адресов по широкой серии взломанных устройств, выступавших в качестве прокси, с двойственными возможностями типа «кентавр», позволявшими человеку вступать в действие и скакать верхом на ботах, когда те обнаруживали интересную беседу. Я видела, как ее разворачивали в Словстакии, и много часов играла в «бот или нет» с Кристиной и ее друзьями, уча их обнаруживать фейки и демонстрируя, как легко обвести людей вокруг пальца в соцсетях.

Энджи улыбнулась:

— Да, идея с дезинформацией уже устаревает. В прошлые годы она использовалась слишком часто, особенно в случае с Альянсом чернокожих и цветных. Дело в том, что в наших краях полным-полно бывших сотрудников «Гугла» и других технологических компаний, денег у них куры не клюют, а значит, им нет нужды торговать своим мнением. Когда они говорят, что провели анализ и считают это делом рук кого-то из своих, люди им верят. Установление авторства — дело сложное, но вполне реальное, и принцип «Ищи, кому

выгодно» никто не отменял.

Маркус потер руки, словно повар, собравшийся разделать гуся:

— Помнится, когда дезинформационные кампании только что появились в сети, я подумал: «Черт возьми, мы создали чудовище». Мне казалось, что все эти теории заговора и информационные пузыри станут неодолимы, а в мире всегда происходит столько всяких ужасов, что люди готовы будут поверить во все что угодно. Но оказалось, что для большинства любые стимулы постепенно теряют свою привлекательность, хотя, конечно, на начальном этапе игнорировать их довольно трудно. Найдутся те, кто всегда будет уязвим, примерно так же, как всегда находятся желающие поиграть в «Фармвилль» или поехать в Вегас, чтобы кидать монетки в игровые автоматы. Но большинству вся эта дезинформация просто наскучила.

Энджи кивала, слушая его. Они всем своим видом демонстрировали полнейшее взаимопонимание, и, глядя на них, мне захотелось отползти куда-нибудь в уголок и свернуться клубочком. Такого слияния разумов я еще не испытывала ни с кем. В моем обычном окружении преобладали те, кто хотел подсидеть меня и занять мое место.

Или, наоборот, люди, которых я техническими средствами пыталась упрятать за решетку. Так что я пробудила к жизни свою былую натуру и подпортила им праздник:

— Может быть, так оно и есть. Но должна сказать, что, как бы умудрены ни были жители зоны Залива, всегда найдется немало народу, способного лезть на стенку из-за хорошо сочиненной страшной истории. Но и это еще не главная цель дезинформации. Фейковые новости сочиняются не для того, чтобы никто не мог отличить, где правда, а где ложь. Цель — сделать так, чтобы всем стало все равно и чтобы, если вы попытаетесь позвать своих друзей на улицы, на демонстрацию ради какого-то важного дела, они ответили бы: «А это вообще так или нет?» У ваших врагов нет цели сделать так, чтобы с вами никто не соглашался, им просто надо, чтобы всем стало наплевать.

Маркус и Энджи задумались над этим так глубоко, что мне почему-то даже стало стыдно. Как будто я убеждаю их, что их дело не имеет смысла. Потому что, сказать по правде, я сама надеялась, что они меня убедят в обратном, примерно как раньше это получалось у Энджи.

— В таком случае хорошо, что они совершили

такую невероятную, блистательную глупость, — сказала Энджи. — Люди, может, и не задумываются о камерах наблюдения на блокпостах или расовом профилировании, однако превратить улицы Окленда в поле боя, полное смертоносных беспилотных машин, — это совсем другое дело. Это невозможно оставить без внимания.

Вот оно, зерно надежды, которое я давно искала. Маркус и Энджи напомнили мне, что мое бывшее начальство — никакие не бессмертные суперзлодеи, а просто заурядные болваны не умнее меня. У них больше денег, больше ресурсов, но движет ими жалкая эгоистичная жажда мщения, погоня за популярностью и другие легко нажимаемые кнопки. Горящие злобой глаза Кэрри Джонстон больше не вселяли в меня ужас, наоборот, приятно было сознавать, что она всего лишь сломленный человек, чьи специфические изъяны характера дают возможность на удивление легко помыкать ею.

— Ты умница. — Я обернулась к Маркусу: — А тебе, приятель, необычайно повезло. — В обоих случаях я говорила совершенно искренне.

Маркус почему-то засмущался, а Энджи тихо приняла это как должное.

* * *

Мне много раз доводилось бывать на протестных демонстрациях, особенно если учитывать те, которые я видела в трансляциях с видеокамер или дронов, помогая координировать ответные действия. Демонстрации бывают разные, но чаще всего они похожи на нечто вроде обязательных упражнений, где участники всем своим видом говорят: «Мы знаем, что это ужасно, знаем, что не сможем этому помешать, знаем, что всех вас это совершенно не волнует, однако мы не дадим этому свершиться просто так, мы непременно должны что-то сделать, даже понимая, что это бесполезно».

Но время от времени вспыхивают протесты совсем иного характера: масштабные, неожиданные, они пробуждают народ от спячки. И во взглядах людей, стекающихся к заданному месту, читается: «Даже не верится, что нас так много! Я-то думал, что приду один!». Этим людям казалось, что они идут на демонстрацию первого типа, обязательные упражнения, и вдруг они обнаруживали, что стали частичкой широкого движения. Оксана однажды описала мне это примерно так: ### ####### ##### # ###-### # #####

######, ### ## #######, ### ### ## ##### # ## ##### ######, # #### ## ######### ########.

Вот и сейчас назревала демонстрация второго типа. Эскалатор из метро был переполнен, на каждой ступеньке стояло по несколько человек, очередь к турникетам заполняла весь верхний вестибюль. Люди осматривались, смеялись над плакатами друг друга, соприкасались телефонами, соединяя их для криптографического обмена сообщениями.

По лестнице мы поднимались в сплошной давке, и над плотной толпой витали не только телесные запахи, но и аромат пачули. Вниз проникал прохладный воздух с улицы, он смешивался с феромонами и наполнял меня безумным, иррациональным предвкушением. Мы едины, нас много, мы неуязвимы.

Нет, мы, конечно, очень даже уязвимы. Я могла бы с ходу назвать несколько способов, которыми нас можно было запросто сокрушить, однако свежий воздух, теплота тел, взволнованный гул — все это захватывало дух. Оглядевшись, я увидела на лицах знакомое выражение — оно было у тех, кто выходил на центральную площадь Блтца, и сейчас то же самое выражение расплывалось у меня на лице.

Это волнение было мне знакомо. Каждый раз в глубине души я знала, что наступит время, и мне придется вернуться к работе, а она заключается в том, чтобы уничтожить это волнующее событие. Я выработала привычку: если во мне вспыхивала надежда, что уж на этот-то раз что-нибудь изменится, я запихивала эту надежду на самую дальнюю полочку, запирала на три оборота и приказывала себе не хлюпать носом.

Вот и сейчас во мне ожила эта привычка. Я ее проигнорировала. От этого стало страшновато. Но здорово.

Ближе к верхушке лестницы подъем сильно замедлился, и, выйдя на поверхность, я огляделась. Толпа заполнила улицы настолько, и выбраться из нее было невозможно. Медленно, очень медленно народ стекался в сторону Оклендского информационного суперцентра — словно песчинки просачивались в крохотную скважину песочных часов.

— Елы-палы, — обронил Маркус. Все вокруг засмеялись.

Над головой кружились дроны. Полицейские, гражданские, репортерские, а некоторые — полицейские, притворявшиеся гражданскими или репортерскими. Я отличала полицейские по ма-

леньким цифровым приемникам, подвешенным под брюхом; это была имитация сотовых вышек, фиксирующая данные всех окрестных телефонов. У других виднелись сопла для распыления перечного спрея. По крайней мере, я надеялась, что это всего лишь перечный спрей и дроны эти принадлежат полиции. Когда участвуешь в акциях гражданского неповиновения и над головой кружатся полицейские газовые дроны, это еще полбеды; гораздо хуже, если эти газовые дроны принадлежат неизвестно кому.

Некоторые из гражданских дронов играли роль гончих псов; они намеренно толпились вокруг полицейских дронов, преграждали им дорогу, вынуждая включить систему ухода от столкновений и дергаться взад-вперед, расходуя батарею. Эта тактика была для меня в новинку. Наверно, ее придумали в зоне Залива ребятишки, у которых слишком много свободного времени. Они обучали свои машины идентифицировать и преследовать полицейские дроны. У всех над головами беспилотники вели свою воздушную войну: пару раз они столкнулись, иногда им удавалось разминуться на волосок. Но пока что с неба ничего не падало. И то хорошо.

— Кошмары становятся явью, — протянул

Маркус.

— Дорогой, не будь бякой, — бодро заявила Энджи и потащила меня через толпу.

* * *

Кто-то уже произносил речь. Мы были все еще в половине квартала от Информационного суперцентра и наглухо завязли в толпе, такой плотной, что вдохнуть можно было, только когда кто-нибудь выдохнет. Но люди опять проделали это волшебство со своими телефонами — синхронизировали их, превратив каждый аппарат в динамик, совпадающий по фазе с остальными. Наверно, все дело было в микрофонах — они прислушивались к соседям, вычисляли расстояние до них и подстраивались, не допуская возникновения помех и эха.

— У нас в городе был закон о том, что власти не имеют права купить следящее оборудование, не сообщив нам. Не обязательно даже спрашивать нас — достаточно просто сообщить. Рассказать, что за технику они покупают, как будут ее использовать и как расплачиваться. Этот закон больше не работает. Компании, занимающиеся слежкой, не хотят сохранить даже столь малый клочок прозрачности. Они подкупают городских

советников, и те заявляют нам, что держат все под контролем. Разве тут есть хоть что-то похожее на подконтрольность? Мы должны отобрать наш город. У застройщиков, выгоняющих нас из собственных домов. У политиков, которые хотят «поднять стоимость недвижимости», даже если ради этого придется повысить арендную плату. У копов, которым дозволено безнаказанно бить и убивать. У шпионов, помогающих им снова и снова нейтрализовать каждого, кто осмелится возвысить голос в свою защиту. Они начали действовать так еще во времена «Черных пантер» и не прекратили до сих пор. Они говорят: «Поверьте нам, и все будет хорошо». На самом деле ничего хорошего нет. Апокалиптическое зло, на которое они исподтишка расходуют наши деньги, — это очень плохо. Когда за тобой постоянно шпионят — это очень плохо. Когда вторгаются в нашу частную жизнь, анализируют выражение лица, сопоставляют наши действия в интернете с покупательскими привычками и маршрутами наших поездок в метро — это очень плохо. Никто никогда не проголосует за это зло, поэтому они держат его в тайне. Это вовсе не секрет — они просто боятся, что люди узнают правду и помешают им.

Толпа, накаленная до предела, окруженная дронами и кордоном копов, разразилась хохотом. Строчка была, конечно, хороша, а в накаленной обстановке прозвучала еще лучше и дала выход скопившемуся пару.

Мы подобрались ближе к сцене. Накаленная атмосфера гудела и вибрировала, как гитарная струна, пронизывая тело от живота до пяток.

В сотнях телефонных динамиков оратор вздохнул. И еще раз. Это была Таниша.

Потом мы ее увидели. Она стояла на тумбе ограждения, и со всех сторон ее поддерживали женщины из ЧОЖ. Издалека она казалась лишь крапинкой, но даже на таком расстоянии было видно, какая царственная у нее поза, вопреки (а может, наоборот, благодаря) опасной шаткости ее импровизированной трибуны.

— Наш город продал нас. Но все равно этот город — наш. Окленд принадлежит нам, а не копам, не наемникам из частных компаний, не спекулянтам недвижимости. Города существуют лишь потому, что в них живут люди. Мы — жители Окленда, и мы не отдадим наш город. Никому и никогда.

Она была великолепна. Притягивала взгляды, словно далекий, сияющий ангел возмездия. Моя

подруга, моя глупая, забавная, странноватая подруга. Я делилась с ней косметикой, брала поносить ее футболки, болтала о мальчиках и о родителях. Уезжая, я думала, что спешу навстречу лучшему будущему в лучшем мире. Таниша всегда была моей подружкой из родного города, уютной и домашней, лишенной амбиций.

Как же я жестоко ошибалась.

Приятно было выпустить надежду на волю с отведенной для нее полочки. Это помогло мне разглядеть в моих друзьях такие вещи, которые я намеренно держала спрятанными.

И в то же время выпустить надежду на волю с отведенной для нее полочки было очень больно. Мне предстояло встретиться лицом к лицу со всем злом, которое я сотворила благодаря своему самообману. Или даже не сотворила сама, а спокойно смотрела, как его творят другие.

К Танише кто-то направился. С моего расстояния он был почти неразличим, ясно лишь — рослый и быстрый. Одет он был в непримечательный спортивный костюм, словно только что из спортзала или с прогулки с собакой, лицо скрыто под кепкой «Окленд Атлетикс». Я заметила его, когда ему оставалась всего лишь пара шагов. Он силой проталкивался сквозь толпу, оставляя за

собой пустое пространство, словно рассекая ее напором. Вытянул руку вверх, и я разглядела конец телескопической дубинки. Мне уже доводилось видеть, какие страшные вещи творит это оружие в умелых руках, как оно крушит колени, локти, переносицы, зубы, мягкие впадинки на висках.

Я заорала, предупреждая Танишу, стала проталкиваться, но толпа не шелохнулась. Сдвинуться никто не мог. Маркус и Энджи окликали меня, со всех сторон летели ругательства, но я толкалась, толкалась, понимая, что это тщетно. Тем временем тот человек все ближе подходил к Танише сзади. Ее голос звенел из динамиков всех телефонов:

— …они увидят, как много вас собралось на этой площади, и будут нас слушать: ничего другого им просто не останется. Они думали, нам надоест протестовать, мы упадем духом. Но нет, они ошибались. Когда нас хотят растоптать, мы не поддаемся, мы…

Он схватил ее так стремительно, что она и глазом не успела моргнуть, как уже лежала у него на плече. Да что он творит? Это же бессмысленно. Как он думает утащить Танишу на плече сквозь плотную толпу, среди бела дня, под присмотром летающих видеокамер?

За ним бросились две женщины, поддерживавшие Танишу на тумбе. Взмах телескопической дубинки, раз, другой — и они рухнули как подкошенные. Он ускорил шаг, пинками разгоняя всех, кто вставал на пути, и сквозь толпу навстречу ему двинулась еще одна волна — плотный клин полицейских в полном боевом облачении. Они шли, выставив щиты, взмахивая дубинками. Если бы они пошли так до того, как схватили Танишу, то встретили бы упорное сопротивление. А сейчас внимание толпы распадалось надвое, не давая сомкнуть ряды. Даже издалека мне было видно, как разгоралась паника. Люди наталкивались друг на друга, падали. Их били по головам. Некоторые из демонстрантов надели каски и стали проталкиваться обратно, преграждая путь копам, но сразу же падали под ударами дубинок, и их обмякшие окровавленные тела исчезали под безжалостным полицейским клином.

Маркус встал рядом со мной, Энджи тоже, и мы, сложившись в собственный клин, двинулись сквозь толпу. Энджи встала на острие клина. У нее хорошо получалось: похлопывала людей по плечам, улыбалась, благодарила, но действовала настойчиво и шла вперед упрямо, как буксирный катер. Мы двигались навстречу полицейским,

туда, где шло побоище, где была Таниша, и ни один из нас не произнес ни слова. Я уже видела это в Словстакии — люди не убегали, а бросались вперед. Это выглядело как самоубийство. Теперь же, когда надежда вырвалась со своей полочки, казалось, что по-другому и быть не может.

Так думали не только мы. Люди надевали маски, прикрывали лицо платками и водружали сверху велосипедные шлемы, срывали протестные плакаты с палок, которые внезапно оказались гораздо крепче обычно используемых садовых жердей. Казалось бы, мы должны дрожать от страха, но нет — чувство было изумительное. Тоскливая безнадежность, охватившая меня, когда Танишу арестовали, уступила место ярости мщения. Я вдруг поняла, что ору во все горло. И вокруг тоже кричали. И еще я вдруг поняла, что не хочу останавливаться. Надежда — штука мощная.

Теперь к дронам добавились вертолеты. Хаотическая толкотня, брызги на лице, под ногами становилось скользко от воды. Нас поливают из шланга. Ну и пусть. Сцепив руки с Маркусом и Энджи, я с разгона врезалась в тех, кто бежал от водометов, и мы свернули, уходя вбок от струй. Но сзади напирали, и многие из убегавших, встре-

тившись с нашей линией, развернулись и пошли вместе с нами. Если кто-то падал, ему сразу же помогали встать.

Внезапно мы очутились на переднем краю, лицом к лицу с водометами, и это были не просто упрочненные шланги; струи воды вырывались из бойниц в высокой, футов двадцать, движущейся стене, за которой ехало что-то вроде экскаватора. Стена походила на высокий прямой щит снегоочистителя, установленный на мощную торчащую арматуру и выкрашенный в синий полицейский цвет со звездой и эмблемой оклендской полиции. Над верхним краем щита в застекленной кабине, словно фермер на тракторе, восседал мрачный коп. А под нижним краем мелькали ноги в тяжелых ботинках — за щитом шагали полицейские. Шланги весело играли над толпой, выбирали себе жертв по краям, валили их с ног, прямо на тех, кто шел следом. Оператор водометов явно развлекался, позволяя упавшим почти встать, а потом снова опрокидывая. Одного парня струя ударила сзади, когда он полз на четвереньках, пытаясь подняться; через минуту он все-таки встал, но по лицу струилась кровь — видимо, он лишился передних зубов или сломал нос. Буффонада для диктаторов.

Мы шли в середине передней линии, все еще уклоняясь вбок, чтобы обойти медленно едущую осадную машину, и нас то и дело окатывало брызгами — водометчик размахивал шлангом из стороны в сторону. Но мы крепко сцепили руки и при поддержке тех, кто шел сзади, сумели устоять на ногах. И шагали вперед.

* * *

Не знаю, чего я ожидала. Что мы дойдем до наползающей крепости и полезем вверх по отвесной стене? Что мы обогнем ее с краев и возьмем копов голыми руками? Или с жалкими дубинками, на которые ребята из Черного блока вешали свои плакаты?

Оглядываясь назад, скажу: ни на что я не надеялась. Ни о чем не думала. Просто действовала. Они схватили мою подругу, но я вместе с друзьями шла туда, где видела ее в последний раз. Нас объединяла общая цель, и это передавалось через стиснутые руки, через упрямый шаг. Никогда не испытывала подобного единения. Раньше, сидя перед экранами, я считала, будто понимаю, какие чувства испытывают люди в такие минуты. Ни черта я не понимала.

Мы шли. Разбитое колено взывало о пощаде, но

я его не слушала.

* * *

Ползущая стена надвигалась. Мы шли под углом к ней, все еще стараясь обогнуть, поскальзывались под струями воды. Кое на ком были защитные очки, надетые, наверно, на случай газа, но против воды они тоже неплохо помогали. В небе жужжали дроны. Один из них попал под струю воды, закувыркался, упал и разбился вдребезги.

Демонстранты распевали речовки, хорошо известные им, но неведомые мне: «Если не добьемся, будем бастовать!», «Чьи улицы? Наши улицы!». Третий слоган я много раз слышала на разных языках: «Когда мы едины, мы непобедимы!».

Но все, из чьих уст я слышала этот слоган, были побеждены. У них была надежда. И они все равно пели это. Вот и я запела. Надежда развевалась, как знамя.

Там, на переднем краю, я совсем не задумывалась, много ли народу еще осталось в деле, но, оглянувшись, была потрясена. На пути сюда мы много раз сталкивались с людьми, убегающими отсюда, и мне казалось, что нас, идущих вперед,

всего несколько — жалкие, чокнутые, обреченные одиночки. Меня это, конечно, не смогло бы остановить, но я не сомневалась, что нас совсем мало.

И вдруг я обнаружила, что мы стоим на гребне бескрайней людской волны. Те, кто бросился бежать, повернули обратно. Шли у нас за спиной, таким плотным строем, что я не смогла бы остановиться и уйти, даже если бы захотела. А я и не хотела. И не собиралась.

Может, мы все-таки непобедимы.

* * *

Мы подошли к стене так близко, что могли бы пересчитать заклепки на ее стальной броне, и вдруг она, заскрежетав, остановилась. Водомет качнулся взад-вперед, имитируя стрельбу, на нас незрячим глазом уставились черные дыры его шлангов. Один пролетел мимо меня, я отпрянула, и многие вокруг тоже. Шланги выплеснули немного воды, и я поняла, что они пусты. Ползучая стена завершила свой торжественный дебютный выход, канониры растратили все свои боеприпасы.

Мы ускорили шаг.

Из-за щита вышли копы. Они явно намерева-

лись нас напугать: шлемы с забралами, тяжелые ботинки, щиты, на поясах баллоны с перцовым спреем. Но нас было слишком много — не запугать. Если они начнут размахивать дубинками, мы их сразу опрокинем. Полицейский фургон стал разворачиваться, копы торопливо полезли внутрь, спеша покинуть поле боя. Вдалеке ревели сирены, над головой стрекотал вертолет, напоминая, что сюда наверняка спешит подкрепление, но в ответ на это мне лишь захотелось побежать еще быстрее, пока они не подоспели.

Вдруг в голове на одной из полочек загремела мысль: Танишу похитили не просто так. Это было сделано на виду у всего народа, а такие вещи случайными не бывают. Они понимали, что это сойдет им с рук, потому что за углом, подальше от наших глаз, стоит громадный убийственный бульдозер.

Нынче утром Информационный суперцентр и его подрядчики оказались на волосок от глобальной катастрофы, и все из-за «ЗИЗ», из-за их дурацкой криворукой выходки с машинами. «КЗОФ» умнее, чем «ЗИЗ», гораздо умнее. И расчетливее.

И сейчас мы имеем дело с хорошо рассчитанной провокацией. Если — точнее, когда — мы

бросимся на копов, положение дел резко изменится. У властей появится предлог организовать слежку. Копы, наверное, сами не понимали этого, демонстранты уж точно не понимали, но все мы общими усилиями вот-вот вручим «КЗОФ» контракт на десятки миллионов долларов и создадим прецедент, на основе которого они смогут продавать свои услуги всем остальным городам Америки. Да что там, всего мира.

Я резко затормозила, и толпа по инерции подтолкнула меня в спину. Надо их остановить.

* * *

— Садимся на землю! — крикнула я Энджи. — Надо сесть! Всем!

Энджи смотрела на меня непонимающими глазами.

— Надо срочно это прекратить. Сесть и спокойно сидеть. Нас пытаются спровоцировать на беспорядки.

Энджи покачала головой, посмотрела на меня, еще раз покачала головой.

— Надо прекратить!

Она переводила взгляд с Маркуса на меня. Мгновение назад ее глаза горели величием цели, она походила на ангела отмщения. А сейчас рас-

терялась и немного испугалась. Споткнулась, мы ее удержали.

— Это западня! — закричала я.

Мы замедлили шаг. Сзади напирали. Я тоже споткнулась и чуть не упала.

Энджи крикнула:

— На счет три! — Кажется, она мне поверила. — Раз! Два!

Мы сели.

В первые секунды меня, конечно, раз шесть пнули в спину и в голову. Шедшие сзади спотыкались и падали. Несколько человек растянулись на земле впереди нас, и это замедлило общий напор: люди останавливались помочь им, брали за руки, их тянули и усаживали наземь, крича:

— Сесть! Всем сесть! Это западня!

Если бы мы шли не в первом ряду, наш маневр ни за что не сработал бы. Но мы вызвали огромную кучу-малу, и с каждым мгновением она вырастала все больше. Те, кто не сумел остановиться вовремя, все еще толкали нас сзади, пинали, но скорость постепенно замедлялась. На земле уже сидело довольно много народу, и те, кто ушел вперед, оглядывались посмотреть, в чем дело. Те немногие, кто еще продолжал идти, быстро осознали, что остались в одиночестве, и

остановились тоже.

Над толпой демонстрантов разлетелся новый клич:

— Сесть! Всем сесть! Это западня!

Я никогда не была сильна в кричалках, но вдруг обнаружила, что ору во все горло, попадая в ритм.

Со всех сторон, сколько хватало глаз, демонстранты садились на землю.

Глава 12

Мы сидели уже не в первых рядах; бок о бок, колено к колену перед нами усаживались те, кто случайно нас обогнал. Демонстранты заполнили двор перед Информационным суперцентром. Оглушительный рев бегущей толпы сменился неторопливым рокотом приглушенных разговоров. То и дело какая-нибудь компания вскакивала и устремлялась к шеренге полицейских, но другие хватали их за ноги и усаживали обратно.

Полицейские растерялись не меньше, чем мы. Трудно даже представить, что творилось у них в головах: минуту назад им была уготована роль человеческих жертв, специально отправленных на убой для создания провокации, за которой должно было последовать жестокое возмездие. А теперь перед ними сидели тысячи и тысячи мирно беседующих людей. Вертолеты спустились ниже, в их оглушительном реве потонул комариный писк бесчисленных дронов, и копы с трудом держались на ногах под напором воздушной струи вертолетных винтов.

Копы переглядывались, хлопали дубинками по

ладоням, поднимали забрала и вытирали вспотевшие лица. Сирена громко взвыла и умолкла: прибыло подкрепление. Кто-то из копов прижимал ладони к ушам, прислушиваясь к радио.

Полицейские из подкрепления шли шеренгами, как пехота на параде, и мундиры у них были не синие, а зеленые. Они несли щиты и огромные связки пластиковых наручников. Вскоре стало ясно, что идти им некуда — они уже заполнили все пространство между полицейским строем и сидящими демонстрантами, но все равно прибывали. Наступали на демонстрантов, сначала случайно, потом не очень, и все равно шли и шли. Я видела, как шевелятся у них губы, как руки прижимают наушники. Копы тщетно пытались понять, что тут творится, но все равно шли и шли.

Вокруг нас сидящие стали сбиваться плотнее — уже не колено к колену, а скрещивая ноги. Мне пришло в голову, что чем теснее мы сидим, тем труднее нас разогнать — те, кто не с краю, практически не могут встать и уйти.

Наверное, я рассмеялась, потому что Энджи спросила, что тут смешного. Я объяснила ей, и она тоже засмеялась, и этот смех подхватили все, кто сидел вокруг нас. Смех хрупкий, дрожащий, без малейшего веселья, но все-таки нам стало легче.

Пока мы переводили дыхание, мои мысли вернулись к Танише. Чтобы вытащить ее из-за решетки в первый раз, пришлось организовать крупную операцию. Сейчас у меня хотя бы есть на связи адвокат. Я достала телефон, быстро включила, зажала ухо ладонью, отсекая шум. Звонок никак не проходил. Может быть, мешала массовая прослушка, а может, люди вокруг просто улучили минутную паузу и стали звонить друзьям, затерявшимся в хаосе. Неправильно это — звонить по телефону в разгар протестов, под невидимым надзором множества следящих устройств.

— Ты там как? — спросила она деловым тоном, какой и надеешься услышать от юриста в трудную минуту.

— Нормально, а вы?

Она фыркнула:

— Работаю тут кое над чем.

— Над чем?

— Полиция арестовала Танишу. Но я уже приступила к делу.

— Приступили?

— Да. И у меня есть помощники. Маша, с тобой там ничего не случилось? Потому что это дело требует моего полного внимания.

— С Танишей все хорошо?

— Да, на данный момент. Я бы хотела, чтобы так и оставалось, так что, Маша…

— Хорошо, хорошо. Но, Айно…

— Маша, мне пора идти. Пауза скоро закончится…

— Пауза?

— Я перезвоню. — И она отключилась.

Маркус озабоченно сдвинул брови:

— Что там стряслось? Что еще за пауза?

Я объяснила, чуть ли не шепча ему на ухо. Ситуация выглядела хрупкой, как стекло.

* * *

Минуты. Часы. От долгого сидения у меня затекли ноги, в телефоне заканчивалась третья и последняя батарея: эти IMSI-перехватчики не только вторгались в частную жизнь, как слон в посудную лавку, но и резко увеличивали потребление энергии, потому что телефон снова и снова соединялся с фальшивыми вышками. Позвонила помощница юриста, сказала, что они отслеживают ситуацию. Маркус раздавал интервью репортерам, у которых его номер был добавлен к списку быстрого набора. Ну разумеется.

Энджи по телефону вела напряженные пере-

говоры с другими организаторами, изъясняясь уклончивыми терминами, которые помогли бы уйти от признания ответственности за любые незаконные действия, возможные в будущем, и по ее тону было ясно, что она прекрасно понимает: разговор прослушивается.

Когда-то такой прослушкой занималась я. А теперь я вышла из той игры и смотрела, как в толпе то тут, то там люди торопливо, лихорадочно выкладывают происходящее в интернет.

Потом у меня зазвонил-таки телефон.

— Наконец-то!

— Да, наконец-то.

Внутри все перевернулось. На том конце линии была не Айно, а Кэрри Джонстон.

Я инстинктивно прикрыла микрофон ладонью:

— Подменять номер — затея весьма непрофессиональная, вы не находите?

— Маша! — раздался и сразу же оборвался сердитый, испуганный голос Таниши. На линии снова была Кэрри Джонстон.

— Да, довольно непрофессионально. Совсем не то, к чему мне хотелось бы прибегать. Через десять минут жду тебя у дверей Информационного суперцентра.

— Я не смогу пробиться туда сквозь толпу.
— Ничего, найдешь дорогу.
И верно. Я нашла дорогу.

* * *

В Словстакии все высшие министры разъезжали в блестящих черных фургонах-«мерседесах», служивших им практически домом. Шоферы были у них вместо посыльных или терпеливо ждали, пока начальник отужинает или навестит подружку. Я вместе с Ильзой провела в таких фургонах немало времени, демонстрируя на практике свои рабочие достижения: мы отслеживали уличные протесты, собирали данные демонстрантов с их телефонов, проводили в реальном времени оценку рисков на основе соцсетей, сопоставляя онлайновые данные каждого человека с его сообщениями, потом вычисляли его местонахождение и составляли социальный граф. Выглядело это очень впечатляюще, прямотаки хотелось встать и зааплодировать.

В Америке дело было поставлено иначе. Здесь любили организовывать «мобильные командные пункты» — бронированные автобусы, начиненные мониторами, мини-холодильниками и стеллажами с оборудованием.

Мобильный пост «ЗИЗ» был обставлен гораздо уютнее, чем автобус «КЗОФ», в котором мне довелось побывать возле отдела полиции. Кожаные кресла, сверкающая нержавеющая сталь — все как положено, если хочешь произвести впечатление своим богатством.

Возле Кэрри Джонстон стояли один большой стакан из «Старбакса» и два больших громилы, а в глубине автобуса, в клетке из толстых прутьев с раздвижными шторками, призванными защитить законных пассажиров автобуса от плевков, криков, метания дерьма и других выходок пленного, сидела Таниша. Раздавленная, испуганная, она старалась держаться прямо, насколько это возможно со связанными за спиной руками. Когда я входила, наши взгляды на миг встретились, потом я отвела глаза. Надо было сосредоточиться на деле.

Со времени нашей последней встречи Кэрри Джонстон успела привести себя в порядок, переоделась в деловой костюм, подкрасилась, причесалась. Однако в глазах пылала необузданная жажда мщения.

Я стояла с непроницаемым видом и смотрела на нее. Пусть сама сделает первый шаг.

Она указала на кресло. Я села — не спеша, не

отводя глаз.

— Маша. — В автобусе надолго повисла пауза. Мощный ход. — Я подготовила экспертно-криминалистическое досье, в котором детально анализируются твои исследования произошедших на этой неделе транспортных инцидентов. Ты его подпишешь и представишь на завтрашнем совещании. В качестве виновной стороны там указывается «КЗОФ», и это определение подтверждается анализом характерных элементов системы, используемой «КЗОФ» для вмешательства в работу аппаратов, в чем ты лично разбираешься очень хорошо. Документ структурирован так, чтобы не подпасть под действие калифорнийского антикоррупционного законодательства, копии будут отосланы в Комиссию по ценным бумагам и биржам. Если дело завершится уголовным осуждением, ты получишь право на крупное денежное вознаграждение. Разумеется, ты сможешь оставить эту награду себе.

Эх, надо было пнуть ее сильнее.

— По нашему мнению, учитывая роль твоей подруги в организации насильственных, — Джонстон выдавила еле заметную улыбку, — акций гражданского неповиновения, большое жюри присяжных может предъявить ей обви-

нение в разжигании насилия по политическим мотивам. — Она покосилась на Танишу. Та презрительно щурила глаза. — Иными словами, в терроризме.

Кэрри Джонстон умела произносить слово «терроризм» так, что оно звучало чуть ли не как «рождественское утро», долгожданный миг чудесных подарков, изысканных яств и ехидных споров вокруг стола. Я не моргнула глазом:

— Ага. И потом я расскажу всем об этом нашем разговоре, и «ЗИЗ» будет выглядеть даже менее договороспособным, чем сейчас. Кэрри, вы плохо знакомы с теорией игр.

Она еле заметно покачала головой. Все это ей искренне нравилось. Очень. Я засунула свой страх на самую дальнюю полочку. И достала надежду.

— Собранных нами улик достаточно, чтобы испортить жизнь всем, кто тебе, Маша, дорог. Если «ЗИЗ» завтра выйдет из бизнеса, то несколько наших старших оперативных сотрудников сделают все возможное, чтобы твоя мать заплатила высокую цену. И твой друг Маркус. И твоя подруга Энджи. И твоя подруга Таниша. Все они заплатят высокую цену. Если тебе кажется, что мы не в состоянии этого добиться, значит, ты

плохо слушала наш разговор.

— Я сама способна за себя постоять, — заявила Таниша.

— Они сами способны за себя постоять. — А вот мама не способна. И Таниша — на ее стороне множество народу, однако некоторые могущественные люди охотно покажут себя на публике в роли врагов непокорного сброда. И в области Залива найдется много пожилых белых, которые охотно поддержат каждого, кто заявит, что вся сила полностью функционирующей Звезды Смерти (или полицейского государства) должна быть обращена на то, чтобы держать чернокожих и цветных под постоянным наблюдением, под постоянным контролем.

Кэрри Джонстон словно не слышала меня.

— Честно говоря, для меня эта ситуация беспроигрышна. Если ты отказываешься сотрудничать, то «ЗИЗ» идет ко дну, я выбираю оттуда лучших сотрудников с их клиентской базой и с наслаждением любуюсь, как мои менее удачливые коллеги целенаправленно губят все, что тебе дорого, во всех странах и городах, где тебе доводилось жить. А если ты все же согласишься, в чем я, по правде говоря, сомневаюсь, что ж, тогда мы сможем получить этот контракт, и я буду трудиться как

прежде, а ты проведешь все оставшиеся тебе дни и годы в ожидании расплаты. В ожидании, пока я решу с тобой поквитаться. — Ее глаза метали молнии. — Видишь? В любом случае я выигрываю.

* * *

Я настояла, что перед подписанием прочитаю весь отчет целиком. В нем было всего десять страниц, и непонятные диаграммы, видимо, призванные проиллюстрировать способ, каким были взломаны городские машины, чередовались в нем с подробнейшими, но *лживыми* объяснениями, почему всю эту историю организовал «КЗОФ» в попытке перехватить у «ЗИЗ» контракт с властями Сан-Франциско. Отчет присваивал всей операции интригующее название «Крысоловский гамбит», настолько нелепое, что я чуть не расхохоталась.

Кэрри Джонстон заглянула мне через плечо.

— Моя идея. — В ее голосе звучала гордость.

Я дочитала отчет и глубоко вздохнула.

— Нет. — И встала, не сводя глаз с Кэрри.

У меня за спиной Таниша прошептала:

— Да.

Кэрри тоже встала. Ее головорезы шагнули ко мне.

— Знаешь, тебе это с рук не сойдет. — Она прекрасно умела говорить внушительным голосом — школьный директор пополам с Дартом Вейдером. Этот голос, минуя мои высшие мозговые центры, сразу ударил по парасимпатической нервной системе. Я расправила плечи:

— До свидания, Кэрри.

Она кивнула головорезам, и они метнулись мне наперерез, перегородив узкий проход боевого автобуса. Один из них потянулся ко мне, и…

И в этот миг, как по заказу, дверь автобуса загрохотала под мощными ударами. Я обернулась к Кэрри Джонстон:

— Это за вами.

Головорезы вопросительно обернулись к ней. Кэрри Джонстон нетерпеливо махнула рукой, мигом отослав их на стартовые позиции у себя за спиной. Встала, одернула жакет, подошла к выходу, нажала на кнопку, и дверь с шелестом приоткрылась. К этому мгновению стук перерос в размеренный грохот и взметнулся до высшей точки.

За дверью стояли двое патрульных в мундирах оклендской полиции, какой-то тип, похожий на детектива, и еще один, серый и деловой, судя по всему — большая шишка. Рядом с ним — Ильза,

Волчица и т. д. и т. п.

Кэрри и Ильза, без сомнения, уже встречались. Наша сфера не так уж велика, и, когда она зарождалась, то есть когда отраслевые ярмарки проводились не в выставочном центре крупного города, а всего лишь в парадном зале аэропорта Хилтон, обе дамы уже были в деле.

Но даже я не могла предположить, что взгляды, которыми они обменялись, окажутся такими насыщенными и злобными. Аналогии из мира животных: птицы топорщат перья, коты выгибают спины, у собак шерсть на загривке встает дыбом. Все — и головорезы, и копы, и шишки — уловили эти взгляды и попятились. Никогда не испытывала ничего подобного. Невозможно описать. Невозможно забыть.

— Пожалуйста, выйдите отсюда, — произнесла Ильза с еле заметным, но жестким акцентом.

Рука Кэрри Джонстон на дверной кнопке дернулась. Неужели нажмет и захлопнет дверь прямо перед носом Ильзы? Нет. Она медленно, размеренно вздохнула:

— Нет.

— Да, — возразила Ильза, и копы встали на нижнюю ступеньку автобуса.

* * *

В конце концов Кэрри Джонстон и ее головорезы удалились, кипя от ярости. Кэрри, храня свое драгоценное достоинство, не стала дожидаться, пока полицейские вытащат ее силой; она вышла, выпрямив спину и задрав нос. Головорезы плелись за ней, как утята. Ильза глядела на этот исход с каменным лицом — ей это выражение удавалось гораздо лучше, чем мне. Наконец Кэрри и ее процессия удалились вместе с шишкой и детективом. Таниша осталась сидеть в глубине мобильного командного пункта. Я постаралась на время выбросить из головы мысли о ней. Надо быть в курсе дел. А к ней я еще вернусь.

— Наш автобус вон там, — коротко бросила Ильза. И верно, за углом стоял автобус, в котором я тысячу лет назад схлестнулась с начальницей секции.

Дверь за нами закрылась, полицейские остались по ту сторону.

— Зачем мы пришли? — спросила я ее.

— Повторяем пройденное, — ответила она. — Маша, неужели ты думаешь, что мы прогоним тебя из-за банального истерического припадка? Реальность такова: ты неглупа, а отказаться от

сотрудничества может только глупый человек.

— Вы правы. Я неглупа. У меня хватает ума понять, что вы — ноль без палочки. С «ЗИЗ» покончено, но разве «КЗОФ» сможет получить контракт без моих свидетельских показаний? Или поставим вопрос иначе: сможет ли «КЗОФ» получить контракт, если я дам показания против него? Расскажу всем, что секретным оружием «ЗИЗ» стала разработанная вами и вышедшая из-под контроля уязвимость нулевого дня? Герте, я на вас не работаю и работать не собираюсь.

Я видела, что мои слова достигли цели. Она знала, что это правда. Знала также, что я больше никогда, хоть режь меня, не дам собой помыкать. И ее ледяной тон сменился пылающей злобой.

Но ответить Ильза не успела — у нее зазвонил телефон. Она прикрыла рот ладонью, развернулась и прижала трубку к уху:

— Алло.

Слушая собеседника, она отворачивалась от меня и тряслась всем телом. Маска соскользнула, из-под нее появилась еще одна перепуганная, жестокая, кошмарная актриса. Получше, чем Кэрри Джонстон, но только потому, что более ловко прятала свои эмоции.

Когда-то у меня были наставницы, женщины,

на которых я смотрела снизу вверх. Чудовища, показавшие мне, каким чудовищем могу стать я сама, если буду усердно трудиться на этом поприще. А теперь у меня появились друзья. Не чудовища и не герои на золотом пьедестале. Обыкновенные люди с большим запасом смелости и принципиальности. Люди, которые могут изменить мир, не превращаясь при этом в чудовищ. Смогу ли я так же?

Ильза прикрыла рот ладонью и что-то горячо зашептала в телефон.

Отошла от меня как можно дальше. Шепот, шепот. Щелк.

Обернулась — за эту минуту она постарела лет на двадцать. Лицо стало серым, как пепел. От осанки, прямой, как шомпол, не осталось и следа, спина ссутулилась, плечи поникли. Она стала старая, как моя мама.

— Иди, — бросила Ильза. Даже на этом коротком слове ее голос дрожал. Она открыла дверь.

Глава 13

Правительство Словстакии рухнуло спустя несколько минут после полуночи по местному времени, но в первые часы никто этого не заметил, даже солдаты, охранявшие президентский дворец.

Да, все видели, как президентский вертолет поднялся в небо и улетел на восток — в конце концов он приземлился в Баку, где азербайджанская правящая семья встретила его шампанским и блинами. Но его приняли всего лишь за один из вертолетов, постоянно кружащих над нескончаемыми протестными демонстрациями.

Все, кто был на площади, состояли в тех или иных списках. Словстакийская тайная полиция знала их имена и социальные графы, перехватывала их сообщения и внедряла в их ряды провокаторов, чтобы посеять разногласия.

У каждого из них кто-нибудь — друг, любимый человек — сидел в тюрьме или лежал в могиле. Некоторые из этих могил были безымянными. За этими ребятами шпионили их собственные телефоны. На улицах родного города на них

охотились их же собственные автомобили. Их шантажировали, вынуждая шпионить за своими близкими, загоняли в подполье, выдавливали из страны.

Защитные инструменты, которым я им передала, не могли оградить их от всего этого. Но помогали находить силы на сопротивление. Подсыпали песка в отлаженные системы автоматического контроля и подавления. А значит, самые проворные и ловкие из жителей Словстакии могли перехитрить роботов-убийц, охотящихся за ними по проводам или на улицах, — хотя бы на время.

И они хорошо использовали это время.

Кровь на улицах отметала все колебания. Впервые в жизни радикалы Словстакии нашли в себе силы отказаться от подачек властей; безжалостная сила словстакийских элит не сумела переманить на свою сторону новых политических лидеров — сменявших друг друга вороватых президентов, которые с помощью взяток и милостей покупали преданность богатейших семейств страны и самых могущественных генералов. Демонстрации, когда-то считавшиеся доказательством того, что некоторым не хватает ума остановиться вовремя, теперь показывали, что другие сердцем ощущают ту же истину, что и ты:

ситуация слишком прогнила, чтобы оставаться неизменной, где-то за углом нас ждет лучшее будущее.

Литвинчук полагал: если залить улицы Словстакии кровью, люди побоятся на них выходить. За это заблуждение он поплатился своей службой. Когда его место занял сменщик из крайне правого крыла, народ продолжил протестовать, остался на улицах. В конце концов за горизонтом исчез еще один вертолет.

Новость быстро разлеталась. Кто-то из кабинета министров рассказал своим друзьям из вооруженных сил, те — своим друзьям в полиции, они — кому-то из своих агентов, а те — демонстрантам, и вот уже весть пошла в народ, из уст в уста, из телефона в телефон. Разумеется, многие свидетели, сами не зная, что это такое, засняли на видео поднимающийся вертолет и выложили это в сеть, запись разлетелась, и…

И все кончилось.

Один полицейский тихо покинул свое рабочее место. Отложил щит и дубинку, снял шлем и маску, опустил их на землю и ушел из строя. Товарищи окликали его, но он будто не слышал. И тогда демонстранты с радостными криками сомкнули ряды и ногами отшвырнули брошенное

снаряжение куда подальше. Цветные революционеры брызгали из баллончиков глиттером. Под всеобщие аплодисменты красная, зеленая, синяя краска ложилась пятнами на фасад дворца.

Ушел из строя еще один коп. Потом еще и еще.

Затем один из них развернулся и бросился бежать. Полицейский строй сильно поредел. Через несколько секунд оставшиеся офицеры тоже разошлись, сообразив, что остались практически в одиночестве — а еще через мгновение то же самое поняла и толпа. Люди смеялись и улюлюкали вслед копам, один из беглецов получил по затылку брошенной бутылкой и упал лицом вниз на мостовую. Товарищ помог ему встать, и, убегая, пострадавший на миг повернул к толпе окровавленное испуганное лицо.

Вид крови сразу окоротил толпу. Кто-то собрался метнуть еще одну бутылку, но другие отобрали ее и бросили на землю. Она со звоном разбилась.

Этот звон словно развеял чары. Люди, очнувшись, кинулись обниматься и целоваться, гикали, подбрасывали в воздух кепки. Несколько подростков побежали к дворцовому крыльцу, прошлись колесом по ступенькам, ловко, как мартышки, взобрались на ограду, перемахивая с одной перекладины на другую и гордо демонстри-

руя приемы паркура, потом соскочили наземь за оградой и распахнули двери дворца.

Там их встретила пара удивленных солдат — они еще ничего не знали о случившемся. Толпа ринулась к крыльцу, множество рук ухватились за ограду, стали трясти ее и ломать, в дело пошли кусачки и веревки. Солдаты поглядели на это, схватились было за ружья, но потом, испуганно переглянувшись, отступили в глубину.

Ограда рухнула, и демонстранты хлынули во дворец.

* * *

Впечатление было сюрреалистическое. Роскошная мебель (сколько же позолоты!), на стенах портреты (написанные маслом) последнего президента и его семьи, охотничьи трофеи, стеллажи с книгами, расставленными по цвету (как позже выяснилось, корешки приклеивались на блоки пенопласта — книг внутри не было), гигантские телевизоры напротив всех туалетов, кухни (целых три), комната отдыха с обтянутыми кожей бильярдными столами, массажные кресла, мини-гольф; на заднем дворе зверинец с экзотическими животными, парк с фигурно подстриженными деревьями, греческий мрамор.

И среди всего этого следы паники: полупустые пакеты с мексиканским ##############, горы коробок из-под пиццы, полупустые бутылки из-под «Джека Дэниелса» и коньяка VSOP, набитые сигаретными окурками, груда окровавленных салфеток, стол, засыпанный остатками какого-то белого порошка.

Демонстранты бродили по дворцу в потрясенном молчании, изредка перебиваемом лишь взрывами смеха и удивленными возгласами, когда открывались новые грани излишеств. Когда выломали бронированную дверь в подвале, за ней обнаружился целый арсенал штурмовых винтовок с оптическими прицелами, глушителями и всеми прочими примочками, известными человечеству. Это открытие вызвало много шума, поэтому, когда за очередной стеной с фальшивыми книгами была найдена потайная дверь, все собрались посмотреть, как ее высаживают.

Внутри оказались сервера.

* * *

Команда Кристины заняла подвальную студию рядом со скрытым дата-центром и превратила ее в боевой командный пункт. Оксану оставили охранять двери — объяснять любопытным, что

тут происходит, и привлекать к работе тех, кто обладал серьезными IT-навыками.

Президентская неофициальная IT-команда явно не относилась к классу А: таланты в этой области встречаются редко, и даже большой бюджет не способен привлечь к работе ребят, которые с легкостью могут устроиться в любую из прославленных компаний Кремниевой долины с миллиардами на офшорных счетах и с аккуратными, уютными кампусами, где разгуливают умные приятные люди, которые даже в самых смелых фантазиях не стали бы отрезать своим врагами пальцы фалангу за фалангой.

Так что команда А потягивала крепкий кофе в Маунтин-Вью, команда Б в Лондоне сочиняла алгоритмы предоставления ликвидности, команда В сотрудничала с американскими военными подрядчиками, команда Г работала на американские вооруженные силы, команда Д разрабатывала стартапы, команда Е писала скрипты для тайного майнинга криптовалют и встраивала их в рекламные сети, и так далее, и тому подобное.

Получается, на президента работала команда Я. У них даже не хватило ума зашифровать жесткие диски.

Когда Кристина с друзьями извлекла диски из серверов и подключила их к своим ноутбукам, на них обрушился девятый вал информации. Президентские бухгалтеры знали свое дело лучше айтишников, они скрупулезно вели учет, даже составляли презентации в «Пауэрпойнт», старательно объясняя, как они проводят президентские деньги сначала через новозеландскую компанию с номером вместо названия, потом через ООО в Вайоминге, потом через коммандитное товарищество в Шотландии, потом через еще одно ООО в Невисе, и в конце концов деньги, приняв форму роскошных квартир, оседают в Пномпене и Гонконге, то есть там, где рынки недвижимости раскалены добела и пустая квартира является надежнейшим активом, который за двадцать четыре часа может быть конвертирован в наличность благодаря длинному списку ожидающих покупателей, которым тоже надо куда-то вкладывать деньги, уворованные уже в их собственных странах.

И, разбираясь со всеми этими финансовыми махинациями, в чем им сильно помогал бухгалтер-криминалист, нанятый Оксаной и ее друзьями, они наткнулись на личный президентский почтовый ящик.

Оказалось, президент втайне перехватывал всю переписку своих агентств безопасности и хранил отдельную копию всего массива, закачав ее в коммерческое почтовое приложение с мощной поисковой системой. В этом массиве находилась вся переписка между «КЗОФ» и словстакийскими властями, в том числе подробный план использования беспилотных машин для «демонстрации силы» с целью подавления оппозиции.

Мало того, бóльшая часть этой переписки велась на английском — высшее руководство словстакийских органов безопасности оттачивало языковые навыки в Стэнфорде и Массачусетском технологическом. Каждый участник переписки использовал криптографическую подпись, и в целом это давало неопровержимые доказательства связи между верхними эшелонами «КЗОФ», словстакийскими властями и кровью на улицах Блтца.

У президентского дворца была гигабитная оптоволоконная линия, соединенную с ближайшими дата-центрами в России и Латвии, поэтому при скорости сто гигабит в секунду вся эта переписка за считаные минуты была скачана в огромный документальный массив. Еще через несколько минут хештег стал вирусным.

* * *

Я заметила Айно. Она стояла за полицейским кордоном, в беспокойной толпе копов и городских чиновников. При взгляде сзади полицейский мегабульдозер смотрелся не менее внушительно, чем спереди, когда он ехал на нас, сея ужас, хаос и бедствия. Каким образом они ухитрились протащить контракт на закупку этого футуристического чудовища? Неужели разумный взрослый человек, взглянув одним глазом на глянцевую рекламную брошюру, способен с ходу подписать ордер на покупку? Игрушечный грузовичок для сволочных садистов.

Я, прихрамывая, заковыляла к Айно. Колено разболелось с новой силой.

— Понятия не имею, что тут творится, но явно что-то затевается.

Айно выглядела еще более ошеломленной, чем я. Она неестественно долго фокусировала на мне взгляд и вникала в смысл моих слов:

— Маша?

— Дело плохо. Моя психованная экс-начальница похитила Танишу, потом через нее заманила меня к себе, была готова разорвать меня в клочки, потом меня спасла другая психованная экс-на-

чальница из «КЗОФа»… — затараторила я. Копы сновали вокруг, и мне стоило огромных сил не дергаться, когда они оказывались у нас на пути. Но мы были по нужную сторону мембраны, за полицейским кордоном, там, где должны находиться «хорошие», а потому стали невидимы для суетливых безмозглых муравьев из оклендской полиции.

Айно совладала с собой:

— Я говорила с комиссаром Фэлконом о Танише, но нас прервал его адъютант. Комиссар умчался как ошпаренный. Произошло что-то серьезное.

— А где Таниша?

— Там, — кивнула Айно и вдруг нахмурилась. — Секунду назад она сидела вон там, в полицейском фургоне. — Она завертела головой, вытянула шею, привстала на цыпочки, но видела вокруг лишь море полицейских шлемов. — Черт!

Я-то думала, что во мне уже не осталось никаких сил для паники или огорчений, но они вдруг нашлись. Заколотилось сердце, вспотели ладони. Низко над головами пролетел и поднялся выше вертолет, взвыли сирены, раздались крики, а я невидящими глазами смотрела на Айно. Она потеряла Танишу. У нее было одно-единственное поручение, и она его…

— Сенатор! — закричала Айно и сорвалась с места. — Сенатор!

Я тоже заметила его. Лощеный политикан, одетый и причесанный гораздо лучше, чем городские чиновники. Он увидел, что Айно мчится к нему, а я преследую ее, как морская мина. В первый миг он, казалось, был готов рвануть в противоположную сторону, но потом нацепил сияющую белозубую улыбку:

— Айно, надеюсь, вы не пострадали?

Глава 14

При виде Кэрри Джонстон Маркус оцепенел от ужаса. Она оставила ему на память сильнейшее посттравматическое расстройство, и, увидев, как его мучительница машет мне из-за двери мобильного командного пункта, он всхлипнул и невольно отступил шага на три. Он бы и дальше пятился, но рядом стояла Энджи, она подхватила его и подтянула обратно.

— Внутрь мы не пойдем, — сказала она ему. — Но Маше нужна наша помощь.

Они бродили вокруг автобуса, пытались разглядеть хоть что-нибудь за затемненными окнами, а потом увидели Ильзу. Она во главе летучего отряда полицейских направилась к двери и стала колотить в нее рукояткой дубинки.

— Это ведь она, как ее там? Та тетка из «КЗОФа», бывшая начальница Маши? — шепотом спросил Маркус.

— Маша называла ее Ильзой, но это не настоящее имя. Она бывшая шпионка из «Штази». Восточная Германия.

Маркус содрогнулся. Он много слышал о ре-

путации «Штази», они мучили его в кошмарах. Бедняга стал ходячей энциклопедией по современным и историческим пыткам и методам слежки. Не заговаривайте при нем о «красных кхмерах».

Они смотрели, как нас переводят из автобуса «ЗИЗа» в кзофовский, шли за нами на расстоянии, но остановились, заметив Айно. Она с озабоченным видом торопливо набирала что-то на телефоне. Они проследили ее взгляд, поняли, что она наблюдает за полицейским фургоном, потом разглядели сквозь затемненные стекла характерный силуэт Таниши и тоже стали наблюдать за этим фургоном. Потом к фургону приблизилась Кэрри Джонсон в сопровождении пары копов, поднялась в передний отсек, и фургон отчалил. Маркус побежал за ним, а Энджи принялась строчить сообщения.

Маркус скользнул мимо столпившихся копов. Первые двое решили, что у них есть дела поважнее, но третий, как назло, велел парню остановиться, а когда тот ослушался, то у всех остальных тоже проснулся интерес к нему. Тут Маркус как раз поравнялся с фургоном, в котором везли Танишу, и выскочил прямо перед ним.

Началась свалка, Маркуса повалили наземь, и

на него накинулись не меньше десятка полицейских. Его шестнадцать раз отходили дубинкой, брызнули в лицо перцовым спреем и оглушили электрошокером. Зато фургон накрепко застрял и больше не мог никуда ехать. Последним, что увидел Маркус заплывшими глазами, была Кэрри Джонстон, стремительно шагавшая к нему.

Можете, конечно, считать этого малого глупым выпендрежником, но надо отдать ему должное: он побежал прямо к машине, в которой ехала Кэрри Джонстон, ринулся в гущу вооруженных копов, многие из которых знали, что она подрядчик по системам наблюдения и на иерархической лестнице стоит намного выше их. Он боялся ее больше всего на свете, подскакивал как ошпаренный, когда ее лицо являлось ему в кошмарных снах, а сейчас помчался прямо ей навстречу.

Он поступил так ради Таниши, с которой был едва знаком, но верил в ее дело. В тот день Маркус Яллоу совершил поистине храбрый поступок и был за это избит. И даже после того, как зажили синяки, он еще долго ходил к психотерапевту.

* * *

Тем временем Энджи сидела на земле и составляла списки для массовой рассылки сообщений.

Все они приводились в действие ярлыками, которые она заранее запрограммировала в телефоне. Когда пришло время, она меньше чем за минуту написала шестидесяти трем из самых доверенных союзников, включая сетевых организаторов Альянса чернокожих и цветных со своими списками рассылок. Не успела она убрать телефон в карман, как на него уже посыпались ответы; спеша к Маркусу, Энджи слышала, как люди идут за ней.

Она подбежала как раз в тот миг, когда Кэрри Джонстон склонилась над ним в позе, олицетворяющей власть, однако лишенной равновесия: вес сильно перенесен вперед, широко расставленные ноги не дают согнуть колени. Так что, когда Энджи с разбегу врезалась в нее сзади, Кэрри не удержалась на ногах и, рыбкой перелетев через Маркуса, лицом вниз рухнула на тротуар. Она успела выставить руки, оцарапала ладони, но голова осталась целой.

Энджи вслед за ней рухнула прямо на Маркуса, навалившись ему на плечи и придавив связанные руки к бетонной мостовой. Поднялась на ноги, и на нее накинулись полицейские.

Она подняла руки, ожидая, что ее свяжут, но в этот миг она сама, копы, Кэрри Джонстон, фургон

с Танишей и распростертый стонущий Маркус очутились в окружении демонстрантов. Их было сотен пять, не меньше.

Наступила короткая пауза. Похоже, все глядели друг на друга и думали: «Черт возьми, и что же нам теперь делать?» Кэрри Джонстон поднялась на четвереньки, затем на ноги и, испепелив взглядом всех, кто попал в поле зрения, удалилась к фургону, где была Таниша.

— Там Таниша! — закричала Энджи, и в тот же миг человек десять демонстрантов преградили дорогу Кэрри Джонстон. Двое копов шагнули к Энджи, но передумали. Пусть Кэрри Джонстон стоит где-то выше их на иерархической лестнице, но все-таки кто она вообще такая и какое отношение имеет к пленнице, от которой всем одни хлопоты? Как будто мало было того, что на их улицах бесчинствуют взломанные машины; это зрелище взбесило копов, и они ни на грош не доверяли каким-то чужакам, чей статус всегда окутан нудной и оскорбительной тайной.

Копы снова переключились на Маркуса и Энджи. Такие, как она — демонстрантка, плакат, рюкзак, — были им хорошо знакомы, и копы прекрасно знали, как с ними обращаться. Бить.

Через мгновение Энджи лежала рядом с Мар-

кусом лицом вниз, и на нее навалился коп в три раза крупнее ее. Стянул пластиковым наручником одну руку, потом другую. Демонстранты кричали, записывали видео, толкались, но никто не отважился выйти вперед и вмешаться. Полицейский зачитал Энджи ее права.

Тут-то на место событий прибыла я с Айно и сенатором. Сенатор схватил за руку проходившего мимо лейтенанта, тот схватил за руку проходившего мимо сержанта, и тот уже стал что-то кричать в рацию.

* * *

Я пришла к тюрьме встречать Танишу и Энджи. Айно сумела добиться, чтобы их посадили в одну камеру, и девушки категорично потребовали, чтобы их выпустили вместе. С пресс-конференцией. На которой они разоблачат оклендскую полицию, «КЗОФ» и «ЗИЗ».

Сначала выпустили Танишу. Первой, кого она увидела, была Айно, второй — я, а третьей — Салима из Альянса чернокожих и цветных. Закончив обниматься со мной, Таниша сразу же принялась что-то обсуждать с Салимой. Они стали думать, как привлечь к делу журналистов, при том что на их несчастную пресс-конференцию

никто не явился. Бросив на меня прощальный торжественный взгляд, Таниша растворилась в оклендской ночи.

Затем вышла Энджи. По обе стороны ее сопровождали великаны-полицейские, и на их фоне она казалась даже меньше, чем обычно, однако держалась с царственным величием, шла, гордо вскинув голову и всем своим видом бросая вызов системе. Маркус ахнул, и, не скрою, я тоже. Конечно, он ее любит. Что тут удивительного? Разве можно ее такую не полюбить?

Она стиснула его в крепких объятиях, долгих-предолгих, он зарылся лицом ей в волосы, они медленно дышали в такт и впитывали друг друга. А потом она обняла меня, точно так же крепко, и на миг я почувствовала себя частичкой чего-то огромного, гораздо большего, чем я сама. Такого, во что я верю.

Разомкнув наконец объятия — гораздо позже, чем сделала бы я, — Энджи на миг отстранилась от меня на вытянутую руку, и я увидела в ее глазах слезы. Они покатились по щекам.

— Спасибо, Маша, — сказала она.

— За что?

Энджи рассмеялась, потом поняла, что я не шучу.

— Маша. — Какая причудливая интонация.

— Что?

— Ты приняла хорошее решение.

Эти слова ударили меня под дых. Я приняла хорошее решение? Всю свою жизнь я принимала решения, которые нельзя назвать плохими, но и хорошими они не были. В лучшем случае их можно назвать удобными. Неужели я наконец приняла хорошее решение?

Энджи и Маркус предложили мне еще раз переночевать у них на диване. Я отказалась. Они пешком ушли к метро. Не позволили мне заплатить за такси. Айно пожала мне руку с таким жаром, что стало ясно — скоро выставит счет, и села в свою машину. Я осталась одна.

Я достала телефон, чтобы вызвать такси, и увидела сообщение. От мамы. Она спрашивала, когда я вернусь домой, потом написала еще раз — мол, возвращайся когда хочешь, она будет рада и не станет ворчать.

Значит, поеду-ка я домой.

Эпилог

Энджи обняла меня столь же тепло, как и в прошлый раз. Как только я вошла в кафе, она встала, просияла, поспешила ко мне между столиками, обняла и не выпускала раза в два дольше, чем я бы хотела. Мне стало неловко.

Мы заказали диетические смузи — это было заведение именно такого рода — и ритуально упаковали телефоны в чехлы с металлической сеткой. Энджи устремила на меня долгий задумчивый взгляд:

— Ты преуспеваешь?

Странный вопрос.

— Наверно.

— Потому что так и должно быть. Ты блестящая, принципиальная, сильная и красивая женщина. Ты заслужила благополучие.

«Заслужила». Ну и люди.

— Спасибо.

Энджи через стол взяла меня за руки:

— Маша, я серьезно. Я знаю, чем ты занималась. Знаю, кто ты такая. Ты ничем не хуже меня. И видит бог, не хуже Маркуса.

— Конечно. — Я уже жалела, что согласилась выпить с ней кофе.

— Маша, да прекрати ты. Да, знаю, ты принимала плохие решения. Они несли людям зло. Я на твоем месте поступала бы не так. Ты никогда не сможешь отменить эти решения или исправить их последствия. Они навсегда записаны в книге твоей жизни, и изменить эту книгу нельзя. Но ты принимала и очень хорошие решения, на которые у меня не хватило бы ни храбрости, ни принципиальности. Многие из тех, кому ты причинила боль, наверное, никогда тебя не простят, однако это можно сказать о каждом. И обо мне тоже. Но есть и другие — те, кто обязан тебе жизнью, свободой и даже больше, потому что ты совершала поступки, на которые тебя никто не вынуждал, никто тебе за них не платил, никто даже не просил так делать. Ты поступала так просто потому, что это правильно. Маша, мне кажется, ты считаешь, что жизнь — это что-то вроде бухгалтерского учета методом двойной записи. Где по одну сторону записывается дебет, по другую — кредит, и нужно, чтобы дебет превышал кредит, иначе ты обанкротишься. Но жизнь устроена не так. Вот почему все добрые дела, которые ты совершила, не приносят тебе облегчения. Ты все ждешь, что

добрые дела перечеркнут все сотворенное зло, но этого все никак не случается, и поэтому ты словно тонешь в этических долгах. Маша, тебе с этими долгами никогда не расплатиться, потому что прошлое изменить нельзя. Когда-нибудь ты поймешь: причина твоих терзаний в том, что ты пытаешься совершить невозможное. Исправить то, чего исправить нельзя.

У меня заколотилось сердце, вспотели ладони. Захотелось уйти. Захотелось наорать на нее. Я отложила свои чувства на полочку и постаралась успокоиться. С другой полочки приглушенный голос объяснил, что если простые слова вызывают у меня такое сильное возмущение, то, значит, в них есть правда.

Но что ответить, я не знала. Если я не могу исправить совершенных ошибок, то что мне с ними делать? Наверное, ничего.

— Маша, по-моему, ты считаешь меня соперницей, но я не знаю, из-за чего нам с тобой соперничать. Из-за славы? Из-за справедливости? Из-за Маркуса? — Она фыркнула. — Да ладно. Я люблю его, но если я буду бояться, как бы он не сбежал с другой женщиной, то какой смысл в такой любви? Маша, мы с тобой не соперницы. Мы в одной команде. Или, по крайней мере, я в

твоей команде. В ней очень много народу, но ты, похоже, сама об этом не догадываешься. Так что знай. Команда Маши живет и растет. Если что-то понадобится, смело проси.

Она не разрешила мне заплатить по счету. Обняла меня на прощание и ушла.

* * *

Я дождалась, пока мама уйдет на работу, и стала разбираться с вещами, которые она бережно хранила в моей комнате. Немного прослезилась, но и слегка разозлилась. Бóльшая часть этого барахла ничего собой не представляла, однако, пролежав десять лет, приобрела оттенок благородной древности, вроде писсуара Дюшана: если вам кажется, что вещь достойна долгой жизни, значит, так оно и есть.

Я действовала безжалостно. Призвала на помощь метод Мэри Кондо и наполняла мешок за мешком, пока не осталась лишь небольшая коробка с журналами, фотографиями, которые надо отдать на сканирование, и пачка рукописных писем, в основном от подруг из лагеря. Вызвала на дом помощников и велела отнести все на помойку, пока мама не вернулась, а потом поставила ее перед фактом, загладив вину собственноруч-

но приготовленным жареным цыпленком и сладким картофелем (секрет в том, что кожицу цыпленка надо натереть содой и солью, чтобы хрустела, а внутрь положить что-либо удерживающее влагу, например разрезанные начетверо лимон и луковицу). Дополнила картину бутылка хорошего «мендосино пино гри», которое всегда вызывает у меня ностальгические воспоминания о том, как в подростковом возрасте мы с подругой прикончили винные запасы ее родителей.

Мама восприняла трапезу с восторгом, но настороженно и поинтересовалась, по какому поводу банкет. Я сказала, что она совершенно права, повод есть, и он заключается в том, что я опять отправляюсь в путь, еду в Европу. А еще я наконец-то навела порядок в своей комнате.

От этих новостей она расплакалась, рассердилась и, хуже всего, превратилась в типичную мамочку. Озаботилась моим душевным здоровьем, напомнила об обещании показаться врачу. Я вытянула из нее аналогичное обещание и велела прислать счет мне. Она ненадолго огорчилась, узнав, что я сровняла с землей «усыпальницу юной Маши», потом мы с ней съели цыпленка, выпили вина, она размякла, стала рассказывать грязные анекдоты, которые помнила еще из Рос-

сии, а я рассказывала ей анекдоты, услышанные в Ираке и Словстакии, потому что секс — штука универсальная, а грязные анекдоты везде звучат по-разному. Мы смеялись, допоздна не ложились спать, потом она сказала, что сама помоет посуду, я сказала, что разрешаю, и ушла спать в свою пустую комнату с голыми стенами. В ногах стоял собранный чемодан, в углу — единственная коробка с упакованным наследием, готовая к отправке туда, где я рано или поздно осяду и решу остаться.

* * *

Таниша перехватила меня по дороге в Окленд-ский аэропорт, у подножия эскалатора в метро на станции «Колизеум». В руках у нее был коричневый бумажный пакет.

— Кофе и блинчики с мясом. По-любому лучше, чем аэропортовская еда. И можем не сидеть в кафе, а погулять по парку.

На берегу залива Сан-Леандро, где шелестит трава и ветер взбивает на волнах гребешки, белые, как зефир, среди болотистых низин мы нашли сухое местечко.

— Видишь? — сказала Таниша, пережевывая блинчики.

— Ага. — И правда очень вкусно. Белый шум и мирные, бессистемные всплески белой пены на синих волнах наполнили мою душу покоем.

— Ага. — Она вздохнула. И еще раз. — Маша, ты как?

Я взяла себя в руки:

— Со мной все будет хорошо.

— Я спрашиваю не об этом.

— Ты очень проницательна.

— Это не ответ.

Я откусила блинчик — не спеша, чтобы успеть подумать. На свете очень мало людей, которым позволено гонять меня по кругу, будто карусельную лошадку, но Таниша одна из них.

— Я хочу, чтобы у меня все было хорошо. И сейчас мне, пожалуй, лучше, чем было в последние годы. Но да, мне плохо.

Таниша кивнула:

— Ты справляешься, но надо еще справиться с очень многим. Так?

— Да. — Я опять помолчала. Слова никак не шли. — Ниш, я очень долго не задумывалась, кто я такая и чем занимаюсь. Вроде как… Тебе доводилось пролить сок на свою любимую блузку, и потом тебе не хочется опускать глаза и смотреть, большое ли пятно?

— Да. Или вот так… — Она показала шрам на кончике указательного пальца. — Порезалась, когда чистила авокадо. Типично калифорнийская травма. Я держала палец под краном минут десять, потому что не хотела смотреть, глубокая ли ранка. Наложили три шва. Оказалось — глубокая, но я почти ее не чувствовала, пока не смотрела.

— Вот именно. Я очень долго избегала думать о тех аспектах своей жизни, на которые уходило по восемь-десять часов в день. А теперь…

— Ты о них задумалась?

— Да. И очень серьезно. Это тяжело. Ниш, я много раз принимала очень гнусные решения. Наверно… — У меня вдруг перехватило горло. Я сглотнула. — Наверное… — Голос сорвался. — Я все больше отдалялась от тебя, от мамы, от всех, кто здесь остался, потому что всякий раз, стоило с вами поговорить, я вспоминала, кто я такая, и это было все равно что смотреть на тот порез и видеть, что он доходит до кости.

Таниша не стала искать слова для ответа. Она просто стиснула меня в объятиях, крепких и долгих, и не выпустила, даже когда я попыталась отстраниться, это получилось неловко, но потом я уступила, и сразу стало очень, очень хорошо. Это чувство оставалось со мной до самого Сиэтла,

но позже, когда я пересела на самолет до Берлина, развеялось. Перелет был долгим.

* * *

Я обосновалась в Берлине. Процесс обустройства был долгим и утомительным — походы в «Икею», оформление бумаг, банковские формальности и так далее и тому подобное. Зато мое время было прочно занято полезными делами. Я довольно безболезненно вписалась в местное сообщество экспатов, ходила в Кройцберг на вечеринки, плавно перетекавшие из больших пивных залов сначала в мелкие бары, потом в подпольные забегаловки и заканчивавшиеся под утро в чьей-нибудь гостиной, откуда я ехала на велосипеде домой, пропахшая сигаретным дымом, полупьяная и очень усталая, не в состоянии думать ни о чем. А потом меня одолевал крепкий сон.

Затем в один прекрасный полдень у меня на пороге появилась Кристина. Она жала на звонок, пока не разбудила меня. Встав с постели, я побрела вниз и выглянула в глазок (видеокамеру и экран я отключила, физически отсоединив провода, потому что не хватало мне только сетевых микрофонов в моем жилище). В широкоугольной

оптике замаячило ее сияющее эльфийское личико. Она уложила волосы пышными волнами, выкрасила во все оттенки фиолетового и розового, выбрила виски и стала выглядеть совершенно по-берлински, словно с открытки для туристов.

Я отперла дверь, стоически выдержала обязательные объятия и поцелуи в обе щеки.

— Маша, как я рада тебя видеть.

Она выглядела одновременно и моложе (стрижка, одежда), и старше (глаза), чем в Словстакии. Какая же она юная. Будучи в Словстакии, я старалась об этом не думать. Однако молодила ее не только прическа; в Словстакии она всем своим озабоченным видом показывала, что вовлечена в борьбу не на жизнь, а на смерть (угу), а сейчас ничем не отличалась от обычной модной девчонки с Кройцберга, которую легко можно себе представить в подпольной забегаловке, где она, пустив по кругу турецкую сигаретку, обсуждает блокчейн или правила сбора информации о клиентах.

— Кристина!

— Это я. — Знакомый смешок. Как я могла его забыть? И улыбка делала ее гораздо моложе. Скорее, беззаботнее. Я улыбнулась в ответ:

— Входи. У меня чуть сердечный приступ не

случился. Я, знаешь, ли, дама почтенного возраста.

Она опять хихикнула, поднялась вслед за мной по лестнице. Я приготовила чай, Кристина выложила на тарелку печенье, я смахнула мусор с двух стульев, запихнула в угол корзину с грязным бельем, и мы уселись, дивясь друг на друга.

— Новое правительство кошмарно, — сообщила Кристина. — Власть захватили центристы, и теперь они призывают к «примирению» и советуют «не обвинять друг друга». Хотят отпустить Литвинчука на все четыре стороны с наворованными деньгами, освободить от ответственности всех его соратников. Хуже того, они образовали коалицию с нацистами.

— Что? — Словстакийские белые националисты были единственными, кого Кристина ненавидела сильнее, чем Литвинчука с его прихвостнями, однако иногда они оказывались полезными идиотами — сбивались в ударные группы и шли драться с дворцовой гвардией.

— Да, представляешь! В коалиционное правительство вошли сволочи, которые заявляют о желании защитить свою «белую христианскую идентичность». Это респектабельные люди, не скинхеды и не татуированные, но они втайне

мечтают о газовых камерах. Мерзавцы.

— Какой ужас.

Она поежилась.

— Есть что-то еще? — Ей никогда не удавалось хранить непроницаемый вид.

— Черт. Да. Я слежу за этими нацистами. Кто-то же должен их контролировать.

— Как это — следишь? — Но я уже догадалась как.

— С помощью твоей техники. Помнишь, той самой, которую Литвинчук установил, чтобы шпионить за нами. Мы перехватили администраторов разведывательной сети, когда они пытались стереть содержимое серверов, пообещали отпустить, если они отдадут нам корневые пароли. Так что теперь я внутри сети, вижу все, что нацисты говорят и делают, куда они идут. Могу прослушивать телефоны, даже если они считают их выключенными. Могу видеть исходящие сообщения, пока они еще не зашифрованы, и входящие — когда они уже расшифрованы. Знаю, где они находятся и куда идут. Могу отследить любые контакты между уличными драчунами и их солидными друзьями в парламенте. Они все у меня как на ладони.

Я изо всех сил старалась сохранить безмятеж-

ный вид.

— Ага. Да.

— Да! — Она осклабилась, как волчица. — И до чего же это здорово!

— Верно.

В мой голос просочилась-таки угроза, но Кристина была так переполнена радостью, что не успела затормозить.

— Маша, это только начало! Там еще столько возможностей, которым я пока не нашла применения! Автоматическое слежение и регистрация, автоматический анализ расстановки сил. Дело сложное, а онлайновой документации, естественно, нет.

— Естественно. — У меня внутри все превратилось в камень.

— Вот поэтому нам нужна ты. — Камень превратился в огонь. — Приезжай в Словстакию, помоги нам. — Огонь превратился в лед. — С твоей помощью…

— Кристина. — Моя маска, видимо, сползла. Кристина явно забеспокоилась:

— Мы можем их разоблачить. Мало того, мы можем разоблачить их друзей, распутать всю нацистскую сеть в других странах, найти тех, кто их финансирует, вычислить их криптокошельки…

— Кристина!

Я отставила чашку и впилась в нее пылающим взглядом. Она наконец-то заметила мое выражение.

— Что? — Ее глаза тоже вспыхнули. — Да ладно, Маша, брось. Они же нацисты, они хотят уничтожить всех нас. Они недостойны твоего снисхождения.

— Кристина! К этим нацистским подонкам у меня нет ни капли снисхождения. Но уж кому, как не тебе, понимать, как важно избавиться от любой слежки в словстакийских сетях. Ты должна была сжечь дотла все содержимое этих дата-центров, заменить оборудование на новое, просветить всю технику компьютерным томографом для обнаружения закладок. Заткнуть все возможные дыры и постоянно искать новые.

Она яростно мотала головой, сверкая глазами:

— Красивые слова и прекрасные идеи. Но у меня на руках реальные проблемы, а не теоретические. В моей стране существуют реальные нацисты, и они вполне могут прийти к власти.

— А если и правда придут? Все технологии слежки попадут к ним в руки, и тогда уже они сами будут решать, против кого их направить. Черт побери, Кристина, ты это прекрасно знаешь.

Любое оружие, которым ты не умеешь пользоваться, принадлежит твоему врагу.

Она выпятила губу, как упрямый младенец:

— Я умею им пользоваться.

— Потому-то ты и пришла ко мне за помощью.

Она вскочила на ноги.

— Иди ты! — Шагнула было к дверям, потом развернулась и опять впилась взглядом в меня. До чего же дряхлые у нее глаза. — Вот забавно — ты наконец обрела свои принципы, но уже тогда, когда нам от них никакого толку. — В чистейшей постсоветской манере она буквально плюнула мне под ноги и, негодуя, выскочила.

Я прислушивалась. Она спустилась по лестнице, хлопнула дверь. Я выглянула в окно — она не разбирая дороги брела по берлинскому тротуару.

— Ничего, — сказала я, обращаясь к пустой комнате. — Я крепкий орешек и старая перечница. Меня еще не так обзывали люди получше нее и так далее и тому подобное. Кроме того, Кристина имеет на это право. Она видела, как дорогим ей людям проламывают головы. Сама побывала в нежных объятиях палачей и мучителей. Иногда ей позволительно быть мерзавкой.

Хотелось заплакать. Но я не стала. Приберегу слезы на другой раз, для более тяжелых травм. И

все-таки расплакалась.

* * *

Я набрала номер Энджи. В трубке звенели и звенели длинные гудки. Ночь для меня выдалась нелегкая. Одна из тех, когда на подмостках разума снова и снова разыгрываются сцены моих унижений и сожалений. Я подскакиваю, когда очередное горькое воспоминание выбрасывает в кровь новую порцию адреналина. На свете очень мало людей, которым я могла бы позвонить в таком состоянии. По правде говоря, таковых нет совсем. Вдобавок сейчас три часа ночи, время позднее даже по берлинским меркам, и большинство тех, с кем я вижусь каждый день, автоматически отпадает.

Энджи говорила, что я могу позвонить ей в любое время. Я долго колебалась, набиралась смелости. В Сан-Франциско шесть часов вечера, рабочий день окончен, для ужина еще рановато. Лучшее время для звонков. И она сама разрешила мне звонить.

Я не раз читала (ну ладно, листала) книги (ну ладно, статьи) о самопомощи, и один из лучших советов гласил: не надо строить иллюзий, что другие склонны к резким оценкам сильнее, чем вы.

Если бы Энджи позвонила мне в шесть вечера и сказала, что ей надо выговориться, рассердилась бы я? Нет, отнеслась бы спокойно. Может быть, даже слегка загордилась. Энджи — она крутая.

А я не крутая. Но крутая Энджи не станет сердиться. Я набрала ее номер. Дзынь, дзынь, дзынь.

Я уже собралась нажать на отбой, не дожидаясь, пока включится автоответчик (лично я злюсь, когда мне оставляют голосовые сообщения, поэтому, полагаю, все остальные тоже предпочли бы, чтобы я не оставляла голосовой почты, и имею высокую степень уверенности в справедливости этого допущения), но в этот миг на том конце ответили.

— Телефон Энджи Карвелли, — запыхавшийся голос Маркуса.

— Маркус?

— Кто это?

Черт. Я не планировала с ним говорить. Надо повесить трубку. А теперь уже нельзя. Я не стала скрывать свой номер, чтобы Энджи, увидев немецкий код, догадалась, что это я.

— Маркус, привет. Это Маша.

Он помолчал на миг дольше, чем надо, и воскликнул:

— О, Маша! Гм, рад тебя слышать. Все хорошо?

— Да, все просто замечательно. Я, э-э, хотела поболтать с Энджи. Как она там?

— Хорошо. Просто вышла погулять по парку и оставила телефон дома. Мы экспериментируем с разумным использованием гаджетов. — К счастью, качество звука было слабым, и он не слышал, как мои глаза, выкатившись на лоб, выпали из орбит и запрыгали по деревянному полу моей берлинской квартиры.

— Ладно. Просто передай ей, что я звонила.

— Хочешь, попрошу ее перезвонить?

— Нет, не надо. Я, наверно, скоро лягу спать.

— Погоди, ты в Берлине? Сколько там? Наверно, два часа ночи!

— Три часа ночи.

— Три часа! С тобой точно все хорошо?

— Точно. Просто работаю по времени Западного побережья, — непринужденно соврала я. — По контракту.

— А. Ну ладно, передам, что ты звонила.

— Скажи, я ей напишу.

— Скажу.

— Спасибо.

Я уже собралась отключиться…

— Маша…

— Что?

— У тебя правда все хорошо? Не хочу быть навязчивым, но… Слушай, я кое-что знаю о том, через что тебе довелось пройти, и, знаешь, я бы на твоем месте не сказал, что у меня все хорошо. Я многое пережил, и со мной далеко не все в норме.

Я хотела было отшить его, но еще не успела привести в порядок свои полочки, и они слегка протекали.

— Да, со мной не все хорошо. Но это само по себе хорошо. Надеюсь, ты меня понимаешь.

Он рассмеялся:

— Еще как понимаю.

— Так я и думала. — Мне понравился его смех.

— Маша, серьезно, если хочешь о чем-то поговорить, я готов. У нас с тобой были сложные моменты, но я считаю тебя своим другом, даже хорошим другом. И если я тебе нужен, обращайся. Серьезно. В любое время дня и ночи.

Черт. Терпеть не могу плакать. Я отодвинула телефон подальше от губ, втянула воздух, попыталась успокоить дыхание. Отчасти удалось. Вместо «Спасибо» получился сдавленный писк.

— Маша!

— Все хорошо. Правда. Мне пора идти.

— Я не шучу, можешь поговорить со мной.

— Нет, все хорошо.

— Ты без конца это твердишь. Правда все хорошо?

Черт.

— Черт.

— Продолжай.

И я ему рассказала. О Кристине, о ее ненависти к нацистам, о том, что она шпионит за ними, о нашей ссоре. С тех пор я больше ни разу не общалась с Кристиной, и наш последний разговор снова и снова прокручивался в голове.

— Ну и ну. Это же… вообще.

— Дело в том, что я могла бы легко зайти туда и все это вырубить. Никто никогда не проверял мою работу, и я всегда оставляла себе логин. Такой, от какого всегда можно правдоподобно отпереться — дескать, это не указанный в документах пароль от старого тестового аккаунта.

Долгая пауза.

— Но ты ведь этого не сделаешь, правда? — Его голос звучал настороженно, даже испуганно.

— Ну, очевидно, до сих пор не сделала. А вообще — почему бы и нет. Вряд ли Кристина когда-нибудь снова станет мне подругой.

— Потому что она сражается с нацистами.

У меня внутри все похолодело.

— Маркус, ты хочешь сказать, что, когда они следят за целой страной, это нормально?

— Но они же не следят за всей страной. Только за нацистами.

— Перехватывая коммуникации всей страны, Маркус. И даже если сейчас тебе это кажется нормальным, то что ты скажешь, если на следующих выборах нацисты придут к власти и обратят эту дрянь против всех до единого?

— Но они не победят на выборах, если Кристина проникла в их круг. Так?

Мне захотелось швырнуть телефон в стену.

— Не победят, если выборы пройдут идеально, если нацисты не подтасуют результаты. И потом им придется всегда вести себя хорошо, не мухлевать, не устраивать переворотов. Боже мой, Маркус, ты серьезно выступаешь за массовую слежку?

— А ты серьезно возражаешь против нее? — парировал он так быстро, что я (уже позже) осознала, что ударила его по больному месту. А в тот миг я просто разозлилась.

— Да, Маркус, возражаю. Прекрасно вижу иронию происходящего. А ты? Вот что я тебе скажу, Маркус Яллоу. Я прекрасно знаю, как легко убедить себя в правильности таких действий.

Прекрасно знаю, как легко поверить, что любые неприятности с массовой слежкой можно уладить, расширив масштабы слежки. А ты это знаешь? Ты бывал по ту сторону баррикад?

— Ты хочешь сказать, что поскольку ты занималась слежкой, то имеешь право составить свое мнение, а я такого права не имею, потому что всегда был только объектом слежки?

— Именно это я и хочу сказать. Маркус, ты и правда возражаешь?

И тут он запнулся. Я прокрутила в голове наш разговор. Как быстро он соскользнул с сочувственного тона на обвинительный, как сильно меня это взбесило. Мы в рекордное время загнали друг другу гвозди под ногти.

Но он отступил, успокоился, вдумался. Сразу видно — человек женат на сильной женщине, которая не терпит болтовни и при разногласиях не ведет дело к перестрелке, а ждет от него разумных поступков.

— Нет. Не возражаю.

Черт возьми.

— Спасибо.

— И что ты собираешься делать?

— То, что должна.

Мы еще немного поболтали, и затем он сказал:

— Если тебе еще захочется поговорить… — Так он намекал, что мне пора прекращать телефонный разговор и переключаться на ноутбук.

> Предательница чертова.

Сообщение прилетело на телефон с незнакомого номера. Одноразового. Зарегистрированного в Словстакии. Я прекрасно понимала, от кого оно.

Потом легла спать. И заснула на удивление легко.

Послесловие

Рон Дейберт, основатель Канадской исследовательской лаборатории Citizen Lab

Когда Кори Доктороу попросил меня написать послесловие к своему новому научно-фантастическому роману, я пришел в восторг и счел это за честь. В мире цифровых медиа Кори — живая легенда, хотя мы никогда не встречались лично. Больше десяти лет я с восхищением читал убедительные статьи Кори на самые разные темы — от избыточных ограничений при управлении правами на цифровую интеллектуальную собственность до массовой слежки. Философия Кори, основанная на открытом доступе, бесплатном лицензировании и политическом хакерстве, близка к моим собственным взглядам, поэтому могу назвать себя поклонником его творчества.

Но лишь открыв рукопись «Площади атаки», я наконец понял, почему Кори доверил написание послесловия именно мне.

Будучи основателем и директором лаборатории по кибербезопасности при Университете Торонто, я со своей командой единомышленни-

ков вот уже двадцать лет заглядываю в глубины окружающей нас цифровой экосистемы. Мы перевернули академический мир, где любые исследования базируются на доказательствах и рецензировании, и превратили его в нечто вроде контрразведки в областях гражданского общества и прав человека. Про нас говорят, что мы ведем дела очень хорошо (спасибо за это, Кори); поверьте, иначе нельзя, если мы хотим взять верх над противниками и при этом остаться в живых.

Мы разобрали на составные части многие приложения и обнаружили множество скрытых алгоритмов цензуры и слежки. Нашли следящие закладки в китайских версиях «скайпа». Разоблачили проводившиеся в Иране, России, Китае, Египте, Турции, Мексике, Эфиопии, Сирии и многих других странах хакерские атаки на журналистов, правозащитников и даже международных экспертов, расследующих случаи массовых исчезновений.

Используя разнообразные сетевые измерительные методы, мы просканировали миллиарды подключенных к интернету устройств в поисках характерных следов, которые можно ассоциировать с промышленным следящим оборудованием. Благодаря методам глобального

картографирования мы обнаружили применение устройств глобальной фильтрации трафика, произведенных компанией Sandvine / Procera Networks, для распространения вредоносных программ в государственном масштабе в Турции и Сирии, а также для тайного сбора денег через партнерскую рекламу и майнинг криптовалют в Египте.

Мессенджер Вотсап предоставил нам двухнедельный объем данных. Проанализировав этот массив, мы идентифицировали и предали огласке список из более чем сотни правозащитников, чьи телефоны были взломаны базирующейся в Израиле компанией — разработчиком шпионских программ NSO Group. В дальнейшем за жертвами взлома была установлена тайная слежка, некоторые из них оказались в зоне внимания руандийских эскадронов смерти.

Наши исследования выявили факты шпионажа за журналистами и диссидентами в Саудовской Аравии, связанные, в свою очередь, с жестоким убийством журналиста «Вашингтон Пост» Джамала Хашогги. В результате этой работы исследователи из моей лаборатории сами оказались под прицелом бывших агентов разведки «Моссад», ныне работающих на частную изра-

ильскую разведывательную компанию «Черный куб». Вооружившись скрытыми микрофонами и точечными камерами, мы в сотрудничестве с группой журналистов смогли разоблачить эти махинации, проведя собственную тщательно спланированную контрразведывательную операцию. (Знаешь, «Черный куб», мы тоже кое на что способны!)

Легко догадаться, чем меня так привлекла книга «Площадь атаки». Мне казалось, что она открывает портал в странную параллельную вселенную, очень похожую на мир, в котором существует моя исследовательская лаборатория. Уязвимости нулевого дня для сети «Тор»; поиск на основе регулярных выражений по украденным массивам полицейских СМС; организованные через фейсбук волнения на постсоветском пространстве; меры борьбы с IMSI-перехватчиками; даже заражение телефонов через «вредоносные сообщения в вотсап» (очень близко к реальности). Персонажи и декорации казались мне обесцвеченными картинками из инстаграма[26], изображавшими людей, с которыми я работал,

[26] Примечания: 26

Инстаграм (Instagram) — название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

и места, где я бывал, например, когда проводил высокорискованное техническое тестирование, сидя в номерах обшарпанных отелей в зонах конфликта или владениях авторитарных режимов.

Читая книгу, я все сильнее вдохновлялся и проникался хактивистской культурой, с которой, наверно, познакомился слишком близко. Я поневоле вспомнил, что именно привело меня в эту отрасль — несколько глубоко укоренившихся желаний. Во-первых, задать властям неудобные вопросы (в первую очередь возлагаю вину за это на вооруженных ремнями монашек из католической начальной школы, где я учился); во-вторых, не доверять техническим системам, окружающим нас со всех сторон; в-третьих, поднять крышку над интернетом; в-четвертых, невзирая на риски, разоблачить деспотов, диктаторов и всех, кто злоупотребляет властью; и, самое главное, рассматривать окружающую нас среду шпионского капитализма с позиций неугасающего любопытства и экспериментаторства.

Многие научно-фантастические книги служат предостережением, показывая, в каком мире мы можем очутиться, если будем и дальше идти по нынешней линии технологического развития. Вспомните, например, о чудовищных послед-

ствиях генной инженерии, описанных Гербертом Уэллсом в блестящем, глубоко волнующем романе «Остров доктора Моро».

Со своей стороны, Кори рассматривает свою научную фантастику как аллегорию нашего (нередко мрачного) мира, пронизанного технологиями. «Площадь атаки» прекрасно подтверждает этот тезис.

Надеюсь, эта книга вдохновит вас так же, как меня. Надеюсь, что она побудит вас, как и меня, критически рассматривать технологии, от которых вы зависите, которые всегда носите при себе. Надеюсь, что вы, подобно Маше, сумеете обратить их себе на пользу, если будете знать их изнутри столь же хорошо, как она.

И главное, надеюсь, что эта книга побудит вас сделать наш мир чуточку лучше.

Рон Дейберт

Профессор политологии, директор исследовательской лаборатории Citizen Lab при Университете Торонто

Послесловие

Руна Сандвик

Моя работа состоит в том, чтобы обеспечивать безопасность журналистов, занимающихся рискованными вопросами, — тех, кто общается с источниками, расследует потенциально опасные случаи, публикует шокирующие новости. Я выросла в Норвегии, в Осло, и хотела изучать право, чтобы поддерживать семьи с приемными детьми. Я не думала, что стану активно защищать свободу прессы, сквозное шифрование и анонимность в сети.

Первый компьютер у меня появился в пятнадцать лет. Это был HP Compaq с жестким диском на 4 ГБ и Windows Millenium Edition. Через год или два я заменила операционную систему на Slackware, а потом на Red Hat и Debian. Помню, с каким восторгом я училась делать то, чего делать не положено. Всегда любила загадки, сложности, бесконечный поток вопросов, на которые надо искать ответы. И люблю до сих пор.

О проекте «Тор» я впервые прочитала в 2009 году. Решила, что использование технологий для

сохранения анонимности в сети — дело интересное. Захотелось понять, как работает система. Прочитала о программах, о серверах, обслуживаемых волонтерами, об атаках против сети «Тор». И только позже стала постепенно понимать, насколько важен «Тор» для некоторых сообществ. Он позволяет обычным людям обойти цензуру, попасть на заблокированные сайты, выразить себя в сети.

Обеспечивая журналистам практические меры безопасности, я концентрируюсь на трех вопросах: шаги, которые они могут предпринять в собственных начальных условиях, время, которое они готовы посвятить изучению новых инструментов и процессов, и контекст, в котором они работают. В журналистском инструментарии непременно должны быть песочницы, устройства, отключенные от сети, и одноразовые телефоны. Но чтобы цифровая безопасность прочно вошла в журналистский процесс, наше руководство должно быть легко исполнимым. Попробуйте вот что.

Защитите свои онлайн-аккаунты двухфакторной авторизацией. Это закроет доступ посторонним лицам, даже если они раздобудут ваш пароль. Подробно изучите разработанную корпо-

рацией «Гугл» программу расширенной защиты.

Проверьте, какие приложения и надстройки третьих сторон подключены к вашим аккаунтам. Оставьте только те, которые вам действительно нужны. Вам не нужен генератор мемов, установленный пять лет назад? Отключите его или закройте.

Для создания и хранения уникальных паролей к своим аккаунтам используйте менеджер паролей. Это поможет избежать повторного использования одних и тех же паролей на разных сайтах. В таком случае злоумышленникам будет труднее зайти в ваши аккаунты, даже если они узнают один из ваших паролей.

Чтобы защитить свои устройства, устанавливайте самые свежие обновления программ. В таких обновлениях устраняются обнаруженные проблемы безопасности, добавляются новые функции и эмодзи. Включите автоматическое обновление ноутбуков и телефонов, если еще не сделали этого.

Электронные письма и прямые сообщения — удобный способ взаимодействия с людьми. Но все, что вы посылаете и получаете, часто хранится по умолчанию у провайдеров платформы и может быть прочитано ими. Попробуйте функ-

цию «секретные чаты» в «Сигнал», «Вотсап» или «Фейсбук мессенджер».

С практической точки зрения безопасность — это баланс между средствами защиты и движением вперед. По работе я часто сотрудничаю с журналистами, помогая им найти безопасный путь к цели, и неважно, что они делают — собираются в рискованную поездку по Сирии или впервые заводят аккаунт в твиттере. Я никого не призываю отказаться от электроники и уйти жить в лес. Наоборот, хочу, чтобы мы вели полноценную социальную жизнь и при этом понимали, что это означает для нас и для тех, кто нам близок.

Мой друг, инженер по безопасности, говорит: «Каждый заслуживает хороших средств защиты». Этот принцип не ограничивается корпоративными аккаунтами, системами и устройствами или стандартным рабочим временем. Когда Таниша не ходит на собрания Альянса, она не перестает быть активистом. Когда Кори не пишет, он не перестает быть писателем. Мы должны защищать каждую личность, а не только ту роль, которую она играет с девяти до пяти.

«Не надо так делать» — фраза, которая при обучении мерам сетевой безопасности является

совершенно излишней. Каждый день нам приходится идти на уступки в обмен на решения, которые улучшают нашу жизнь. «Гугл» отслеживает ваше местонахождение, но помогает вовремя добраться на встречу. «Амазон» учитывает, что вам нравится, а что нет, зато предоставляет персонализированные рекомендации. Приложения для анализа женских циклов делятся данными с третьими сторонами, зато помогают нам следить за своим состоянием и здоровьем.

Нельзя говорить людям, что ради собственной безопасности они должны отказаться от самых простых вещей — не переходить по ссылкам, не пользоваться публичными беспроводными сетями, ничего не постить на фейсбуке. Это было бы нереалистично и нечестно. Все равно что запретить посылать свои интимные фотографии. Не подействует. И во всех этих действиях нет ничего изначально плохого. Люди хотят общаться, делиться мыслями, находить собеседников по всему земному шару. В идеальном мире это было бы безопасно по умолчанию.

Но наш мир, увы, не идеален. Законотворцы утверждают, что для безопасного сетевого будущего необходим надзор, цензура и секретные входы. Правоохранительные органы без конца

повторяют, что сетевая анонимность мешает им расследовать преступления. Политики требуют от технологических компаний раскрывать ключи шифрования — якобы для борьбы с террором, наркотиками и насилием над детьми.

К сожалению, люди часто упускают из виду преимущества, которые дает нам сквозное шифрование. Пространство для исследований, место, где можно быть самими собой, защиту нашей сетевой деятельности. Я благодарна тем, кто, несмотря на получаемые угрозы, выступает за анонимность в сети. Мы все остро чувствуем необходимость соблюдать баланс между сетевой приватностью, повседневной безопасностью и возможностями для раскрытия преступлений. Но только не ценой индивидуальности, свободы и самовыражения.

Время от времени власти заводят разговор о том, что необходимо иметь секретную дверь, чтобы смотреть, чем люди занимаются в сети. И тем самым утверждают, что такая дверь вполне может существовать, но допускать в нее надо только «тех, кого следует». Спешу вас заверить — такой двери не существует. И даже если бы она была, кто будет решать, кого следует в нее впускать, а кого не следует? Кто будет решать,

что хорошо, а что плохо, что допустимо, а что нет, что разрешено к публикации, а что следует цензурировать?

Не принимайте решения, предлагаемые властями, если они не могут их подтвердить публикацией весомых данных. На любые предложения о секретных дверях, неограниченном хранении данных или усиленной слежке отвечайте так: пусть сначала покажут, насколько эффективны уже существующие меры. Что работает, а что нет, и как изменят дело новые решения. Оцените стоимость новых решений — отрицательное воздействие, которое они окажут на нашу жизнь. Только тогда мы сможем сделать осознанный выбор для себя и для нашего общего будущего.

Первые полосы газет пестрят рассказами о мужественных поступках обычных людей — таких же, как вы или я. Они приняли трудное решение открыто высказать свои мысли. О слежке, о вмешательстве в выборы, о насилии, об изменении климата, о планетарном распространении нового вируса. Эта книга — мощное напоминание о том, что вы, подобно Маше, можете сами решать, какой станет ваша жизнь. Как использовать свои навыки, знания и время. Призываю вас вглядеться, как проходят ваши дни, и задуматься над тем,

что вы увидели.

Какой выбор вы сделаете?

Примечания автора

В начале своей работы в области технологий я был технологическим оптимистом: верил, что, правильно применяя технологии, мы сможем создать нечто вроде параллельного мира, который будет существовать отдельно от будничной повседневности, вне досягаемости и вне поля зрения светских властей.

Потом, набираясь опыта, я увидел, как люди, пытавшиеся это осуществить, терпят болезненное поражение, и решил, что, возможно, технологии могут стать чем-то вроде умножителя силы для слабых мира сего, пращой, которая поможет всем Давидам на свете победить Голиафов.

Эта идея тоже привела в тупик. Технологии могут сбить Голиафов с ног, но те недолго останутся лежать. Вы можете слить в сеть документы о продажном военном подрядчике или опубликовать видео, на котором одиозный мэр выкрикивает расистские лозунги или курит травку (можно вывезти парня из Торонто, но нельзя вывезти Торонто из парня — привет, любимый город, который никогда не спит и т. д. и т. п.). Но после

этого ФБР перевербует ваших анонимных сообщников и упечет вас за решетку на шестьдесят три месяца (свободу Барретту Брауну) или даже на тридцать пять лет (свободу Челси Мэннинг).

Я до сих пор остаюсь технологическим оптимистом, но на реалистичной основе.

Технология действительно может построить криптографически защищенные убежища, где вы сможете укрыться от властей — но не навсегда. Даже если ваши шифры надежны, ваше движение все равно под угрозой, потому что сообщество обычных людей может сохраняться невредимым, только если каждый его член будет строго соблюдать все правила операционной маскировки. А власти уцепятся за малейший промах и вскроют всю вашу сеть.

Технология действительно может стать умножителем силы, помогая в равной степени и слабым, и сильным мира сего. Но использование технологии слабыми гораздо ярче бросается в глаза, чем когда ее применяют сильные, потому что, когда слабые обретают мощь, происходит изменение качественное, а увеличение силы тех, кто и без того силен, — изменение всего лишь количественное. Но этот кратковременный всплеск будет быстро подавлен сильными мира сего, так

что полученных преимуществ не хватит для долговременных структурных перемен.

Чтобы достичь долговременных структурных перемен, надо с помощью технологий менять политику.

Иными словами, технология может стать инструментом для перемен в обществе, потому что она, во-первых, способна на время укрыть вас от всевидящего ока коррумпированного государства и, во-вторых, на время дает вам умножитель силы, позволяющий взять верх над сильными мира сего. И пока длится это временное технологическое окно, ваша задача — преобразовать общество так, чтобы власти стали справедливыми, ответственными и прозрачными.

Технология не может заместить собой справедливое общественное устройство, зато способна помочь вам его создать.

В дни, когда эта книга готовится к печати, в мире по-прежнему процветают авторитарные политики, вооруженные технологическими средствами слежки и стремящиеся влиять на общественное мнение. Мы стоим на пороге необратимой экологической катастрофы, угрожающей всему нашему биологическому виду. Цифровое убежище и умножители силы нужны

нам как никогда.

Специалистам по информационным технологиям, читающим эту книгу: ваши работодатели нуждаются в вас гораздо сильнее, чем вы нуждаетесь в них. Они обеспечивают вам массаж и бесплатную комбучу не по доброте душевной, а потому что боятся, как бы вы не ушли работать к кому-нибудь другому. У вас есть сила. Пользуйтесь ею. Сотрудники больших и малых технологических компаний объединяются и требуют от своих работодателей пересмотреть свою роль в воздействии на климат, бесчеловечном обращении с заключенными и мигрантами, неравенстве в оплате труда, оценить свой вклад в кампании по борьбе с харассментом и дезинформацией. Не просто мечтайте изменить мир к лучшему, а спрашивайте себя, что вы для этого делаете. Вы в этом не одиноки. Организации наподобие Tech Solidarity помогут вам организоваться и достигать перемен.

Пользователям технологий, читающим эту книгу: все может быть иначе. Еще ни один пророк не спустился с горы с каменными скрижалями, на которых начертано: «Прекрати крутить свои лог-файлы и зарой их в землю для действенных исследований рынка». Через социальные сети вы

можете соединиться с друзьями и незнакомцами, которые разделяют ваши принципы и интересы, но не пытаются монетизировать ваши отношения и не раздувают конфликты ради увеличения числа просмотров. И никакие условия использования хорошего телефона, или компьютера, или машины, или трактора не запрещают вам ставить приложения конкурентов или обслуживаться у третьих сторон.

Технология не обязана быть служанкой выборочных арестов или постоянной спутницей массовой слежки. Такие решения лежат на совести отдельных личностей, в основном миллиардеров, они принимают их ради собственных целей и затем уверяют, что альтернативы нет. Неправда, она есть. Вы имеете право на технологическое самоопределение. Если компании, преобладающие на рынке, и политики, не желающие даже пальцем шевельнуть, чтобы им помешать, отказывают вам в самоопределении, их надо остановить. И заниматься этим следует не в одиночку, а коллективно, организуясь через интернет и воздействуя на реальный мир через законодательство и привлечение к ответственности.

Эта книга о том, как люди пытаются дать раци-

ональное объяснение поступкам, которых они стыдятся, и о том, как их отвести от края. Я написал ее, потому что и сам повинен в поисках таких объяснений, и преодолеть это можно, только заглянув в собственную душу.

В работе над книгой у меня было множество замечательных помощников. Во-первых, меня поддерживала семья, особенно родители, Горд и Роз, а также моя жена Элис и наша дочь Поэзи. Мои незаменимые агенты, Расс Гейлен и Энн Беар, проницательные и отзывчивые, сражались за меня, как питбули, и поддерживали, как чирлидеры. Благодарю всех, без кого не состоялась бы ни эта книга, ни предыдущие: это мой редактор Патрик Нильсен Хайден, коллеги из «Тора» — Молли Макги, Сара Рейди, Алексис Саарела, Фриц Фой, Люсиль Реттино, а также бывшие сотрудники «Тора», особенно Патти Гарсия и Дот Лин.

Неоценимую редакторскую помощь в работе над книгой оказала Джульет Алман. Она показала мне, как безболезненно убрать из нее сорок тысяч слов! Хочу сказать спасибо Джулии, а также Скотту Уэстерфилду и Джастин Ларбалестьер за то, что познакомили меня с ней.

Майкл Маршал Смит любезно позволил мне позаимствовать его фирменное ругательство

«Катитесь далеко и надолго, а потом катитесь дальше». Смит блестящий писатель и при этом, что неожиданно, великий знаток обсценной лексики.

За двадцать лет, прошедших после публикации «Младшего брата», мне довелось встречать работников технологической отрасли — исследователей кибербезопасности, юристов, программистов, сетевых администраторов, специалистов по технологической этике, активистов, — которые пришли в эту сферу после прочтения той книги и ее продолжения «Родная страна». Ребята, когда вы представляетесь мне, я, честное слово, не знаю, что и сказать, и, по правде говоря, объяснить это можно тем, что я настолько преисполняюсь гордости и восторга, что не могу выдавить ни слова.

Так что на всякий случай разрешите сказать так: спасибо каждому, кто, прочитав мои книги, пришел в мир технологий, ища в них силы добра. Спасибо не за то, что вы радуете меня своими похвалами, а за то, что решили прийти в область, где больше всего нужна вдумчивая, смелая, разумная и этичная жизненная позиция.

Искренние благодарности моим коллегам, прошлым и нынешним, по Фонду электронных

рубежей, нашим союзникам в других организациях, таких как Фонд свободного ПО, EDRi, «Борьба за будущее», Creative Commons, «Интернет-архивы», «Викимедиа», «Мозилла» и многие, многие другие.

И наконец, спасибо тем, кто помогал «Младшему брату» найти дорогу к юному читателю. В первую очередь это Нил Гейман, а также библиотекари, учителя, наставники, которые много сделали для меня и моих книг.

Ребята, сейчас 2020 год. Мир пылает в огне. Сеть поделена на пять гигантских сервисов, каждый из которых полон скриншотами остальных четырех. Концентрация богатств такова, что по сравнению с ней Золотой век кажется социалистическим раем. Мы можем улучшить ситуацию. И улучшим. Мы, люди, поразительные существа и сотворили много поразительных вещей. И вместе совершим еще больше, но для этого, чтобы координировать наши усилия, нам нужен свободный, честный и открытый интернет.

Борьба продолжается.

Об авторе

Кори Доктороу — постоянный автор «Гардиан», «Локус» и многих других изданий. Его роман «Младший брат» и продолжение «Родная страна» завоевали множество наград и были названы бестселлерами по версии «Нью-Йорк Таймс». Вышедший в 2019 году сборник рассказов «Радикалы» вошел в число пяти финалистов программы «Канада читает» на CBC. Родился и вырос в Канаде, живет с семьей в Лос-Анджелесе.